ПЕРЕВОРОТ В ТАДЖИКИСТАНЕ

САФАРАЛИ КЕНДЖАЕВ

САФАРАЛИ КЕНДЖАЕВ

ПЕРЕВОРОТ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Книга первая

Перевод с таджикского
Мансура Сайфиддинова

ДУШАНБЕ
1996

Автором книги «Переворот в Таджикистане» является бывший председатель Верховного Совета Республики Таджикистан Сафарали Кенджаев. В ней освещается одна из трагических страниц — трагедия, пережитая таджикским народом в результате гражданской войны.

Автор стремится раскрыть причины и последствия происшедших событий, показывает истинных виновников этой трагедии таджикского народа — исламских экстремистов, религиозных фанатиков и людей, поверивших их пропаганде.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Вступительное слово	5
Начало	9
Интрига первая	15
Интрига вторая	23
Паралич власти	31
Парламент сказал свое слово	35
Депутатов берут в заложники	37
Новая должность	37
Подмигивание казикалона и начало братоубийственной войны	42
Интрига третья	43
Президент принимает решение	44
Новое испытание	54
Первая жертва	61
Ошибка президента	73
Третья сила	78
Джихад, «революция»	100
Могильщики законного государства	103
Судьбе навстречу	119
Молитва без омовения	134
Бесстыдные обвинения	172
Закон и кулак	175
Прилежные ученики и заграничные учителя	189
С верой в справедливость	188
Кулябское сопротивление	221
Стоны земли вахшской	224
	236

Сафарали Кенджаевич Кенджаев

ПЕРЕВОРОТ В ТАДЖИКИСТАНЕ

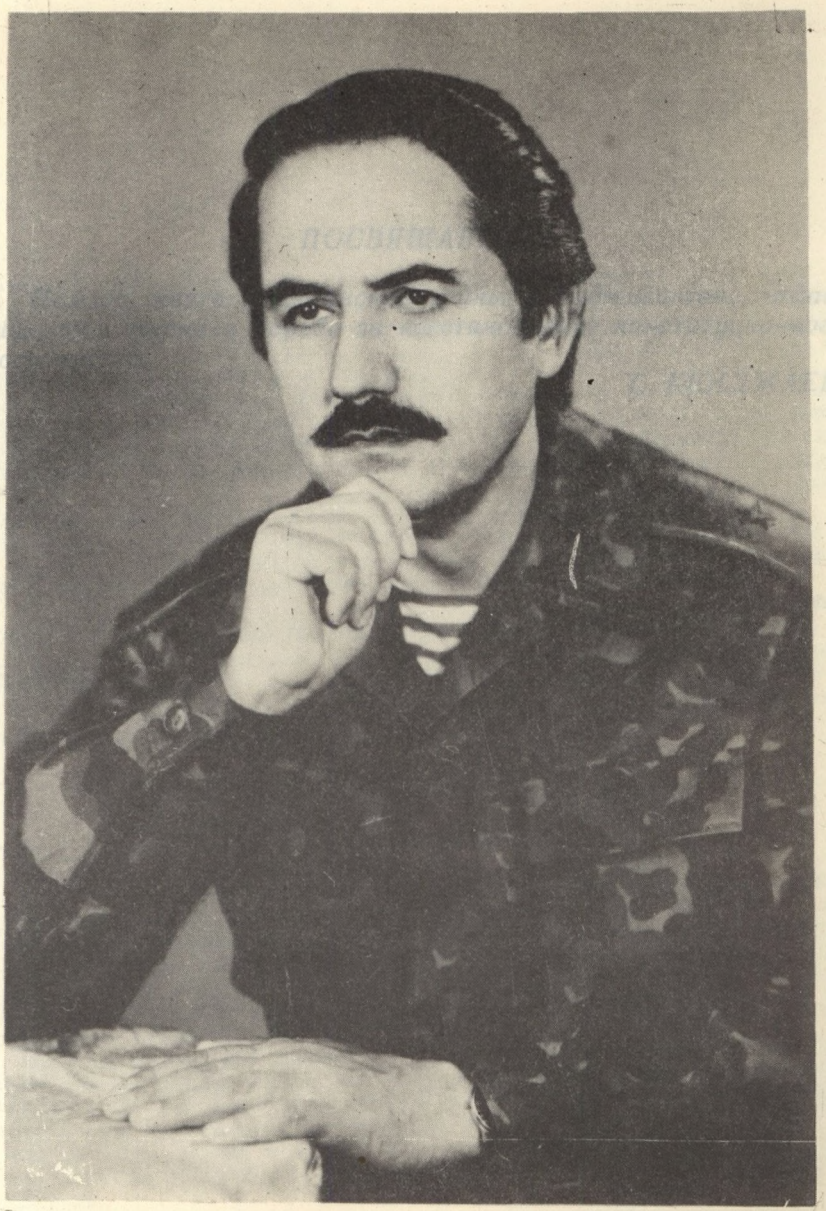
(На русском языке)

Редактор В. Медведева — Худож. редактор Ж. Гурова
Техн. редактор Кривчиков В. — Корректор Касимов Г.

Сдано в набор 23.06.95. Подписано в печать 12.11.96 г. Формат 60×84 1/16. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,25. Уч. изд. л. 16,97. Тираж 10000. Заказ № 135. Цена договорная.

Душанбинский полиграфкомбинат 734063 ул. Айни — 126.

Душанбе 1996.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Памяти жертв гражданской войны в Таджикистане, отдавших свои жизни в борьбе за восстановление конституционного государства.

С. КЕНДЖАЕВ.

ОТ АВТОРА

Эта книга написана мной как обвинение предателям и преступникам, ввергшим мою Родину в пучину гражданской войны. Страдания, пережитые моим народом, пережитые мной, заставили меня взяться за перо и попытаться описать эти события.

Конечно, я не претендую, чтобы мои мысли, оценки, соображения, высказанные в книге, стали окончательным выводом или обвинительным приговором людям, допустившим подобное развитие событий, а потом и допустившим кровавую драму, в результате которой безвинно погибли десятки тысяч людей, а сотни тысяч таджикистанцев потеряли Родину, оказавшись на чужбине.

Волею судьбы оказавшись в центре трагических событий, многое познав и осмыслив, я хочу сказать своим читателям, что невежеству и фанатизму, беззаконию и предательству не должно быть места на этой земле.

Всем читателям я хочу пожелать истинной веры, большого счастья, благополучия!

Заранее благодарен всем, кто напишет свои отзывы о прочитанной книге.

С. Кенджаев

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Книга, которую вы держите в руках, посвящена одной из самых трагических и кровавых страниц в истории древнего и гордого народа, именуемого таджиками, чьи корни уходят в тысячелетия. Среди всех народов и племен, населявших Мовароуннахр и Хуросон, таджики, живущие по эту сторону Амударьи, были известны своей любовью к наукам и искусству, мастерством и трудолюбием, щедростью и гостеприимством. Таджики в основном занимались земледелием и градостроительством, развивали ремесла и торговлю. Это неоднократно подчеркивали в своих трудах древние таджикские историки и летописцы Балъами и Хондамир, Мирхонд и Вассоф. Таджики гордятся и такими государственными мужами, как Бузургмехр и Балъами, Низомулмулк и Кайковус, Хусайн Воиз, Ахмад Дониш и Бободжан Гафуров. А на небосклоне мировой поэзии яркой звездой сияют имена родоначальника персидско-таджикской литературы Рудаки и гениальных ее представителей Фирдоуси, Анвари, Саади, Хаяма.

Таджики всегда отличались своим миролюбивым характером, своей терпимостью и великодушием. История не помнит случая, чтобы таджики пошли войной на своих соседей, занимались насилием и разорением. Народом необыкновенно высоко ценился разум, в большом почете были у него мудрецы и ученые. Немало замечательных строф написали поэты во славу разума и справедливости, порицании зла и насилия.

Слепую прихоть подавляй — и будешь благороден!
Калек, слепых не оскорбляй — и будешь благороден!
Не благороден, кто на грудь упавшему наступит!
Нет! Ты упавших поднимай — и будешь благороден!

Стоит ли говорить, как обидно и больно, что народ с вековыми традициями миролюбия и добрососедства группой авантюристов был втянут в кровавые и тригические столкновения, унесшие много человеческих жизней. В результате этих событий в Таджикистане был совершен государственный переворот, а его законные, народом избранные руководители Рахмон Набиев и Сафарали Кенджаев были смещены с постов президента Республики и председателя Верховного Совета.

Читатель поймет, что совершению государственного переворота способствовали как внутренние распри, так и силы, действующие извне. Задумается читатель и над тем, как для достижения своих скрытых целей могут объединиться и идти рука об руку, казалось, две полярно противоположные силы — демократическая партия и партия исламского возрождения. Также убедительно доказана неблаговидная роль движения «Растохез» и общества «Лаъли Бадахшон».

Можно сказать, что данная книга — первая попытка дать анализ и политическую оценку событиям, повлекшим за собой государственный переворот в Таджикистане.

Автором книги является человек, вокруг имени которого намеренно создается ажиотаж и политическая шумиха. Вслед за автором читатель не раз и не два задастся вопросом, который проходит через всю книгу: почему так случилось? Кто виноват? Что нужно сделать, чтобы такое не повторилось больше? Такой подход автора к явлениям, свидетелем и участником которых он был, вполне понятен: он не политикан, не демагог, а известный в республике юрист, законовед. Неспроста он стал камнем преткновения для определенного круга людей, любым путем домогавшихся власти и положения в обществе.

Почему оппозиция так сильно ополчилась именно против С. Кенджаева? Потому что в его лице она увидела деятеля, обладающего большим интеллектом, сознающего меру ответственности, которая возлагалась на него судьбой и временем.

С. Кенджаев быстро сумел отказаться от традиционных методов управления и повести деятельность Верховного Совета в рамках закона. В период вступления республики в рыночные отношения он сделал немало для того, чтобы предотвратить социальные взрывы, которые могли произойти среди малообеспеченной части общества, особенно студенчества. Оппозиция в личности С. Кенджаева узрела реального политического лидера. Вот почему она так сильно всполошилась.

С другой стороны к Сафарали Кенджаеву настороженно присматривается и доморощенная «аристократия». Для нее он — «белая ворона», человек другого круга. Сильные мира сего хорошо помнили, как он объявил смертельную войну мафиозным кругам, разоблачал их покровителей — Михайлина и Костецкого. Еще будучи председателем Комитета конституционного надзора при президенте Республики Таджикистан, он доказал, что представляет большую опасность для мафии. По инициативе С. Кенджаева и при его участии началось раскрытие крупных махинаций в системе кооперации и высшего эшелона государственной структуры, после чего в государственную казну не только поступило несколько миллионов рублей, но и был поставлен заслон расхищению и разбазариванию народного добра. Сосредоточение государственной власти в руках С. Кенджаева для мафии означало бескомпромиссную борьбу с ней, беспокойство и страх. И против Кенджаева стали собираться силы, которые были готовы на все, вплоть до террористических актов. Для осуществления своих грязных планов они нанимали рэкетиров, рецидивистов, подкупали некоторых журналистов, привлекали на свою сторону неустойчивую часть интеллигенции. Государственный переворот и последующие события еще раз убеждают: общество, в котором люди не объединены национальным самосознанием, может легко скатиться на путь, предначертанный определенным кругом «политиканов» и авантюристов.

* * *

Книга написана человеком, волею судьбы оказавшимся в эпицентре событий, которые выпали на долю его многострадального народа, человеком, пропустившим всю боль и трагедию народа через свою душу. Он, подобно легендарному Сиявушу, целым и невредимым прошедшему через огонь, с незапятнанной честью и высоко поднятой головой прошел сквозь шквал нападок и клеветы, которые на него и справа, и слева обрушивали искушенные в политических интригах карьеристы и продажные деятели. И не только про-

шел сам, но встал у руля корабля, который провел борозду к берегу надежды и смело повел народ за собой.

Так кто же он, этот бесстрашный человек? Почему простые люди везде и всюду радостно приветствуют Сафарали Кенджаева, а недруги приходят в смятение, услышав его имя? Почему враги столько сил и средств потратили для того, чтобы сместить его с высокого поста?

Однажды, после бурных дебатов на сессии Верховного Совета, на которой оппозиция требовала отставки С. Кенджаева, я во время перерыва встретился с руководителем партии исламского возрождения Мухаммадшарифом Химматзода и спросил без обиняков:

— Уважаемый домулло! Вы человек сугубо религиозный. Именем Бога заклинаю вас, скажите по совести, вы были искренни, выступая против Кенджаева, или преследовали корыстную цель?

— Вы народный депутат? — поинтересовался Химматзода.

— Я — ученый.

Подумав, он сказал:

— В правительстве сейчас нет личности сильнее, чем Сафарали Кенджаев. Только сломав его, мы сможем прийти к власти.

Ему пятьдесят лет. В тридцать с небольшим стал кандидатом юридических наук. Был прокурором и до того, как пришел в большую политику, работал над докторской диссертацией. О честности и неподкупности Кенджаева говорят даже его заклятые враги. Сын бедного дехканина спустившегося с вершин Ягнобских гор в Гиссарскую долину, девизом своей жизни он избрал слова великого Низами:

Толкователь законов, будь наставником мудрым,
Но не будь никогда советчиком ложным.

(Подстрочный перевод)

Закон, интересы общества для него превыше всего. В своей многолетней неустанной борьбе против преступных элементов он ни разу не отступил от навсегда избранного пути.

В своей профессии С. Кенджаев признанный авторитет и, можно сказать, имеет свою практическую школу. Он внес вклад в дело укрепления юридической службы в республике, чему свидетельствует признание его одним из лучших юристов и награждение его орденом «Дружбы народов».

Выбирая учеников, в отношении с сослуживцами и при отборе кадров С. Кенджаев во главу угла ставит деловые качества, трудолюбие и порядочность, честность и неподкупность; врожденная интуиция редко дает ему ошибиться.

Его перу принадлежат 12 книг, в том числе семь монографий, его труды изданы в Душанбе, Москве, Харькове и используются студентами юридических факультетов в качестве учебных пособий. Это — «За каждым обращением — живой человек» (Душанбе, «Ирфон», 1978); «Анализ районным, городским прокурорами правонарушений непреступного характера», Харьков, 1981; «О работе с письмами трудящихся» (Душанбе, «Ирфон» 1982; «Закон, права и человек» (Душанбе, «Ирфон» 1984) «Координация деятельности транспортных и территориальных прокуроров» (Душанбе, 1986) и т. д.

Коллеги, специалисты отзываются о С. Кенджаеве как о талантливом ученом-юристе, прекрасно знающем как теорию, так и практику, дают высокую оценку его научным работам. Особенно много откликов вызвала вышедшая в 1993 году книга «Криминалистика» на таджикском языке, над которой автор трудился много лет.

Широкую известность С. Кенджаев получил и как публицист, пишущий на острые темы, связанные с законностью и правопорядком в республике. Журналы и газеты с очерками и статьями С. Кенджаева, собранные затем в книгу «Боль сердца», тут же раскупались в киосках и ходили по рукам.

Написанное им свидетельствует не только о литературном вкусе и природном писательском даре, но и подтверждает, каким мощным оружием может стать перо в руках борца за справедливость. И как ничтожно и мелочно злословие тех, кто по поводу публикации в газете «Таджикистан» отрывков из данной книги, распускали слухи о том, что подлинным автором книги является не С. Кенджаев, а кто-то другой. Я же, знакомясь с рукописью книги, написанной по горячим следам, был еще раз восхищен умением автора охватить события в целом, найти логическую связь между ними, умению раскрыть суть явлений и четко обозначить — кто есть кто.

Мне хочется подчеркнуть еще одну черту характера автора этой книги. Непреклонный и твердый со своими идейными противниками, он очень добр и заботлив по отношению к своим друзьям. Интернационалист по своим убеждениям, он выбирает друзей не по национальным признакам и социальному положению, а исключительно по их человеческим качествам, моральным и политическим убеждениям. И ради таких друзей он готов на все, щедрость его души не знает границ.

И сказал он: доблестным считаю я того,
Кто жертвует жизнью ради другого.

Эти качества помогли ему выдвинуться и как политику. Думается, что неспроста даже в самый тяжелый час, несмотря на мощное давление оппозиции, абсолютное большинство народных депутатов трижды при тайном голосовании отдали голоса за него. Такое и в мировой практике встречается не часто. Когда политические противники С. Кенджаева поняли, что им не удастся одолеть его в честной борьбе, они пошли на шантаж, угрозы и взяли народных депутатов в заложники. Оппозиция сместила его с поста, когда спикер палаты отсутствовал, и тем самым в грубой форме попрали Конституцию Республики.

Верный себе, С. Кенджаев в этой книге, состоящей из пяти частей, пытается проанализировать ход событий, начиная с 1990 года, когда на политической арене в открытую борьбу вступили разные политические силы и группировки. Книга, на мой взгляд, имеет ряд достоинств и поучительных сторон. Во-первых, это не просто взгляд на события изнутри, но еще и оценка одного из политических идеров. Во-вторых, восстанавливая шаг за шагом ход развития тогдашних событий, С. Кенджаев пытается уяснить, в чем была ошибка и как можно было предотвратить братоубийственную войну. В-третьих, он подводит читателя к мысли о том, что паралич основных государственных органов явился причиной поражения законного правительства. В-четвертых, доводы автора настолько точны и убедительны, что по ним легко определить, кто насколько виноват в случившемся. И, наконец, в-пятых, книга эта — хороший урок для государственных мужей и утверждает, что незыблемость государственного строя в единстве трех его главных органов: Верховного Совета, Совета Министров и аппарата Президента.

Курбон ВОСЕЪ,
доктор филологических наук, профессор.

НАЧАЛО

Нищий мнит себя шахом, напившись вина,
Львом лисица становится, если пьяна.
Захмелевшая старость беспечна, как юность,
Опьяневшая юность, как старость умна.

Наконец-то, мощное и затянувшееся противостояние, в ходе которого идеологический корпус ЦК Компартии Таджикистана во главе с ее вторым секретарем Г. Веселковым всякими правдами и неправдами пытался обвинить меня в экстремистских устремлениях и связях с движением «Растохез», завершилось. Это произошло после того, как избирательный округ Джуибодом Ленинского района отдал за меня свои голоса и я на альтернативной основе был избран народным депутатом Республики Таджикистан. Так я вступил на арену политической борьбы. В моей жизни прибавилось забот и тревог, потому что теперь в новом качестве должен был вести борьбу за торжество истины и справедливости.

Из истории мне хорошо известно, что политика не всегда делается чистыми руками и что она сплошь и рядом порождает ложь, лицемерие и клевету. Когда я ступил на политическую стезю, лично убедился в этом. Но знал, что именно на политической арене решаются все жизненно важные вопросы страны и что именно в качестве народного избранника смогу принести наибольшую пользу своему народу. Во время продолжительной травли, которую устраивали против меня политиканы, я часто задумывался над тем, что есть политика и каким должен быть настоящий политик.

Политика — это искусство управлять государством, умение правильно использовать и сохранять власть Стало быть, главную задачу политического руководителя составляли:

во-первых, своевременная постановка актуальных вопросов, определение текущих и перспективных планов в контексте исто-

рического развития и с неукоснительным соблюдением внутренних законов и общечеловеческих правил, присущих демократическому и цивилизованному государству;

во-вторых, создание механизма, форм общественной деятельности и организаций, посредством которых можно проводить в жизнь намеченные планы;

в-третьих, отбор и распределение кадров по принципу компетентности, профессионализма, таланта, высокого чувства долга;

в-четвертых, упрочение государственных структур, святость закона, строжайшая дисциплина на всех уровнях, соблюдение прав и свобод человека невзирая на его национальную и религиозную принадлежность.

Названные принципы являются основным стержнем государственного управления, без них немыслимо добиться какого-либо успеха. Но надо помнить и другое: претворение в жизнь этих важнейших принципов ни в коем случае нельзя обеспечить с помощью политической трескотни, шумихи, митингов и демонстраций.

Карьеристы, политиканы, авантюристы, захватив власть, не хотят, да и не могут придерживаться этих определяющих принципов, а потому вынуждены идти на подлог и обман, интриги и политические игры, чтобы скрыть свое истинное лицо и свои мелочные цели. Такие люди, как правило, не становятся популярными среди народа, и оставляют о себе, подобно **Заххоку и Ахриману**, лишь недобрую память.

Именно в силу того, что значительная часть «лидеров» не прошли сквозь горнило политической борьбы, не обладали политической интуицией и не были дальновидными, они не умели управлять государством и разваливали дело. Волею судьбы я оказался на гребне политических событий, потрясших нашу республику, и не раз сталкивался с такими горе-руководителями, которые своей беспринципностью и нерешительностью лишь способствовали укреплению разрушительных сил.

С первых же дней своей депутатской деятельности я, подобно многим народным избранникам, принимал самое активное участие в работе сессий Верховного Совета и не примыкал ни к какой группировке. Всегда открыто и честно высказывал свою точку зрения, говорил об упущениях и недостатках в работе чиновников невзирая на их чины, стремился к тому, чтобы принимались здоровые и совершенные законы, защищал интересы трудового народа.

Часть депутатов и тогдашнее руководство республики, привыкшие к тому, чтобы каждое их решение принималось безо-

говорочно, были недовольны моей позицией. Они неправильно комментировали мои выступления и всюду говорили, что я член движения «Растохез» или демпартии. Но это была абсолютная неправда. Я всегда и во всем придерживался демократических принципов, всегда боролся против любого насилия, против малейшего попрания прав человека.

По инициативе некоторых руководителей Душанбинского горкома КП Таджикистана не раз и не два устраивали тайные и явные проверки у меня на работе, пытались опорочить мое имя. Но все эти попытки были безуспешны, потому что я всегда жил и работал по совести и свято чтил законы.

Дело дошло до того, что однажды, через Холмурода Шарипова, меня к себе в кабинет вызвал президент Республики Каххор Маккамов. Поздоровавшись со мной, президент вкрадчиво спросил:

— Сафарали Кенджаев, говорят, что вы стали членом «Растохеза», это правда?

— Какого «Растохеза»? — удивленно взглянул я на него.

С плохо скрытой усмешкой К. Махкамов продолжил разговор:

— Того самого, народного движения.

Я резко ответил:

— Уважаемый Каххор Махкамович, неужели Вы допускаете мысль, что я могу стать членом организации, занимающейся сомнительными делами и которой руководят демагоги и карьеристы Тахир Абдуджаббор и Мирбобо Миррахимов? Если же я создам какое-либо общество или движение, то сам же и возглавлю его. Но у меня вовсе нет таких намерений. Прошу вас, не верьте пустым слухам и не делайте из друзей врагов. Помните, еще Саади сказал:

Не верь доносчикам-клеветникам,
А, вняв доносу, в дело вникни сам.
...Хоть бадахшанский лал легко разбить,
Осколки лала — не соединить.

На этом наш разговор закончился в тот день. Но месяца через два К. Махкамов вновь пригласил меня к себе. На этот раз он интересовался моим мнением по поводу создания партии исламского возрождения. Я ему ответил, что эта партия родилась незаконно, потому что согласно действующей Конституции религия отделена от государства, а школа — от церкви. Поэтому религия не имеет права вмешиваться в политику государства.

По просьбе К. Махкамова я письменно изложил свои мысли

на этот счет и передал президенту. Эта записка появилась после тщательного изучения мною Программы и Устава партии исламского возрождения и анализа деятельности новоявленной партии на основе законов. Чем больше я знакомился, тем больше убеждался в нечистоте помыслов этой партии. Время показало, что я был прав.

После этой встречи К. Махкамов еще раз приглашал меня к себе и консультировался с точки зрения законности по самым разным вопросам. Следом за этим он назначил меня государственным советником президента по надзору за исполнением законов. Но прошло не так уж много времени, как он под давлением оппозиции согласился с тем, что как президент не имеет права создавать такой орган и преобразовал мою должность в Комитет надзора при президенте, в который вошло 13 человек.

За очень короткий период Комитет надзора провел много проверок в городах и районах республики, выявил ряд фактов нарушения законности, махинаций, очковтирательства и присвоения народного добра, вышел на внутренние и зарубежные мафиозные круги, которые как пиявки высасывали все соки из нашей республики. Были обнаружены хищения на сотни миллионов рублей. Десятки миллионов были возвращены в государственную казну, немало руководителей, причастных к неслыханным по масштабу махинациям, были сняты с должностей. Короче, Комитет надзора потревожил осиное гнездо, замахнулся на самые глубинные корни мафии. Эти действия были не по нраву многим курпным чиновникам, действующим с мафией в одной связке.

Смелые действия Комитета смущали и тогдашних руководителей республики, у которых, видимо, как говорится, рыльце было в пушку.

Судите сами. Большинство республиканских руководителей, в том числе и немало министров, или сами возглавляли, или являлись членами какой-нибудь из предпринимательских структур. Злоупотребляя служебным положением, они вкладывали в свой бизнес народные деньги и обогащались таким образом. Обо всем этом руководство республики было хорошо информировано, знало, что в недрах республики действуют силы, которые могут столкнуть народ в пропасть нищеты и страданий. Знало, но делало вид, что в республике все обстоит благополучно. Видимо, на то у них были свои причины, о которых можно догадаться: корыстолюбие и жажда наживы.

Тем временем, несмотря на многочисленные препятствия, которые мы ощущали на каждом шагу, Комитет надзора продолжал упорно работать, распутывая сложный и бесконечный

клубок преступлений мафии. Я внес предложение изучить в ряде крупных организаций положение с образованием валютного фонда за три последних года (1989—1991 гг.) В то время в республике имели дело с валютой 59 организаций и предприятий. Как стало известно, в большинстве случаев валютное обращение в республике происходило при посредничестве иностранных фирм и объединений. Некомпетентность и благодушие доморощенных бизнесменов не раз становилось причиной того, что их обводили вокруг пальца. Да и сами они не упускали малейшего случая, чтобы запустить руку в государственный карман. Проверка показала, что Курган-Тюбинский маслозавод задолжал в размере 1311 тыс. инвалюты первой категории. Из этих средств относилось: 1 млн. инвалюты — хлопкоочистительному заводу, 50 тыс. — Шаартузскому хлопзаводу, 250 тыс.— хлопзаводу в поселке Октябрьск, 11 тыс.— совхозу-техникуму им. Куйбышева. Обычно в долг инвалюта берется для строительства новых объектов, капремонта или новых технологических линий. На маслозаводе же, взяв инвалюту в долг, приобрели на эти средства автомобили, магнитофоны и видеокамеры, дорогостоящие материалы и т. д.

На другом предприятии, Вахшском азотнотуковом заводе, несмотря на острую нехватку минеральных удобрений в республике в 1990 году, за бесценок продали американской фирме «Эксполикорпорейтед» 18 тыс. тонн карбомида. Самое удивительное, завод реализовал каждую тонну карбомида по ценам в два раза ниже, чем на мировом рынке и в итоге лишился 1 млн. 548 тыс. долларов. Группа людей пополнила свои карманы, а завод в целом понес убытки на сотни миллионов рублей.

Такое попустительство и разбазаривание народного добра царило и в недрах конторы «Таджиквнешторг». В 1990 году эта организация взамен на валюту приобрела в большом количестве всевозможные дефицитные товары, оборудование и лекарства. Длительное время лекарства пролежали на складах и в результате потеряли свои лечебные свойства. По простой причине, что руководство «Таджиквнешторга» не посоветовалось со специалистами, на этот товар своевременно не нашелся покупатель.

В период с 1989 по 1990 год, когда экономика республики, как говорится, хромала на обе ноги, предприятия и организации Таджикистана в общей сложности вывезли за пределы республики 5996 тыс. инвалюты, но взамен ничего не завезли в республику.

А руководители «Таджиклегпромсырье» за 20225 тыс. рублей в колхозах и совхозах республики купили 16 тыс. тонн хлоп-

ка и продали одной из американских фирм. В результате этой поспешной и непродуманной сделки таджикским хлопкоробам был нанесен экономический урон на сумму 6 млн. долларов. Таких примеров, когда из своих корыстных целей группа расхитителей пускала на ветер нажитое трудом народное добро, можно привести немало. Но, думаю, и этого достаточно, чтобы обрисовать обстановку благодушия и попустительства в республике.

Обо всех фактах грубейших нарушений законности и разбазаривания народного добра в республике я не раз в письменном виде докладывал президенту К. Махкамову, Кабинету Министров и Верховному Совету, просил принять самые строгие меры к руководителям, ведущим страну к развалу. Но все обращения остались гласом вопиющего в пустыне.

Потом я стал говорить о творимых беззакониях в республике на заседаниях Верховного Совета. И опять натолкнулся на прочную стену равнодушия, а мои заявления уходили, как вода в песок. Вопиющие факты преступлений против своего народа мало кого трогали. Руководители, те, кто по долгу службы были обязаны преградить путь преступлениям, сами все больше погрязали в темных делах.

Наконец, мое терпение лопнуло, и на одном из заседаний Верховного Совета я открыто сказал: «Каххор Махкамович! Так больше продолжаться не может. Вы не решаете вопросов, теряете свой авторитет с каждым днем, а внутренняя и внешняя мафия все глубже пускает корни».

Возможно, К. Махкамов и хотел что-либо изменить, остановить развал в республике, но это ему не удалось. Сотканная мафией паутина парализовала основные рычаги власти, а пользуясь этим, оппозиция все больше набирала силу и действовала уверенно и расчетливо.

Дело дошло до того, что оппозиция организовала несанкционированный митинг, на котором решительно потребовала отставки президента, председателя Верховного Совета К. Аслонова, председателя Совета Министров И. Хаёева. Нарастанию оппозиционного движения способствовало и то, что между тремя первыми лицами республики не было согласия и взаимопонимания. Следом за ними на отдельные группы распался и депутатский корпус. Надо бало что-то предпринимать, но все, в том числе и просто народ сознавал, что президент не в состоянии объединить все здоровые силы и вывести республику из кризиса. Поэтому нет ничего удивительного, что депутаты без долгих споров приняли отставку президента и согласно Конституции до избрания нового президента (что по предписаниям Зако-

на должно было быть проведено не более чем через три месяца) возложили его полномочия на председателя Верховного Совета К. Аслонова. Но никто тогда еще не предполагал, что, как говорится, спасшись от дождя, мы попадем под снег. Прошло немного времени и стало очевидно, что находившийся обычно на заднем плане К. Аслонов очень неподходящая кандидатура. Он оказался человеком узкого кругозора, вспыльчивым и надменным. Возомнив, что в ближайшем будущем он станет президентом, К. Аслонов не прислушивался ни к чьему мнению и пытался сосредоточить всю власть в своих руках. И ни разу не вспомнил о словах, которые когда-то изрек поэт:

Сколько глупых мужей знал этот мир седой,
Ранивших себя своею же рукой.

(Подстрочный перевод)

ИНТРИГА ПЕРВАЯ

Когда отставка президента К. Махкамова была принята, собравшаяся на площади Озоди толпа возликовала. Но очень странно повели себя организаторы митинга, вдохновители оппозиции Тохир Абдуджаббор, Шодмон Юсуф, Рахим Мусулмонин, Мухаммадшариф Химмatзода, Давлат Исмон, Мирбобо Миррахим, Дустмухаммад Дуст, Сафар Абдулло и некоторые другие. Точнее, сбросили, наконец, маску со своего лица. Дело в том, что они требовали отставки первых трех лиц республики, в том числе и К. Аслонова. Но, когда Махкамов сошел со сцены и на его место пришел К. Аслонов, лидеры оппозиции тут же перетасовали свои карты. Еще вчера они готовы были пожертвовать и Аслоновым, чтобы убрать с пути Махкамова. Но теперь Аслонов их вполне устраивал и они заявляли, что готовы сотрудничать с ним.

Так и получилось. С первых же дней прихода к власти вокруг Аслонова стали сплачиваться лидеры оппозиции и предводители исламистов. Прежде чем что-либо предпринять, они обязательно приходили к нему и подолгу советовались с ним. Симпатии нового руководителя к оппозиции были налицо. В свою очередь оппозиционные газеты расхваливали его как могли, называя его одним из мудрых руководителей.

Но нельзя было не заметить и другое. Резко стало меняться отношение К. Аслонова ко многим народным депутатам, к Компартии и своим соратникам по этой партии, а также к выходцам из северных районов. В полной мере проявилось его необъят-

ное властолюбие. Ради того, чтобы добиться своих карьеристских целей, он готов был на все. В конечном итоге, он подвел республику к черте, за которой была глубокая яма. И эту яму он, можно сказать, вырыл сам вместе со своим окружением, не думая о завтрашнем дне.

Первым делом, К. Аслонов, взращенный и выпестованный Компартией, бывший секретарем ЦК КП Таджикистана и членом Бюро ЦК, под влиянием оппозиции и казиата накануне XIX съезда Компартии Таджикистана, как говорится, плюнув в колодец, из которого он столько лет пил воду, публично заявил о своем «разводе» с родной партией и вышел из ее рядов.

21 сентября 1991 года в Душанбе начал свою работу XIX съезд Компартии Таджикистана. В тот день для выяснения некоторых вопросов я пришел в казиат, к казикалону Акбару Тураджонзода. В его кабинете сидели сыновья эшона Абдурахмонджона-Ходжи, Абдулкудус с братом. В самый разгар беседы в его кабинете зазвонил телефон. Казикалон поднял трубку и между ним и невидимым собеседником завязался диалог. По тону и обрывкам их беседы я понял, что казикалону позвонил и. о. президента,— председатель Верховного Совета республики К. Аслонов.

Неожиданно казикалон, не смущаясь моего присутствия, сказал:

— Действуйте уверенно и подпишите указ. Вы же видите, что она уже дышит на ладан. Вам же ничего не грозит, будьте спокойны. Не позволим, чтобы хоть один волос упал с вашей головы. У нас один путь — полная ваша поддержка.

После этих слов он удовлетворенно положил трубку. Я с усмешкой спросил:

— Ходжи Акбар! Какой указ должен подписать Кадриддин Аслонов?

Бросив быстрый взгляд на меня, казикалон признался:

— Указ о прекращении деятельности Компартии и конфискации ее имущества. Вы же видите, что эта партия доживает свои последние дни.

У меня с языка готовы были сорваться гневные слова, но я сдержал себя и спокойно сказал:

— Ни президент, ни председатель Верховного Совета не имеют права запрета на деятельность какой-либо партии, в том числе и Коммунистической. Это право принадлежит исключительно Верховному суду.

Ходжи Акбар Тураджонзода с улыбкой смотрел на меня. Выдержав паузу, он сказал:

— Сейчас мы не должны стоять на месте, а должны идти

вперед. Семьдесят лет Компартия сосала из нас кровь, казнила предводителей веры, сжигала святые книги. Больше мы такое терпеть не хотим.

В это время опять зазвенил телефон. Казикалон поднял трубку и секунду спустя поспешно ответил:

— Сейчас приеду.

Потом поднявшись, он обратился к нам:

— Срочное дело. Меня вызывает к себе Аслонов. Придется отложить нашу беседу. Подождите меня здесь. Я скоро вернусь.

Сказав это, казикалон торопливо направился к двери. Я еще раз напомнил ему, что задуманное ими противоречит закону и кроме несчастья ничего не принесет.

В тот день я достаточно долго просидел в казиате в ожидании Тураджонзода, но он так и не появился, даже не позвонил. Выйдя из казиата, я не увидел своей служебной машины. Мне сказали, что на ней уехал казикалон.

Работать было невозможно, потому что напряжение на площади Озоди нарастало с каждым часом. Шум с площади долетал до окон моего кабинета, призывы митингующих носили все более агрессивный характер. Вечером, в 18 часов, собираясь домой, у главного входа я столкнулся со своим давним приятелем, доктором исторических наук Каримом Абдуловым. Он был сильно расстроен и подавлен.

— Слушай, брат,— обратился он ко мне.— Когда закончится этот беспредел?! Средь бела дня памятник Ленину заковали в цепи и хотят свалить.

От гнева у Карима Абдулова тряслись руки, я никогда раньше не видел его таким.

— Вы это не мне, а Кадриддину Аслонову скажите,— в сердцах бросил я.— Это он и ему подобные выжимали из партии все, что могли, именем партии делали себе карьеру, а сегодня бесстыдно плюют в колодец, из которого пили воду.

Услышав наши голоса, к нам подошел работник аппарата Верховного Совета Р. Нуров. Мы молча стали наблюдать, что делается на площади. Вокруг памятника Ленину копошились люди, было видно, что они задумали нехорошее.

В это время из здания Верховного Совета вышли Кадриддин Аслонов и Акбар Тураджонзода. Их сопровождали Шодмон Юсуф, Мухаммадшариф Химматзода, Давлат Исмон, Тохир Абдуджаббор, Отахон Латифи, Максуд Икромов, Бозор Собир, Изатулло Хаёев и др. Все они направились к трибуне, установленной на площади.

Митингующие встретили их бурными аплодисментами и радостными возгласами. Но не успел еще Аслонов со своей сви-

той подняться на трибуну, как от группы отделился И. Хаёев и, быстро подойдя к своей машине, тут же покинул площадь. Следом за ним с площади уехал и заместитель председателя Верховного Совета В. Приписнов.

Находящийся на трибуне М. Миррахимов представил К. Аслонова чуть ли ни как народного вождя и дал ему слово. Опять послышались аплодисменты, радостные возгласы, свист. Взяв микрофон в руки, Аслонов громко сказал: «Товарищи, братья по вере! Сейчас я вам зачитаю указ исполняющего обязанности президента о прекращении деятельности Компартии на территории Республики Таджикистан».

На площади воцарилась тишина. Выждав паузу, Аслонов торжественно объянил: «С сегодняшнего дня деятельность Компартии запрещена, а ее имущество подлежит конфискации».

Минут десять или пятнадцать толпа на площади неистовствовала и ликовала. То и дело раздавалось: «Да здравствует национальный герой Кадриддин Аслонов!», «Мы всегда с вами, истинный мусульманин Кадриддин Аслонов!, «Клянемся Кораном, что не дадим упасть с Вашей головы ни одному волосу» и т. д. и т. п.

Видя такую необузданость толпы, мы стояли в полном оцепенении. «Ну и хитер же этот Тураджонзода,— думал я.— Все-таки он руками продажного Аслонова сделал свое черное дело».

В эту минуту к нам торопливо подошел помощник К. Аслонова М. Холиков и попросил меня и Р. Нурова, опытного юриста, подготовить проект указа о запрещении деятельности Компартии Таджикистана и конфискации ее имущества. Я и Нуров с удивлением спросили: — А что же сейчас зачитал Кадриддин Аслонов? Разве это не был проект указа?

— Аслонов зачитал черновой вариант Тохира Абдуджаббора,— простодушно ответил М. Холиков.

Услышав это, мы убедились, что Аслонов полностью был околдован оппозицией и словно под гипнозом выполнял все ее поручения.

— Идите и передайте председателю: пусть указ готовит Тохир Абдуджаббор. Мы же еще не сошли с ума!

В это время к микрофону подошел мэр Душанбе Максуд Икрамов и зачитал решение горисполкома о снятии памятника Ленину с одноименной площади. Опять толпа шумела и неистовствовала, опять во славу Аслонова и Икрамова стали раздаваться лозунги и приветствия, опять толпа клялась им в верности и преданности. Больше я не мог смотреть на это и поехал домой. И уже дома по телевизору увидел варварскую сцену разрушения памятника В. И. Ленину.

Рано утром я и еще несколько народных депутатов встретились в актовом зале сельскохозяйственного института и стали собирать подписи для внеочередного созыва сессии Верховного Совета. Чтобы собрать кворум, достаточно было и 68 голосов, но уже к 10 часам под заявлением стояли подписи 147 депутатов Верховного Совета. Все говорили об одном: внеочередная сессия должны дать оценку незаконному решению К. Аслонова, варварскому разрушению памятника В. И. Ленину. Итак, в 11 часов дня состоялась внеочередная сессия Верховного Совета, на которой был резко осужден поступок председателя Верховного Совета.

Тем временем сторонники К. Аслонова тоже не сидели сложа руки. Площадь Озоди все больше заполнялась людьми, напряжение нарастало, кругом все бурлило. Группа молодежи, как бы образуя цепь, организовала стоячую забастовку. Другая группа людей объявила голодовку.

Все это не могло не привлечь внимание общественности. В Душанбе прибыли мэр Санкт-Петербурга А. Собчак и академик Е. Велихов с 40 телохранителями, но об этом руководство республики не было информировано заблаговременно. Их приезд лидеры исламистов использовали для того, чтобы сообщить всему миру о якобы происходящих по отношению к ним в республике притеснениях и беззакониях. В лице А. Собчака они нашли покровителя и защитника.

Третьего сентября 1992 года в 2 часа дня состоялась внеочередная сессия Верховного Совета. Под нажимом оппозиции в повестку сессии были включены следующие вопросы:

1) об отмене чрезвычайного положения в Душанбе,

2) о запрещении деятельности Компартии Таджикистана и конфискации ее имущества,

3) об аннулировании решения Верховного Совета Республики Таджикистан от 5 октября 1990 года «О письме С. Гадоева, Д. Исмонова и других», а также об отмене части 4 статьи 7 закона Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных организациях»,

4) о сложении Р. Набиевым полномочий председателя Верховного Совета А. Искандарову.

Под давлением собравшихся на площади, в результате угроз и шантажа, а также из-за несогласованности и непонимания между значительной частью депутатов внеочередная сессия все вопросы решила в пользу оппозиции. Это была очередная победа беззакония, которая в конце концов привела к свержению законного главы государства Рахмона Набиева.

К сожалению, никто из правдолюбцев ни в республике, ни за ее пределами не поднял голоса против подобного грубого попрания демократии со стороны таких «демократов», как А. Собчак и Е. Велихов, и лидеров местной оппозиции. Напряжение в республике нарастало, государственные органы бездействовали. Все это укрепляло положение оппозиции, они действовали все смелее, выдвигая все новые требования. Опьяненные успехом, потеряли способность к критическому анализу событий и не думали, что их ждет завтра. Именно о таких людях поэт сказал:

Целого мира стоит умного волос,
Дороже ста глупых голов один колос.

(Подстрочный перевод)

Вдобавок к этому в ходе предвыборной компании каждый регион стал выдвигать своих кандидатов на пост президента, что еще больше развило местническое настроение и раздробило общество на части. Противоборство между сторонниками кандидатов в президенты, в особенности Р. Набиева и Д. Худоназарова, усиливалось с каждым днем. Это мне было слишком хорошо известно, так как я возглавлял штаб по выборам Р. Набиева, руководителем штаба у Д. Худоназарова был О. Латифи.

Случилось так, что еще в первые дни предвыборной кампании у меня состоялась беседа с Акбаром Тураджонзода. При этом присутствовал Н. Дустов. Как всегда, Тураджонзода искусно повернул разговор на политическую тему и как бы между прочим сказал:

— Мне жаль того, кто будет избран в эти дни президентом. Кто бы это ни был, вряд ли он долго протянет. Видите, что творится кругом.

Наша позиция была ему известна. И я, и Н. Дустов стояли на стороне Р. Набиева. А вот какова позиция казикалона, кому он отдаст предпочтение, тогда еще не было ясно никому. Хитро обведя нас взглядом, он продолжал:

— Думаю, что надо все-таки поддержать кандидатуру Р. Набиева. Благо у него много сторонников. Что бы ни произошло, он уже свое прожил...

Услышав такое заявление, чтобы узнать его позицию, мы стали возражать.

— Домулло, какой смысл вести такую пропаганду в поддержку Набиева, если наперед известно, что ему через четыре — пять месяцев сломают хребет? Зачем обманывать народ? Если

это так, то давайте выдвинем другого, более подходящего. Вот, например, Вас.

Он усмехнулся и сказал в ответ:

— Я пока этого не допущу. Да и не готов я для такой должности.

В ходе беседы я еще раз убедился, что Тураджонзода задумал что-то, но только до поры до времени не раскрывает своих карт. Он намекал на то, что в скором времени на народ обрушится какая-то беда. Как всегда, он был скользким и осмотрительным, и хотя постоянно повторял имя господа Бога, я не верил его словам.

Я рассказал о нашей беседе с казикалоном Р. Набиеву. Подумав, он тоже подтвердил мои догадки о том, что духовенство вместе с оппозицией предпринимают что-то такое, что пока остается неизвестным правоохранительным органам. Нужно, чтобы Комитет госбезопасности проявил большую бдительность.

После этого Р. Набиев стал успокаивать меня:

— Ничего, ничего. Видимо, он просто хотел запугать нас. Но если он действительно считает, что я сейчас наиболее подходящая кандидатура, то пусть сначала поддержит меня. А там посмотрим...

Несмотря на все трудности, угрозы и оскорбления, мы активно проводили встречи Р. Набиева с избирателями, вели пропаганду через средства массовой информации. Большую помощь штабу оказывали люди, хорошо знавшие Р. Набиева. Это были Тагоймурод Махмудмуродов, Абдухаким Халимов, Карим Абдулов, Шахоб Набиев, Усмонкул Шокиров, Джурабек Муродов, Файзулло Кувватов, Курбонали Мирзоалиев, Адолат Рахмонова, Абдувахход Саидмуродов, Гайбулло Орипов, Курбон Азизов, Искандар Тураходжаев, Мавлон Мирзоев, Рукниддин Ходжаев, Сангак Сафаров, Рустам Абдурахимов, Муллохайдар Шарипов, Мирзобек Мирзобадалов, Мавлон Олимов, Холмахмад Холов, Курбон Восиев и многие другие. Народ сказал свое слово и, несмотря на мощное сопротивление противоборствующей стороны, Р. Набиев из восьми кандидатов большинством голосов был избран Президентом Республики Таджикистан. Второго декабря 1991 года на сессии Верховного Совета он в торжественной обстановке принял присягу. На той же сессии с Божьей помощью и при поддержке депутатов на альтернативной основе я был избран председателем Верховного Совета.

Тогда, после принятия президентом присяги, видя как все поднялись с места и стали чествовать главу страны, я думал о превратностях судьбы. В зале в основном были те, кто еще не-

давно, на первом туре выборов, выступал против кандидатуры Р. Набиева, потому что против Р. Набиева было тогдашнее руководство республики.

Вспомнил я и то, как еще не так давно Р. Набиев был выдвинут кандидатом в народные депутаты по первому избирательному участку Железнодорожного района, но потерпел поражение. Депутатом стал тогда первый секретарь райкома А. Высочин.

После этого ко мне как-то пришел мой друг, народный артист СССР Джурабек Муродов. Разговор зашел о Рахмоне Набиеве.

— Потерпев поражение, Набиев сильно пал духом,— сказал Джурабек.— Надо его поддержать.

До того времени я не был знаком с Набиевым. Но из уважения к другу дал согласие оказать помощь Р. Набиеву. Уже 20 лет я проработал в Душанбе и хорошо знаю его его жителей. Возможно, поэтому мне поручили возглавить штаб в поддержку Набиева. Мы горячо взялись за дело, хотя нам всячески мешали. Тогдашнее руководство республики и Компартии оказывали на нас явное давление. Р. Набиева даже вызывали в ЦК КП Таджикистана и предложили снять свою кандидатуру. Он был на распутье и даже собирался отступить. Но мы решительно восстали против этого.

— Идет честная борьба и Вам нечего стыдиться,— сказал я ему.— И потом, я возглавляю штаб в Вашу поддержку, а отступать не в моих правилах. Я уверен, на этот раз победа будет за Вами.

Так оно и случилось. В первом же туре на альтернативной основе Р. Набиев был избран народным депутатом республики. Оппозиционные газеты — «Чароги руз», «Адолат», «Джавонони Таджикистон» посвятили этому событию ряд статей, стали восхвалять Р. Набиева. Расчет у них был прост. Оппозиция знала, что Р. Набиев был не в ладах с некоторыми руководителями Компартии и теперь в качестве народного депутата мог представлять серьезную опасность для них. А это было на руку оппозиции.

Так Р. Набиев второй раз пришел в большую политику. Тут же он был окружен старыми и новыми друзьями, бывшими соратниками, которые в свое время предали его и не вспоминали его столько лет. Но видя, что он не собирается лить воду на мельницу оппозиции, их газеты тут же ополчились против Набиева и обрушили на него критические статьи.

ИНТРИГА ВТОРАЯ

Где правоверных путь, где нечестивых путь? О, где же?
Где на один вступить, с другого где свернуть? О, где же?

Второй раз несанкционированный митинг состоялся 26 марта 1992 года на площади Шахидон. Его организовали выходцы из Бадахшана. К ним для переговоров вышли вице-президент Н. Дустов и еще несколько ответственных работников аппарата президента. Выслушав доводы Дустова, большинство бадахшанцев по его просьбе покинуло площадь.

Но это не входило в расчеты лидеров оппозиции. Они не могли упустить такой случай и не использовать стихийно начавшийся митинг бадахшанцев. На следующее утро на площади Шахидон собралась большая группа людей под руководством председателя демократической партии Ш. Юсуфа, председателя партии исламского возрождения М. Химматзода и его заместителя Д. Исмона, казикалона республики А. Тураджонзода, лидеров народных движений «Растохез» и «Лаъли Бадахшон» Т. Абдуджаббора и А. Амирбека. Все эти люди были активными участниками митинга на площади Озоди и уже имели изрядный опыт по нагнетанию страстей в обществе. У входа в Президентский дворец были установлены микрофоны и «штатные» ораторы оппозиции приступили к своему делу.

Затем мы с Н. Дустовым встретились с организаторами митинга Шодмоном Юсуфом, Давлатом Исмоном, Тохиром Абдуджаббором и Амирбеком Атобеком и спросили, чего они добиваются. Вот что они ответили: «Согласно договоренности между политическими партиями и народными движениями митинг должен был состояться 12 апреля, после завершения месяца мусульманского поста Рамазан. Но 25 марта телевидение показало заседание Верховного Совета, где обсуждался вопрос министра внутренних дел М. Навджувонова. Кенджаев хочет его убрать, так как известно, что Навджувонов симпатизирует демократическим и фундаменталистским силам. В свое время, чтобы посадить его в кресло министра, Тураджонзода приложил немало усилий и даже вышел на самого секретаря ЦК КПСС Лигачева. Мы намерены говорить не с Вами, а с президентом. Так мы решили на Совете руководителей партии и движений».

Толпа на площади стала расти, как снежный ком. Лидеры оппозиции стали выдвигать все новые требования. В их грязных намерениях уже не оставалось сомнений. Даже поверхностный анализ лозунгов и плакатов на площади Шахидон свидетельствовал о том, что оппозиция действует расчетливо, с заг-

лядом вперед. Палатки на площади росли, как грибы после дождя, и заполонили главную улицу, все громче раздавались голоса о создании «правительства национального согласия». Одновременно продолжались присвоение военных званий членам «национальной гвардии». Денно и нощно доморощенные майоры, подполковники и полковники, «удостоенные» этих званий организаторами митинга, во главе с генералом «народной» армии Эшоном Киемиддином проводил на улицах Рудаки и Исмоили Сомони занятия и тренировки, призывали народ готовиться к восстанию. Самое удивительное, что никто не смел им что-либо возразить, будто кругом была тишь да гладь. Хотя уже было совершенно очевидно, что дело идет к государственному перевороту. Призывы лидеров оппозиции отдавали запахом крови, за их лозунгами можно было услышать плач детей и матерей. Среди митингующих было немало таких, кто был на государственной службе, но забыв о стыде и совести, плевал в колодец, из которого столько времени пил воду. Руководители оппозиции хорошо изучили обстановку и строили новые планы. У лидеров оппозиции аппетит рос с каждым часом. Дело дошло до того, что, несмотря на убедительную просьбу руководства республики, они отказались приостановить митинг в дни праздника Рамазан. Были сорваны мероприятия, которые в дни праздника намеревалось провести руководство республики.

По настоянию Казиата и партии исламского возрождения традиционный молебен — Намози ид в связи с завершением месяца Рамазан был проведен 4 апреля 1992 года на площади, что не дозволено по законам шариата. Это говорит о том, что лидеры оппозиции не собирались даже на несколько часов покидать бурлящую площадь перед дворцом президента. Я не специалист по части религии, но, слава Аллаху, я мусульманин и знаю, что даже во время войн во спасение религии духовенство не позволяло себе подобных «новшеств». Вспомните, к примеру, священную войну Абумуслима против Насра Сайёра — правителя Хорасана.

С самого начала митинга на площади Шахидон здравомыслящие люди в республике были против него. Они осуждали несанкционированный митинг и требовали привлечь к ответственности его организаторов. Это подтверждают тысячи писем и телеграмм, статьи в газетах, опровержения и обращения, телефонные звонки, ежедневно поступающие в то время на радио и телевидение, в редакции печатных органов, Верховный Совет, аппарат президента и отдельным ответработникам.

На местах также люди не хотели мириться с беззаконием, которое творила оппзиция. И хотя руководители митинга на

площади Шахидон бесстыдно заявляли, что они представляют весь народ республики, в различных городах и районах число их противников росло с каждым днем. Люди выражали свою готовность выступить в защиту конституционного строя и законного правительства.

В душанбе и его окрестностях, несмотря на круглосуточную пропаганду, которую вела оппозиция, недовольных становилось все больше. Они выступали с резкой критикой в адрес защитников несанкционированного митинга.

Уже через два дня после его начала группа патриотов организовала в Душанбе Комитет по защите конституционного строя в Таджикистане. Люди, создавшие Комитет, были убеждены, что оппозиция намеревается совершить государственный переворот.

Первым шагом Комитета было то, что его члены выступили через средства массовой информации с обращением к гражданам республики.

2 апреля в 16.00 по инициативе и призыву Комитета, с разрешения Железнодорожного райисполкома на площади 800-летия Москвы состоялся митинг в защиту конституционного строя. Узнав об этом, оппозиционеры во главе с Дустмухаммадом Дустом и преподавателем педуниверситета Махмадшоевой Ульфатхонум, которые всячески пытались оказать давление на митинг, окружили площадь.

Свой голос в защиту закона и справедливости в республике подняли не только жители Душанбе, но и других городов и районов. На площади 800-летия Москвы собралось более трех тысяч человек. Выступавшие на митинге — Амонбой Замонов — руководитель общества «Якдили» («Единомышленники») из Курган-Тюбе, Сайрам Рахмонова и Абдуваххоб Шарипов из Варзобского района, Али Гулов, Джунайдулло Каримов, Нормухаммад Гулмуродов из Ленинского района, Саидвафо Мирзоев из Кофарнихона, Гуломали Дахбошиев, Нарзулло Гафуров из Файзабадского района, Тилло Азимов из города Нурека, Саиджон Тураев из Турсунзаде, Мухаррама Мирзоалиева из Бохтарского района, Хабибулло Одинаев из Душанбе, Кимат Дилмуродова, многодетная мать из Пенджикента, и многие другие — резко осудили действия оппозиции, направленные на совершение государственного переворота и свержение законного правительства.

Таким образом, санкционированный митинг на площади 800-летия Москвы, прошедший 2 апреля 1992 года под руководством членов вновь образованного Комитета по защите конституционного строя Н. Мирзоева, И. Салохиддинова, Н. Холназаро-

ва, С. Зулфонова, Н. Валиева, К. Восеъ, Д. Охунова, А. Насимова, Х. Холова, Е. Ералиева, С. Зарипова, был первым решительным шагом против жаждущей власти оппозиции...

Обстановка в Душанбе становилась все более нагнетающей, митингующие закрыли движение на центральных улицах Рудаки и Сомони, оскорбляли и брали в заложники выходцев из Кулябской и Ленинабадской областей.

Как это ни печально, но нужно сказать, что руководство республики в этой обстановке заняло созерцательную позицию, будто все это происходило не в реальной жизни, а на сцене кукольного театра. Премьер-министр республики А. Мирзоев «своевременно» заболел и нашел себе тихое и спокойное пристанище в правительственной больнице. Президент Республики тоже вел себя так, будто кругом было спокойно. Он был похож на старый кряжистый дуб, который упорно стоит против всех ветров. Стиснув зубы, он молча проглатывал все оскорбления, которые до окон его кабинета доносились со стороны площади. Может, он надеялся, что набиравшая силу буря все сметет, а он останется целым и невредимым? Неужели он верил тогда баснями и увещеваниям лидеров оппозиции, которые лишь искали удобного случая, чтобы нанести смертельный удар всенародно избранному президенту? Увы, речи и выступления лидеров оппозиции одурманивали, как напоенный запахами цветов весенний ветерок, но мало кто знал, что они содержат в себе смертельный яд.

Увы, хитрые волки в облике овцы ждали лишь момента, чтобы напасть на свою жертву.

Увы, президент был заворожен обещаниями и заверениями сладкоречивых лидеров оппозиции и он уже дальше своей резиденции ничего не видел. Может быть, поэтому, он был так спокоен и тих.

Хладнокровие Р. Набиева и молчаливое притворство А. Мирзоева было на руку оппозиции. Они привлекли на свою сторону мафию и стали наступать на парламент, Президиум Верховного Совета. Дело в том, что накануне этих событий Верховный Совет принял ряд законов по укреплению правопорядка и перекрыл дорогу всякого рода махинаторам, очковтирателям и спекулянтам. Митинг на площади Шахидон дал возможность объединиться всем этим силам и вести борьбу не на жизнь, а на смерть. Это стало особенно заметно после того, как Верховный Совет провел несколько серьезных проверок по соблюдению принятых законов. В результате этих проверок были выведены на чистую воду несколько крупных мафиози, которые до того были недоступны правоохранительным органам. Так, одна из прове-

рок установила, что в Гиссарском районе, на складах кооператива «Автобаз», где хранится 158 тыс. метров ткани, которая благодаря кумовству и связям была за бесценок приобретена на Душанбинском хлопчатобумажном объединении, а затем перепродавалась в десятки и сотни раз дороже. Этот вопрос стал предметом серьезного разговора на заседании Президиума Верховного Совета республики. Директор хлопчатобумажного объединения был освобожден от занимаемой должности, выявленный товар по рыночным ценам реализован населению, а вырученные деньги (более чем 15 млн. рублей) поступили в бюджет республики.

Серьезному анализу подверглась и деятельность кооперативов, которые, можно сказать, занимались грабежом населения и государства. Была проведена проверка и на Курган-Тюбинском маслозаводе, выявившая вопиющие факты разбазаривания народного добра. Мафиозные круги, почувствовав серьезную опасность, забеспокоились и пришли в движение...

Именно это обстоятельство побудило мафию примкнуть к оппозиции и объединиться с ней против Верховного Совета. Лидеры оппозиции стали, как говорится, мутить воду и ловить в ней рыбу. Используя услуги своего союзника — всесильной мафии, они усиленно занимались агитацией против парламента и, наконец, выдвинули требование о его отставке. Но вскоре убедились, что это им никогда не удастся, этого не позволяет закон, да и президенту республики и Верховному Совету не дано право роспуска народных депутатов.

Поразмыслив, лидеры оппозиции вложили в уста митингующих новое требование, но уже не об отставке депутатского корпуса в целом, а лишь Президиума Верховного Совета республики. Эта тема несколько дней подряд, вперемежку с возгласами «Аллах Акбар», обсуждалась через микрофны на площади Шахидон. Митингующие угрожали, что в случае невыполнения их требований они начнут вооруженное нападение. Несколько раз президент, вице-президент и я, как председатель Верховного Совета, встречались по этому поводу с лидерами оппозиции, но они твердо стояли на своем. При этом они не могли привести ни одного веского аргумента против Президиума Верховного Совета.

После долгих препирательств в один прекрасный день в малом зале Верховного Совета за стол переговоров сели лидеры оппозиции и мы, члены Президиума Верховного Совета.

В те дни член Президиума, председатель Комитета по культуре и международным связям Д. Ашуров часто отсиживался дома, заявив о своей болезни. Когда же к нам явились лидеры оппозиции, он не замедлил приехать в Верховный Совет. Я по-

шутил: «Молодец, Даврон Ашурович, даже больной, Вы не отказали себе в удовольствии встретиться с руководителями оппозиции».

В ходе беседы председатель Комитета по экономике, продовольствию и занятости населения Х. Насреддинов, а вслед за ним и Д. Ашуров подобострастно заявили Ш. Юсуфу, М. Химмматзода, А. Тураджонзода, Д. Исмону и А. Атобеку: «Ради Вас, ради спокойствия в республике мы готовы хоть сейчас объявить о своей отставке». Я понял, что с ними уже заранее успели все обговорить и они своим поступком бесстыдно занесли топор над законной властью своего молодого независимого государства. После такого заявления двух членов Президиума лидеры оппозиции почувствовали себя окрыленными, они потребовали созвать сессию. Только после того, как они приняли мое условие, что будет гарантирована безопасность депутатов, я согласился подписать указ. Итак, Президиум Верховного Совета 8 апреля принял решение о проведении 11 апреля 1992 года 13-ой сессии двенадцатого созыва.

В повестку сессии были включены следующие вопросы:

1) о ходе подготовки проекта новой Конституции Республики Таджикистан;

2) о политической, социальной и экономической ситуации в республике;

3) о требовании участников митинга об отставке Президиума Верховного Совета Республики Таджикистан.

Вопреки нашим ожиданиям в назначенное время сессия не смогла начать свою работу. Несмотря на свои письменные заверения, руководители оппозиции привели бурлящую толпу с площади Шахидон на площадь Озоди и оцепили здание Верховного Совета. Помимо прежних лозунгов теперь появился еще и такой: «Требуем отставки Председателя Верховного Совета С. Кенджаева!» Теперь было совершенно ясно, что главной их целью была отставка спикера парламента, а не всего Президиума. Вот почему так недостойно повели себя Х. Насреддинов и Д. Ашуров. Как бы то ни было, сессия не состоялась и депутаты в 14 часов покинули зал заседаний. Этот шаг Верховного Совета еще больше накалил страсти на площади. Представители оппозиции ходили по домам и, заклиная Кораном, звали людей на площадь для присоединения к митингующим. Тех, кто отказывался, объявляли кафирами-нечистивцами. Не удивительно, что площадь Шахидон пополнилась еще большим числом

запуганных людей. Ночью же там оставались наемники, в основном выходцы из Бадахшана и некоторых близлежащих к столице районов, готовые за плату митинговать сколько угодно и где угодно. Теперь уже достоверно известно, что казиат и партия исламского возрождения ежесуточно выплачивали активным участникам митингов от 100 до 200 рублей, к сожалению, не вникнувших доконца в суть требований оппозиции, умело прикрывшей свои цели за демократическими лозунгами. Им в те дни оказывали моральную и материальную поддержку ряд организаций и партий в республике и за ее пределами. Так, на счет митингующих на площади Шахидон поступило в качестве безвозмездного дара от муфтия мусульман Средней Азии Ходжи Мухаммад Садыка Мухаммад Юсуфа 200 тыс. американских долларов, а от его заместителя по делам мечетей Ферганской долины Ходжи Абдурауфа Гаффарова — 100 тыс. рублей.

Руководство республики знало обо всем этом, но молчало, словно набрав в рот воды. Более того, митингующие находились под покровительством правоохранительных органов. Машины из колхозов и совхозов возили продукты на площадь. Их обычно сопровождали работники госавтоинспекции.

Наблюдая за всем этим, я не раз задумывался о том, что внутри государства Таджикистан существует еще одно государство, которое опирается на казиат и распространяет свою власть во многих районах республиканского подчинения в Курган-Тюбинской области, а также в ряде организаций города Душанбе.

Руководители Душанбинского горисполкома в надежде сохранить свою власть, с самого начала заняли позицию невмешательства. Хотя в подчинении у них помимо районных отделений милиции и городского УВД находилось еще 500 работников милиции, они палец о палец не ударили, чтобы хоть как-то повлиять на события. Вдобавок ко всему некоторые трусливые и беспринципные руководители вели двойную игру, то заигрывая с оппозицией, то идя у нее на поводу. Все это укрепляло оппозицию во мнении, что она на правильном пути и в скором времени придет к власти. Вот почему ее постоянные ораторы в своих грязных проповедях стали всячески очернять председателя Верховного Совета, винили его во всех грехах. Например, ставилось в вину то, что колхозники не могли получить своевременно зарплату, что цены непомерно высоки, что не хватает продуктов и т. д. Но почему-то при этом никто не говорил, что решение этих вопросов больше касается правительства. Никто не упоминал на митингах имя главы правительства А. Мирзоева. В то же время ни президент, ни другие ответственные лица

не пытались по радио или телевидению обратиться к собравшимся на площади и объяснить, что обвинения в адрес Верховного Совета и его председателя несправедливы и решение подобных вопросов не входит в компетенцию законодательного органа.

В те дни радио и телевидение не использвали должным образом свои неограниченные возможности для разъяснения дел о работе трех высших руководящих органов в республике. А о том, что оппозиция сплошь и рядом нарушает законы и ведет грязную игру, никто не смел да и не в силах был сказать и слово.

Видя все это, я не раз говорил себе: «Плохо то государство, которое основано на лжи, лицемерии, интригах и подхалимстве. Ей богу, такое государство недолговечно...» Я не раз открыто говорил об этом президенту и главе правительства, но увы! В то время я думал, как вывести республику из кризиса, как улучшить жизнь людей, повысить уровень жизни студентов и преподавателей вузов, укрепить законность и правопорядок. Руководство республики же своим непроницаемым равнодушием, волею или невольно способствовало тем, кто усиленно рыл яму на моем пути, не видело, что корабль, на котором оно плывёт, уже давно дал течь и идет ко дну. Но разве в этом случае молчанье — золото? И разве не с молчаливого согласия руководства республики руками оппозиции все сильнее затягивалась веревка на шее молодого Таджикского государства?

Но, как говорится, надежда умирает последней. В один из апрельских дней мой друг Мавлон Олимов, депутат парламента, позже зверски убитый оппозицией, посоветовал мне встретиться с казикалоном и поговорить с ним по душам, в непринуждённой обстановке. «Ведь Вы давно знаете друг друга»,— говорил мне Олим.

Подумав, я согласился. И в ближайший выходной я, Мавлон и мой старый верный друг Ботур Исхоков (он тоже вместе с двумя своими сыновьями будет расстрелян оппозицией) нанесли неофициальный визит Акбару Тураджонзода в его доме. Как сейчас помню, мы пошли к воротам, а Ботур остался в машине и сказал, что будет ждать нас там. Акбар Тураджонзода встретил нас очень тепло, тут же устроил угощенье. Особенно был рад его отец. «Если с головы Сафарали упадет хоть один волос, я никогда не прощу вам этого»,— сказал он, обращаясь к сыну. Казикалон заверил его, что он, как и прежде, питает ко мне самые дружественные чувства. В это время в ворота постучали. Хозяину сообщили, что к нему пришли люди, и он тут же вышел. Вскоре он вернулся и как ни в чем не бывало продол-

жил с нами беседу. Когда мы стали прощаться, он опять повторил, что мы с ним как «мясо и ноготь».

Мы уже подъезжали к Душанбе, когда Ботур засмеялся и спросил, знаем ли мы, кто приходил к казикалону. Мы недоуменно переглянулись и тогда он рассказал следующее: «Вскоре после того, как вы зашли в дом, к воротам подъехала машина «Жигули». Из нее вышли 4 вооруженных автоматами людей. Я притворился спящим и стал наблюдать, что же будет. На стук в ворота вышел сам казикалон, и они стали переговариваться: «Все собрались в мечети и давно вас ждут». Казикалон объяснил, что приехали неожиданные гости. «Что нам делать? Что передать на площади?» — спросили приезжие. «Слово наше одно,— ответил казикалон.— Как и прежде, требуйте отставки Сафарали Кенджаева».

Услышав рассказ Ботура, я невольно взялся за ворот рубахи. Как? Ведь только что казикалон пожимал мне руки и в который раз уверял, что мы с ним как «мясо и ноготь», то есть неразлучны. Воистину, у этого человека было не одно, а несколько лиц.

ПАРАЛИЧ ВЛАСТИ

В кабинете вице-президента Дустова обсуждались вопросы, назревшие в результате затяжного митинга. Здесь же присутствовали и все главные военные деятели: генерал-майор Б. Рахмонов — государственный советник, Ф. Ниязов — председатель Комитета обороны, М. Мамаджанов — военком республики, а также А. Стройкин — председатель КНБ, А. Каххоров — зам. министра внутренних дел, Н. Хувайдуллоев — генеральный прокурор республики, А. Мартовицкий — начальник погранвойск, Заболотный — командующий войсками СНГ в Таджикистане, А. Раджабов — и. о. министра внутренних дел.

Все были единодушны в том, что необходимо укрепить государственные структуры власти, потому что в результате несанкционированного продолжительного митинга обстановка в Душанбе стала взрывоопасной. Митингующие каждый день меняли свои лозунги, росло число членов так называемой национальной гвардии. В городе перестал функционировать общественный транспорт, многие предприятия вынуждены были приостановить работу, люди пешком проделывали несколько километров, чтобы прийти к хлебзаводу и стоять в бесконечной очереди за хлебом. Город постепенно оказался в руках оппозиции. Люди недоумевали, почему бездействуют законное правительство, государственные органы.

Тем временем члены национальной гвардии, оппозиция при полном вооружении проводили учебные занятия на улицах Рудаки и Исмоила Сомони. Было много слухов, что оппозиция готовится к вооруженному захвату власти и с этой целью в республику завозится много оружия и боеприпасов. Все громче раздавались воинственные призывы «борцов за свободу», «истинных «демократов», «чистокровных» таджиков с афганским и иранским диалектом, «отцов» и «матерей» многострадальной нации, хаджи, совершивших паломничество, но свернувших с праведного пути. Они призывали забитую и непросвещенную толпу к сохранению «чистоты веры» и кричали: «Да здравствует свобода!», «Победа или смерть!»

Но по-прежнему никто, ни президент, ни руководители служб безопасности не предпринимали ничего решительного, не пытались вмешаться. И президент, и премьер-министр в те дни, когда на карту была поставлена судьба государства и народа, оказались в больнице и лечили там свои нервы. Многие руководители, в том числе и некоторые министры, искали пути сближения с казикалоном и другими лидерами оппозиции, готовы были на любую жертву, лишь бы сохранить свои должности. Эти люди действовали по принципу: «Пусть могила сгорит, лишь бы котел кипел!»

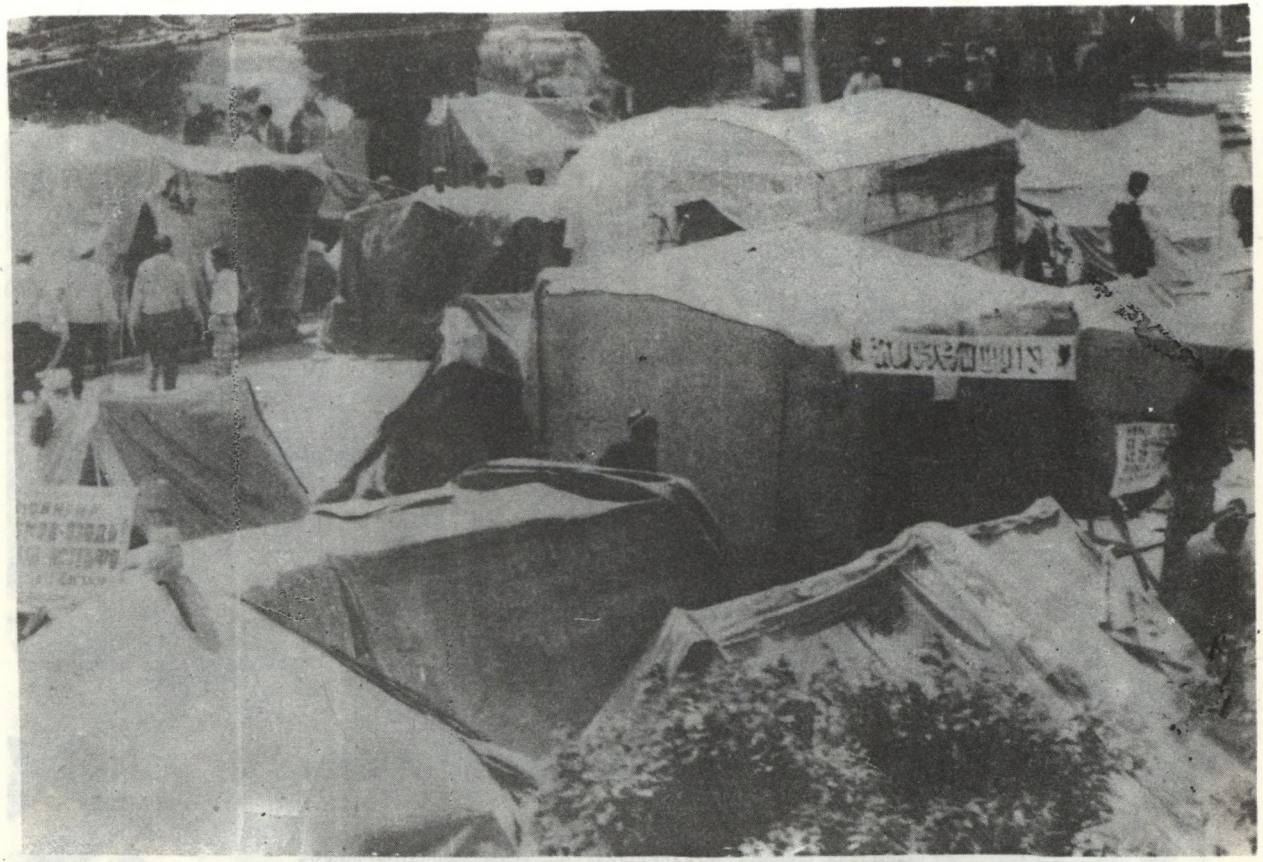
По предложению Н. Дустова государственный советник президента по вопросам обороны и безопасности генерал-майор Рахмонов сделал сообщение, из которого стало известно, что по сей день в национальную гвардию президента еще не принят ни один человек. Такая беспечность не могла не вызвать удивления, потому что по представлению Верховного Совета Р. Набиевым еще 22 декабря 1991 года был подписан указ о создании национальной гвардии из 700 гвардейцев, и правительство выделило для этой цели из государственного бюджета более чем 30 млн. рублей.

Я обратился к генералу Рахмонову с таким вопросом:

— Если вы до сих пор не приняли в национальную гвардию ни одного человека, то как же в январе 1992 года у президентского дворца, собрав большое количество военных, вы рапортовали Дустову, что национальная гвардия создана. Затем эта гвардия строем прошла перед Вами и дала клятву на верность. Все это демонстрировалось по телевидению. Объясните, что это был за маскарад?!

Генерал Рахмонов отвел глаза и с усмешкой сказал:

— Уважаемый председатель Верховного Совета, Ваше замечание правильное. Но тогда, в январе, мы, чтобы запугать оппозицию, набрали из 201-й дивизии Российской Федерации и

Палатки митингующих на площади Озоди. Сентябрь 1991 г.

Палатки шейхов, объявивших «политическую голодовку».

Шахидоновцы у Президентского дворца.

«Политическая молитва» на площади Шахидон. Руководит молитвой председатель партии Исламского возрождения Ходжи Мухаммадшариф Химматзода.

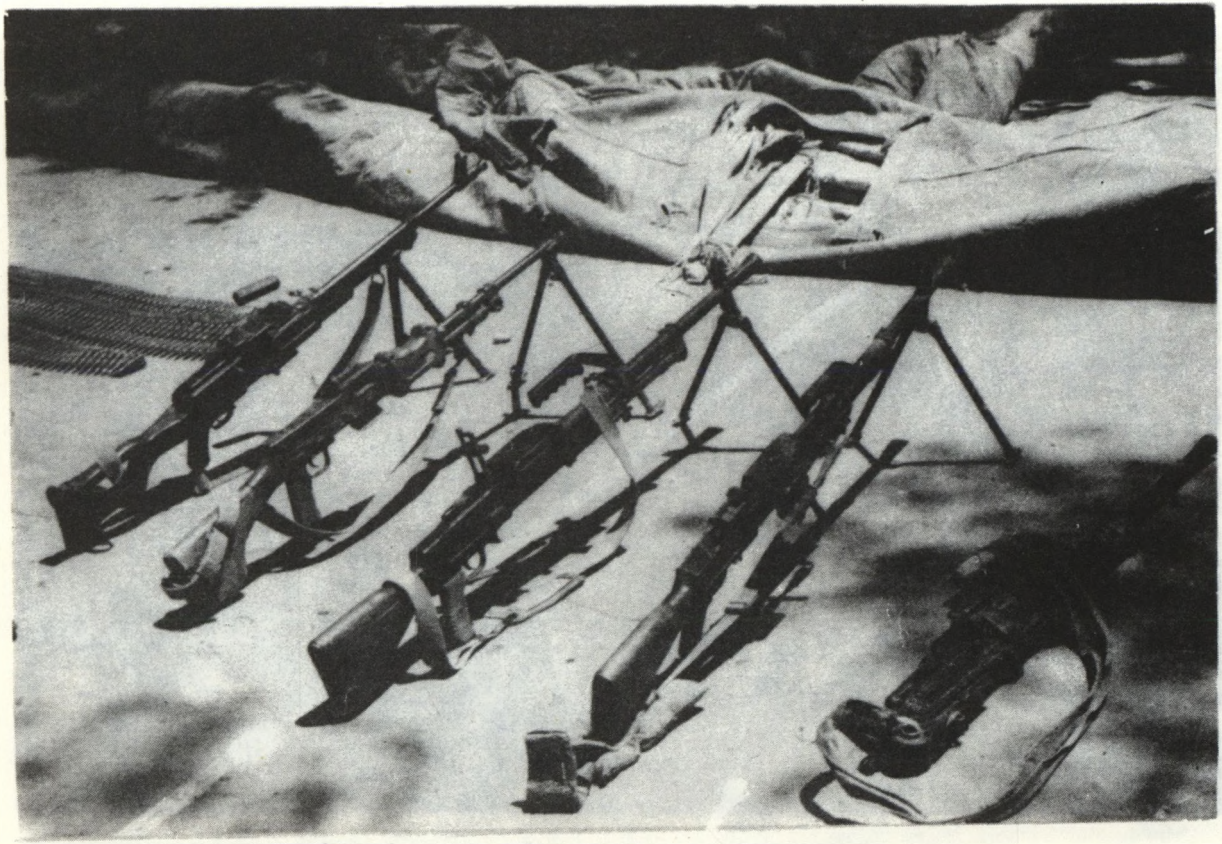
Страсти накаляются.

Томительное ожидание. Апрель 1992 г.

Фрагмент «политической молитвы» (намаз).

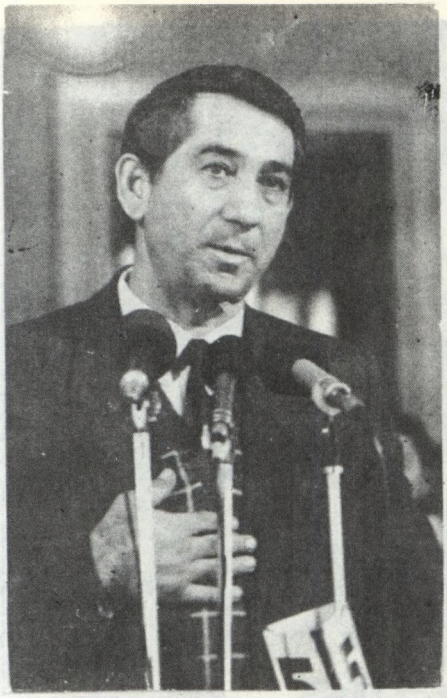
Площадь Шахидон: от проповеди к оружию.

Справедливость должна восторжествовать!
(надписи на плакатах: «Кулябцы сторонники истины», «Мы с Вами — Сафарали Кенжаевич»).

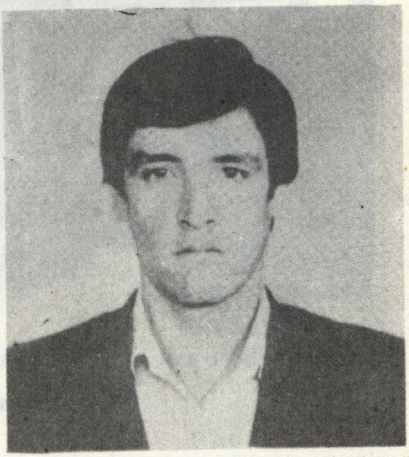

. Ваше дело правое!

Муродилло Шерализода.
Народный депутат
Республики Таджикистан. Уроженец кишлака Кулоли Пенджикентского района.

14 IV 1945 — 05 V 1992

Джурабаев Холик Рахматуллоевич.
Уроженец колхоза им. Урунходжаева Ходжентского района.

10 X 1960 — 05 V 1992

Они стали первыми жертвами вооруженной оппозиции.

Окровавленное тело Муродулло Шерализода.

Площадь Шахидон. Демонстрация 14 мая 1992 года.

«Палаточный городок» на улице Исмоила Сомони.

31. На площади Шахидон устанавливается знамя Партии исламского возрождения.

. Число вооруженных на площади Шахидон растет с каждым днем.

... Люди слушают очередную проповедь «штатных» ораторов площади Шахидон.

Руководитель партии исламского возрождения Мухаммадшариф Химматзода призывает митингующих к государственному перевороту.

... Филиал митинга.

Фрагмент «политической молитвы» (намаз).

Обыкновенный вандализм. Сентябрь 1991 г.

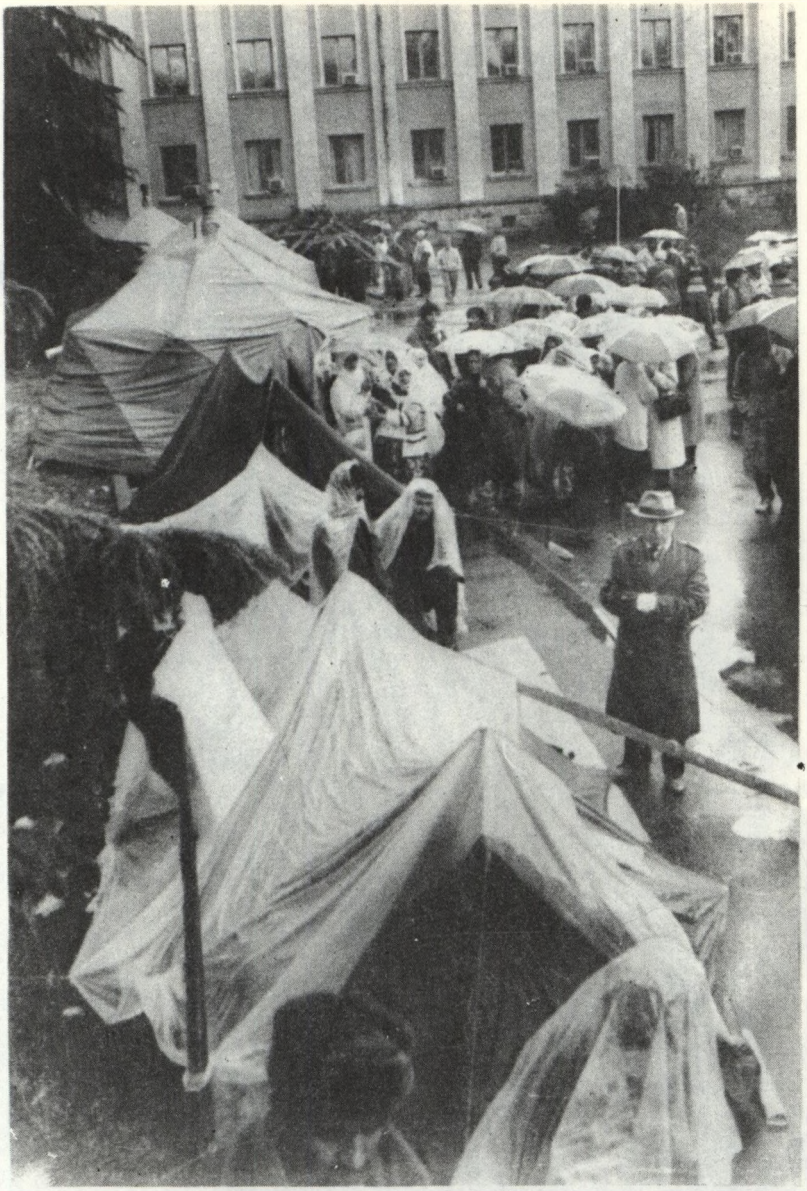
Исповедники сами не горят желанием исповедаться.

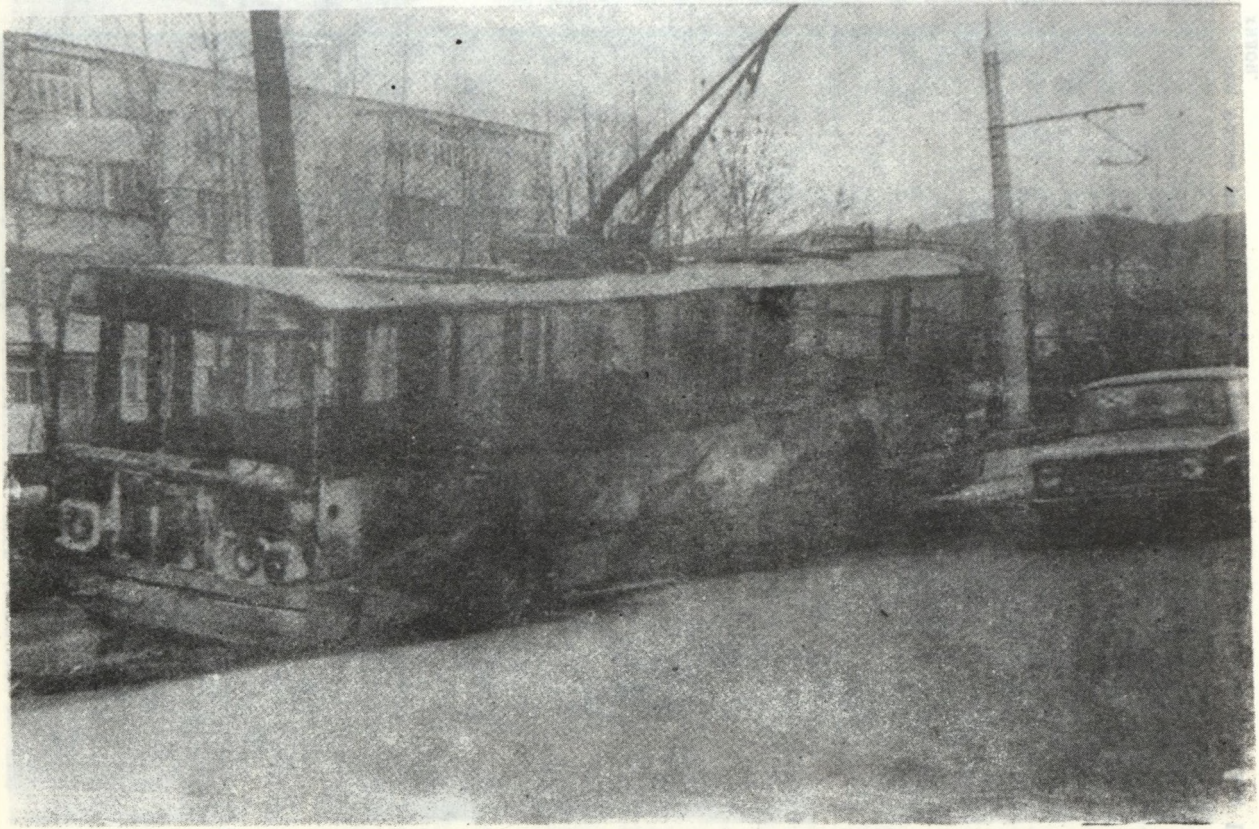
Митингующие на площади Шахидон. 25 марта 1992 г.

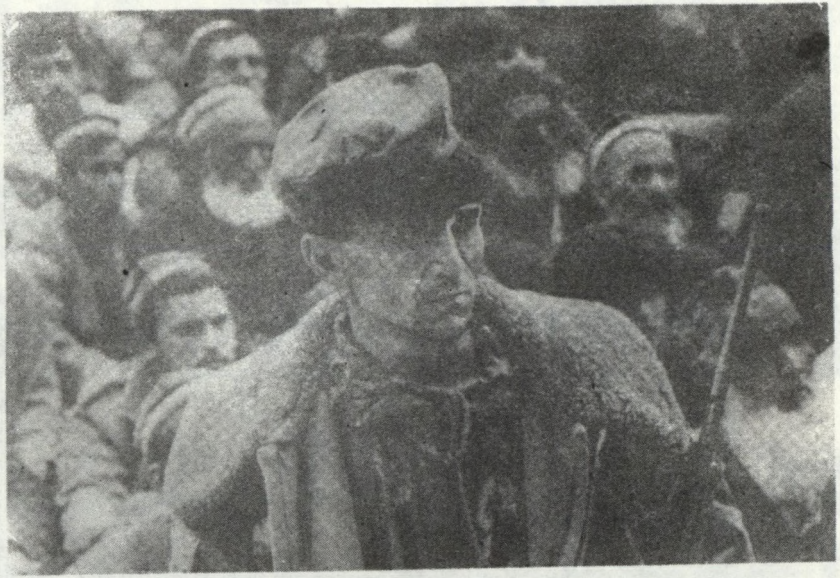
. По призыву исламских фундаменталистов и «демократов»-карьеристов заблудившие люди спешат примкнуть к митингующим на площадь Шахидон.

.. Вид одной из душанбинских улиц, занятой сторонниками площади Шахидон.

Начало бесчинств.

«Пусть кто-нибудь посмеет покинуть площадь! Мы должны стоять до самой победы!»

Вооруженный моджахед с площади Шахидон.

9. «Сторонники законного Правительства».
(надпись на плакате: «Сафарали Кенжаев! Ваше дело правое! Мы с Вами!).

Матери хотят мира!

«Мы с Вами Сафарали Кенжаев!»

22. Муродилло Шерализода (справа) беседует с народным депутатом Мадибрагимовым в зале заседаний Верховного Совета.

военного полка МВД большое количество солдат и офицеров и представили их как национальную гвардию. Они же и принимали присягу.

Меня всего передернуло. Я не верил своим ушам. Неужели все это правда? Кого мы обманываем? Господи, с какими людьми ты сталкиваешь меня? Как все это мог допустить президент, человек с большим опытом? Народ оказал ему такое доверие...

Можно было догадаться об истинной преданности и чистоте помыслов людей, которыми окружил себя президент. Ведь со дня выхода его указа прошло четыре месяца, а генерал Рахмонов бесстыдно сообщает, что по сей день в гвардию не принят ни один человек.Дальнейшие действия Рахмонова показали, что президент при его назначении на столь важный и ответственный пост допустил большую оплошность.

Сообщение генерал-майора Ниязова также было малоприятным. По его словам, за два месяца до этого правительство республики приобрело для защиты конституционного строя 37 БТР и они находились в районе дислокации полка гражданской обороны — в Каратаге. Я поинтересовался, в рабочем ли состоянии эти машины и закреплены ли за ними водители и механики. Оказалось, что машины в хорошем состоянии, но пока нет водителей и механиков. Ниязов сослался, что этот вопрос поручен генералу Мамаджанову.

Вот так, дорогостоящая военная техника стоит без дела, а генералы, кивая один на другого, допустили непростительную халатность. Если генералы, находящиеся в непосредственном подчинении президенту, столь недисциплинированны и беспечны, то что же говорить о других?

Дошла очередь отчитываться генералу Мамаджанову. Он сообщил, что уже призваны 1000 офицеров запаса. Однако, как оказалось, призыв был только на бумаге. Где сейчас эти офицеры запаса, живы ли они, когда прошли последний раз переподготовку, толком никто не знал. Я убедился, что генералы плохо владеют обстановкой и не предвидят последствий того, что происходит в республике. У меня, честно говоря, опустились руки. Может ли долго устоять государство, когда кругом царит такая беспечность, когда люди не чувствуют громадной ответственности, возложенной на них.

Генерал Стройкин сообщил о решении работников КНБ занять позицию невмешательства. Он добавил еще, что митинги не представляют большой опасности. Я едва сдержался от резких слов. Кто хочет занять позицию невмешательства? Комитет национальной безопасности?! И руководитель этого ведомства считает, что митинг на площади Шахидон лишь безобидная игра?!

Ведь такое отношение — это не что иное, как вредительство народу и государству.

Следом за Стройкиным генерал Мартовицкий заявил, что пограничники не должны вмешиваться во внутренние дела государства.

Я задумался. Можно ли в трудный час рассчитывать на поддержку этих беспечных генералов, которых, если судить по уровню их рассуждений, от простых солдат отличают лишь генеральские погоны? Тогда я все же следал им внушение и призвал к государственной и политической бдительности. Но с тех пор тревога за судьбу республики и народа не покидала меня.

Генерал Каххоров и и. о. министра внутренних дел Раджабов проинформировали о том, что большинство работников милиции в Душанбе — выходцы из Бадахшана и Каратегина, и что они полностью на стороне митингующих на площади Шахидон. Дело дошло до того, что один из лидеров оппозиции Шодмон Юсуф собрал всех работников милиции, приставленных следить за порядком на площади Шахидон, и заявил им: «Если вы с нами, то должны покинуть площадь!» И что же, милиционеры, в знак солидарности с митинующими, строем покинули площадь. О чем это говорит? Неужели в МВД на работу принимаются только по принципам родства и землячества? Можно ли при таком отношении к своим служебным обязанностям, какое проявили милиционеры на площади Шахидон, обеспечить правопорядок в обществе?

Полковник Заболотный заявил, что без ведома и согласия главнокомандующего войсками СНГ маршала авиации Шапошникова и Президента России Ельцина он не имеет права оказывать помощь правительству Республики Таджикистан. Это может произойти только после специального указа президента Р. Набиева. Полковник исходил из установленного порядка и был прав. Но, забегая вперед, скажу, что указ президента, о котором он говорил, так и не появился вплоть до самого государственного переворота и незаконного смещения самого президента. Хотя ради сохранения мира и безопасности в Таджикистане, мы не раз просили его об этом.

Разговор с генералами оставил тяжелый осадок в моей душе, я еще раз понял, что конституционному строю в республике грозит реальная опасность. Я об этом прямо заявил генералам. Не знаю, сделали ли они выводы для себя, но несомненно другое: надлежащие выводы сделали лидеры оппозиции. Прошло совсем немного времени и уже на площади через микрофон передали о результатах нашей беседы с генералами. Видя, что один из них занял позицию невмешательства и выжидания,

а другие не используют в должной мере свои права и обязанности оппозиция уверовала, что без особых затруднений может захватить всю власть в республике.

Митинг все больше разрастался и принимал агрессивный характер, требования оппозиции презъявлялись в ультимативной форме.

Потом мы еще не раз встречались с военными, руководителями спецслужб, но ситуация все больше выходила из-под контроля. Что я мог сделать в той обстановке? Ведь по установленному порядку генералы подчинялись президенту республики, а не председателю Верховного Совета. Но президент и не думал употребить власть, а премьер-министр все еще скрывался в недрах правительственной больницы. Эта ситуация мне напомнила строки:

Вероломство осенило каждый дом.
Не осталось больше верности ни в ком.
Пред ничтожеством,— как нищий, распростерт,
Человек, богатый сердцем и умом.

ПАРЛАМЕНТ СКАЗАЛ СВОЕ СЛОВО

В течение 29 дней, пока продолжался митинг на площади Шахидон, я шесть раз встречался с лидерами оппозиции — Акбаром Тураджонзода, Саидом Абдулло Нури, Давлатом Исмоном, Саидом Киемиддином, Шодмоном Юсуфов, Сафаром Абдулло и Абдунаби Сатторовым.

Во время этих встреч я не раз предлагал вместе с ними пойти на площадь и объяснить собравшимся истинное положение дел.

Лидеры оппозиции тут же ставили свое условие: «Если Вы на площади подвергнете критике президента Р. Набиева и будете требовать его отставки, оппозиция будет считать Вас своим человеком, и тут же все нападки на Вас прекратятся. Если Вы поступите так, то Вас с площади до здания Верховного Совета понесут на руках, Вы будете спокойно работать и в дальнейшем Вам будет обеспечена наша поддержка».

Конечно же, я им дал, как говорится от ворот поворот и подчеркнул, что никогда не пойду нечестным путем. После этого их нападки на Верховный Совет и его председателя ужесточились еще больше. Видя, что я не поддаюсь на их уговоры, впредь со всеми своими заявлениями они стали обращаться к президенту.

Как я и ожидал, однажды мне позвонил президент и попросил созвать очередную сессию для рассмотрения требований ми-

тингующих. Мы так и сделали, но при этом члены президиума предупредили руководителей, чтобы впредь с такими просьбами обращались не к президенту, а к Президиуму Верховного Совета, ибо только Президиум вправе созывать сессию. После этого руководители оппозиции Шодмон Юсуф, Давлат Усмон, Мухаммадшариф Химматзода, Акбар Тураджонзода, Тохир Абдуджаббор и Амирбек Атобек встретились с членами Президиума.

Они требовали созвать очередную сессию для того, чтобы рассмотреть выдвинутые собравшимися на площади вопросы, и дали письменное обещание, что не станут мешать работе сессии и будут выполнять ее волю.

Таким образом, мы приняли решение о проведении 20 апреля сессии Верховного Совета со следующей повесткой:

1. Информация президента Р. Набиева «О политической, экономической и социальной ситуации в Таджикистане».

2. Об отставке председателя Верховного Совета и Президиума Верховного Совета.

3. О включении в Президиум Верховного Совета представителей оппозиции: С. Каххарова, Акбара Тураджонзода, Аслиддина Сохибназарова и Сайфиддина Тураева.

4. Об отмене Закона Республики Таджикистан «О порядке проведения демонстраций, митингов и шествий».

5. Об аннулировании изменений в статье 139 Уголовного Кодекса Республики Таджикистан, внесенных на XII сессии Верховного Совета.

6. О назначении сроков избрания нового парламента (первая декада декабря 1992 года) и включении в конституционную комиссию 5 человек — представителей всех партий и политических организаций.

7. О внесении на очередную сессию Верховного Совета вопроса преобразования в Автономную республику Бадахшан Горно-Бадахшанской автономной области.

8. О создании комиссии по изучению уголовного дела М. Икромова.

Депутаты согласились включить все предлагаемые митингующими на площади Шахидон вопросы в повестку дня, кроме второго. На сессии эти вопросы, как того добивалась оппозиция, получили широкое обсуждение, а вопрос четвертый был передан в Комитет Верховного Совета для изучения и проведения юридической экспертизы.

И хотя большинством голосов не был включен в повестку дня второй вопрос, депутаты А. Сохибназаров, Т. Абдуджаббор, К. Аслонов, И. Зинатшоев, Р. Каримов, А. Хабибов и ли-

деры оппозиции Ш. Юсуф, М. Химматзода, Д. Исмон, уже отказавшись от своего первоначального решения об отставке Президиума Верховного Совета, в решительной форме стали требовать, чтобы вопрос об отставке председателя Верховного Совета, т. е. меня, был вынесен на тайное голосование. Мол, как депутаты решат, так и будет. 21 апреля по моей просьбе на вечернем заседании вопрос об отставке руководителя парламента был включен в тайное голосование. В результате 54 депутата проголосовали за мою отставку, а 131 депутат выступили против этого. Три бюллетеня оказались испорченными. Итак, парламент сказал свое слово на этот счет, и я продолжил работу, что, конечно, не входило в планы оппозиции.

ДЕПУТАТОВ БЕРУТ В ЗАЛОЖНИКИ

Когда председатель счетной комиссии Э. Рахмонов сообщил о результатах тайного голосования об отставке председателя Верховного Совета и стало ясно, что стрелы оппозиции не попали в цель, тут же Давлат Исмон, Шодмон Юсуф, Мухаммадшариф Химматзода демонстративно покинули зал. Не прошло и получаса, как поток митингующих с площади Шахидон хлынул на площадь Озоди, и она забурлила, как море в ненастье. Произошли стычки с работниками правоохранительных органов, несших службу вокруг здания Верховного Совета. Вскоре митингующие перекрыли все ходы и выходы, и депутаты оказались в осаде. С большими трудностями мы отправили часть депутатов в гостиницу, другая же часть осталась в здании Верховного Совета. На улице стали раздаваться выстрелы. Я попросил Акбара Тураджонзода выйти на площадь и предотвратить столкновение.

Митингующие с криками и ругательствами опять направились в сторону площади Шахидон. Таким образом, лидеры оппозиции, уже в который раз, нарушали данное слово и подстрекали толпу на незаконные действия.

В тот вечер я задержался в своем кабинете и, просматривая документы, готовился к утреннему заседанию сессии. В это время, а точнее в 21 час, мне сообщили, что случилось ЧП: 17 депутатов и два заместителя председателя Кабинета Министров — Х. Саидмуродов и С. Хайруллоев захвачены оппозицией.

Что было делать? Я стал срочно разыскивать премьер-министра А. Мирзоева, но это мне не удалось. Президент дома лежал больной. К счастью, я связался по телефону с вице-президентом Н. Дустовым, и вскоре мы встретились в его кабинете.

Стали обзванивать всех членов правительства, но все куда-то пропали. Вызвав председателя КНБ А. Стройкина и руководителей МВД, мы требовали любым путем освободить заложников. Но они ответили, что на площади Шахидон собралось более 15 тыс. человек, а сил правоохранительных органов недостаточно, чтобы предпринять решительные меры против оппозиции. Могут пострадать тысячи людей.

Подумав, мы с ними согласились. Действительно, президент и правительство не имели больше дополнительных сил. Нам ничего не оставалось делать, как пойти на переговоры с лидерами оппозиции.

Встретившись с Давлатом Исмоном, я в самой категоричной форме потребовал освободить депутатов и заместителей председателя Кабинета Министров. Я объяснил, что согласно Конституции народные депутаты являются исключительно неприкосновенными лицами и взятие их в заложники является ничем иным, как серьезным преступлением. Им придется за это ответить перед законом. Д. Исмон цинично ответил: «Все знаю. Но пока Вы не напишите заявление о своей отставке, я их не отпущу».

Посоветовавшись с Н. Дустовым, я сообщил Д. Исмону о своем намерении встретиться с некоторыми взятыми в заложники депутатами и заместителями премьер-министра. Сказал, что только после этого будет возможным мой уход в отставку. Это сообщение было воспринято Д. Исмоном с большой радостью. Он подчеркнул, что в случае, если я не объявлю о своей отставке, они не освободят заложников. Произойдут столкновения, что неминуемо приведет к жертвам и крови, и во всем этом буду виноват я.

В присутствии Н. Дустова я еще раз твердо заверил: «Освободи ни в чем не повинных людей, а я заявление подпишу».

Через несколько минут Д. Исмон и два его телохранителя, огромные детины с налитыми кровью глазами, подгоняя оружием, привели шестерых народных депутатов Таджикистана. Взглянув на них, я содрогнулся. На депутатах была изорвана одежда, были заметны следы побоев. Они с надеждой смотрели на меня. Бледные, дрожащими голосами они попросили меня принять предложение Д. Исмона и подписать заявление об отставке. Другие также мимикой и незаметными движениями поддержали просьбу. Глядя на них, я думал: «Как можно все время твердить о правовом демократическом обществе и так бессовестно попирать человеческие права, унижать людей?! Что станет с республикой, если, не дай Бог, к власти придут эти молодчики с фашистскими замашками?».

Среди депутатов, взятых в заложники, я увидел председателя знаменитого колхоза им. Калинина Аштского района, Героя Социалистического Труда Ходжаназарова. Этот пожилой и уважаемый в народе человек, так много сделавший для республики, стоял с опущенной головой. Ворот рубахи был разорван, на седом виске запеклась кровь. У меня потемнело в глазах, и я в гневе обратился к Давлату Исмону:

— Я знаю, ты нисколько не считаешься с законами республики и попираешь их, как хочешь. Но ведь ты — мусульманин. Так побойся хоть Бога. Как ты смеешь так обращаться с людьми, избранными народом в высший орган власти? Ты и подобные тебе навсегда заклеймете себя проклятьем народа!

Давлат Исмон побледнел и резко ответил:

— Будучи студентом я слушал ваши лекции и уважаю вас. Но борьба есть борьба. Я могу захватить в заложники и вас с Нарзулло Дустовым. Ваше государство не в состоянии противостоять нам. Оно не может даже защитить себя. Работники милиции и КНБ почти все на нашей стороне. До тех пор, пока вы не подпишите заявление о своей отставке с поста председателя Верховного Совета, я не освобожу ни одного заложника и вновь отведу их на площадь.

Я приложил немало усилий для того, чтобы сдержать охвативший меня гнев.

— Мне очень жаль,— сказал я тогда Давлату Исмону,— что среди моих студентов оказались и такие подлецы, вроде тебя. Но от меня вы не дождетесь подлости. За каждого депутата отдали свои голоса более десяти тысяч граждан. Для меня каждый волос на голове депутата выше любой самой высокой должности. Я готов уйти в отставку, но прежде перестаньте издеваться над народными избранниками и освободите их.

Давлат Исмон настаивал на своем.

— Если вы уйдете в отставку, то заложники будут освобождены. Но должен вас предупредить, что мы отправили заместителей премьер-министра Саидмуродова и Хайруллоева в сопровождении четырех представителей площади Шахидон к президенту домой, чтобы заполучить и его согласие на вашу отставку. Опять же поставили условие: если они добьются согласия президента, то немедленно получат свободу.

Тут Давлат Исмон сделал паузу и торжественно сообщил:

— Так знайте же, президент согласен, чтобы вы подали в отставку. Наши парламентеры уже известили об этом.

На этом наш разговор закончился.

Давлат Исмон, не скрывая радости, отправился на площадь, чтобы тут же в микрофон оповестить о последних событиях,

о том, что председатель Верховного Совета согласился подать в отставку.

Когда мы с Нарзулло Дустовым разъехались по домам, начало светать. Уже дома в шесть часов утра я написал заявление об отставке и, позвонив на радио, попросил передать в эфир. Заявление было следующего содержания:

«Сессии Верховного Совета
Республики Таджикистан
От председателя Верховного Совета
Республики Таджикистан

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прежде всего я хочу выразить свою благодарность тем народным депутатам, которые, несмотря на мощное давление лидеров оппозиции, не согласились меня отзывать и через тайное голосование выразили свою волю. Но во имя достижения национального единства, ради освобождения 17 депутатов-заложников и двух заместителей премьер-министра, во избежание кровопролития, а также ради скорейшего освобождения площади Шахидон от митингующих, я намерен подать в оставку. Я прошу уважаемых депутатов дать согласие на это, хотя, наверное, мой шаг одобряют не все. Я не собираюсь уходить с политической арены и буду всегда с вами. Я приношу свою искреннюю признательность жителям республики, поддержавшим меня в эти трудные дни. Придет время, и каждому воздастся по заслугам!».

Уже через час это заявление было передано по республиканскому радио.

В 10 часов утра сессия продолжила работу. Я еще раз зачитал текст своего заявления и попросил депутатов без обсуждения принять мою отставку.

После моих слов депутаты, вчера горой стоящие за меня, были вынуждены исполнить эту просьбу.

Когда я прошел в зал и занял депутатское кресло, рядом со мной оказался Гоибназар Паллаев. Несколько лет назад, когда его освободили от должности председателя Президиума Верховного Совета Республики, я, чтобы отвлечь его от тяжких дум, пригласил на загородную прогулку, в Варзобское ущелье. Там, отдохнув на природе, он искренне сказал: «Да на какой черт нужны все эти высокие должности и посты? Я вот впервые за несколько лет выезжаю на природу, без забот и хлопот дышу свежим воздухом». Я ему напомнил об этом и в шутку сказал:

— Гоибназар Паллаевич! Теперь, кажется, Ваша очередь устроить пикник в Варзобском ущелье.

Паллаев с усмешкой ответил:

— С пикником придется повременить.

Он тоже был в числе тех, кто требовал моей отставки. В политике нет постоянства, и вчерашние союзники могут стать самыми опасными противниками.

После сессии я встретил своих давних и верных друзей Курбона Восеъ и Шарифа Хамдампура. Они держались просто и непринужденно, и мы вместе решили поужинать в ресторане. Курбон Восеъ ,ученый-литературовед, исследующий таджикскую художественную прозу, по дороге, видимо, чтобы успокоить меня, стал читать стихи:

И до тебя здесь шахи подвизались,
И все ушли, лишь надписи остались.
Один прославлен до конца времен,
Другой — навек проклятьем заклеймен.

— Брат,— продолжил затем Курбон Восеъ,— история знает не один случай, когда власть в государстве захватывают недостойным путем. Разве первое государство таджиков — Саманидов — не пало в результате распрей и борьбы жаждущих трона и власти? Вспомните государства Газневидов, Тимуридов, Шайбонидов и Мангитов, вспомните наших соседей — Иран и Афганистан: сколько людей сложили свои головы, намереваясь захватить власть. Еще Хусейн Воиз Кошифи сказал, что у тех, кого оставляет разум, сердце переполняется жаждой власти, и, наоборот, умный не стремится к правлению.

Но непонятно другое: почему ошибки истории не становятся уроком и повторяются вновь и вновь?

Его поддержал и Шариф Хамдампур, честный и правдивый журналист:

— Хотя вы работали недолго на посту председателя Верховного Совета, но все же успели немало. О вашем авторитете говорит и то, что с первых дней, как оппозиция стала требовать вашей отставки, в вашу поддержку со всех уголков республики поступили сотни телеграмм, в которых люди выражали полную солидарность с вами. Все хорошо знают, что вы боролись за инетресы трудового народа.

Когда мы приехали в ресторан «Чорбедк», я попал в объятия друга моего детства Анвара, работавшего там. Он уже слышал по радио о моей отставке, и сказал, что всегда рад мне и моим друзьям, готов всегда с радушием принять нас.

В тот вечер в кругу верных и искренних друзей, за прият-

ной беседой я расслабился и впервые отдохнул после многих дней и ночей неустанной борьбы и бурных страстей.

В течение трех суток я не выходил из дома и был погружен в чтение книг великого Хусайна Воиза Кошифи. В этот момент мне помогали его слова:

Терпенье для мужчины дороже всего,
Когда судьба решила испытать его.

Эти книги представляют собой кладезь житейской мудрости. Они доказывают, что смысл и радость жизни в учении, неустанном самосовершенствовании, в творении добра.

К примеру, Хусайн Воиз говорит: «Совестливость — это веточка с дерева веры. Она поддерживает в человеческой душе порядок. Когда советстливость исчезает, в человеческой душе начинается беспорядок. Порядок в обществе напрямую связан с его совестливостью».

Читая эти строки, я думал о тех, кто давно потерял совестливость и, бесстыдно прикрывшись демократическими лозунгами, добивается своих грязных целей.

Нет, нельзя допустить, чтобы они наводили беспорядок в обществе, сеяли смуту и страх в людских душах.

Дважды из «сострадания» мне позвонил исполняющий обязанности председателя Верховного Совета Акбаршо Искандаров и сказал: «Мы решили оставить за вами служебную автомашину и телохранителей». Я поблагодарил его и ответил, что телохранители и служебная машина полагаются по должности, я же теперь — просто народный депутат.

НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ

24 апреля в 11 часов мне позвонил Нарзулло Дустов и сообщил, что меня хочет видеть президент Рахмон Набиев.

— Президент знает номера моих телефонов,— сказал я в ответ.

Через несколько минут опять раздался телефонный звонок, и я услышал в трубке голос президента. Он просил, чтобы я зашел к нему.

В тот же день я приехал в президентский дворец. В кабинете Р. Набиева я застал и Дустова. Тепло приняв меня, президент предложил мне новую должность — пост председателя КНБ. Подумав, я согласился. 26 лет я проработал в органах правопорядка, боролся против беззакония и мафии и ясно представлял задачи и функции КНБ. В тот же день президент издал

Указ о моем назначении председателем КНБ и присвоении мне звание генерал-майора. Вице-президент Н. Дустов представил меня коллективу, и я приступил к своим обязанностям.

Знакомясь с «секретными» документами КНБ, я столкнулся с знакомыми мне именами — Мирбобо Миррахимова, Тохира Абдуджаббора, Акбара Тураджонзода, Дустмухаммада Дуста, Мухаммадшарифа Химматзода, Саида Абдулло Нури, Давлата Исмона и других. Документы не оставляли сомнений, что все они являются агентами КНБ. В сейфе бывшего председателя КНБ. Стройкина я обнаружил личное дело одного из агентов — Ходжи Акбара Тураджонзода. Это дело состояло из двух томов, по 350—400 страниц каждый, и включало большое количество доносов и сообщений. Оказывается, в течение нескольких лет Акбар Тураджонзода, в документах КНБ значившийся как «Абдукарим» и «Тохир», регулярно занимался сбором информации и доносов на людей, с которыми ему доводилось встречаться, и исправно передавал в КНБ. Среди тех, на кого он доносил, были и те, кто считал его своим духовным отцом и верно служил ему. Своими доносами и наветами агент по кличке «Абдукарим» и «Тохир» отравлял жизнь и многим честным и порядочным людям.

«Боже мой, какой ужас,— думал я,— когда сам глава духовенства предает тех, кто искренне верит ему, тех, кто под знаменем ислама встал на путь укрепления своей веры? Ведь по Корану тот, кто занимается доносом и наветами на своих ближних, является врагом Божьим и в Судный день будет подвергаться самой суровой каре. Как можно оценить слова и поступки казикалона, так лицемерно преступающего заповеди Аллаха?».

В тот же день я проинформировал обо всем этом президента Р. Набиева и вице-президента Н. Дустова, чтобы они знали, кто есть на самом деле лидеры оппозиции и какую опасность они представляют для общества.

ПОДМИГИВАНИЕ КАЗИКАЛОНА И НАЧАЛО БРАТОУБИЙСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Из подразделений КНБ на местах поступила информация, что люди видели по телевидению, как на заседании сессии Верховного Совета казикалон многозначительно подмигивал Акбаршо Искандарову. Это стало каплей, переполнившей чашу их терпения и вызвало в знак протеста митинги в Кулябе, Ленинабаде, Яване, Гиссаре, Турсунзаде, Шахринаве, в Ленинском

и Варзобском, Файзабадском и Кофарнихонском районах. На митингах были выдвинуты следующие требования:

1) отменить решение Верховного Совета об освобождении С. Кенджаева с поста председателя Верховонго Совета и восстановить его в должности;

2) отменить решение Верховного Совета о введении в состав Президиума Верховного Совета представителей оппозиции С. Тураева, А. Сохибназарова и А. Тураджонзода;

3) привлечь к уголовной ответственности лиц, взявших в заложники 17 народных депутатов и заместителей премьер-министра С. Хайруллоева и Х. Саидмуродова.

Отовсюду из республики шли письма и телеграммы, в которых люди решительно требовали выполнения поставленных условий и сообщения об этом по радио и телевидению.

К сожалению, эти полные гнева обращения тысяч и тысяч людей, не вызвали должной реакции у руководства, по ним не было сделано решительно ничего. Дело дошло до того, что люди большими и малыми группами стали съезжаться из городов и кишлаков в Душанбе, чтобы навести здесь порядок. Лишь после того, как дело зашло слишком далеко, премьер-министр А. Мирзоев, его заместитель С. Хайруллоев и народный депутат, председатель Компартии Ш. Шабдолов поехали в Кулябскую область, чтобы остановить непрерывный поток людей. Но это им не удалось, потому что они не могли выполнить выдвинутые народом требования. Поток людей, молодых и стариков, мужчин и женщин продолжался.

Копившаяся неприязнь к участникам митинга на площади Шахидон и их сторонникам привела к тому, что люди на местах стали делиться на противоборствующие стороны. Во многих кишлаках членов демпартии и вахобистов стали изгонять, видя в них носителей нездоровых идей. Обстановка становилась взрывоопасной. Но руководство республики по-прежнему смотрело на все эти события сквозь пальцы, не думая о тяжелых последствиях.

Все это привело к тому, что 25 апреля в Душанбе на площади Озоди, недалеко от площади Шахидон, собралось огромное количество людей с лозунгами и транспарантами. Люди продолжали прибывать. К ним присоединилась часть жителей Душанбе.

ИНТРИГА ТРЕТЬЯ

Видя такое положение и с целью еще большего обострения политической ситуации в республике, лидеры оппозиции с Кораном в руках стали обходить дома и созывать людей на пло-

щадь Шахидон, чтобы противостоять собравшимся на площади Озоди.

Заклиная Кораном, лидеры оппозиции сбивали людей с толку, говорили им, что на площади Озоди собрались безбожные коммунисты, которые хотят уничтожить ислам, закрыть мечети, преследовать мулл и ишанов. Тем самым лидеры оппозиции натравляли брата на брата, отца на сына, сына на отца и все больше озлобляли людей. Они прекрасно понимали, что на площадях собрались люди противоположных мнений и в любую минуту могут произойти столкновения, но тем не менее подливали масла в огонь. Если бы лидеры оппозиции действительно хотели мира и согласия в республике, были бы настоящими демократами, они бы не организовали опять митинг на площади Шахидон, где всего несколько дней назад в течение месяца кипели страсти. Собравшиеся для протеста на площади Озоди люди выговорились бы и разошлись, потому что там собрался в основном трудовой люд, который, как известно ,не любит словословия и пустово времяпровождения. Это всякого рода спекулянты и торгаши, махинаторы и карьеристы за счет денег прихожан в мечетях и «сундука милосердия» могут митинговать месяцами, как на площади Шахидон, требуя отставки того или иного политического деятеля, не пожелавшего идти с ними по одному пути.

В первый же день я прибыл на площадь Озоди и выступил перед народом, призвал их к спокойствию и соблюдению законов. Затем в присутствии руководителей митинга на площади Озоди обратился к исполняющему обязанности председателя Верховного Совета А. Искандарову и попросил его во имя сохранения мира и предотвращения столкновений между митингующими на двух площадях выполнить просьбу тысяч людей и назначить день сессии для рассмотрения их требований. Тогда бы народ разошелся, а депутаты смогли в спокойной обстановке принять оптимальное решение. К слову, именно так ставили вопрос и руководители митинга на площади Озоди. Решение этого злободневного вопроса было в компетенции Президиума Верховного Совета, но его члены заняли позицию невмешательства. Видя такое положение, я с тревогой в сердце поехал к себе на работу.

Противоборство двух площадей — Озоди и Шахидон в Душанбе началось и с каждым часом становилось все сильнее и опаснее. 28 апреля в 16 часов меня вызвал к себе вице-президент. Когда я пришел к нему, в его кабинете уже сидели руководители митинга на площади Озоди, лидеры оппозиции — казикалон А. Тураджонзода и его отец Эшон Тураджон. В ходе беседы президент и вице-президент попросили лидеров оппози-

ции распустить митинг на площади Шахидон, потому что противостояние могло привести к непредсказуемым последствиям и случиться непоправимое. Со своей стороны президент пообещал сделать все возможное, чтобы найти общий язык с митингующими на площади Озоди и способствовать их скорейшему возвращению домой. Только так можно было нормализовать обстановку и дать возможность людям спокойно жить и работать.

Но лидеры оппозиции — Шодмон Юсуф, Давлат Исмон, Тохир Абдуджаббор, Амирбек Атобек, Аслиддин Сохибназаров на предложение Р. Набиева потребовали, чтобы сначала разошлись митингующие на площади Озоди, сказав, что только тогда митингующие покинут площадь Шахидон. В случае возникновения стычек и столкновений, ответственность за это они возлагали на руководителей республики. Сидевший рядом с А. Сохибназаровым тогда еще мало кому известный Сангак Сафаров обратился к нему с присущей ему прямотой: «Где справедливость? Больше месяца вы сидели на площади Шахидон, блокировали президентский дворец, взяли в заложники депутатов, во всеуслышанье как хотели чернили и оскорбляли уважаемых людей, одного за другим добивались своих антиконституционных требований. И никто вам не мешал. Теперь, когда простые труженики, бросив свои дела, собрались вместе, чтобы высказать свое мнение о происходящих событиях, вы угрожаете им и требуете, чтобы они тут же разошлись. Но ведь эти люди собрались не для того, чтобы воевать, а чтобы восторжествовала справедливость. Мы с собой привезли не оружие, а волю трудового народа. Есть у вас хоть капля совести?!»

Аслиддин Сохибназаров ответил ему резко и грубо и еще раз дал понять, что ни на какое примирение идти не желает.

Акбар Тураджонзода поддержал мнение лидеров оппозиции и подчеркнул: «Мы сегодня же вечером распустим народ на площади Шахидон, но при условии, что к утру люди разойдутся и на площади Озоди».

Президент согласился с этим предложением, после чего заговорил о незаконном свержении спикера палаты. Воцарилось короткое молчание. Сидящий напротив президента Акбар Тураджонзода первым прервал тишину.

— Уважаемый Рахмон Набиевич! — сказал он, глядя в глаза президенту.— Это вы будоражите народ и республику. По старой партийной привычке вы лжете на каждом шагу и ссорите людей. Ведь это вы в своем рабочем кабинете еще до начала митингов говорили мне: «Сафарали Кенджаев — очень упрямый человек и с ним трудно договориться. Мне ничего не

остается делать, как освободить его от должности и отправить в какую-нибудь страну послом». Вы тогда еще попросили меня, чтобы я не передавал ваших слов Сафарали Кенджаеву. Почему же сегодня вы утверждаете, что Сафарали Кенджаева сместила опозиция?

После этих слов Набиев переменился в лице. Щеки его побагровели, на лбу появилась испарина.

— В следующий раз я вынужден буду принимать Вас в присутствии свидетелей.

На что Тураджонзода ответил:

— Если в моих словах хоть капелька лжи, поклянитесь своим семейством.

Мне было стыдно слышать такие речи, и я опустил глаза: «Боже мой,— думал я,— кому нужны эти игры? Как распознать, где друг, а где враг?»

Ясно было одно: моя личность не устраивала ни ту, ни другую сторону. Но пусть хоть кто-нибудь скажет мне: разве на пост председателя Верховного Совета я не был избран абсолютным большинством голосов депутатов? Разве за четыре месяца работы на этом посту я хоть раз переступил границы законов? Разве все, что я предпринимал, не было направлено на благо народа?»

На этом совещание закончилось. Руководство республики стало разрабатывать план, согласно которому можно было безболезненно и оперативно освободить площади от митингующих. Вместе с Н. Дустовым я пришел к А. Искандарову в Верховный Совет и предложил вынести на сессию требования собравшихся на площади Озоди ,объявить день сессии — 20 мая и попросить народ разойтись, но он опять не согласился. Вместе с Н. Дустовым мы вновь вышли на площадь и призвали народ к спокойствию, взаимопониманию и доброжелательности. Потом я отправился к себе на работу и, думая о причинах отказа Искандарова, терялся в догадках.

Наконец, мне позвонили из Верховного Совета и сообщили, что все-таки созвали сессию для рассмотрения требований площади Озоди. Но эта новость меня не особенно радовала. Неужто нужно было доводить дело до кульминации и только потом приступать к его разрешению? Почему это нельзя было сделать раньше, еще неделю назад, когда народ только собрался и выдвинул свои требования? Тогда не было бы такого напряжения и накала страстей.

Странно и то, что члены Президиума Верховного Совета пытались разыскать лидеров оппозиции, чтобы обговорить с ними их требования и предложения, но они ужорно уклонялись от встречи. Представители же площади Озоди, собравшиеся вос-

становить законность и защитить конституционный строй, изъявляли свою готовность встретиться на любом уровне, чтобы обсудить все наболевшие вопросы. Но почему-то в этом случае Президиум Верховного Совета не очень торопился сесть за стол переговоров.

Вряд ли это было случайно. Ведь каждый здравомыслящий человек понимал, что чем больше будет длиться противостояние двух площадей, тем сложнее будет решить вопросы. Ситуация могла стать непредсказуемой. Но руководство республики всячески оттягивало рассмотрение вопросов. Тем временем людей на площадях становилось все больше, все громче стали звучать угрозы и призывы к войне.

Группа с площади Шахидон захватила президентский дворец и здание Кабинета Министров. Работники аппарата президента и правительства не могли войти в свои рабочие кабинеты. Было сорвано знамя республики Таджикистан, а на его месте появилось знамя партии исламского возрождения.

В окружении оказались более 20 работников аппарата президента и Кабинета Министров, военная техника, 350 вооруженных бойцов во главе с советником президента по вопросам обороны и органов правопорядка Б. Рахмоновым. Также продолжалось вооружение людей на площади Шахидон. Лидеры оппозиции бросали клич: «Победа или смерть!» и призывали к кровопролитию. В течение шести дней президент и премьер-министр с заместителями находились в здании Верховного Совета, их аппарат почти полностью был парализован. Со всей ответственностью могу заявить, что тогда оппозиция уже сделала свой первый шаг по насильственному захвату власти. Элементы государственного переворота были налицо. Но это мало кого заботило в верхах. Казалось, они недооценивали всего того, что творилось вокруг.

Такое спокойствие и благодушие руководства еще больше развязывало руки оппозиции, и она уже в открытую призывала идти с оружием в руках на безоружную площадь Озоди. В подвале театра имени А. Лахути, неподалеку от площади Шахидон, устроили тюрьму. Сторонников площади Озоди, даже просто людей из Ленинабадской или Кулябской областей без какого-либо на то основания хватали и бросали в этот подвал, пытали и издевались. Об этих фактах беспредела слухи ходили по всему городу ,а правоохранительные органы палец о палец не хотели ударить, чтобы освободить заложников, остановить беззаконие.

Аппетит, говорят, приходит во время еды. Видя бездеятельность властей и правоохранительных органов, оппозиция сделала еще один шаг в сторону беззакония и остановила движение

общественного транспорта по всему городу Душанбе. Даже это не послужило для руководства республики сигналом к более решительным мерам.

Обстановка обострялась с каждым часом. По улицам города шастали молодчики с автоматами в руках. Их головы были повязаны белыми платками, на которых было написано «Фидои» («Борец за веру») или «Победа или смерть!» В любую минуту могла пролиться человеческая кровь. Люди тогда еще не знали, что пройдет не так много времени, и кто-то навсегда потеряет сына, мужа, брата, что кругом будут раздаваться выстрелы и плач, города и кишлаки будут охвачены пламенем войны. Но тогда еще можно было что-то сделать, не допустить разгула оппозиции и ее приспешников.

Те, кто это понимал, с надеждой ждали указаний президента, премьер-министра и исполняющего обязанности председателя Верховного Совета. Но они все трое избегали друг друга и не вмешались ни в какие дела. О любом их шаге или действии оппозиция была осведомлена заранее. Двое из них тайно и полностью были солидарны с оппозицией, а третий, президент, растеряв тех, кто искренне желал ему добра, оказался один, в надежде, что оппозиция оставит его в кресле, ждал какого-то чуда.

Используя безвластие в столице, казиат, чтобы полностью контролировать ситуацию, срочно напечатал специальные пропуска, подписанные казикалоном. Отныне парво свободного проезда в городе имели только те ,у кого на руках были пропуска казиата.

В городе не ходил общественный транспорт, организации и предприятия не работали, улицы были безлюдны. Кругом раздавались выстрелы.

Но как это ни прискорбно, президент и глава правительства смотрели на разгорающийся пожар бедствий как сторонние наблюдатели. Они словно забыли о правах и полномочиях, которыми их наделила Конституция, когда 20 апреля 1992 года на сессии Верховного Совета были внесены некоторые изменения в Основной Закон. Сессия тогда решила:

1. В части 27 статьи 99 после слов «государственная безопасность страны» добавить слова «О присвоении Президенту Республики Таджикистан воинского звания».

2. В части первой статьи второй абзац дополнить следующим образом: «Является Главнокомандующим всех Вооруженных Сил Республики Таджикистан».

На упомянутой сессии президенту Р. Набиеву — Главнокомандующему Вооруженных Сил республики было присвоено воинское звание генерал-полковник. Он имел полное право,

используя всю полноту власти, принять самые строжайшие меры для прекращения беспорядка и надвигающейся беды. Но, увы...

Страна превращалась в страшную тюрьму, из которой все, кто мог, стали бежать. Даже таджики, не говоря о русских, узбеках и других, предпочитали уехать куда-нибудь подальше, потому что все ясно сознавали, что в скором времени на этой земле произойдет страшное бедствие — гражданская война.

А президент который одновременно являлся Главнокомандующим Вооруженных Сил Таджикистана и главой Правительства, наделенный неограниченной властью, вместо того, чтобы что-то предпринять, занял созерцательную позицию, будто все происходило на подмостках театра, и он вместе со своей командой смотрел на это из зрительного зала. Видимо, ждали и надеялись, что в скором времени все-таки будет «антракт», случится чудо и ему было невдомек то, о чем великий поэт говорил много веков назад:

Заглянуть за опущенный занавес тьмы
Не способны бессильные наши умы.
В тот момент, когда с глаз упадет завеса,
В прах бесплотный, в ничто превращаемся мы.

Вскоре оппозиция перешла все границы и решилась еще на один жесткий шаг: работникам аппарата президента и Кабинета Министров, оказавшимся у них в плену, перестали давать пищу. Даже просьбы и увещевания президента и премьер-министра не возымели никакого действия. Пришлось из вертолетов сбрасывать провизию заложникам.

Несмотря ни на что, руководство республики хранило полное молчание и против незаконных действий оппозиции не предпринималось решительно ничего. Не использовалось и такое мощное средство воздействия на людей, как телевидение и радио. Не выполнялся Указ Президента о призыве молодежи в национальную гвардию. Руководство республики ни разу не обратилось в соседние государства, другие страны мира, чтобы проинформировать об истинном положении дел и попросить оказать поддержку законному правительству, хотя события в Таджикистане вызывали тревогу многих и они готовы были пойти навстречу и протянуть руку помощи. Увы, руководители республики не могли выйти из того состояния оцепенения, в котором они оказались. А оппозиция шаг за шагом все упорнее приближалась к своей главной цели — государственному перевороту.

Надо отдать должное: каждый день у вице-президента, воз-

главлявшего штаб по роспуску митингов, собирались руководители различных служб, генералы, советовались между собой, но дальше этого дело не шло. Никто не предлагал конкретного плана по освобождению президентского дворца и здания Кабинета Министров. Люди боялись открыто высказывать свое мнение.

Мои настойчивые требования об объявлении чрезвычайного положения и комендантского часа в Душанбе не нашли поддержки.

Руководители МВД, других правоохранительных органов твердили одно: «Правительство не обладает достаточными силами», «Правоохранительные органы не должны вмешиваться в политические игры» и т. д. Вместо того, чтобы строго спросить с таких беспринципных, лицемерных и нерешительных министров, руководство республики было занято тем, чтобы оградить себя от критики со стороны оппозиции.

Всякий раз после заседаний я, Нурулло Хувайдуллоев и Нарзулло Дустов уходили в подавленном настроении, все больше теряя надежду, что можно исправить положение. Но что было делать? Как говорится, небо высоко, а земля тверда.

По неизвестным причинам в работе штаба ни разу не приняли участие премьер-министр и его замы. Они не желали что-либо делать даже для того, чтобы освободить от непрошенных гостей свое служебное помещение.

Пользуясь суматохой и бессилием органов правопорядка, лидеры оппозиции привлекли на свою сторону рэкетиров Шохмансура, Каратегинского квартала и стали подбивать их на захват телецентра. Это была их заветная мечта, потому что они лучше президента и его окружения понимали, какое это мощное средство воздействия на народ. Первым делом они собрали большое количество людей на площади 800-летия Москвы и организовали очередной, третий уже по счету, несанкционированный митинг. Вслед за этим отправили молодчиков (порядка 300—400 человек) к зданию телецентра. Это была их первая проба, репетиция перед началом широкомасштабных действий. Видя, что нет никаких препятствий, на следующий день рэкетиры Шохмансура и Каратегинского квартала перешли к нападению. Что это были за люди, уже говорит такой факт: одна из главных фигур захватнической операции — Мирали Закиров был убит своим сообщником Ермахмадом Асоевым во время дележа денег, присланных после захвата телевидения. Позже один из раскаившихся участников захвата напишет в газете «Джумхурият» за 15 июня 1992 года: «Душанбинцы (читай, шохмансуровцы) без всякого сопротивления вошли в здание

телецентра и, как было обговорено заранее, передали его в руки оппозиции».

Как видите, наемные захватчики без особых затруднений овладевают одним из важнейших идеологических каналов, а работники правоохранительных органов, по долгу службы стоящие там на охране, даже не пытаются их остановить. Теперь в руках оппозиции появилось мощное оружие информации и воздействия на растерявшийся народ, чем они и не замедлили воспользоваться.

Несмотря ни на что, правительство продолжало все еще осторожничать. Даже теперь, когда оппозиция приступила к крупномасштабным военным операциям, руководители Кабинета Министров и Верховного Совета все еще чего-то выжидали и не сплачивались вокруг президента. Все говорило о том, что дело идет к перевороту, но ответной реакции со стороны властей не было. Работники правоохранительных органов, вызванные из районов и городов для охраны конституционного строя, отсиживались в казармах, дожидаясь приказа. Но никто, буквально никто из первых лиц, не решался взять на себя ответственность и преградить путь государственным преступникам.

Не раз и не два из надежных источников руководство республики было информировано: генерал-майор Б. Рахмонов намерен перейти к оппозиции и передать ей все находящееся в президентском дворце и Кабинете Министров оружие. Но и этот тревожный сигнал оставался без внимания. Несмотря на взрывоопасную ситуацию в Душанбе, все еще не был объявлен комендантский час, не введено чрезвычайное положение.

Президент все еще ждал какого-то чуда. Время от времени он приглашал к себе своих приближенных и о чем-то тайно советовался с ними. Бывали у него и известные исламисты, «народные генералы», он вел с ними переговоры. Но все оставалось по-прежнему, и беззаконие продолжалось.

Следует напомнить, что в республике в то время было введено президентское правление и президент был наделен огромной властью. Закон «О формах президентского правления» за № 638, принятый 30 апреля 1992 года гласил: «На территории Республики Таджикистан сроком на шесть месяцев ввести президентское правление и в этот период полномочия Верховного Совета Республики Таджикистан, предусмотренные в частях 8, 9, 10, 13, 19, 20, 21, 24, 25 и 39 статьи 99 Основного Закона Республики Таджикистан, а также полномочия Президиума Верховного Совета Республики Таджикистан, предусмотренные в частях 9, 10, 12 статьи 108 Основного Закона Республики Таджикистан, передать Президенту Республики Таджикистан».

Но несмотря на то, что на президента была возложена та-

кая громадная ответственность и он должен был оказывать влияние на все происходящее в республике, Р. Набиев, по-прежнему был совершенно бездеятелен и проявлял к преступникам благодушие.

И случилось то, что неминуемо должно было случиться. В ночь на 5 мая генерал Рахмонов в сговоре с командиром полка при президенте полковником Миллером, забыв о принародно данной клятве, перешли на сторону оппозиции. Они также передали оппозиции 450 стволов автомата «Калашников», 4 бронемашины и большое количество боеприпасов, 26 тысяч патронов.

Затем изменник и клятвопреступник Б. Рахмонов выступил перед собравшимися на площади Шахидон со следующим заявлением: «Я обращаюсь к вам, правоверным и отважным людям! Я — потомок ишанов, мой дед умер с именем Аллаха на устах во время паломничества в священную Мекку. Моего отца расстреляли безбожники-коммунисты за то, что он был правоверным мусульманином и чтил Коран. И сегодня я как потомок ишанов и истинный мусульманин присоединяюсь к вам, славным борцам за нашу святую веру и предоставляю вам президентский дворец и здание Кабинета Министров, а также большое количество оружия и боеприпасов. Клянусь до последней капли крови быть с вами!»

После этих слов площадь возликовала. Переход генерала Б. Рахмонова к ним был несравненной удачей, потому что своей изменой генерал наносил удар в самый корень молодого таджикского государства. Голоса одобрения разносились по всей площади.

— Аминь! Да снизойдет на тебя благодать райская, генерал, да продлятся дни твои! Так может поступить только истинный мусульманин. Он достоин поста министра обороны.

Можно представить, как радовался, слыша эти речи, возомнивший себя истинным мусульманином, но не знающий ни одной суры (стиха) из Корана, не понимающий ни слова своего родного языка генерал. Но сколько людей в тот самый час, узнав о его предательском поступке, говорили, что придет день и он ответит перед военным трибуналом.

Оппозиция полностью захватила президентский дворец и здание Кабинета Министров и разграбила все. Затем в эти здания торжественно вошли Давлат Худоназаров и Давлат Исмон. В ту же ночь генерал Рахмонов и полковник Миллер вместе с лидерами оппозиции раздали имеющееся в их ведении оружие бойцам так называемой «национальной гвардии». Раздавали без какого-либо учета, без определения личности бойцов и сте-

пени их подготовки. Тем самым они положили начало братоубийственной войне.

Стало очевидным, что большинство членов «Национальной гвардии» не прошли боевой подготовки, и передача в их руки такого большого количества смертоносного оружия было ничем иным, как тяжким преступлением перед своим народом. За свои услуги перед оппозицией генерал Рахмонов был удостоен звания народного генерала» и назначен главнокомандующим над вооруженными боевиками оппозиции. Первым делом продажный генерал организовал четыре боевые бригады, в которых находилось по одному оснащенному современной техникой БТР. Каждому бойцу генерал Рахмонов собственноручно вручал бронежилет, их у него было 350 штук и предназначались они для солдат и офицеров особого полка при президенте. Таким образом, вооруженные до зубов, на бронемашинах, члены этих бригад разъезжали по улицам города, вылавливали сторонников площади Озоди, пугали людей выстрелами.

Силы МВД, руководители которого заняли позицию невмешательства, своим бездействием по сути поддерживали оппозицию. Генерал Рахмонов провел пресс-конференцию и, отвечая на вопросы журналистов, сказал: «Оппозиция идет по верному пути и мы будем бороться за свободу».

Оппозиционные газеты печатали хвалебные статьи во славу генерала, умалчивая при этом, что он снабдил оружием тех, кто шел проливать кровь своих братьев.

Один из участников конференции, директор киностудии «Таджикфильм» С. Рахимов, обратив на Рахмонова свой восхищенный взор, приевтствовал его словами: «Мой генерал...»

ПРЕЗИДЕНТ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Еще раньше Рахмон Набиев с целью защиты президентского аппарата и населения Душанбе издал Указ о создании отдельного батальона и возложил его выполнение на председателя Комитета обороны при президенте Таджикистана — генерал-майора Ф. Н. Ниязова и военного комиссара Республики Таджикистан генерал-майора М. Мамаджанова. Приведу Указ полностью.

УКАЗ ОБ ОТДЕЛЬНОМ БАТАЛЬОНЕ В СОСТАВЕ БРИГАДЫ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

1. В течение двух недель в составе бригады особого назначения образовать отдельный батальон.

2. Назначить полковника Джобирова Бурихона командиром отдельного батальона.

3. Комитету обороны Республики Таджикистан и Военному комиссариату Республики Таджикистан обеспечить отдельный батальон личным составом (в том числе офицерами), техникой и оружием.

4. Кабинету Министров Республики Таджикистан для содержания батальона особого назначения выделить необходимые средства.

5. Душанбинскому горисполкому в течение пяти дней для размещения личного состава отдельного батальона предоставить соответствующие помещения.

г. Душанбе
1 мая 1992 года,
№ УП-76.

Президент НАБИЕВ Р. Н.

Согласно этому Указу с участием сотрудников гражданской обороны и Военного комиссариата в установленном порядке из числа желающих стали набирать людей в ряды гвардии.

По представлению руководства Национальной Гвардии из числа офицеров назначались командиры отделений и бойцы обеспечивались военной формой. После этого генерал Ниязов обратился ко мне, назначенному председателем КНБ, и попросил снабдить оружием Национальную Гвардию за счет подведомственной мне организации. Я наотрез отказался, ссылаясь на то, что Указ президента республики обязывает к этому правительство и подлежит неукоснительному исполнению. А находящееся в КНБ оружие необходимо его сотрудникам.

После моего решительного отказа правительство республики обеспечило Национальную Гвардию необходимым оружием из имеющихся резервов.

Тем временем страсти митингующих накалились до предела, охватили весь город и переметнулись на окрестности. Вооруженные боевики занимались грабежом и убийствами. Чтобы добыть себе оружие, боевики пытались проникнуть в отделения милиции и силой захватить автоматы и пистолеты. У входа в отделение милиции Октябрьского района произошла стычка между грабителями и милиционерами, не пожелавшими отдать свое оружие. Зато это им удалось в Кофарнихонском районе, где боевики полностью разоружили работников райотдела милиции. Были случаи добровольной сдачи работниками милиции своего оружия насильникам с площади Шахидон, о чем составлялся акт.

Это оружие потом использовалось против того народа, за

чей счет и жили работники правоохранительных органов. Всего в течение трех дней в руки оппозиции попало 275 автоматов, 180 пистолетов, 10 автомашин, принадлежащих различным службам МВД. Но вместо наказания сотрудников, добровольно или без сопротивления сдавших свое боевое оружие преступным элементам, их ждала благодарность со стороны министерства...

Заслуживает внимания и такой факт. Оппозиция с помощью средств массовой информации на весь мир подняла шум по поводу того, что президент якобы пошел против закона и дал согласие на вооружение 750 членов своей гвардии. Но вот о том, что сторонники площади Шахидон преступным путем захватывали сотни стволов оружия, принадлежащего подразделениям МВД и полку президента, они почему-то предпочитали умалчивать. Где же справедливость?

Оппозиция, не упускала ни одного случая, чтобы пополнить свой боевой арсенал. По указанию Б. Рахмонова оппозиционеры «присвоили» еще три БТРа, бывших в распоряжении ДОСААФ. В результате в руках оппозиции оказалось немалое количество различного оружия и боевой техники. Было ясно, что оппозиция готовится к решительному шагу на пути захвата власти и не остановится ни перед чем. А правительство, хотя в его распоряжении был полк ГО в Каратаге, имелось 37 БТРов, за три месяца не удосужилось подготовить для них квалифицированных водителей... Вся боевая техника, находящаяся в ведении правительства, в те тревожные дни, когда решалась судьба целого народа, находилась без действия, в сущности, была мертвым грузом. Это ли не преступная халатность, которую нельзя простить?

Обе площади бурлили. Особым красноречием отличались ораторы на площади Шахидон. С каждым разом их выступления становились все более агрессивными, от них людей бросало в дрожь: «Истребляйте коммунистов», «Коммунисты — кафиры», «Хороните их без джанозы!», «На площади Озоди собрались прокоммунисты», «Мулло Хайдар Шарифзода, Рустам Абдурахим, Сангак Сафаров, Субхон Туйгунов, Абдусалом Курбонов, Мухаррама Мирзоалиева, Ботур Исхаков — нечестивцы» и т. д. Эти лозунги и призывы передавались по всей республике с помощью радиостанций, установленных на площади Шахидон.

Все это было очередным очернительством достойных людей. Тех, кто подвергался оскорблениям собравшихся на площади Шахидон, я знал лично. Это честные, не умеющие кривить душой, говорящие правду в глаза люди. Они не меняли, подобно многим лидерам оппозиции, свою политическую окраску в зависимости от того, откуда дует ветер, не изменяли своим убеж-

дениям. Это — Рустам Абдурахимов, Субхон Туйгунов, Абдусалом Курбонов, Мухаррама Мирзоалиева, Ботур Исхаков, Сангак Сафаров, Мулло Хайдар Шарифзода, Бободжанов из Канибадама, Кадыров из Явана, Абдугани Абдуллоджанов из Худжанда, Фазыл Абдуллоев из Матчи, Шехсафо Бобоев из Пенджикента, Нурматов, Мавжуда Бабаева из Айнинского района и т. д.

Они пользуются заслуженным авторитетом, за ними люди идут, потому что верят им. Отчего против них так ополчилась оппозиция и бросает камни в их огород? И разве можно своих идейных противников объявлять нечистивцами и отступниками от веры? В одной из священных книг говорится: «Не любящий брата своего, которого видит ,как может полюбить Бога, которого не видит?!».

Если все мусульмане — братья, как же можно поднимать руку на брата, подвергать его оскорблениям и унижению? Как можно без зазрения совести, людей, стоящих на площади Озоди, окрестить нечистивцами и отступниками от веры, а всех, кто пришел на площадь Шахидон, называть истинными мусульманами, которые на том свете обязательно попадут в рай?! Пугая людей муками ада, муллы и ишаны на площади Шахидон своими выступлениями совершали сами грех, достойный самой суровой кары. Как тут не вспомнить слова великого поэта:

Коль значенье мусульманства в том, что высказал Хафиз,
Жаль, что следом за «сегодня» встанет «завтра» на беду.

Руководители партии исламского возрождения, называвшие себя «защитниками веры», забыли, что в Коране сказано: «В религии нет принуждения». В демократическом правовом обществе в обязательном порядке должна быть гарантирована свобода совести. И я видел, как на площади Озоди многие люди также неукоснительно следовали предписаниям ислама, своевременно творили молитвы и при любом начинании упоминали Аллаха и пророка Мухаммада. Так по какому праву эти люди, простые труженики были объявлены кафирами и богоотступниками? Разве «защитники веры» тем самым не поступили вопреки законам ислама, учению пророка Мухаммада, призывавшего к терпению и любви к братьям по вере?

Еще неизвестно, кто ближе и угоден Богу — те, кто творили молитву на площади Шахидон, или те, кто собрались на площади Озоди.

Вспомним цитату из Корана: «Всякий поступает по своему подобию, и Господь Ваш лучше знает тех, кто прямее дорогой». И еще: «А если бы пожелал свой Господь, тогда бы уверовали

все, кто на земле, целиком. Разве ж ты вынудишь людей к тому, что они станут верующими?»

В народе говорят: царь — это тень Бога на земле. Народ всегда учил чтить и уважать того, кто является его управителем. Уверен, что если бы все предоставили самоми народу, он бы всячески поддерживал Р. Набиена, которого народ сам и избрал в президенты. Но оппозиция не дала возможности законному правительству, законному президенту в нормальной обстановке выполнять свои обязанности.

Если бы вместо Р. Набиева тогда, во время выборов, прошел любой другой человек, за четыре — пять месяцев вряд ли ему удалось существенно изменить экономику, другие сфеды народного хозяйства. Чтобы выйти из кризиса и продвинуть республику вперед, нужно было время и самоотверженный труд. Это понимали и лидеры оппозиции, руководители партии исламского возрождения. Но они, ради мелочных интересов и удовлетворения политических амбиций, будоражили народ и, заклиная Кораном, направляли забитых людей против президента, который на недавних выборах получил абсолютную поддержку избирателей, против правительства, делающего первые шаги в условиях суверенитета и независимости.

Пророк Мухаммал учил, что политика и религия — это как восток и запад: приближаясь к одному ,ты отодвигаешься от другого. И каждому, кто попытается использовать религию для достижения своих жалких целей, воздастся в Судный день. Но как часто пренебрегали этой заповедью казикалон, руководители исламской партии возрождения, жаждущие мирской власти и ради достижения своих целей вводящие в заблуждение доверчивых людей.

В лагере оппозиции оказался и полковник КНБ Джурабек Аминов, долгое время работавший в контрразведке России, получивший хорошую закалку, но не удостоившийся высоких постов в своем Таджикистане. Его опыт, советы и инструкции были неоценимы для оппозиции во время совершения боевых операций по захвату важных государственных объектов. Это было известно всем. Но сколько было еще подобных Б. Рахмонову и Д. Аминову генералов и полковников, которые, не раскрывая своих карт, тайно оказывали помощь оппозиции. Думаю со временем их имена станут известны и будет определена их роль в совершении антиправительственного переворота.

Именно эти явные и тайные военные консультанты разработали план по захвату аэропорта, авто- и железнодорожного вокзалов в городе Душанбе. На всех этих объектах был установлен строжайший контроль, и все движение осуществлялось по разрешению вооруженных людей оппозиции. Ни один самолет

не мог вылететь или приземлиться в аэропорту, ни один поезд не мог тронуться или прибыть в Душанбе без особого разрешения и тщательной проверки специальной команды из числа оппозиционеров. Как упоминалось выше, даже проезд по городу был возможен только по особому пропуску, который выдавал казиат. А работники правоохранительных органов смотрели на все это сквозь пальцы и не пытались что-либо изменить.

Все это говорило о том, что оппозиция во всех органах власти имела своих людей и твердо шла к своей единственной цели — государственному перевороту и захвату власти. А руководство республики все еще надеялось, что может чего-то добиться путем мирных переговоров и соглашений. Оно готово было в угоду оппозиции пожертвовать некоторыми, не имеющими всесильной поддержки политиками, лишь бы сохранить свою власть. Но это были пустые иллюзии, дело зашло слишком далеко.

Чтобы быстрее осуществить свои коварные планы, лидеры оппозиции образовали специальную группу, в которую вошли 100--150 человек из числа «патриотов нации». Все они были вооружены до зубов. Часть этих боевиков была направлена на перевалы Шаршар, Чормагзак, т. е. на границу Кофарниханского района и Кулябской области, остальные перекрыли дорогу в Ленинский и Яванский районы. Заняв удобное стратегическое положение, «патриоты нации» обстреляли машины, на которых безоружные люди везли продукты из Куляба для своих людей на площади Озоди.

Так пролилась человеческая кровь. На площади Озоди началось сильное волнение, люди требовали от правительства неотложных мер для предотвращения кровавой бойни, выражали недоверие к руководителям МВД.

В высшим эшелоне власти была полнейшая безответственность, все руководители куда-то попрятались. Я был свидетелем, как долго и безуспешно президент пытался разыскать премьер-министра, а тот словно в воду канул. Если не считать нескольких людей, у которых душа действительно болела за народ, то президент Р. Набиев оказался в полном одиночестве и, можно сказать, в изоляции. Только тогда он понял, что наконец нужно предпринимать более решительные меры, но узел проблем был уже затянут слишком туго. Он стал различать, кто есть кто!

Но даже в эти трудные минуты находились люди, которые своим мужеством и самоотверженностью пытались не дать упасть духом президенту. Среди них была и Мукаррама Тошматова, бесстрашия которой так не доставало многим государственным мужам.

Тогда стало совершенно очевидно, кто истинный друг, а кто лишь притворяется им. Было видно, что президенту приходится тяжело. Может быть, в те минуты он думал о том, что опять, как и прежде, допустил большую ошибку при подборе и расстановке кадров и вновь окружил себя неверными людьми.

4 мая 1992 года я и еще несколько человек пришли к президенту и во избежание неминуемого кровопролития вновь просили ввести чрезвычайное положение и комендантский час в городе Душанбе. Мы также потребовали назначить коменданта города, чтобы все силы для защиты конституционного строя находились в одних, но твердых и уверенных руках. Это требование было неслучайным. До того времени все подразделения, находящиеся в ведении государства, действовали разрозненно. Не было взаимопонимания между руководством МВД, военным комиссариатом, Комитетом обороны, Душанбинским гарнизоном и КНБ республики.

Каждый из руководителей этих ведомств, наделенный большой властью, считал себя выше других, не желал прислушиваться к чужому мнению и занимался сплетнями и злословием. Такое отношение между руководителями служб, призванных защищать конституционный строй и обеспечивать правопорядок в обществе, сложилось с первых дней прихода к власти Р. Набиева. Это настроение передавалось работникам аппарата данных служб и ведомств и приводило к ослаблению дисциплины и ответственности сверху донизу.

К сожалению, президент не почувствовал это сразу, упустил время и уже не мог остановить набирающий силу процесс развала и хаоса в стране. По моему твердому убеждению, именно в том, что службы безопасности и органы правопорядка были разрознены и фактически вышли из подчинения правительства была причина поражения Набиева и крушения власти.

Несмотря на очевидность ситуации и то, что проект Указа о введении чрезвычайного положения и комендантского часа был готов, вопреки моему и вице-президента Н. Дустова требованию президент не решался его подписать. Члены правительства и руководство МВД уверяли президента в том, что для принятия такого Указа еще нет оснований и что правительство не располагает достаточными силами для его исполнения. Хотя ситуация менялась с каждым часом, было ясно, как день, что оппозиция намерена вооруженным путем захватить власть.

Надвигались кровавые события.

НОВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Утром 4 мая митингующие на площади Озоди, а также значительное число депутатов Верховного Совета со всей решимостью потребовали рассмотреть на сессии один из пунктов своего требования ,а именно об отмене Постановления 13-ой сессии об освобождении С. Кенджаева от обязанностей председателя Верховного Совета и восстановлении его в прежней должности. Только в том случае народ обещал разойтись по домам.

Перед началом сессии члены Президиума Верховного Совета, Президент и вице-президент, председатель Кабинета Министров и его заместители провели короткое совещание. Я тут же предложил всем вместе выйти к народу и попросить его не настаивать на своем требовании о моем восстановлении, ибо это может усилить противостояние и обострить ситуацию. Тем более, что на основании принятого Постановления Верховного Совета Республики Таджикистан в ближайшем будущем, то есть в декабре 1992 года, должны были пройти выборы нового парламента. Тогда могло быть возможным мое выдвижение на должность спикера палаты. Я как председатель КНБ Таджикистана и здесь мог принести посильную помощь республике и народу.

По-моему, это были достаточно веские доводы, чтобы убедить и успокоить более 500 тысяч митингующих площади Озоди и на местах, но президент не поддержал моей просьбы. Тогда я обратился к членам Президиума и руководству Кабинета Министров, чтобы они со мной пошли к митингующим, но и они не прислушались к моим доводам. Я ломал голову, но не мог понять причину отказа. Неужели, думал я, так трудно выйти всем к народу на площадь, объяснить ситуацию и попросить разойтись по домом. Я был уверен, люди бы нас поняли. Обстановка накалялась, братоубийственная война ожидала нас у порога дома и мне непонятна была позиция руководства республики, кроме Н. Дустова.

Тогда уже поступило достаточно информации о том, что исламская партия возрождения, тайно образованная 15 лет назад, готовилась и вынашивала идею государственного переворота и теперь была намерена осуществить задуманное. Руководству республики было известно также и о том, что на площадь Шахидон в большом количестве поступает огнестрельное оружие.

Уже тогда им было известно о том, что оппозиция захватила несколько пушек и ракет, используемых против града, и установила их в определённых местах.

Почему же руководство республики не предпринимало никаких шагов, чтобы обезопасить народ от трагедии, которая назревала? Таких «почему?» у меня накопилось целое множество, и я безуспешно ломал голову над ними. Ответить на эти вопросы было долгом руководителей республики. А их понять становилось все труднее. Они заврались и не доверяли друг другу.

Вокруг руководителей республики собрались всякого рода подхалимы, предатели и доносчики. Советуясь с ними, первые лица чуть ли не каждый день меняли свои решения, в том числе и по кадровым вопросам. В то время как черные тучи все больше сгущались над народом, среди политиков разворачивались закулисные игры. Наблюдая за всем этим, я все больше приходил к убеждению, что эта власть продержится недолго.

Помнится, когда еще я работал в должности заместителя Среднеазиатского прокурора по надзору за исполнением законов на транспорте, как народный депутат Таджикистана участвовал на первой сессии Верховного Совета, и высказал свои соображения о недостатках тогдашнего руководства республики ,первый секретарь ЦК КП Таджикистана К. Махкамов, боровшийся за кресло председателя Верхорвного Совета республики, пригласил меня, к себе. Он спросил, какая помощь нужна мне, думая, что я стану называть какие-то должности. Но я твердо сказал: «Желаю только одного, чтобы вы не окружали себя подхалимами и лицемерами, а опирались на честных и компетентных людей».

Теперь, наблюдая за теми, кто окружал президента и других руководителей республики, я вспомнил тот разговор. Именно то, от чего я предостерегал предшественника Р. Набиева, произошло и с ним. Именно это умело и искусно использовали в своих интересах лидеры оппозиции.

Однажды, когда после заседания Президиума Верховного Совета ко мне заглянул Н. Дустов, я поделился с ним своими думами и с грустью сказал, что окружение президента, состоящее в основном из льстецов и подхалимов, карьеристов, до добра не доведет. Особенно их следует остерегаться нам, неискушенным в политике. На что он улыбнулся и ответил: «Все будет хорошо, Сафаралиджон, не беспокойся».

... Словом, когда в тот памятный день, 4 мая 1992 года, руководители республики не приняли мое предложение и не вышли к народу на площадь Озоди, я это сделал сам.

Как я уже говорил, на площади собралось порядка 500 тысяч человек и мне стоило больших усилий, чтобы успокоить возбужденную массу. Я сказал все, что думал о последних событиях и во избежание столкновений и кровопролития попросил собравшихся отказаться от требования восстановить меня

на должность председателя Верховного Совета и разъехаться по своим районам и городам. Но люди стояли на своем. Они говорили, что справедливость должна быть восстановлена и я должен вернуться на свое прежнее место. Тогда я собрал главных организаторов многотысячного митинга ,а также представителей всех национальностей, собравшихся на площади, и попросил их помочь успокоить народ и уговорить их вернуться домой. Но они заявили, что народ не повернет обратно, пока не добьется своего, тем более, что пролита человеческая кровь. Я потерял всякую надежду изменить что-то, Как сделать, чтобы люди, пришедшие восстановить справедливость, не пострадали невинно, как уберечь их от огня, зловещие языки которого приближались все ближе? Вот что беспокоило меня более всего.

В 4 часа дня начала работу сессия Верховного Совета республики. Мне позвонили и сказали, что бы я тоже принял участеи. На обсуждение депутатов, как и требовали митингующие на площади Озоди, первым был вынесен вопрос: «Об отмене Постановления предыдущей сессии и восстановлении в должности председателя Верховного Совета республики С. Кенджаева».

Я сразу же попросил слово, сказав, что в условиях, когда продолжается бурное противостояние двух площадей, когда пролита кровь, рассмотрение этого вопроса невозможно. Я предложил три варианта безболезненного, на мой вгляд, решения данного вопроса.

Первый — отложить его рассмотрение до следующей сессии, когда будут освобождены площади и можно будет работать в спокойной обстановке.

Второй — снять с повестки дня этот вопрос и для его разрешения создать комиссию из числа депутатов и представителей площади и прийти к согласованному решению. И, наконец, **третий** — внести поправку в статью 109 Конституции и до новых выборов парламента в декабре 1992 года сделать должность председателя Верховного Совета общественной.

Часть депутатов поддержала первый вариант, другая часть— второй. По третьему варианту мнения тоже разошлись. Одни были именно за такое решение вопроса, другие полагали, что должность председателя Верховного Совета не может быть общественной или почетной.

Вопреки предписаниям регламента, председательствующий на сессии А. Искандаров не ставил мои предложения и мнения депутатов на голосование. Но часть депутатов настаивала, чтобы внести поправку в статью 109 Конституции, а меня избрать почетным спикером палаты. С этим предложением согласились

и руководители митинга на площадях Озоди и Шахидон. В конце концов, подготовка проекта решения Верховного Совета была поручена соответствующему комитету. Был объявлен перерыв, и я поехал к себе на работу, в КНБ.

После перерыва вновь начались бурные дебаты. Часть депутатов считала, что совмещение должностей председателя Верховного Совета и председателя КНБ будет неправильно понято в других странах. В это время поднялся председатель комитета по законодательству и борьбе с преступностью Верховного Совета Республики Таджикистан депутат А. Хабибов и неожиданно предложил поддержать просьбу митингующих на площади Озоди об отмене решения XIII сессии и моем восстановлении в должности председателя Верховного Совета. Просил депутатов поддержать его предложение. Это меня крайне озадачило, потому что А. Хабибов был активным сторонником оппозиции и ярым моим противников. «Что-то здесь не так»,— думалось мне. Я был уверен, что А. Хабибов действует от имени и по поручению лидеров оппозиции. Возможно, он собирался тогда убить сразу двух зайцев. С одной стороны, среди тех, кто непоколебимо стоял на площади Озоди, было и немало его избирателей, и он своим предложением хотел показать, что идет навстречу их пожеланиям. С другой стороны, он прекрасно знал о грядущем перевороте, который должен был убрать меня, на какой бы должности я не находился, в том числе и на посту председателя Верховного Совета республики. Вдобавок ко всему мое назначение председателем КНБ сильно встревожило оппозицию. Они делали все, чтобы отстранить меня от должности председателя КНБ. Я мог стать серьезным препятствием для них, особенно в те дни, когда шла активная подготовка к перевороту и захвату власти. Не случайно, когда средства массовой информации сообщили о присвоении мне звания генерал-майора и назначении на пост председателя КНБ, среди оппозиции начался переполох, а ее лидеры держали траур.

Словом, выступление А. Хабибова было для меня как снег на голову. Я понимал, что за его словами кроется какой-то подвох. Поднявшись, я отклонил данное предложение, попросил поддержать мою просьбу и помнить о людях, стоящих на площади Шахидон.

В эту минуту поднялся один из руководителей митинга на площади Озоди и сказал: «Уважаемый Сафарали Кенджаевич! Вы сознаете, что десятки тысяч людей со всех концов республики съехались для того, чтобы защитить вас и законное правительство? И столько же людей, бросив свои дела, митингуют у себя в районах и кишлаках! Все они требуют одного: восстановить в должности Кенджаева! И если вы, уважаемые депута-

3. Оплата для участников митинга производится по часам.

Май 1992 г. Перед нападением на здание Комитета национальной безопасности..

«Плоды» штурма.

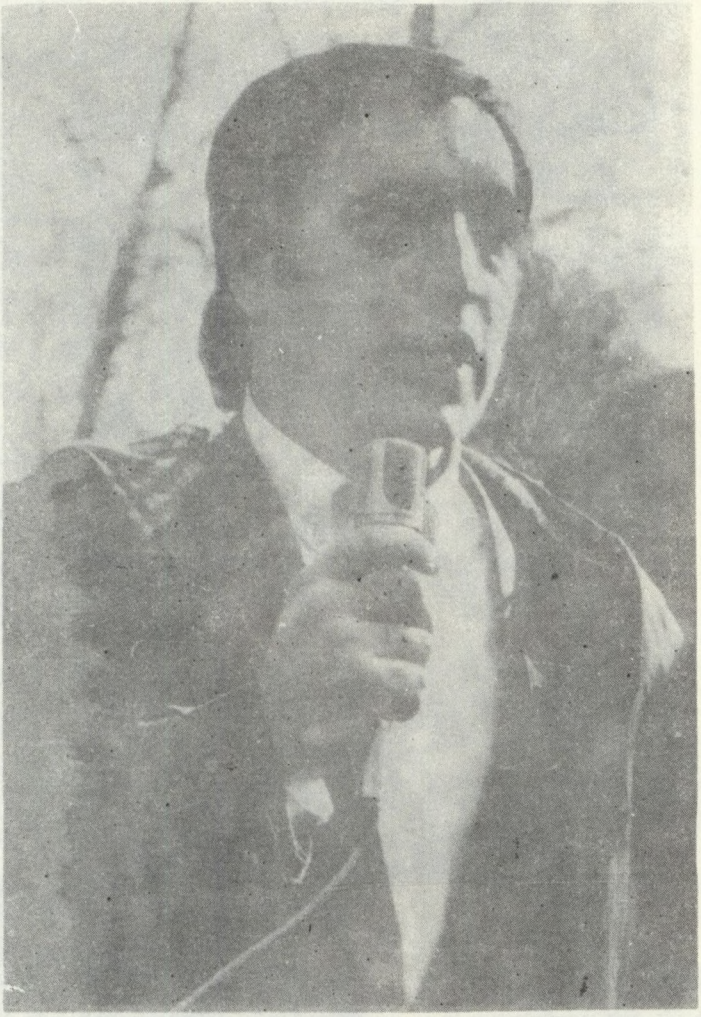
Подстрекательная джаноза — панихида по погибшим во время штурма здания КНБ 10 мая 1992 г.

Для кого-то эта панихида — политическая демонстрация, а для родных и близких — безутешное горе.

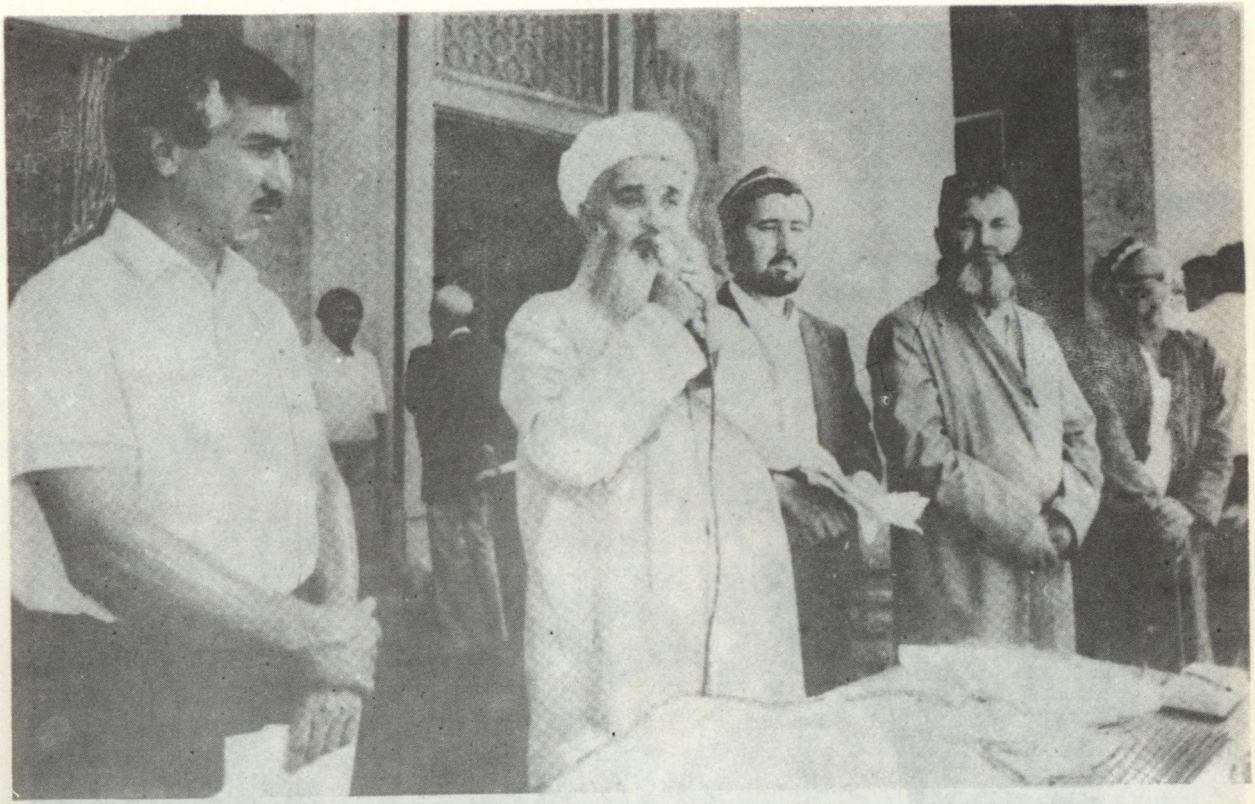
На переднем плане объявившие себя «отцом» и «матерью» нации Д. Худоназаров и Г. Сафиева. Куда они привели обманутый народ, теперь понимают все: к братоубийственной войне.

Один из духовных лидеров воинствующей оппозиции Давлат Худоназаров.

Председатель народного движения «Растохез», депутат парламента Тохир Абдужаббор выступает на площади Шахидон.

Выступает имам — хатиб Курган-Тюбинской соборной мечети Саидашраф Абдулахадов. Слева — Мирбобо Миррахимов, справа — Давлат Исмон.

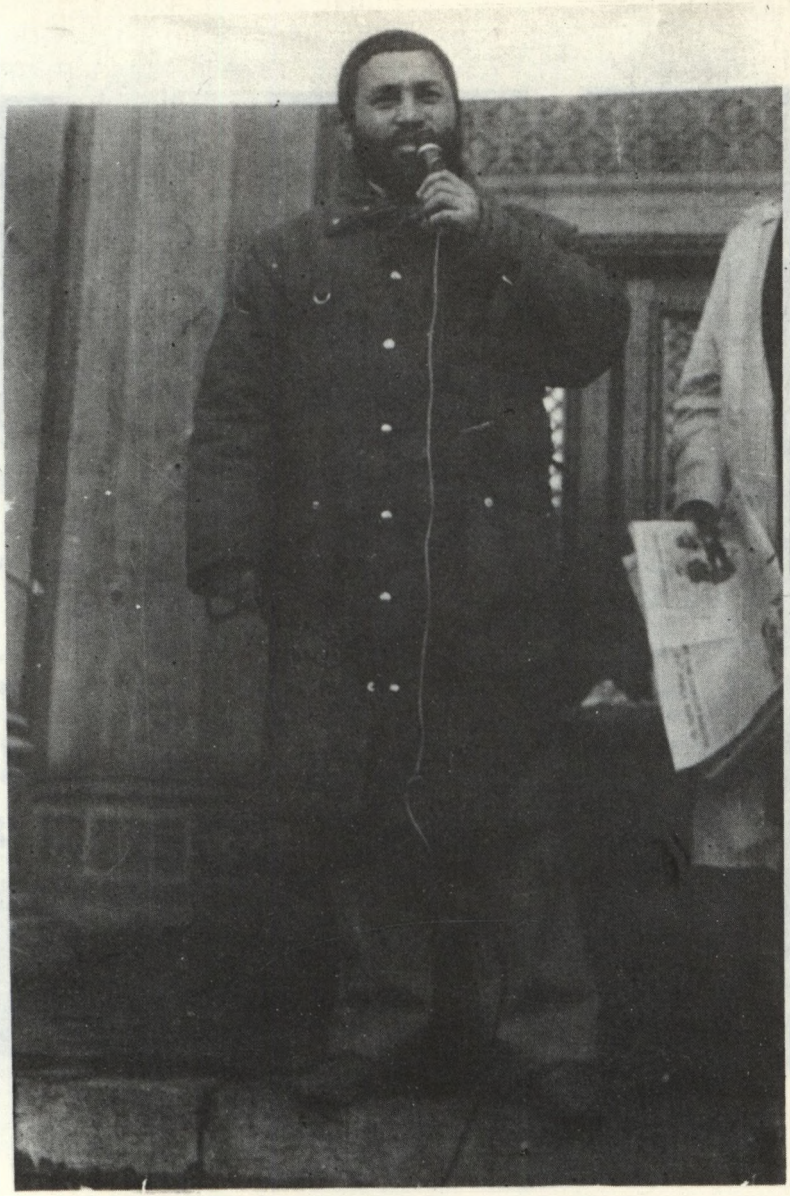
Поэт Бозор Собир призывает людей взять в руки оружие.

Один из активных участников митинга на площади Шахидон Мулло Ход-Саъдидин.

Торжество оппозиции на площади Озоди после ухода оттуда сторонников законного Правительства.

Штатный оратор площади Шахидон Кори Киёмиддин.

Бывший коммунист Теша Раджаб на службе у вооруженной оппозиции.

И детей привели на площадь Шахидон.

Где это видано, чтобы молодые женщины на виду у тысячи мужчин творили молитву. Это совершенно противоречит предписаниям ислама.

Джихад во имя власти. «Победа или смерть!».

Моджахед с площади Шахидон сидит в засаде.

«Национальная гвардия» оппозиции готовится к захвату здания КНБ.

Вот что добились лидеры оппозиции, посылая людей на штурм здания КНБ.

Заместитель председателя демократической партии А. Сохибназаров, активист площади Шахидон Мирбобо Миррахимов

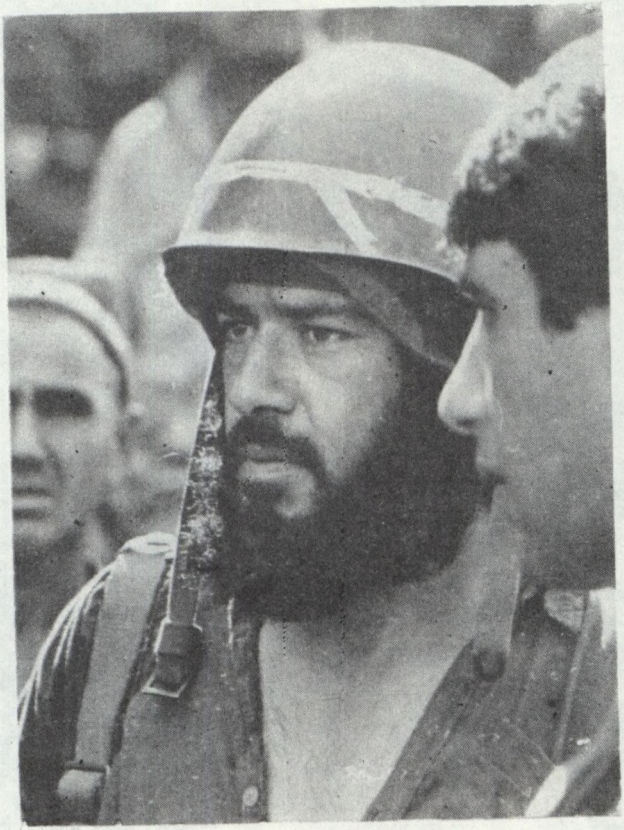
Давлат Исмон с замиранием слушает разглагольствования Гульрухсор Сафиевой.

Председатель Партии исламского возрождения Таджикистана Мухаммадшариф Химматэода призывает собравшихся на площади Шахидон к джихаду — священной войне.

Председатель демократической партии Шодмон Юсуф.

«Народный генерал» Кори Саид Киёмиддин в военной форме.

Слово берёт О. Латифи.

«Народный генерал» Ходжи Кори Мухаммаджон.

Активистка движения «Растохез» Мамлакат Джавджиева держит экзамен перед заместителем председателя Партии исламского возрождения Давлатом Исмоном.

Заместитель Партии исламского возрождения Давлат Исмон призывает «священной войне».

Первые часы на телевидении после его вооруженного захвата «демократическими силами».

Фрагмент митинга.

Площадь Шахидон. 2 мая 1992 г.

ты, станете выступать против воли трудящихся, против мнения стариков и молодежи, мужчин и женщин, против мнения всех людей, населяющих нашу республику, то как мы можем успокоить и увести народ, который столько дней стоит на площади и с надеждой ждет решения сессии?! Если вы пойдете против своего народа, своих избирателей, то потеряете всякий авторитет в их глазах. Люди не могут забыть подмигиваний казикалона исполняющему обязанности председателя Верховного Совета после снятия Сафарали Кенджаева. Все это было показано по телевидению, и народ пришел в ярость. Народ не успокоится до тех пор, пока справедливость не будет восстановлена!»

Мне было трудно что-либо возразить. Действительно, каким образом можно воспрепятствовать прорвавшемуся гневу народному? Как можно переубедить людей если они уверены в своей правоте?

В ту минуту особенно трудно было мне, потому что я сам вышел из простого народа, с детства познал все тяготы и трудности, которые всегда сопутствуют многодетной семье бедного землепашца. Выступление против воли народа, особенно если этот народ встал на твою защиту, чревато неожиданными и тяжелыми последствиями. Люди попросту не могли бы понять мотивы моего поступка. Но иначе поступить в тот сложный период я не мог. Слишком нагнетающей была обстановка в городе и республике, слишком очевидны были признаки надвигающейся катастрофы. Надо было отставить в сторону личные амбиции, потому что на весы была поставлена судьба целого народа.

Собираясь с мыслями, я молча стоял на трибуне. Потом, справившись с охватившим меня волнением, твердо сказал: «Я никогда не выступал против воли своего народа и впредь никогда не буду выступать. Я низко склоняю голову перед теми, кто встал на мою защиту ,защиту конституционного строя, кто за правду и справедливость. Если за четыре месяца моей работы на посту председателя Верховного Совета республики, половина из которых пришлись на беспрерывные митинги, я сумел завоевать доверие и уважение народа, значит, я был на верном пути, значит, я работал не зря. Еще раз спасибо вам, дорогие соотечественники. Но я прошу выслушать мою точку зрения и постараться меня правильно понять. На площади Озоди и площади Шахидон собрались люди с противоположным мировоззрением, со своими интересами и целями. И там, и здесь — наш народ, братья по крови. Неужели мы не найдем

общего языка, не придем к соглашению и в ход пустим оружие?!».

Казалось, мои слова возымели действие, и в моей душе вспыхнула надежда на благоприятный исход. Но тут слово взял другой депутат, один из активных оппозиционеров Хайдар Акбаров и, отклонив мою просьбу, предложил поддержать мнение председателя Комитета Верховного Совета Хабибова. «Совершенно очевидно,— сказал Акбаров,— что Сафарали Кенджаев был освобожден незаконно, под нажимом площади Шахидон. Поэтому есть смысл пересмотреть решение предыдущей сессии о принятии отставки С. Кенджаева. Я прошу поставить этот вопрос на голосование».

Большинство депутатов тогда не поняли, что за этим предложением прислужников оппозиции кроется что-то неладное. Со всех сторон стало раздаваться: «Ставьте на голосование», «Поддержать мнение депутата Хабибова»!, «Товарищ Искандаров! Почему вы не придерживаетесь регламента?».

Председательствующему ничего не оставалось делать, как поставить на голосование предложение Хабибова. В результате большинством голосов (против только двое) было отменено решение XIII сессии, и я вновь был восстановлен в должности председателя Верховного Совета республики. Наверное, это беспрецедентный случай в истории государства, когда в течение трех с половиной месяцев один и тот же человек трижды избирается тайным голосованием спикером палаты. Но, честно говоря, я был не рад этому ,потому что по закону только депутаты имели право требовать отставки председателя Верховного Совета, а тут получалось, что они зависимы от бушующей за стенами парламента площади и действуют под ее диктовку. Любое предложение митингующих, в том числе и когда речь шла о должностных лицах, без всякого предварительного обсуждения выносилось на сессию Верховного Совета, а Комитет конституционного надзора молчал, словно набрав в рот воды.

Так или иначе, мне вновь пришлось сесть в кресло председательствующего на сессии и руководить ее работой. Вопросы повестки дня были исчерпаны, но обстановка оставалась напряженной. Я решил объявить сессию закрытой и сделать все возможное, чтобы народные депутаты целыми и невредимыми разъехались по своим местам, а руководителей митингов попросил освободить площади.

Прежде чем разойтись, депутаты поинтересовались у меня, где в настоящее время находится президент Рахмон Набиев. Опираясь на имеющуюся информацию, я им сообщил, что пре-

зидент в данный момент находится в здании Кабинета Министров и ведет переговоры с лидерами оппозиции. Действитепьно, у Р. Набиева в тот день была неофициальная встреча с «народным генералом» Эшоном Киемиддином.

Узнав об этом, депутаты заявили, что они не имеют права покинуть столицу в столь ответственный момент и должны дождаться результатов переговоров.

Пришлось в работе сессии объявить перерыв.

Мы собрали несколько депутатов, имеющих авторитет среди населения Бадахшана и, создав пропагандистскую группу во главе с заместителем председателя Верховного Совета А. Искандаровым, попросили встретиться и переговорить с бадахшанской молодежью, которая играла большую роль на площади Шахидон и принимала участие в захвате президентского дворца и здания Кабинета Министров. После встречи с бадахшанской молодежью А. Искандаров сообщил, что памирские ребята намерены уйти с площади Шахидон, так как у них произошли разногласия с лидерами исламистов.

При Верховном Совете Республики Таджикистан функционировал Совет ученых, писателей и других известных людей республики. В тот же день я пригласил членов Совета. Вместе обсуждали, как без кровопролития выйти из создавшегося положения. По их рекомендации в основном из числа людей, близких к оппозиции, которые были их постоянными советниками, выбрали группу посредников. В группу посредников вошли Отахон Латифи, поэт Лоик Шерали, видные ученые Мухаммаджон Шукуров и Акбар Турсунов. Ради достижения гражданского согласия и мира никто не стал возражать против такого состава, но мы предложили включить и академика Р. Рахимова. Мы напомнили членам группы, что время опять очень дорого и во избежание кровопролития и браотубийственной войны нужно всеми средствами найти компромиссное решение. Пусть лидеры оппозиции знают, что ради обеспечения гражданского согласия мы готовы сотрудничать с ними, потому что ни одна должность не стоит того, чтобы из-за нее так будоражить народ и вести республику к расколу, гражданской войне. Почему-то это задело Отахона Латифи и Мухаммаджона Шукурова и они с досадой возразили: «Не следует так говорить. Оппозиции не нужны должности. Она собралась на площади Шахидон во имя демократии и свободы». На что я твердо сказал: «Я не могу найти оправдание лидерам оппозиции, которые, вооружая народ, призывают к братоубийственной войне. Что означают их лозунги: «Победа или смерть!»? От какого гнета собираются освободить народ в своей суверенной республике? В какие «де-

мократические» нормы входит захват народных депутатов в заложники и издевательство над ними?» Я сделал паузу, чтобы дать возможность ответить. Но они молчали. Тогда я продолжил: «Вы и сами прекрасно понимаете, что действия оппозиции направлены на благо горсточки карьеристов и жаждущих славы людей, а не на пользу нации и республики. Их лозунги и призывы попахивают гражданской войной. И каждый, кто через кровь и насилие хочет получить власть, ответит перед судом истории».

Мои слова вконец обидели академика М. Шукурова, и он даже собирался покинуть зал. Но отовсюду стали раздаваться голоса ,призывающие к выдержке и спокойствию, и он снова сел на свое место. Я не хотел никого обижать, но что делать, правда всегда колет глаза.

Через некоторое время группа посредников О. Латифи изъявила желание встретиться с президентом республики, чтобы с ним лично обговорить свои предложения и условия. Я спросил: «Свои предложения вы собираетесь держать в тайне от меня?» На что О. Латифи и М. Шукуров ответили, что намерены посоветоваться с Р. Набиевым и не могут поделиться своими мыслями со мной.

Такое заявление вызвало поток возмущения у сидящих в зале: «Что это за секреты Совета ученых и писателей от председателя Верховного Совета?!».

Слова О. Латифи и М. Шукурова не оставляли сомнений, что они пришли сюда с предложениями, данными оппозицией, и на чью мельницу они собираются лить воду. Это была грязная и лицемерная игра, которую они навязывали нам. Наверняка главным их предложением было мое снятие с поста председателя Верховного Совета. Дело в том, что президент своим Указом после моего восстановления в прежней должности председателем КНБ назначил Р. Турсунова, работавшего до того в Москве. В случае бы моего отстранения я уже не мог вернуться в КНБ. Именно на это рассчитывали и депутаты А. Хабибов и Х. Акбаров, настаивая на восстановлении меня в прежней должности. На посту председателя КНБ я был им не по зубам ,а теперь они могли одним выстрелом убить двух зайцев и, убрав меня с политической арены, смело идти к своим грязным целям.

Я ответил посредникам, что организация их встречи с президентом не в моей компетенции. Дело в том, что президент и не думал с ними встречаться. Мы еще раз посоветовали посредникам встретиться с лидерами оппозиции, выслушать их условия и разработать меры по достижению соглашения. Воз-

можно, тогда президент сможет встретиться с посредниками и обговорить дальнейшие планы.

На этом совещание Совета ученых и писателей закончилось, а группа посредников отправилась на площадь Шахидон для встречи с лидерами оппозиции. Все верили и надеялись, что посредники помогут рассеять тучи непонимания и отчужденности, покрывшие политическое небо республики.

Ситуация тем временем обострялась с каждым часом. Пришло сообщение о том, что группа вооруженных молодчиков с площади Шахидон с символикой «Фидои» («Патриот») и «Марг ё галаба!» («Победа или смерть»!) на головных повязках в кишлаке Олий Совет Ленинского района задержала и подожгла машины, следующие из Куляба с продуктами питания, а также обстреляла мирный кишлак.

Чтобы узнать подробности и принять меры для приостановления кровопролития ,я срочно позвонил в МВД, исполняющему обязанности министра полковнику А. Раджабову. Там уже были проинформированы о случившемся. И. о. министра доложил, что на место преступления выехала оперативная группа и против бойцов «национальной гвардии» с площади Шахидон будет вестись расследование.

Через несколько минут ко мне вошли возбужденные народные депутаты Таджикистана из Кулябской области: «Товарищ председатель Верховного Совета, почему никаких мер не принимаете? Это же настоящий разбой! Есть убитые и раненые. Существует ли власть в государстве?! Кто должен защитить народ?!»

Я снова собирался позвонить в МВД, но депутаты остановили меня. «Звонить Раджабову нет смысла,— сказали они.— Мы уже были у него и знаем, что для предотвращения кровопролития он никого не отправил на место преступления, а Вам дал ложную информацию. Мы ему и раньше не верили, теперь окончательно убедились, что он заодно с оппозицией».

Эта новость меня покоробила. Неужели А. Раджабов, сам выходец из Куляба, мог так предательски отнестись к трагедии своих земляков? Подумав, я позвонил заместителю министра, генерал-майору А. Каххарову и велел немедленно снарядить оперативную группу и направить для расследования и предотвращения кровопролития в кишлак Олий Совет Ленинского района. Он обещал выяснить и позвонить. Через несколько минут сообщил мне по телефону, что в кишлаке Олий Совет стрельба продолжается и он отправил туда более ста работников милиции.

После этого я позвонил казикалону Акбару Тураджонзода, чтобы он вмешался и остановил оппозицию от опрометчивых шагов. Но как ни странно, трубку телефона в мечети Ходжи Якуб снял... Отахон Латифи. Я узнал его по голосу. Я представился и спросил, где кази. «Он будет позже»,— отвечал Латифи. Тогда я коротко сообщил ему о трагедии, развернувшейся в кишлаке Олий Совет, и попросил передать руководителям казиата просьбу Верховного Совета об оказании всяческого содействия по предотвращению дальнейшего разрастания кровавых событий. Я также попросил лично О. Латифи приложить усилия для урегулирования конфликта, который мог стать началом большой бойны.

Положив трубку, я задумался... Кого только не встретишь теперь в наших мечетях. И тех, кто еще вчера бил себя в грудь, уверяя, что он — истинный коммунист, и тех, кто никогда не чтил законов ислама и вопреки предписаниям Корана, крал, прелюбодействовал, лжесвидетельствовал и вообще не гнушался ничем.

Мои раздумья прервал телефонный звонок. Мне опять сообщили, что в кишлаке Олий Совет не прекращается перестрелка и там нет никого из работников правоохранительных органов. Обо всем этом было доложено и вице-президенту Н. Дустову. Мы вместе позвонили по ВЧ председателю Кабинета Министров А. Мирзоеву и попросили принять неотложные меры. Но он спокойно ответил Н. Дустову: «Сейчас не до этого. И вам не советую вмешиваться». Когда я услышал такой ответ, мне показалось, что на мою голову вылили не один, а сто ушатов холодной воды.

Больше я не стал звонить в МВД, потому что его руководители бесстыдно лгали и скрывали истинное положение. Ответ А. Мирзоева еще раз укрепил меня во мнении, что он заранее знал о том, что произойдет — что за всеми этими событиями чувствуется сильная уверенная и жестокая рука.

Что делать? Какие меры предпринять?

Президент республики не выходит на связь и не дает о себе знать. Льется кровь невинных людей, пришедших восстановить справедливость. Премьер-министр не желает вмешиваться, руководство МВД не выполняет моих и вице-президента указаний. Вместе с депутатами из Кулябской области мы не находили себе места, но кругом встречали глухую стену.

Затем я позвонил начальнику ОВД Ленинского района полковнику Хамзе Холмуминову, которого знал лично, и убедительно попросил установить порядок в кишлаке Олий Совет и

защитить мирное население. Как мне стало известно, Холмуминов немедленно выехал на место преступления и вместе со своими сослуживцами оказал яростное сопротивление бандитам. Во время перестрелки он был ранен, несколько человек были убиты. Их тела, а также раненые в кишлаке Олий Совет были привезены на площадь Озоди. При виде этого страшного зрелища площадь еще больше забурлила и заволновалась. Люди готовы были двинуться на площадь Шахидон. Только благодаря имам-хатибу Кулябской мечети Муллохайдару Шарифзода, который, прочитав стих из Корана, призвал народ к разуму и выдержке, разъяренная толпа остановилась. Но чаша терпения народа была наполнена до краев. Люди справедливо требовали призвать к ответственности лидеров оппозиции, по чьим планам развоврачивались события.

В зале Верховного Совета собрались депутаты. Никто не располагал четкой и достоверной информацией, с кем президент проводит переговоры и где. Но все уже знали, что оппозиция кроме президентского дворца и здания Кабинета Министров, захватила еще и аэропорт, железнодорожный вокзал, телецентр и другие важнейшие объекты. На очереди — дом радио, уже были попытки проникнуть туда. По городу на большой скорости проносились бронированные машины, на которых восседали вооруженные молодчики. По существу, государственный переворот уже начался тогда, хотя лидеры оппозиции продолжали утверждать, что они не стремятся к власти.

Я попросил депутатов дать согласие на то, чтобы отложить сессию до нормализации обстановки, ибо в этих условиях трудно говорить о гарантии безопасности и неприкосновенности депутатов. Но все же я заверил, что правительство имеет достаточно сил, чтобы защитить конституционный строй и навести порядок в городах и районах республики. Я не кривил душой, ибо не терял до конца надежду, что президент и его окружение выйдут наконец из охватившего их оцепенения и возьмут власть в свои руки. Но, вспомнив о предательстве генерала Б. Рахмонова и полковника Миллера ,у меня опять сжалось сердце.

Депутаты в основном согласились с моим предложением отложить сессию, но были и такие, которые не хотели оставить народ в столь напряженное время. Однако я стал убеждать, что сейчас, когда в республике ползут слухи один страшнее другого и среди народа может возникнуть паника, лучше, если депутаты будут находиться на своих местах, со своими избирателями.

После этого значительная часть депутатов благополучно разъехалась, другая часть осталась с нами в Верховном Со-

вете. Обстановка накалялась все больше и больше. Неожиданно пришло сообщение, которого я ждал и боялся. Депутаты из Ленинабадской области Ю. Ахмедов, М. Орипов, А. Хабибов, А. Мухитдинов и С. Каримов были задержаны прямо в аэропорту, на борту самолета, затем доставлены в казиат, а оттуда — в тюрьму оппозиции — в подвалы театра имени Лахути. Там их пытали и издевались над ними.

В ночь с четвертого на пятое апреля я и еще несколько депутатов из Кулябской, Курган-Тюбинской и Ленинабадской областей просидели до рассвета, не смыкая глаз, в Верховном Совете. Со всех сторон раздавались выстрелы. Беспрерывно проезжали БТРы. К утру площадь Озоди стала подвергаться обстрелу со стороны главного почтамта, кинотеатра Джами и посольства Исламской республики Иран. Несколько человек были убиты и ранены. На площади начался переполох, люди шумели и волновались. Я сидел, сжав голову руками: «О, Боже,— молил я в душе.— Сделай так, чтобы мой Таджикистан избавился от насилия и притеснений, которым его подвергают темные силы, спаси бедный народ. Сделай так, чтобы на земле таджикской вновь воцарился мир и покой».

К утру 5 мая 1992 года стало ясно, что руководители республики и лидеры оппозиции так и не пришли к единому мнению. Тем временем из кишлака Олий Совет привезли еще одно тело убитого кулябца и несколько раненых. Народ кипел и возмущался, требуя от президента и руководителей правоохранительных органов немедленного принятия мер к убийцам и бандитам. Люди задавались вопросом: «Где, в чьих руках находятся вооруженные силы правительства и президента?! Почему их нигде не видно?!. Кому они служат?!».

«На площади Шахидон почти все вооружены,— говорили они,— дайте и нам оружие, чтобы мы могли защищаться». Терпение у всех лопнуло, никто никого не слушал. В любую минуту мог вспыхнуть рукопашный бой между двумя площадями. Обстановка накалилась доп редела толпа уже никому не подчинялась, каждый, чем мог, вооружался. Люди готовы были драться голыми руками. На их пути стали Муллохайдар Шарифзода, Рустам Абдурахимов, Мухаррама Мирзоалиева, Сангак Сафаров и председатель Кулябского облисполкома К. Мирзоалиев. Они умоляли народ проявить еще немного терпения, подождать, пока станут известны результаты переговоров. Но трудно остановить бурный поток, когда река вышла из своих берегов. Народ на площади Озоди был страшен в своем гневе.

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

Последние события не оставляли больше сомнений в том, что темные силы толкают народ в пучину кровавой трагедии. Что делать? Как противостоять этим темным силам? Как предотвратить гражданскую войну? Эти мысли не давали покоя. И не только мне...

Вместе с генеральным прокурором Н. Хувайдуллоевым, вице-президентом Н. Дустовым, советником президента А. Джабборовым, народными депутатами К. Мирзоалиевым, Х. Шарифовым, Муллохайдаром Шарифзода, М. Шерализода, М. Олимовым, Ф. Ниёзовым, М. Мухаммаджановым и другими мы собрались в кабинете заместителя председателя Верховного Совета В. Приписнова, потому что с некоторых пор, а точнее, после того, как непрошенные «гости» захватили президентский дворец, Р. Набиев перебрался в кабинет Приписнова.

Мы думали ещё раз поговорить с президентом по поводу введения чрезвычайного положения и комендантского часа в Душанбе. Потому что обстановка в городе накалилась до предела. Все главные объекты, в том числе телевидение, находились под контролем оппозиции. Но, к сожалению, как это уже случалось не раз, мы не застали президента на месте.

По словам Н. Дустова ,в тот день при посредничестве министра сельского строительства Р. Гафурова президент Набиев нелегально трижды встречался в его кабинете с генералом народной армии оппозиции Эшоном Киемиддином. Какие вопросы стали предметом обсуждения и к какому соглашению пришли стороны — было неизвестно.

Вице-президенту ничего не оставалось, как позвонить Набиеву домой. «Вы представляете, что здесь творится?! — кричал он в трубку.— Идет настоящая война. Пролилась человеческая кровь. Оппозиция фактически захватила город. На трассе, ведущей в Яван и Ленинский район, произошли бои. Погибло несколько человек. Вы должны немедленно явиться в Верховный Совет. Нужно что-то делать...»

В эту самую минуту во дворе Верховного Совета прозвучала автоматная очередь. Я кинулся к открытому окну и увидел с третьего этажа лежащего на земле человека. Это был народный депутат, главный редактор газеты «Садои мардум» Муродулло Шерализода. Незадолго до этого он был с нами. Когда и зачем он вышел во двор, я не знал. Мы все побежали вниз. В это время подъехал Набиев. Собравшиеся окружили М. Шерализода и взяли его на руки, но он уже был мертв.

Кто, зачем поднял руку на этого замечательного человека?

Красивый, молодой, всегда улыбчивый, Муродулло среди народных депутатов отличался высокой культурой и интеллигентностью, широтой мышления, блестящими ораторскими способностями. Это был человек с самыми чистыми помыслами, верный и надежный друг. Его выступления на сессиях, публикации в печати свидетельствовали о том ,что это здравомыслящий политик, истинный демократ, главная цель которого — честное служение своему народу.

Предательская пуля не случайно пронзила сердце нашего Муродулло именно в тот час, когда над страной нависли черные тучи и решалась судьба народа. Своей политической и гражданской позицией этот умный и стойкий человек представлял ощутимую преграду для тех, кто незаконным, антидемократическим путем стремился к власти. В ту минуту, когда он, скошенный автоматной очередью, лежал на земле, я словно оглох. Разум, все мое существо отказывались верить, что М. Шерализода погиб, что его больше не будет с нами. Я вспомнил, как на сессиях, попросив слова, он стремительно направлялся к трибуне, как хорошо поставленным голосом обращался к залу. Его краткие, высокоинтеллектуальные речи всегда содержали конструктивные мысли, конкретные предложения.

Когда выступал депутат М. Шерализода, все — и друзья, и противники — понимали, какое это могучее и сильное оружие— слово.

В своей последней речи, произнесенной за несколько часов до трагической гибели, Муродулло Шерализода говорил:

— Я только вчера приехал со своего избирательного участка, еще раз проникся настроением своих избирателей. Чего больше всего жаждет народ? Народ жаждет одного — чтобы на земле были мир и справедливость, чтобы каждый человек жил и трудился спокойно и был уверен в завтрашнем дне. Простые люди спрашивают меня, почему некоторые депутаты надели на свои лица маски лицемерия: на словах они призывают к единству, а на деле ведут республику к расколу? Народ обмануть невозможно, он видит, как глубоки корни местничества среди депутатов, как во время выдвижения кадров доминируют местнические настроения. Доколе так будет продолжаться, дорогие соотечественники?! Я не побоюсь сказать, что многое не ладится в обществе из-ра розни депутатов, из-за их идейной политической неустойчивости. Это больше касается тех, кто стремится к высоким должностям. Среди нас немало еще и таких, которые ради карьеры готовы немедленно поступиться своими убеждениями, готовы продать все то, чему по-

клонялись еще вчера. Для них выражения «судьба нации», «отечество» — лишь пустые слова»...

После того выступления я стал невольным свидетелем, как один из депутатов сказал Муродулло о том, что он выступал слишком резко.

— А как еще выступать в такой ситуации?! — возмутился он. Посмотрите, сколько депутатов заняли позицию невмешаетльства, словно все, что происходит вокруг, их не касается. Во время принятия важнейший решений на сессии, они во главу угла прежде всего ставят свои мелкие, местнические и клановые интересы. Критиковать — они мастера ,а вот когда нужно указать пути выхода из создавшегося положения, тут они проявляют свою полную некомпетентность. Во время принятия того или иного закона многие депутаты активны, но как эти законы выполняются потом — им до этого нет дела...

Таким вот окрытым, искренним и честным был Муродулло на работе, дома, в кругу друзей. Я не раз слышал от тех, кто близко был знаком с ним, что Муродулло — очень душевный человек, всем желает только добра. Но вместе с тем он не может видеть лицемерие, подлость, обман.

Однажды во время беседы Муродулло процитировал следующий бейт-двустишие:

Ислам по сути своей свободен от пороков,
Все пороки, что есть, в мусульманстве нашем.

— Я эту мысль,— говорил тогда Муродулло,— могу смело отнести и ко многим членам партии. Они извратили идеи партии и своими поступками навели тень на плетень. Ради частного, они готовы пожертвовать общим. Сегодня пляшут под одну дудку, завтра — под другую.

Теперь, когда его нет в живых, и я встречаюсь с его родными и близкими, они с огромной болью вспоминают Муродулло и шлют проклятья его подлым убийцам.

Мать Муродулло сгорбилась под тяжестью горя. Тоска по сыну иссушила ее. Она сидит в домике, который собственными руками построил ее сын, в родном Кулоли ,и мысли ее устремлены к Муродулло, чья могила находится у въезда в кишлак. Грудь убитой горем матери подобна жаровне, в которой не угасает огонь, сжигающий ее постоянно, день и ночь.

Кто поможет ей?! Кто вернет ей сына?!

Скажите, люди добрые, где справедливость?! Разве вооруженные каратели выдававшие себя за «демократов» и сплотившиеся под знаменем ислама, те самые, на чьих руках кровь

Муродулло и тысяч ему подобных, тоже из рода человеческого? Неужто и они питались молоком матери? Нет!

Мне трудно в это поверить. Иначе почему убить человека для них все равно, что раз плюнуть? В своем невежестве, ослепленные злобой, они с корнями вырывают лучшие цветы в цветнике своей нации. И еще гордятся своими неслыханной жестокости преступлениями, не сознавая, какой удар наносят своей нации, ее будущему.

С трагической смертью моего друга и соратника Муродулло Шерализода в моем сердце — незаживающая рана. Он стал одной из первых жертв в борьбе с теми, кто вверг народ в пучину братоубийственной войны, и кровью тысяч людей обагрилась земля таджикская.

Помните, что сказал поэт:

Что есть род человеческий? Пучок сухой травы,
Чтобы все сгорело дотла, достаточно искры.

Подумайте, убийцы, «демократы» и «исламские экстремисты», пролившие кровь тысяч братьев, отцов и матерей, сестер, безвинных детей, как вы будете жить на этой земле?! Подумайте, в чем были виноваты те, кто был убит, кто был вынужден оставить свой разоренный очаг? Может быть, их вина в том, что они говорили правду, сорвали маску с некоторых «политиков», стремившихся к власти, открыто и честно разоблачали ложь и обман? И после того, как вы совершили свои злодеяния, вам кажется, что вы сможете жить спокойно, убежать от мук совести? Нет, вы заблуждаетесь. Земля будет гореть под вашими ногами и если не люди, то Бог, всевидящий и всесильный, покарает вас.

Зло сотворив, не уйдешь от возмездья,
Кровь пролив, узнаешь сожаленье.

Сын Муродулло Эрадж Шерализода написал полное горечи стихотворение «На смерть отца»:

Твой светлый дух покинул бренный мир.
Ушел, словно прошелестел утренний ветер...
Ты пригубил из чаши, которую
Смерть может приподнести в минуту любую.
Мы дети, как птенцы, остались дома,
А ты улетел в даль неведомую.
Пронзенный пулей жестокого врага,
Ты ушел, обагренный своей кровью.

Свет души твоей озарял цветники,
Но венок своей жизни не успел ты сплести.
Разве материнского молока не пил ты вдосталь,
Что кровью печали свою жажду утолил.
Ты, как предательски раненый олень,
След оставляя, сорвался, как камень.
Кровавыми слезами заплачут твои убийцы,
Те, кто отнял у нас отца, кормильца.
Все твои помыслы были чисты, как роса.
И стал ты теперь звездой в небесах.

5—6 мая 1992 года,
Душанбе — Кулоли

Когда я читаю это стихотворение, сердце у меня обливается кровью. Иногда я чувствую себя виноватым перед памятью моего друга, перед его семьей. Не стал ли я причиной его гибели? Потому что мы с ним часто бывали вместе и, кроме единства мнений, мы с Муродулло были похожи и внешне. А в тот трагический день мы с Муродулло были почти в одинаковой одежде: и на нем, и на мне был темного цвета костюм в полоску, белая сорочка и темный галстук. Может, подлый убийца, целивший в сердце Муродулло, принял его за меня? Может, пулю, предназначенную мне, принял мой брат?

Пуля, оборвавшая жизнь Муродулло, пронзила и мое сердце и отозвалась болью в сердцах всех, кто знал его, кто слушал и видел его выступления на сессиях Верховного Совета, читал его острые и правдивые статьи.

Из глубины веков до нас доносятся, нет, сияют, как звезды, слова великого поэта:

Сквозь оболочку мира глаз твой не видит жизни
сокровенной,
Ты научись глазами сердца глядеть на таинства
вселенной;
На все, что зримо и телесно, глядя открытыми
глазами,
На сердце научись увидеть изнанку видимости
бренной.

О, если бы эта многострадальная нация, от имени которой горсточка интриганов и карьеристов с пеной у рта выступает с высоких трибун и называет себя верными ее сынами, чьи души покрыты мраком невежества и ненависти, рождала бы больше таких людей, как Муродулло.

К сожалению, ему подобные рождаются не часто ,и ныне, как и во все времена, черный ворон завидует легкой поступи изящной куропатки.

ОШИБКА ПРЕЗИДЕНТА

После этого подлого убийства все решительно потребовали от президента Набиева во имя безопасности общества ввести, наконец, в Душанбе комендантский час и чрезвычайное положение, по-настоящему, задействовать все органы правопорядка, употребить всю имеющуюся у него власть.

Но и после этого Набиев, хладнокровно обращаясь в МВД, допытывался: «Хватит ли сил?» А руководители МВД, как партизаны на допросе, хранили молчание. Потеряв всякое терпенье, я вновь, резче, чем обычно, сказал президенту: «Своей нерасторопностью и хладнокровием мы уже добились того, что на наших глазах безнаказанно расстреливают наших соратников. Вот-вот начнется война, которую потом остановить будет трудно. Чего же вы ждете еще? Или вы хотите, чтоб и вас с нами постигла участь Муродулло? Не забывайте, что народ, который вас выбирал, верит вам и надеется на вас. Но всему есть предел. Уж пора переходить к действиям».

Из присутствующих Н. Дустов, Н. Хувайдуллоев поддержали меня ,а остальные, видимо, не были уверены в завтрашнем дне и предпочитали молчать.

После моих слов Набиев побагровел и сдвинул брови. Затем спустя минуту спросил у Дустова, готов ли проект Указа?

Н. Дустов ответил, что Указ о введении чрезвычайного положения и комендантского часа в Душанбе подготовлен еще несколько дней назад и все ждут, когда поставит свою подпись президент.

По заданию Дустова заведующий юридическим и правовым отделом Кабинета Министров А. Серебряков тут же принес проект Указа. Под этим документом по требованию президента сначала поставили свои подписи руководители органов правопорядка и борьбы с преступностью, а также я — председатель Верховного Совета. Последним подписался президент. Согласно статье 99 Основного Закона Республики Таджикистан и Закона о введении президентского правления от 1 мая 1992 года, принятого на XIV сессии Верховного Совета с целью нормализации политической ситуации в республике и достижения национального единства, введение чрезвычайного положения в республике входило в компетенцию единственно президента. Поэтому не

было надобности для сбора других подписей. Но, идя на такой шаг, президент, видимо, надеялся, что повысит ответственность руководящих лиц в деле обеспечения выполнения Указа. А может, опытный и искушенный в политических играх Р. Набиев сделал это ради перестраховки и сохранения мостов для возможного отступления?

Почему-то вопрос, кого назначить комендантом Душанбе, вызвал много споров. По закону эта миссия должна была возлагаться на и. о. министра внутренних дел полковника внутренней службы А. Раджабова. Но когда прозвучала его фамилия, Раджабов почему-то переменился в лице и стал умолять снять его кандидатуру. При этом он не мог привести маломальски стоящего довода для своего отказа.

Я вспомнил, каким самоуверенным и заносчивым казался А. Раджабов, когда его назначили заместителем, а потом и исполняющим обязанности министра. Тогда премьер-министр А. Мирзоев, давая Раджабову лестную характеристику, в заключение сказал: «Он хоть сейчас может возглавить министерство внутренних дел». Но сейчас Раджабов выглядел жалким и трусливо прятал глаза. Глядя на него, президент бросил в сердцах: «Жаль, что я не знал вас раньше и поверил тогда словам Акбара Мирзоева».

Мне было известно, что по заключению Комитета Верховного Совета, к которому он пришел совместно с прокуратурой республики и ответработниками МВД после двухмесячного обстоятельного изучения, Мамадаёза Навджувонова должны были освободить от обязанностей министра. Кому предстояло сменить его на этом посту, я еще не знал. Теперь же из слов президента и премьера я понял, что на это место готовили А. Раджабова. Потом мне стало известно, что и сам М. Навджувонов не возражал против его кандидатуры, считая, что он более подходит из всех заместителей, а против другого кандидата, А. Каххорова, который был более твердым и устойчивым, он выдвинул ряд возражений.

Тем не менее Мамадаёз Навджувонов был не из тех, кто легко слагает оружие и сдается без боя. К тому же, как потом стало очевидно, он был тесно связан с лидерами оппозиции и без их ведома и согласия не мог подать в отставку. Дело в том, что по совместно разработанному плану партии исламского возрождения, народных движений «Лаъли Бадахшон», «Растохез», «Носири Хисрав» 12 апреля в городе Душанбе намечался несанкционированный митинг, который должен был положить начало государственному перевороту. Поэтому пребывание М. Навджувонова на посту министра внутренних дел, еще до

того перешедшего на сторону оппозиции, было им нужно как воздух. Но работой М. Навджувонова были недовольны в верхах, на него постоянно поступали жалобы. Следствием всего это стало заключение авторитетной комиссии, о которой я говорил уже выше.

Вот почему по согласованности с президентом Р. Набиевым, премьер-министром А. Мирзоевым было сочтено целесообразным рассмотреть вопрос о положении в МВД на одном из заседаний Президиума Верховного Совета. К тому же рекомендовано было показать это все по телевидению, чтобы народ знал истинное положение дел и за что сняли министра. Я никак не полагал, что за всем этим кроется тайный смысл, хотя мог, как многие, закрыть глаза на все и отказаться от этого щепетильного дела. Я согласился рассматреть вопрос о положении в МВД на заседании Президиума Верховного Совета.

Еще раз со всей ответственностью утверждаю, что в течение двух месяцев работниками республиканской прокуратуры, МВД, специалистами ряда министерств под руководством главных специалистов Верховного Совета Республики Таджикистан по полученным жалобам была проведена всестороняя проверка, которая доказала недостатки, безответственность и халатное отношение М. Навджувонова к служебным обязанностям.

Я тщательно изучил заключение авторитетной комиссии и сверил с информацией, поступающей из других каналов. После этого ознакомился с документами и самого М. Навджувонова, который не отрицал недостатков, указанных в справке. Да и как он мог это сделать, когда все факты были полностью доказаны. Он проявил большую халатность в деле исполнения решения Верховного Совета по укреплению законности в Курган-Тюбинской области. И, как следствие, по всей республике резко возрос процент преступности. Больше того, в преступлениях были замешаны и сами работники правоохранительных органов. Как можно расценить такой факт, когда 139 легковых автомобилей, бывших в ведении различных служб МВД, были распроданы по низкой цене. Например, автомашины «Волга» ГАЗ-24 после капремонта были распроданы близким и друзьям по цене от двух до четырех тысяч рублей. И это в то время, когда работники милиции постоянно твердят нам о том, что низкая эффективность их работы во многом связана с нехваткой служебного транспорта. Разве министр внутренних дел не знал этого? Конечно, знал и сознательно распоряжался принадлежащим министерству автотранспортом.

Разве это не преступление перед народом? За какой счет,

какими путями М. Навджувонов приобрел в городе Душанбе три квартиры (трех-четырех- и пятикомнатные), две дачи и трехэтажный коттедж? Каким образом Душанбинский горисполком в порядке безвозмездной помощи перевел на его имя десятки тысяч рублей? Как он перевел в личную собственность принадлежащий МВД новый УАЗ-468?

Должен сказать, что у меня не было к М. Навджувонову никаких личных претензий. У меня всегда было много друзей среди бадахшанцев, и многие из них, несмотря ни на что, до сих пор поддерживают со мной дружеские связи. Конечно, я предполагал, что отстранение М. Навджувонова вызовет недовольство среди многих бадахшанцев, особенно тех, кто не знает истинного положения дел в МВД и об аппетитах его руководителя. Но факты, как говорится, упрямая вещь. И если бы тогда на месте М. Навджувонова был мой родной брат, я бы все равно добивался того, чтобы он понес заслуженное наказание. М. Навджувонов должен был это понять и, пока не поздно, освободиться от пут, которыми его связала оппозиция. Так бы он еще спас свою честь, не подорвал бы вконец авторитет. Но он, к сожалению, пошел по другому пути.

Может, в том и заключается одна из причин, что органы внутренних дел были почти полностью парализованы и не могли должным образом обеспечить правопорядок в обществе. Ведь руководитель министерства сам был повязан с мафией, с лидерами оппозиции, по чьей указке в республике происходили бесчинства и неслыханные преступления.

* * *

Есть ли зло большее, чем то, когда люди, давшие клятву выполнения служебного долга, столь бесстыдно нарушали ее? На этот счет у меня тогда было достаточно примеров.

Так, незадолго до того был задержан капитан милиции, начальник дежурной части управления исправительных работ Усмон Юсупов, укравший два автомата и магазины к ним. В чьи руки должно было попасть это смертоносное оружие, можно было только догадываться. Возможно, именно таким образом вооружались те, кто потом средь бела дня в упор расстреляли генерального прокурора республики. Можно ли в таких условиях было гарантировать безопасность граждан?

Вопрос о положении дел в МВД назрел давно и материалы для обсуждения были. Поэтому заявления тех, кто потом скажет: «Над Навджувоновым устроили самосуд», не имеют под собой никакой почвы. Какая может быть предвзятость у Верховного Совета, когда к Навджувонову был обращен резонный

вопрос: «Почему в Курган-Тюбинской области преступность достигла небывалых размеров, а начальник УВД Ш. Махрамов, несмотря на ряд серьезных указаний со стороны вышестоящих органов, по милости министра не только не был отстранен от занимаемой должности, но даже не получил взыскания? Еще раз подчеркиваю, в обсуждении деятельности руководстсва МВД, министра М. Навджувонова не было никакой предвзятости или необъективонго отношения, а был строгий спрос за халатность и безответственность, за преступное попустительство и беспечность, которые, можно сказать, парализовали один из самых важных государственных органов и дали возможность небывалому росту преступности. Об этом свидетельствовали многочисленные жалобы и заявления, которые большим потоком поступали из Курган-Тюбинской области, из различных городов и районов.

Когда ради «демократии» самоустраняется орган, задачей которого является защита безопасности и обеспечение спокойствия населения, люди будут вынуждены взять в руки оружие.

Уверен, если бы органы правопорядка тогда возглавляли достойные, неподкупные руководители, положение в республике не достигло бы такой критической черты. Нерешительность, некомпетентность, продажность и безответственность людей, призванных по долгу службы обеспечить правопорядок и спокойствие, привели к тому, что противостояние и распри между сторонами вылились в кровавые события. Если бы службы безопасности, охраны общественного порядка должным образом выполняли возложенные на них функции, не проявляли предательства, то, наверное, оппозиции никогда не удалось бы в течение 15 лет готовиться к мятежу, иметь более чем 27-тысячную армию, основательно вооружаться, причем оружием заграничного производства.

Сторонники М. Навджувонова тогда выдвинули против меня и такое несуразное обвинение, будто я не поддерживаю жителей горных районов. «Мы — горцы!» — с гордостью заявляют бадахшанпы. Но, помилуйте, весь Таджикистан — это горы. Разве зеравшанцы, гиссарцы — не горцы?! А я — выходец из Ягноба, разместившегося подобно орлиному гнезду на вершинах, не горец?!

По всей вероятности, перед заседанием Президиума Верховного Совета М. Навджувонов был хорошо «обработан» своими покровителями — лидерами оппозиции. Действуя по известной формуле: лучшая оборона это атака, с первых минут обсуждения он перешел в контрнаступление, хотя в предварительной беседе, как я уже говорил ,он полностью согласился с заклю-

чением комиссии и ее выводами. Честно, принародно признать вину, на это способен не каждый.

О том, что на заседании Президиума будет рассмотрен вопрос о положении дел в МВД, недостатках в работе министра М. Навджувонова, был заранее поставлен в известность и председатель Кабинета Министров А. Мирзоев. Его попросили высказать по этому вопросу свое мнение. Президент, ознакомившись с заключением комиссии, оповестил нас о своем твердом решении сразу после обсуждения подписать Указ об освобождении М. Навджувонова. По простоте душевной я поверил этим словам и невдомек было, что эти люди рыли яму один другому.

Словом, на заседании Президиума Верховного Совета были приглашены А. Мирзоев и Н. Дустов, которые и сами дали обещание непременно принять участие в обсуждении. Однако в день заседания о них не было ни слуху, ни духу. Дустов в этот день спозаранку уехал в Шаартузский район для разбирательства конфликта между председателем райисполкома и некоторыми руководителями хозяйств, Мирзоев предусмотрительно лег в больницу, а вместо себя прислал своего заместителя Х. Саидмуродова. Премьер-министр не мог подождать полдня, хотя решалась судьба министра внутренних дел.

Обсуждение, как и было условлено заранее, началось в 10 утра и продолжалось около полутора часов. Сразу после заседания я позвонил Р. Набиеву и проинформировал его о ходе обсуждения. Сообщил также о выступлении М. Навджувонова на заседании. «Указ уже готов. Я его подпишу немедленно»,— подтвердил перзидент. Я нисколько не сомневался, что так и будет, и спокойно занялся своими делами. Но время шло, а Указа не было. После этого я поехал к Р. Набиеву и застал в его кабинете Н. Дустова, Н. Хувайдуллоева, А. Абдуллоджанова и кого-то еще — не помню. Я поинтересовался у Р. Набиева, подписал ли он указ об освобождении М. Навджувонова. «Я ждал, что после обсуждения М. Навджувонов зайдет ко мне,— сказал Р. Набиев. Но он почему-то не зашел. Говорят, открыл больничный лист и уехал домой». Я понял, что здесь что-то не так. «Рахмон Набиевич,— сказал я как можно спокойнее.— Мне неведомо, почему М. Навджувонов не явился к вам после обсуждения. Но вы можете сегодня подписать указ, потому что до 12 часов М. Навджувонов находился в Верховном Совете».

Услышав наш разговор, меня поддержал А. Абдуллоджанов. «Рахмон Набиевич,— сказал он,— вы не нарушите закон, если подпишите указ, потому что до 12 часов Навджувонов

находился в Верховном Совете и оттуда поехал в министерство. Его отношение к МВД и нынешнему правительству хорошо известно. Так что подписывайте указ».

Тогда я по достоинству оценил мужество и решительность А. Абдуллоджанова. Он не побоялся открыто заявить то, о чем думали многие, но предпочитали молчать. Р. Набиев в раздумье ответил: «Надо подумать. Может быть нежелательная реакция». И перевел разговор на другую тему. Я был поражен. Поставить человека в положение между двух огней, а самому уйти в кусты и выглядеть невинной овечкой. Что это? Закулисные игры политиков, о которых мне приходилось слышать раньше? Но я не могу и не хочу играть в такие нечистые игры, не хочу никого предавать. И не было у меня никаких задних мыслей, когда я согласился на обсуждение вопроса о положении дел в МВД. Никто из моих близких или друзей не претендовал на должность министра внутренних дел. На эту должность был рекомендован А. Раджабов, которого я раньше и не знал.

Все это дает достаточно пищи для размышления, и умный читатель поймет, почему на продолжительных митингах ни разу не прозвучала фамилия премьер-министра? Или А. Мирзоев семи пядей во лбу и чем-то превосходил других руководителей? Или под его «мудрым» руководством укрепилась пошатнувшаяся экономика республики и люди стали жить лучше? Нет, и еще раз нет!

Просто в это неспокойное время он думал отсидеться в стороне и скрытно от нас лил воду на мельницу оппозиции, в надежде на то, что она оставит его в покое и он будет вновь властвовать. Но его очень быстро раскусили.

И все-таки через некоторое время М. Навджувонову пришлось оставить кресло руководителя МВД и и. о. министра был назначен А. Раджабов... Всегда такой надменный и самоуверенный, на совещании где решался вопрос, кому быть комендантом города, он вдруг переменился в лице и жалобно стал просить снять его кандидатуру. По долгу службы призванный защищать конституционный строй, он в решающий момент пошел на попятную.

Из отрывков его речи можно было догадаться, что он хорошо знает планы, разработанные лидерами оппозиции, знает их возможности и силы. Но пытается скрыть все от президента, вице-президента и председателя Верховного Совета. Его сковал панический страх, и он не мог толком объяснить причину своего отказа. У меня еще раз мелькнула догадка, что он что-то знает и это что-то связано с ближайшими действиями оп-

позиции. А может, он просто выжидал, кто выйдет победителем в столкновении правительственных сил и оппозиции.

По поведению А. Раджабова каждый здравомыслящий человек мог сделать вывод, что в республике действует еще и третья сила, которая была заинтересована в обострении политической ситуации. Это третья сила искусно заметала следы и действовала совершенно скрытно, но по тем делам, которые она совершала, можно было обрисовать ее политический портрет. Главная задача этой силы заключалась в том, чтобы непременно столкнуть две противоборствующие стороны и удовлетворить свои корыстные интересы. В расставленные оппозицией «сети» попадали и руководители высокого ранга. Одним из них был А. Раджабов. Возможно, это случилось не без содействия его патрона А. Мирзоева. Как бы то ни было, с приходом А. Раджабова к руководству МВД этот важнейший орган государственной власти был еще больше обескровлен, и его работа потеряла всякую результативность.

По моему убеждению, о существовании третьей силы прежде всего должен был догадаться президент. Иначе и быть не могло. Еще перед началом 14-й сессии Верховного Совета на различных совещаниях исполнители третьей силы бросали камни в огород Президиума Верховного Совета и Президента Республики. Перекладывая с больной головы на здоровую, они обвиняли членов Президиума Верховного Совета в том, что прилавки магазинов пусты, что налицо дефицит товаров первой необходимости, что республика погрязла в долгах. А премьер-министр, как бы подливая масла в огонь, сетовал на то, что Президент и Верховный Совет ограничили функции и полномочия правительства, а основную власть сосредоточил в своих руках президент. Мотивируя этим, хотя на самом деле его претензии были необоснованны, неожиданно, когда решалась судьба республики, премьер-министр подал в отставку. Решение его было неискренним и, видимо, за этим маскарадом шла какая-то игра.

К сожалению, президент не мог дать оценку всему этому, а если и мог, то все равно не предпринимал никаких решительных шагов. Это еще больше усугубляло положение и то, что еще сегодня можно было решить оперативно и без особых трудностей, завтра уже становилось невозможным.

...Вернемся, однако, к прерванному рассказу. После долгих дебатов президент решил назначить комендантом города заместителя министра внутренних дел А. Каххорова.

Но и молодой генерал А. Каххоров не захотел в столь сложный момент взять на себя ответственность. Он сослался на за-

кон, по которому комендантом должен стать и. о. министра внутренних дел А. Раджабов ,а не его заместитель, или военком республики генерал-майор М. Мамаджанов. Сам же А. Каххоров, как он уверял, готов оказать любую помощь в качестве заместителя или начальника штаба. И он убедил президента и вице-президента, что так будет лучше.

Если А. Раджабов является исполняющим обязанности министра внутренних дел, то по какой логике и человеческой этике А. Каххоров мог стать комендантом города Душанбе, а А. Раджабов его заместителем?

Конечно, формально А. Каххоров был прав. И все же я не мог примириться с тем, что и он, выросший в семье известного деятеля и верного сына народа Абдулахада Каххорова, в столь тяжелый для республики час пытался уйти от ответственности и переложить ношу на других.

После этого вице-президент Н. Дустов предложил обязанности коменданта города возложить на военкома республики М. Мамаджанова. Но и военком выстроил целый ряд аргументов против своего назначения: «Я не возражал бы, но нужно иметь в виду, что основные силы по обеспечению правопорядка сосредоточены в руках МВД, а я не совсем ясно представляю механизм его работы. Речь идет о немедленном укреплении правопорядка и борьбы с преступностью, а это как раз входит в компетенцию министерства внутренних дел. Я же готов стать помощником и консультантом».

После короткого совещания все же решили комендантом назначить М. Мамаджанова ,а его заместителем А. Раджабова и А. Каххорова, хорошо знавших положение в городе. Таким образом, вечером 5 мая 1992 года указом президента Р. Набиева комендантом города Душанбе был назначен генерал-майор М. Мамаджанов. В присутствии остальных президент и вице-президент дали коменданту и его заместителям А. Раджабову и А. Каххорову поручение:

— в кратчайшие сроки издать приказ коменданта города о комендантском времени в городе Душанбе и оповестить об этом население по радио и телевидению;

— взять под контроль все въезды и выезды. Въезд разрешить исключительно по специальным пропускам;

— обязать руководителей Кулябской и Курган-Тюбинской областей и районов республиканского подчинения перекрыть все дороги и приостановить въезд жителей в город Душанбе;

— силами МВД, при помощи использования пожарных автомашин, другой техники приступить к освобождению теле-

студии от вооруженных формирований оппозиции и о результатах доложить президенту.

Президент счел необходимым, чтобы штаб коменданта Душанбе находился в МВД и чтобы ежечасно ему докладывали о положении в городе и его окрестностях.

М. Мамаджанов, А. Раджабов и А. Каххоров взяли «под козырек» и приступили к возложенным на них обязанностям.

* * *

Президент Р. Набиев решил посоветоваться по некоторым особенно актуальным вопросам с Президентом Российской Федерации Б. Ельциным, и в результате многократных попыток связался с ним по телефону. После длительного разговора Б. Ельцин сказал, что обещает поставить в известность руководителей ООН о положении в Таджикистане, а также поручит маршалу авиации Е. Шапошникову оказать помощь в деле защиты государственных объектов и обеспечения безопасности семей военнослужащих. Президент России свое слово сдержал, и вскоре маршал авиации Е. Шапошников распорядился использовать боевую технику 201-й дивизии исключительно для защиты государственных и военных объектов, а также для обеспечения безопасности семей военнослужащих. Но прошло немного времени и Е. Шапошников сообщил, что он отменяет свой приказ. То есть дислоцированная в Душанбе 201-я российская дивизия не будет принимать участия в стабилизации обстановки и борьбе с преступными элементами. Мы терялись в догадках: почему приказ был так скоро отменен? Видимо, здесь не обошлось без вмешательства лидеров оппозиции, которые через своих людей сумели повлиять и на президента России...

Положение становилось критическим. Р. Набиев позвонил Президенту Казахстана Н. Назарбаеву. Нурсултан Абишевич тут же по другому телефону связался с маршалом Е. Шапошниковым и имел с ним довольно жесткий разговор. Но и это не помогло.

Ничего не дали и последующие попытки Р. Набиева получить поддержку других республик. Ситуация обострялась с каждым часом. Душанбе почти полностью перешел в руки оппозиции. Вооруженные молодчики держали в страхе мирное население. То и дело поступали сообщения, что в том или ином районе совершено нападение на работников милиции с целью захвата оружия.

В такой обстановке мы пришли к выводу, что президент республики обязан перевести 201-ю дивизию в свое подчинение

и использовать ее боевую технику для охраны государственных объектов и безопасности жителей, в том числе и семей военнослужащих. Сделать такой шаг Р. Набиеву посоветовал я, потому что другого выхода просто не было. И это было вполне законным решением.

Мы пригласили командира 201-й российской дивизии полковника Заболотного и сообщили ему о своем намерении. Полковник ответил, что, если президент такой приказ издаст, ему ничего не останется делать, как подчиниться и использовать силы дивизии для охраны наиболее важных объектов и мирного населения. Проект указа тут же был подготовлен. Под ним свою подпись поставил и я, хотя это было не в моей компетенции. Часть присутствующих поддержали наше решение, другие, как всегда, осторожничали. Помню, как в те решающие минуты мужественно себя вела Мукаррама Тошматова. Она потребовала от Набиева принять самые решительные меры к тем, кто посягнул на конституционную власть и мир в республике. Действительно, только с помощью военных, используя мощную боевую технику, было возможно навести порядок в городе и взять под охрану государственные объекты и население.

Полковник Заболотный еще раз подтвердил, что без Указа президента он не вправе что-либо предпринимать. И он терпеливо в течение четырех часов ждал вместе с нами, когда же президент республики, Верховный Главнокомандующий, генерал-полковник Р. Набиев возьмет инициативу в свои руки. И хотя под Указом стояла моя подпись и подпись вице-президента Н. Дустова, он мог получить юридическую силу только после подписи президента. Все ждали, и ожидание это становилось все более тягостным.

В это время в кабинете президента появился председатель Государственного комитета по телевидению и радиовещанию А. Сайфуллоев. Он с волнением сообщил, что оппозиция окружила Дом радио и собирается его захватить. Работникам милиции нет доверия, они из рук в руки передадут Дом радио, как это уже было с телестудией. «Нужно принять срочные меры»,— умоляюще обратился А. Сайфуллоев к президенту.

Вслед за этим поступили вести, которые свидетельствовали, что оппозиция приступила к очередному захвату. Вооруженные люди подъехали на бронированных машинах, открыли огонь по Дому радио, выбили окна. Стремление вслед за телевидением захватить Дом радио говорило о том, что оппозиция действует по плану и готовится совершить государственный переворот. Все это делалось спокойно и последовательно, потому что оппозиция не видела никаких препятствий, хотя уже было объ-

явлено о чрезвычайном положении и в городе действовал комендатский час.

Сообщение А. Сайфуллоева сильно расстроило Р. Набиева, и президент спросил, где находится сейчас премьер-министр. Видимо, хотел дать какое-то срочное поручение. Ему ответили, что премьер-министр вместе со своими заместителями М. Навджувоновым, Д. Худоназаровым и О. Латифи находятся в МВД и совещаются за закрытыми дверями «Что там они задумали еще? — подумал я.— Кому собираются рыть яму?».

Это известие привело Р. Набиева в замешательство, но он воздержался от каких-либо оценок. Все, кто присутствовал в кабинете, незаметно переглянулись. Что могло собрать вместе представителей противоборствующих сторон? Как можно расценить поступок А. Мирзоева и его заместителей? Или это третья сила высовывается из-за кулис? Было непонятно, как организаторы переворота оказались в МВД.

Президент распорядился выслать небольшую группу из вновь образованной национальной гвардии для охраны Дома радио, потому что работникам милиции уже не было веры. Но и оппозиция не сидела сложа руки. Вечером 5 мая в 22 часа вооруженная группа опять предприняла попытку захвата Дома радио. В эту группу входили также журналисты Джовид Муким, Ширинджон Ахмаджон и Олим Заробек. Первым к Дому радио подъехала бронированная машина, на борту которой было написано «Аллах». Следом за ней подкатил УАЗ-462 и автобус, отнятый оппозицией у какой-то организации. Из этих машин высыпали бойцы «национальной гвардии» с площади Шахидон. Они смешались с другими бойцами «гвардии», окружавшей Дом радио еще накануне.

Вначале захватчики произвели несколько залпов из имеющихся у них орудий, затем перешли в атаку. Дом радио охраняла группа из числа бойцов «национальной гвардии», сформированной по указу президента. В результате перестрелки один человек погиб и несколько были ранены. Позже журналист Джовид Муким так опишет эти события в газете «Таджикистан» (24.06.92) под броским заголовком «Кто убил Олима Заробека?»:

«...Не знаю, как я выбрался из машины. Несколько человек уже были ранены. Я тоже получил три ранения в ноги. На моих глазах Шодмон, пытавшийся из-за засады открыть огонь, упал раненный. Он умирал, лежа на асфальте, и сквозь стон едва слышно шептал: «Аллах Акбар». В это время к нему подошел один из бойцов площади Озоди и, обматерив всех сторонников площади Шахидон, выстрелил в него. Увидев это, я

потерял сознание. Когда я пришел в себя, то увидел, что меня притащили в штаб на площади Озоди. Рядом с собой я увидел Олима Заробека и еще одного человека, раненного в ногу. Олим был ранен в руку...»

Читая эти строки, я тогда мысленне вступил в спор с их автором. «Уважаемый Джовид Муким. Мне неведомо, к какой партии вы себя относите — демократической или исламского возрождения. Но не сомневаюсь, что причисляете себя к «демократическим силам». Но у нас с вами, безусловно, разные понятия о демократии. Истинные демократы всегда стремятся действовать демократическими методами, то есть добиваются власти через выборы, завоевав доверие народа. А захват власти путем насилия, с помощью оружия, через кровопролитие есть не что иное, как государственный переворот, и на языке юристов квалифицируется как государственное преступление. Если вы не верите мне, то загляните хотя бы в юридические справочники.

Вы хорошо знаете, что Республика Таджикистан и ее государственный строй основаны на Конституции Республики Таджикистан, принятой и утвержденной на сессии Верховного Совета. Знаете, что нашу республику признали 111 государств мира. Радио и телевидение входят в государственную систему, и попытка захвата этих объектов означает посягательство на государственный строй. И это строго карается законом. Вы когда-нибудь давали себе отчет в этом? Вы собрались на митинг или для того, чтобы совершить государственный переворот? Если собрались на митинг, то зачем вам нужно было оружие? Вы хоть раз подумали о том, что, когда с оружием шли на штурм Дома радио, в кого вы собирались стрелять? В своих сограждан и соотечественников, в своих братьев и сестер? Разве в программе «демократических сил» записано, что во имя достижения своих целей можно проливать человеческую кровь, совершать убийства и насилие?

На словах вы говорите одно, а на деле поступаете совершенно по-другому. Народ, к счастью, распознал, что стоит за демагогическими выступлениями лидеров оппозиции Мирбобо Миррахима, Давлата Исмона, Аслиддина Сохибназарова, Давлата Худоназарова и им подобных. На их совести кровь многих безвинно погибших людей. Народ никогда не простит им этого.

Почему вы не пишите в своей статье, что от пуль, пущенных захватчиками по Дому радио, погибло столько молодых, ни в чем не повинных ребят. Их «вина» заключалась лишь в том, что они по долгу службы стояли на защите государственного объекта. Разве они не любили жизнь? Разве у них не было ма-

терей, братьев, сестер? Не они подняли против вас оружие, а вы, «демократические силы» и исламисты, открыли по ним огонь.

Вы пишите, что боец с площади Озоди подошел и расстрелял вашего раненого товарища. Я вам не верю. Ведь вы и Олим Заробек находились там же и тоже были ранены. Почему же боец с площади Озоди не расстрелял и вас? Наоборот, вас привезли на площадь Озоди, перевязали вам раны и отправили в больницу. Почему же вы бесстыдно умалчиваете об этом?! Почему вы упорно не желаете говорить правду?!

Как это понять, что Олим Заробек и другие погибшие сторонники площади Шахидон (Да будет земля им пухом!) выдаются вами как герои нации, защитники веры, а люди, погибшие во имя сохранения конституционного строя, забыты вами начисто. Больше того, в «демократических» газетах, в теле- и радиопередачах «покровители» нации и веры подвергали их память кощунственным оскорблениям.

Только Вахшский завод минеральных удобрений в 1991 году для поломников продал казиату республики 100 тысяч американских долларов по 50-процентной стоимости. Телерадиокомитет отвел определенное время для религиозных передач. Члены семьи некоторых религиозных деятелей по 7—8 раз в году ездили на хадж, и никто не интересовался, откуда они каждый раз берут 170 тысяч рублей? Никто и нигде не препятствовал тем, кто молился и держал пост.

Нет, народ невозможно долго обманывать. Народ может отличить правду от лжи, белое от черного.

Орехи, которыми лидеры оппозиции в течение 15 лет наполняли подол народа, на поверку оказались пустыми. Ведь, подумайте, кто может стать шахидом ,жертвой во имя веры? Согласно предписаниям Корана и учению Мухаммада, шахидами становятся те, чья кровь пролилась в борьбе за упрочение веры, во имя Аллаха. Но разве на борьбу за упрочение веры, во имя Аллаха, а не за кресла и власть лидеры оппозиции вооружали молодежь и толкали ее на братоубийственную войну? Слава Аллаху, через тысячу лет после саманидов таджики вновь обрели свою государственность. И это государство хотели разрушить руководители партии исламского возрождения и построить свое, исламское государство. Но разве в суверенном государстве Таджикистан религии не были предоставлены все права для широкой и свободной деятельности? Наоборот, в течение последних лет намного возросло количество мечетей, увеличилось число прихожан, были открыты медресе. В Министерстве юстиции была зарегистрирована партия исламского

возрождения. Казиат расширил связи с духовенством зарубежных стран. Религиозные праздники «Рамазон» и «Курбон» Верховный Совет объявил государственными. Земли при мечетях и медресе были освобождены от налогов. Для тех кто совершал хадж — паломничество, государство оказывало материальную помощь. В Верховном Совете, в том числе и я, в месяц рамазан держали пост. Во время мусульманских праздников руководители республики поздравляли духовенство. Чего же еще? От кого нужно «защищать» веру? Разве во имя Аллаха организованы продолжительные митинги? Во имя Аллаха требовали моей отставки? Нет, и еще раз нет!»

* * *

Те, кто сегодня возомнил себя «защитниками» и «покровителями» ислама, кто сегодня едет в Мекку для совершения хаджа, еще вчера были ярыми атеистами, безбожниками. Не буду голословным. Один из тех, кто бесстыдно перекрасил свой цвет, кандидат философских наук Мирбобо Миррахим. В своей диссертации на атеистическую тему он сотни раз отрицает существование бога ,загробного мира, Судного дня, приводит для доказательства своей мысли десятки, сотни аргументов. И вдруг этот лживый, беспринципный человек объявляет себя защитником веры и ежедневно творит пятикратный намаз. Можно ли верить такому человеку, который ради карьеры и славы готов сжечь все, чему поклонялся вчера?

Можно ли верить Шодному Юсуфу, руководителю демпартии, который еще не так давно возглавлял партийную организацию Академии Наук и претендовал на пост заведующего идеологическим отделом ЦК КП Таджикистана ,а сегодня объявляет смертный бой своей бывшей партии и ради торжества своих корыстных целей объединяется со своими вчерашними идеологическими противниками-исламистами? У таких людей нет веры, нет ничего святого и они никогда не принесут счастья миру.

* * *

Помнится, на февральском (1992 год) пленуме ЦК КП Таджикистана О. Латифи, тогда заместитель Председателя Совмина, заверил: «У меня две святыни — мой партбилет и моя мать. Я клянусь ими...» Уважаемый Отахон Латифи не сказал: «У меня есть бог, который сотворил мир, землю и небо; у меня есть пророк Мухаммад (да благославит Аллах его и род его), который поддержит мусульман в Судный день». Он не поклялся

их именами, потому что занимал должность, потому что авторитет и должность ему дала коммунистическая партия. Очень жаль! Он пошел по одной дороге с теми, кто объявил смертный бой его святыне — Коммунистической партии, кто варварским способом снес памятник В. И. Ленину, кто намеревался свергнуть конституционный строй и ради этого готов был заключить союз хоть с чертом.

Это о таких людях говорят: «Ни абсолютный кафир, ни завершенный мусульманин».

Я понимаю, что с течением времени человек обновляется свежими идеями, его мировоззрение подвергается изменениям. Но, чтобы в одночасье предать все, что было свято тебе еще вчера... Сомневаюсь, что такие «перебежчики» могут быть искренне преданными новой партии, помочь настоящим поборникам ислама. Предавшему однажды ничего не стоит это сделать еще раз...

Я не раз и не два пытался говорить с Акбаром Тураджонзода на эту тему, открыть глаза на тех, кто окружал его. Хотя, думаю, он и сам понимал, что такие его «друзья», как Шодмон Юсуф, Давлат Худоназаров, Мирбобо Миррахим, Отахон, Латифи и многие другие, имеют свои корыстные цели. А дружба, основанная на корысти, никогда не бывает искренней и прочной. «Друзья», сплотившиеся вокруг казиата, никогда не были искренними приверженцами ислама и принесли исламу больше вреда, чем пользы. Та вера и надежда, с какой народ обращал свой взор на казиат, на Акбара Тураджонзода, сильно пошатнулась после того, как лидеры оппозиции, вахабисты ввергли Таджикистан в кровопролитную, братоубийственную борьбу, которую потом окрестят «таджикско-таджикской войной».

Если вы хотели взять в свои руки власть в республике, вам не нужно было начинать войну. Нужно было проявить терпение, добрыми делами и чистыми помыслами завоевать доверие народа. И, быть может, тогда вы сумели бы достичь своей цели. Вам ли не известны поучительные слова из священного Корана:

О те, которые уверовали!
Обращайтесь за помощью к терпению и молитве.
Поистине — Аллах с терпеливыми!

...Вернемся, однако, к событиям, развернувшимся в мае 1992 года. Как вы помните, президент дал задание коменданту и его заместителям приступить к освобождению телестудии и некоторых других объектов ,захваченных оппозицией. Чтобы быть в курсе событий, я и Н. Дустов несколько раз звонили в штаб,

находящийся в МВД, спрашивали, где комендант и его заместители, но дежурный по штабу полковник Л. Одинаев говорил одно и то же: «Они только что вышли», «Скоро будут», «Я передам, чтобы Вам позвонили!» Но никто из штаба не звонил.

Даже когда позвонил сам президент и попросил, чтобы комендант доложил ему обстановку, ни комендант, ни его заместители не посчитали нужным исполнить волю руководителя государства.

Обстановка ухудшалась, каждый час приходили вести — одна тревожнее другой. Не выдержав, Н. Дустов еще раз позвонил в штаб по ВЧ-связи и потребовал, чтобы комендант или кто-нибудь из его заместителей прибыли к президенту. Но и этот приказ повис в воздухе. Впрочем, не были выполнены и другие распоряжения президента. Телевидение не было освобождено ,и оппозиция использовала экран в своих целях. Комендант не сделал ничего, чтобы хоть как-то нормализовать обстановку в Душанбе.

По Конституции, президент является и Верховным Главнокомандующим, его указы должны выполняться беспрекословно и ,прежде всего, военными лицами. Но от руководителей МВД, от коменданта города в столь тревожный час не было никакой информации. Впрочем, и председатель Кабинета Министров канул, словно в воду. По законам военного времени это считается преступлением и строго карается военным судом. Поэтому и возникает вопрос: решением каких проблем были заняты руководители Министерства внутренних дел, премьер-министр, комендант города Душанбе, когда под угрозой находилась жизнь населения республики, судьба молодого таджикского государства?

Странно, премьер-министр не счел нужным встретиться и обсудить вопросы с президентом, но у него нашлось время для беседы за закрытыми дверями с лидерами оппозиции. О чем у них была беседа, к какому соглашению они пришли, все это оставалось тайной за семью печатями.

Имел ли право премьер-министр А. Мирзоев принимать какие-либо важные решения без ведома и согласия президента? Думается, что нет. Тем не менее президент неоднократно просил меня и Н. Дустова разыскать А. Мирзоева и сообщить, что президент ждет его для совместного решения самых важных вопросов.

* * *

В ту тревожную ночь в ожидании новой информации мы просидели допоздна. Примерно к 12 часам президент уехал домой. Другие тоже разошлись. Я и еще несколько народных де-

путатов из Кулябской области ночь провели в Верховном Совете, где слышны были выстрелы со стороны Дома радио, кинотеатра имени Джами, филармонии и иранского посольства.

Люди на площади Озоди были сильно встревожены. Я несколько раз звонил в казиат и штаб перешедшего на сторону оппозиции генерала Б. Рахмонова, хотел попросить, чтобы они хотя бы ночью прекратили стрельбу и движение БТРов по улицам города. Но никого на месте не было. Когда на большой скорости проезжающие мимо БТРы сделали несколько выстрелов в сторону площади Озоди, люди пришли в ярость и были готовы с голыми руками идти на площадь Шахидон. Мы как могли успокаивали их, уверяя, что молодчики на БТРах наверняка были какие-то хулиганы и стреляли без ведома руководителей с площади Шахидон.

Честно говоря, я сомневался, что лидеры оппозиции не знали о том, что их люди уже в который раз направляют оружие против митингующих на площади Озоди. Это понимали многие. Чтобы ослепленная яростью молодежь ночью не прошла к своим обидчикам на соседнюю площадь и не натворила беды, мы создали специальные группы, в которые вошли Мулло Хайдар Шарифов, Рустам Абдурахимов, Сангак Сафаров, Саид Салимов, Мухаррама Мирзоалиева, Ботур Исхоков, Абдусалом Курбонов, Курбон Азизов, Шавкат Каххоров и др. На улице Рудаки у здания Минсельхоза и горисполкома были выставлены постовые. К ним на помощь мы направили несколько работников Министерства внутренних дел и Комитета национальной безопасности. И, хотя во время стрельбы с проезжающих БТРов несколько человек были убиты и ранены, мы не допустили столкновения двух площадей. В противном случае, наверняка стало бы гораздо больше жертв. У оппозиции было несколько бронированных машин и большое количество огнестрельного оружия.

Я до сих пор иногда слышу упреки, что в ту ночь не нужно было сдерживать народ с площади Озоди. Пусть и безоружных, сторонников законного правительства тогда на площади Озоди было не менее миллиона. Они бы сумели как следует проучить шахидонцев. Но ведь палка всегда о двух концах. Я не хотел, чтобы Душанбе потонул в море крови. С голыми руками идти против БТРов и вооруженных бандитов было бы просто безумием.

До рассвета я еще несколько раз звонил в штаб коменданту города и его заместителям, но ни их, ни руководства МВД не было на месте. Дежурный не был вежлив, как раньше. Он гру-

бо и с плохо скрытым раздражением отвечал, что Мамаджонова, Раджабова и Каххорова нет в штабе ,а где они, он не знает, потому что они ему не докладывают.

Как можно было расценить поведение этих людей, на которых была возложена такая большая ответственность? Измена? Саботаж? Преступная халатность? В городе, в котором объявлен комендантский час, не было никакой дисциплины и порядка.

В ту ночь я и еще несколько депутатов из Ленинабадской и Кулябской областей не сомкнули глаз и утром дожидались приезда президента. Но «народное телевидение», в котором уже полностью обосновалась оппозиция, объявит потом, что мы якобы в ту ночь веселились и пьянствовали в Верховном Совете.

На рассвете из КНБ сообщили, что оппозиция в Кофарнихонском районе захватила три ракетные установки и две пушки со снарядами. Против кого оппозиция собиралась использовать это оружие, сомневаться не приходилось. Работники же правоохранительных органов не ведали об этом. Они словно пребывали в летаргическом сне.

Сообщение из КНБ подтверждало мои догадки, что оппозиция и не думает идти на какие-то переговоры с официальными властями, с президентом республики. Она твердо и непреклонно идет к поставленной цели — государственному перевороту. Иначе зачем ей нужны пушки и ракеты?

К сожалению, есть люди, которые через средства массовой информации распространяют мнение, что если бы тогда Р. Набиев вышел по настоянию оппозиции на площадь и постарался выполнить ее требования, все было бы по-другому и, возможно, не вспыхнула гражданская война. Это делается по незнанию или же, наоборот, с определенной целью — подлить масла в огонь. Я же со всей ответственностью заявляю, что эти утверждения абсолютно неверны.

В о - п е р в ы х, мы не раз изъявляли желание выступить на площади Шахидон, но всякий раз лидеры оппозиции отказывали нам, мотивируя тем, что не могут гарантировать нашу безопасность. Действительно, выходить на площадь, где брали в заложники народных депутатов и издевались над ними, где хватали инакомыслящих и прятали в подвалах театра имени Лахути, было небезопасно, особенно, когда вышли из доверия и правоохранительные органы.

В о - в т о р ы х, лидеры оппозиции, и это было ясно, как день, организовывали митинги не для того, чтобы решить какие-то проблемы народа, а исключительно для того, чтобы совершить государственный переворот и захватить власть в свои

На кого замахивается этот мальчик?

Фрагмент митинга.

Группа оппозиционеров после вторжения в здание Верховного Совета.

Грабежи и бесчинства в пустых кабинетах здания Верховного Совета.

Вот к чему привели призывы организаторов митинга на площади Шахидон к джихаду, к кровопролитию.

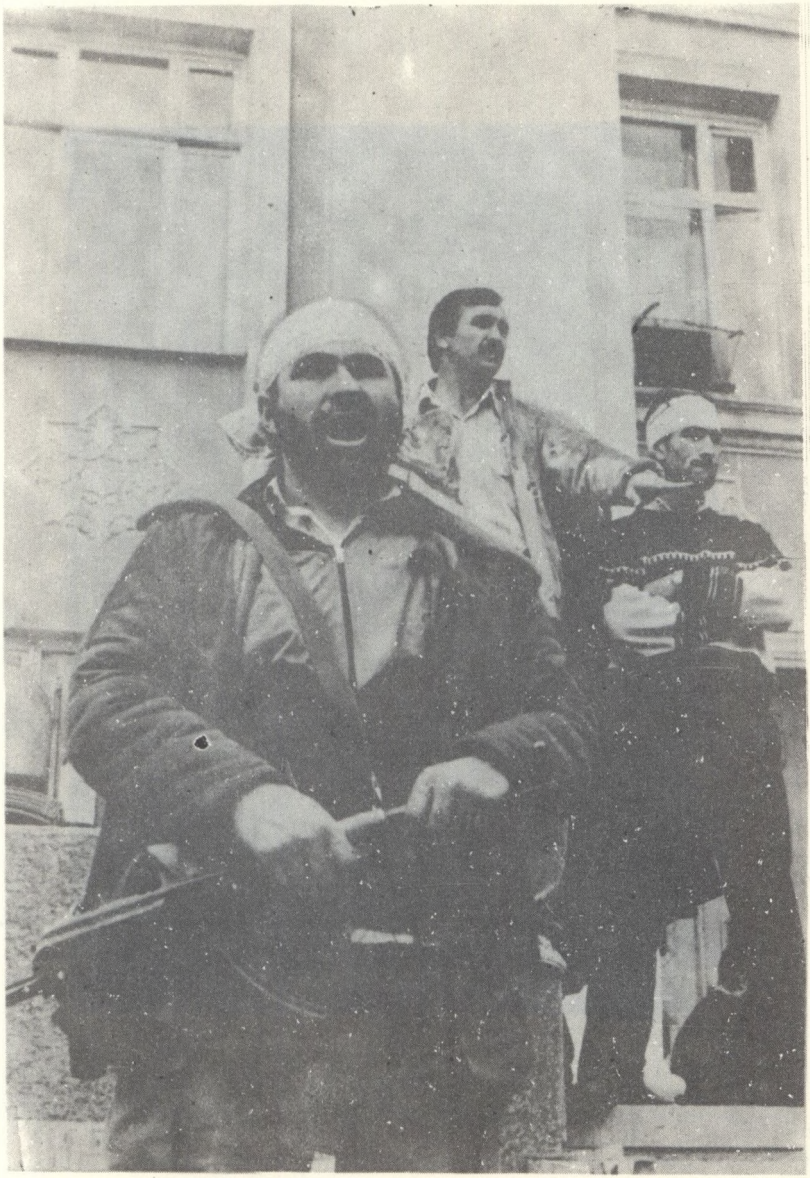
Кто виноват в гибели этих людей?!

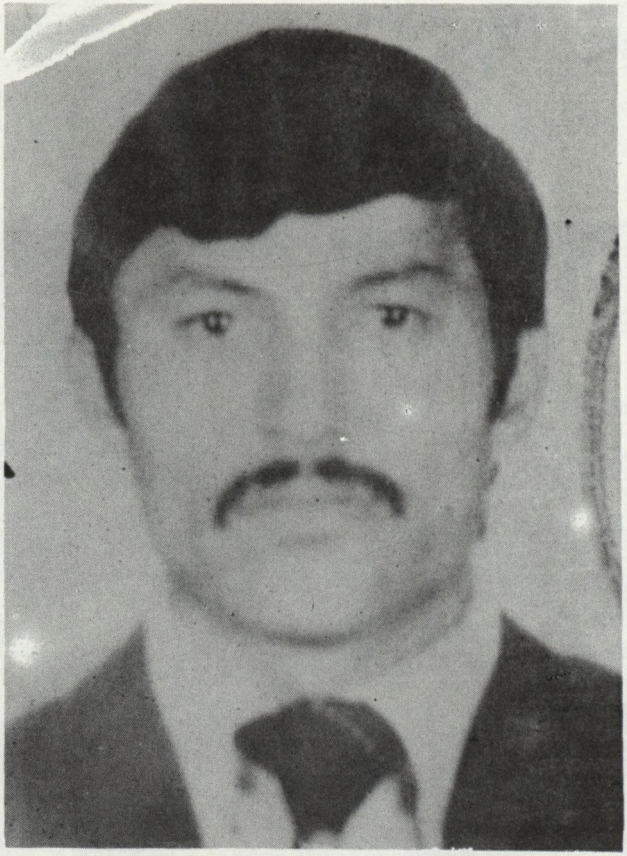
Оппозиционеры полностью уверовали в свою победу.

Моджахеды или бандиты?

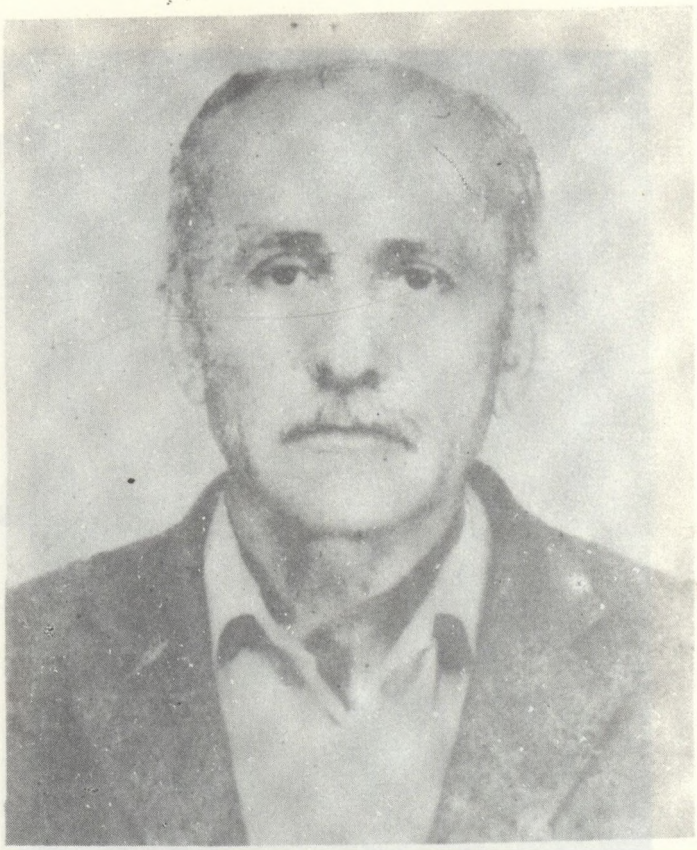
Радость победы.

Абдулвахоб Халиков, 1953 года рождения и его друзья Ходжамурод Хабибулло, Саидакбар 27 сентября 1992 года направились в Курган-Тюбе для поддержания там порядка и все трое погибли.

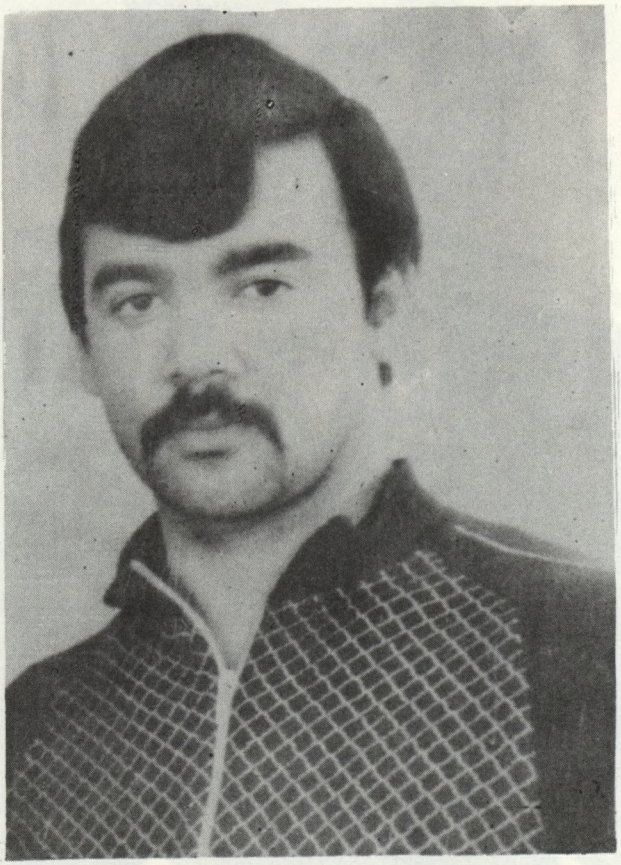
Лангари Лангариев, один из лидеров Кулябского сопротивления.

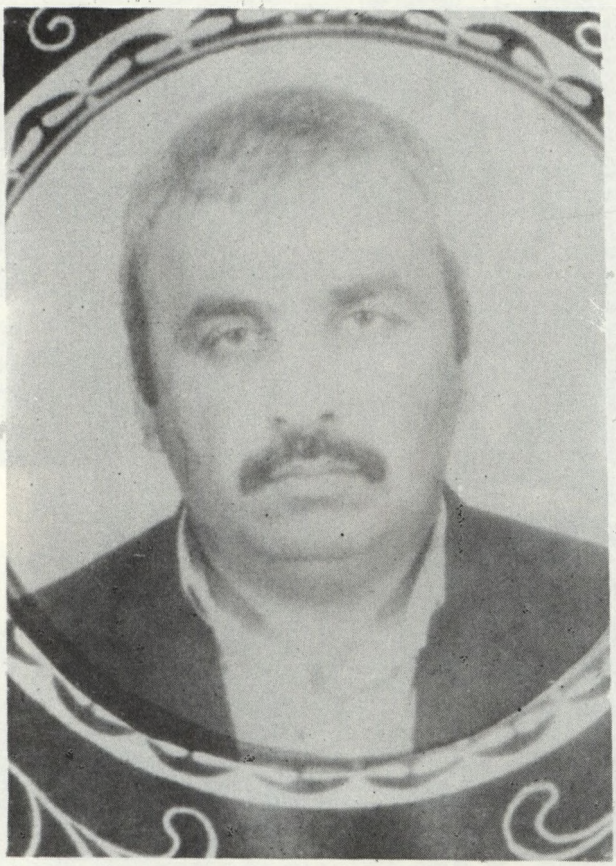
В бане совхоза «Туркманистон» был зверски убит бандитами отец Файзали Саидова — Курбанбобо.

Кадырджон Джабборов, заместитель Генерального прокурора республики, народный депутат Таджикистана.

Безвременно погибший Бозор Шовалиев, 1960 года рождения. Отец четверых детей.

Имомали Мирзоев был отцом пятерых детей.

Махмадашрафа Шарифова оппозиционеры расстреляли в совхозе «Вахш».

Аппетит приходит во время еды. Оппозиция выдвигает новые требования. 10 мая 1992 г.

Даже после подписания соглашения о перемирии площадь Шахидон продолжает неистовать. К этому подстрекают «штатные» ораторы — Кори Киёмиддин, Саид Абдулло Нури, Акбар Тураджонзода, Эшон Саидашраф и др.

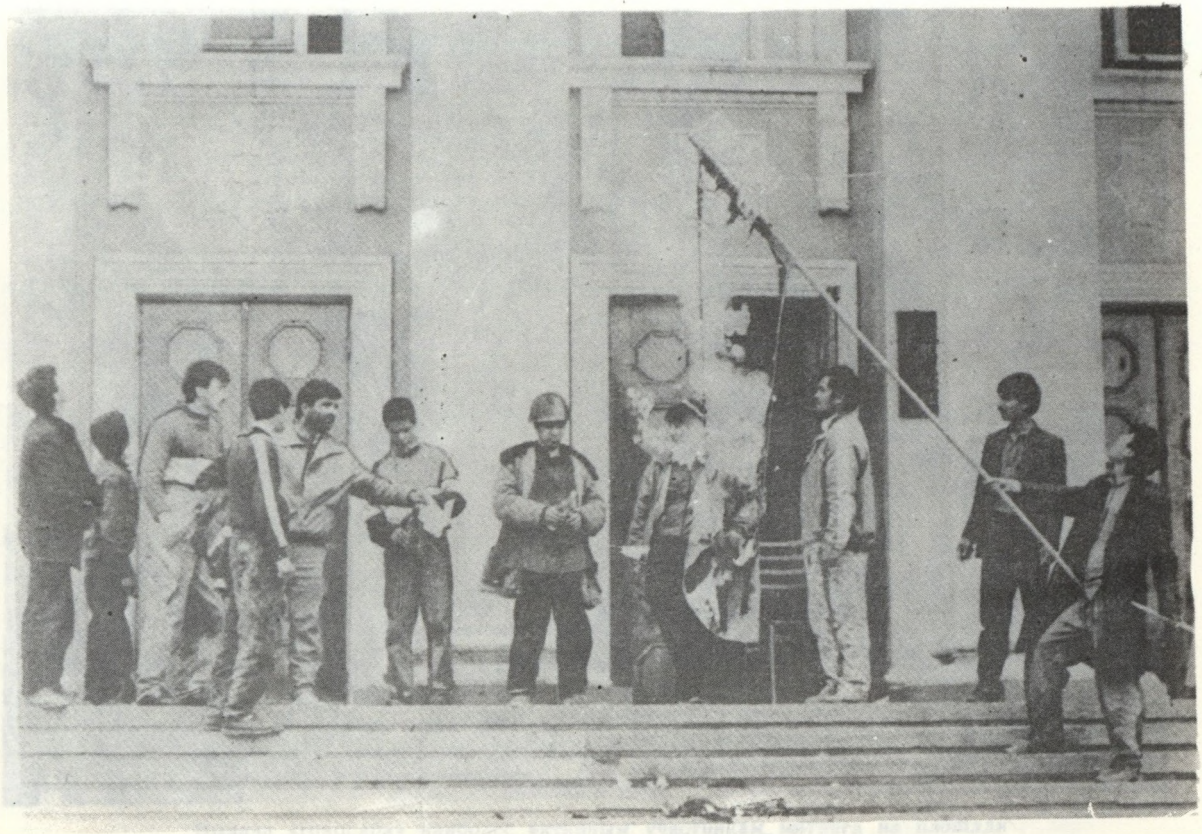
Мы победим!

Выдача «гонорара» наиболее активным участникам митинга на площади Шахидон.

Так был сорван флаг республики.

Сожжение флага республики.

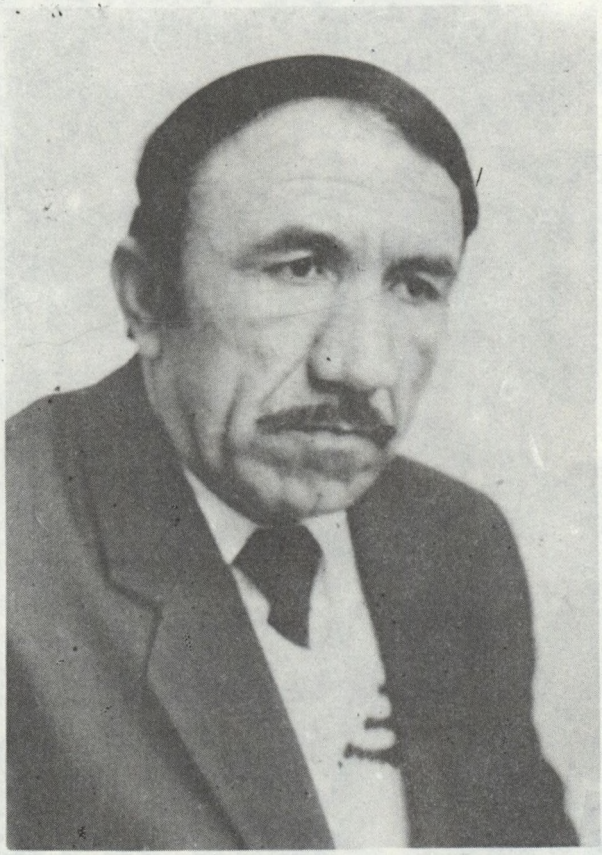
Захват площади Озоди и здания Верховного Совета.

Впереди — новые преступления.

И. Ф. Глазунов, директор Анзобского ГОК-а, активный поборник конституционной власти.

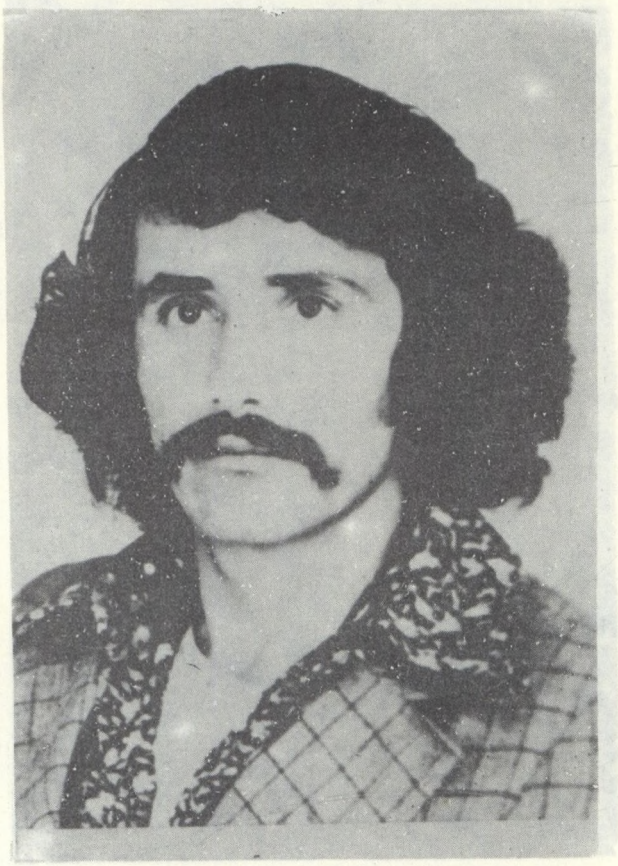

Рустам Абдурахимов, председатель народного движения «Ошкоро».

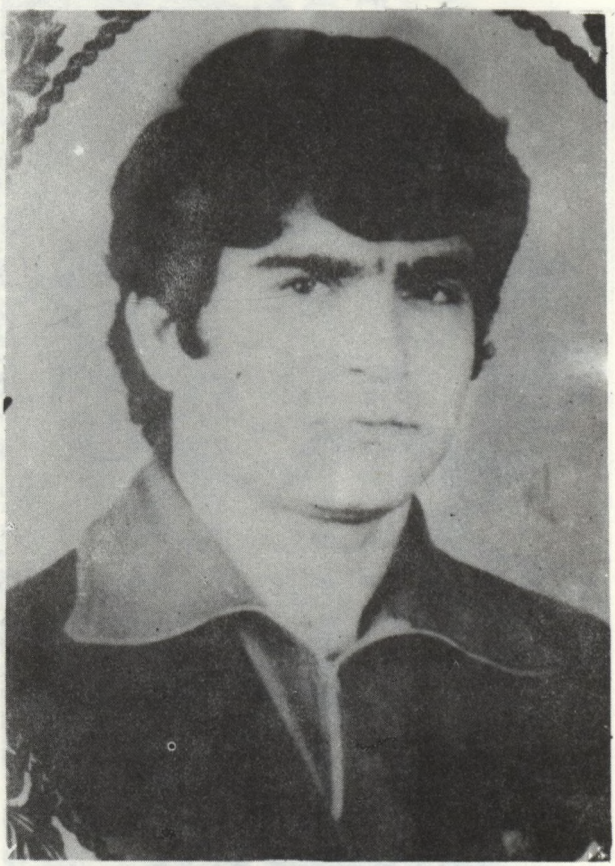

Оппозиционеры в здании Верховного Совета.

Митинг продолжается.

Стал жертвой оппозиции Останакул Мурадов из Вахша.

Убит оппозиционерами Абдуманнон Шоев, 1960 года рождения.

Али Салимова казнили вооруженные оппозиционеры.

Сайфиддин Расулов. 1967 года рождения, погиб от рук оппозиционеров.

руки. Выступления обманутых оппозицией людей со ссылкой на нехватку муки, масла, сахара, на высокие цены и т. д., были лишь ширмой, за которой они творили свои темные дела. Так было, например, и в феврале 1990 года, когда причиной стали армяне-беженцы, которым правительство республики предоставило квартиры, несмотря на острую жилищную проблему в городе. Этот факт очень умело использовали лидеры оппозиции, натравляя злобную толпу против беззащитных беженцев.

Но главной же целью оппозиции было другое — совершение государственного переворота.

К этой цели они шли давно и тайно собирали оружие. Забегая вперед, скажу, что, когда оппозиция захватила власть в свои руки, несмотря на то, что и цены поднялись непомерно высоко (в некоторых случаях в 100 раз), и жить стало очень трудно, лидеры оппозиции и не думали выходить к ним, собравшимся на площадях людям, а через подставных лиц упрашивали разойтись. Один из лидеров оппозиции А. Сохибназаров говорил тогда: «Если вы не разойдетесь, все подумают, чтомы, горцы (?), не умеем управлять государством».

Все это говорит о том, что главная цель оппозиции была одна — захват власти, желание «управлять государством». Кстати, когда тому же А. Сохибназарову, клявшемуся молоком матери, что ему не нужна никакая должность, не нужна власть, предложили пост заместителя председателя Кабинета Министров, он тут же забыл о своих клятвенных заверениях и сел в удобное руководящее кресло.

Те, кто тогда организовывал митинги, ни раньше, ни теперь не нуждались ни в чем. Больше того, они сумели набить свои карманы, в то время, как народ еще больше разорился, и столько людей погибло.

Лидерам оппозиции нужны были кресла С. Кенджаева, Н. Дустова, Н. Хувайдуллоева, В. Вахидова, А. Сайфуллоева, Л. Каюмова и др. Когда они эти кресла заняли, они и думать забыли о народе, который привели на площадь.

Натравив брата на брата, пролив кровь невинных людей, они теперь цинично утверждали, что в переходный период это вполне закономерно и что на все воля божья.

Уверен, что если бы тогда Р. Набиев и вышел к митингующим на площадь Шахидон, лидеры оппозиции не дали бы ему возможности говорить о том, что наболело — о нехватке муки, сахара, масла, обуви — а незамедлительно бы выставили свои требования. Их требования были давно известны — отставка Председателя Верховного Совета С. Кенджаева, вице-президента? Разве он мог удовлетворить требования оппозиции?

Конечно, нет. Но тогда озлобленная толпа потребовала бы отставки и самого президента. И без этого во время встреч и переговоров с лидерами оппозиции А. Сохибназаров, Шодмон Юсуф и другие открыто заявляли нам: «Вы продержитесь не более трех-четырех месяцев. Как и президент Грузии Звиад Гамсахурдиа, вы будете в бегах, а трагедия Грузии повторится в Таджикистане». На мой вопрос, что нужно сделать, чтобы трагедия Грузии не повторилась, они отвечали с издевкой: «Это вы поймете потом...»

Разве решение этих вопросов входило в компетенцию председателя Верховного Совета республики, вице-президента — Н. Дустова, генерального прокурора Н. Хувайдуллоева, а также некоторых министров. Оппозиции было нужно, чтобы их места заняли представители «демократических сил», партии исламского возрождения.

Вспоминая теперь все это, еще раз убеждаюсь: оппозиция действовала по заранее разработанному плану и наперед знала, что произойдет. Знала, что прольется кровь, что Таджикистан будет гореть в огне гражданской войны. Знала и шаг за шагом добивалась осуществления своего черного плана. Вероятно с целью запугивания, лидеры оппозиции неоднократно публиковали свои прогнозы в газетах «Адолат», «Чароги руз», «Дунё», «Сухан», «Джавони Тоджикистан», при этом умалчивая о своей роли в этой трагедии.

Лидеры оппозиции, как говорится, спали и во сне видели себя у руля власти. И в то время, когда они за нашей спиной готовились к перевороту, мы были заняты другим: думали, как поднять благосостояние народа, воевали с мафией, с расхитителями народного добра, спекуляцией. Но, как сказал поэт:

Судьба жестока с нами порой бывает,
Мы создаем, она тут же все разрушает.

В-третьих, определенные круги вложили немало денег в организацию митингов и содержание митингующих в течение 45 дней. Им во что бы то ни стало нужно было добиться своей цели. Поэтому пустые выступления руководителей республики им были ни к чему.

В-четвертых, среди митингующих находилось немало преступных элементов, которым была на руку неспокойная обстановка в городе, а также бездействие правоохранительных органов. Днем они «митинговали», а ночью занимались мародерством, грабежом пустующих квартир и магазинов. Им было наплевать, будет ли президент или председатель Верховного Совета выступать на площади Шахидон или нет.

В-п я т ы х, не секрет, что некоторые зарубежные страны были сильно заинтересованы, чтобы к власти в Таджикистане пришли ваххобисты, они не пожалели потратить на это миллионы долларов. («Известия», апрель, 1993 год).

Темные силы, пользуясь безвластием и анархией, царившими в городе, расширили «поле своей деятельности» и властвовали по своему усмотрению.

Дело осложнялось еще и тем, что немало работников правоохранительных органов, пользуясь суматохой и беспорядками, не только не выполняли своих обязанностей по службе в борьбе с преступниками, а в ряде случаев даже способствовали им. К примеру, когда напряжение в республике нарастало с каждым часом и волнения охватили многие города и районы, по приказу руководства МВД сотрудники во многих его подразделениях разоружались. Это дало возможность еще больше укрепиться оппозиции и смело осуществлять свои планы.

Какую оценку можно было дать таким действиям руководителей МВД? Разве это не означало, что они сдались оппозиции? Иначе как можно объяснить то, что люди, по долгу службы призванные охранять конституционный строй, в столь ответственный час без ведома и разрешения президента республики складывают оружие и занимают позицию невмешательства. Ведь это не что иное, как предательство своего народа. Это клятвопреступление, всегда презираемое народом.

Разве руководитель, допустивший это и столкнувший республику в пропасть войны, но продолжавший сидеть в руководящем кресле, не является государственным преступником и врагом своего народа? Разве не испытывает он мук совести? Воистину, подобные люди не имеют ни веры, ни чести.

Думаю, что все эти люди, изменившие своему служебному долгу и позволившие оппозиции беспрепятственно захватить власть, ответят перед судом истории. Просто нужно время. Как говорится, правда сто лет может быть скрыта под землей, но в один прекрасный день она заблестит, как алмаз.

Р. Набиев, не теряя надежды, вновь и вновь приглашал лидеров оппозиции на переговоры.

Эти встречи, как правило, ничего не давали. Во время каждой встречи представители оппозиции предъявляли все новые претензии; они тянули время, чтобы вооружаться, досконально все разведать, потом спокойно перейти в наступление.

Я опять поделился своими соображениями с президентом, руководителями правоохранительных органов и спецслужб. Но

никто из них не придал моим словам особого значения. И в итоге жестоко поплатились за свою беспечность.

Утром 6 мая президент приехал в Верховный Совет и устроился, как он это делал после захвата оппозицией президентского дворца, в кабинете заместителя председателя Верховного Совета Приписнова. Мы все — Н. Дустов, Н. Хувайдуллоев, Ф. Ниязов и я, а также несколько депутатов собрались там. Вопреки ожиданиям на встречу не явились премьер-министр и его заместители.

У нас не было точной информации о положении в столице и республике. Комендант города и его заместители до сих пор не давали о себе знать.

Днем раньше председателем КНБ был назначен Р. Турсунов, работавший до того в Москве, его еще никто не знал.

Удивительно, но в последние дни никто из членов правительства — ни один министр, ни один госсоветник, кроме А. Джабборова, который все время был с нами, не заходили к президенту, не докладывали ему об обстановке, не задавили никаких вопросов. Все как будто исчезли куда-то.

Как я уже говорил, незадолго до этих событий, 30 апреля 1992 года, Р. Набиев своим указом учредил президентский совет, в который вошли политики, ученые, специалисты. Но у президента не было времени, и этот совет так ни разу и не собрался. Не было конкретной программы выхода из создавшегося положения. Ситуация в столице республики говорила о том, что власть полностью парализована. К тому же не было единства в действиях руководителей различных регионов. Некоторые уже готовы были перейти на сторону оппозиции в надежде, что сохранят свое положение и при новой власти. Они были похожи на слугу двух господ, хотели быть хорошими и здесь, и там. И таких людей было немало. Своей двойственностью они существенно помогли оппозиции нанести предательский удар конституционному строю и ввергнуть республику в гражданскую войну.

Президент хорошо сознавал, что бразды правления республикой уже давно выпали из его рук, и он был похож на всадника, которого необузданный конь несет неизвестно куда.

ТРЕТЬЯ СИЛА

Эта сила становилась все ощутимей, хотя и продолжала действовать совершенно скрытно. Она умело использовала различных людей и группировки в своих интересах.

Например, те руководители, косорые когда-то были в немилости у Р. Набиева, «держали» на него обиду. Они верили краснобаям и ждали, что не сегодня-завтра президент снимет их всех. Использовали момент и обострение ситуации для укрепления своих позиций и своих единомышленников. Кроме того, некоторые сотрудники правоохранительных органов, органов борьбы против преступлений, государственной безопасности, которые сами были замешаны в преступлениях, не могли выполнять требования нынешнего государства, хорошо понимали, что вот-вот их разоблачат. Эти люди сами искали пути сближения с третьей силой, видя в ней своего спасителя и всячески содействовали ее успеху.

Сильной группировкой, активно помогавшей третьей силе, была внутриреспубликанская мафия. Руководители и хозяева ряда кооперативов, малых предприятий, ассоциаций, занимающиеся жульничеством и обкрадыванием народа, тесно сплотились вокруг невидимой и неуловимой третьей силы. Они не могли простить, что руководство Верховного Совета во главе с С. Кенджаевым больно придавило им хвост.

Нестабильная обстановка в республике вполне устраивала их, помогала беспрепятственно совершать махинации и получать многомиллионные доходы. Сговорившись с лидерами оппозиции, они из числа уголовных элементов сколотили наемную группу террористов, которая использовалась для запугивания безоружных людей на площади Озоди, а также для других преступлений. Члены террористических групп вторгались в квартиры указанных им лиц и шантажировали их, занимались грабежом, сеяли панику, страх. На площади Шахидон собралось немало и таких, кто в свое время были наказаны за правонарушения преступного и непреступного характера, исключены из партии, понижены в должности, осуждены и т. д. Проснувшись, как сурки после долгой спячки, они теперь во всех грехах обвиняли правительство, руководителей республики, пришедших к власти всего несколько месяцев назад. Им было безразлично, кого критиковать: нынешних руководителей или предыдущих.

И не было никого, кто бы открыто спросил их: а кто же вы есть на самом деле? Так ли вы непогрешимы? Какую пользу принесли своей республике и своему народу? Разве не они, считающие себя жертвой тоталитарной системы и коммунистического строя, пили все соки из партии и пользовались благами, полученными благодаря ей? Многие из них по сей день живут в шикарных квартирах и коттеджах, разъезжают на машинах, любезно предоставленных им партией, которую они сегод-

ня готовы растоптать. Более того, забыв о том, что еще вчера они с гордостью носили в кармане партбилет коммуниста, сегодня они стали прислужниками «демпартии» и партии исламского возрождения.

Еще одной категорией людей, действовавших на площади Шахидон и выполнявших волю третьей силы, были представители интеллигенции. Купленные за деньги, в надежде получить высокие должности, эта категория людей клеветала на законное правительство, сбивала с толку народ, особенно молодежь. Некоторые ученые, поэты, журналисты, пользуясь уважением, которое таджикский народ всегда питал к образованным людям, обманывали его и служили третьей силе.

Многие из них за верную службу получили от своих «хозяев» хорошую плату и разъезжали по зарубежным странам, с легкой руки казиата совершали паломничество в Мекку и получали почетный у мусульман титул паломника-хаджи.

Если бы эти лицемерные и продажные люди не получали мзду за свою работу, то каким образом редактор оппозиционной газеты «Чароги руз» Д. Атовуллоев смог за 2 миллиона рублей (до повышения цен) купить двухэтажный коттедж, принадлежавший известному писателю С. Улугзода, каким образом другие приобретали легковые автомобили, совершали хадж в Мекку и Медину?!

Словом, вокруг третьей силы собрались все те, кто «имел зуб». на законное правительство, боялся его укрепления, те, кого можно было купить за деньги.

И все, кто был на стороне законного правительства и кто был в числе его врагов, ждали: что же предпримет президент? По какому пути поведет он за собой народ? Сторонники президента все еще верили в него, но не все знали, что он фактически находится в изоляции и не в состоянии оказать какое-либо влияние на ход событий. Телефон его, можно сказать, не функционировал, никто к нему не обращался. Президент и его окружение все ждали, когда о себе дадут знать премьер-министр, комендант города М. Мамаджанов и доложат о принятых решениях. Но они упорно молчали. По поручению президента Н. Дустов все-таки разыскал по телефону М. Мамаджанова, но прошло достаточно времени, а генерала все не было.

ДЖИХАД, «РЕВОЛЮЦИЯ»

Обстановка на площадях теперь менялась не по часам, а по минутам. События уже вышли из-под контроля. Лидеры оппозиции открыто призывали своих сторонников к мятежу, захвату власти. Своими многочисленными и целенаправленными выступлениями ораторы на площади Шахидон в течение 45 дней сеяли семена ненависти в душах озлобленных и уставших людей. Эти подстрекатели в конечном итоге добились своего — разожгли пламя войны, которая унесла тысячи жизней, сотни тысяч людей стали беженцами, республике был нанесен ущерб в размере 300 миллиардов рублей.

Чтобы вывести людей из себя, подстрекатели не гнушались ничем. Ложь и клевета для них были обычным явлением. Так, кори Мухаммаджон объявил, что будто на площади Озоди появился лозунг «Нет исламу!» На самом деле этого не было, потому что и на площади Озоди собравшиеся были в основном мусульмане, они по многу раз в день читали главы из Корана и соблюдали все предписания своей веры. Но чтобы сбострить ситуацию, во имя своих целей и интересов кори Киёмиддин Гози пустил эту ложь и назвал собравшихся на площади Озоди «кафирами», «врагами ислама», «изменниками веры». Тем самым разрушил все пути к примирению и настроил площадь Шахидон на войну с «кафирами». Скажите, в какие рамки общечеловеческой или мусульманской морали входит такая бесстыдная ложь, которая толкает на войну между собой людей одной веры, братьев по крови?!

Другой оратор на площади Шахидон Саид Махсум требовал вынести смертный приговор С. Кенджаеву, Н. Хувайдуллоеву, А. Сайфуллоеву, а также организаторам митинга площади Озоди. Хочется спросить этого приверженца ислама — за что, за какие грехи он жаждет нашей крови?

Житель Пянджского района Идибек кричал на площади Шахидон, что нужно вешать всех коммунистов. Другой участник митинга Джураев из Колхозабадского района, пытаясь его перекричать, призывал казнить депутатов. Такие призывы звучали и в выступлениях Садулло (Кумсангирский район), Саидмухиддина, Эшона Алломы, Эшона Саидшарафа, Эшона Салохиддина и некоторых других.

Домулло назвал всех собравшихся на площади Озоди пьяницами, хотя знал, что это чистая ложь. Потому что, кроме мужчин, на площади Озоди было и много женщин. Такой ярлык таджикской матери еще не навешивал никто. Разве дозволены

такие оскорбления и клевета со ссылкой на Коран, предписания ислама? Нет, конечно.

Многие думали, что казикалон Акбар Туроджонзода печется прежде всего о благе народа, о чистоте нравственности в обществе, об укреплении духовных начал. Это потверждали его выступлния на сессиях Верховного Совета. Но многие были поражены его выступлением 30 апреля на площади Шахидон. Он заявил, что направил телеграммы в соседние мусульманские государства и призвал их порвать всякие связи с Таджикистаном. Он также сообщил, что обратился к правительству Пакистана и призвал не давать в долг Таджикистану обещанные 500 миллионов долларов.

Вдумайтесь в эти заявления. Их сделал человек, который всегда говорил о благе народа, о процветании республики, о будущем нации. Значит, все эти заверения были пустым звуком, а для казикалона личные интересы и групповые амбиции превыше всего.

Я с самого начала говорил, что в начавшейся в Таджикистане войне не будет победителей. Но каждая жертва этой войны — трагедия нации, невосполнимая потеря для народа. Однако этого не хотели понимать на площади Шахидон и толкали народ на вооруженные столкновения. Лозунги и плакаты, живо напомнившие пропаганду времен исламской революции в Иране, свидетельствовали о том, что в Таджикистане пытаются насаждать экспортируемые идеи, что здесь чувствуется чужая рука.

Оппозиция с помощью захваченного ею телецентра распространяла по всей республике полные злобной клеветы заявления. Молодчики «народного генерала» Б. Рахмонова непрерывно разъезжали по столице и ее окрестностям, постоянная стрельба нервировала жителей. Можно сказать, город находился под полным контролем оппозиции.

Ряд предприятий, руководители которых были заодно с третьей силой, снабжали антиправительственные группировки горючим, техникой, оказывали всяческую поддержку. Остальным же предприятия и организации были закрыты, полностью бездействовал городской транспорт. Значительная часть дорог Душанбе, трасса, связывающая столицу с Курган-Тюбе и некоторыми районами республики, кроме Гиссара, Шахринау, Варзоба и Ленинского района, были взяты под строгое наблюдение руководителей оппозиции...

Сторонники оппозиции в который уже раз предпринимали попытки насильственно проникнуть в здание Верховного Сове-

та. Они были похожи на свору голодных волков, учуявших добычу... Но всякий раз захватчики отходили назад, столкнувшись с мужественным сопротивлением защитников Верховного Совета. Конечно, это было не так просто и не обходилось без жертв. После очередного налета заместитель начальника штаба ГО полковник С. Шарофиддинов сообщил мне и прокурору города С. Шаропову, что из снайперского ружья убит боец бригады специального назначения Х. Джурабоев. Пуля попала ему в затылок, и он скончался тут же, не приходя в сознание.

Это произошло неподалеку от иранского правительства. После М. Шерализода Х. Джурабоев стал второй жертвой. Тридцатидвухлетний Холик был работником объединения «Худжандатлас» и в Душанбе приехал для защиты конституционного строя. У него было двое малолетних детей...

Я не выдержал и позвонил в казиат Акбару Тураджонзода. Хотел еще раз убедительно попросить его, чтобы он, используя свое положение и влияние среди оппозиции, остановил стрельбу, не допустил очередные жертвы.

Но трубку опять поднял «посредник» — Отахон Латифи и сказал, что казикалон занят в соседней комнате, где якобы решаются очень важные вопросы. Я ответил, что сейчас нет ничего важнее, чем о с т а н о в и т ь к р о в о п р о л и т и е, предотвратить гражданскую войну, и попросил передать казикалону, что, если начнется гражданская война, республика превратится в кровавую бойню и оппозиции придется отвечать перед лицом истории. И еще... Я напомнил ему мудрую поговорку: Зло постигнет самого зложелателя».

Узнав о трагической гибели Х. Джурабоева, народ забурлил еще больше. Организаторы митинга явились к президенту и решительно потребовали принять самые строгие меры. В противном случае, заявили они, дайте нам оружие, чтобы мы могли защитить себя. «Нарсд больше не подчиняется нам,— сказал Р. Абдурахимов.— Нужно найти выход...» В это время, наконец, явился комендант города — генерал М. Мамаджанов. Было 10 часов утра. Президент провел его в соседнюю комнату. Вслед за ними туда вошел и вице-президент Н. Дустов.

О чем они говорили, мы не знали. Через несколько минут Дустов пригласил меня. Войдя в комнату, я заметил радостное выражение на лице президента. Видимо, Мамаджанов принес хорошие вести, подумал я.

Не объясняя ничего, Р. Набиев сказал: «Мне сообщили, что генерал Бахром Рахмонов и еще несколько вооруженных сторонников явились в штаб гражданской обороны, где Рахмонов, представившись государственным советником по вопросам обо-

роны и охраны общественного порядка, пытался увести за собой в штаб оппозиции всех вооруженных там лиц... Я хочу, чтобы вы с Мамаджановым поговорили наедине и продумали план, как можно задержать и привести ко мне генерала Рахмонова».

Я, еще не совсем вникнув в суть вопроса, сказал: «Хорошо» и мы вместе с Мамаджановым и еще с кем-то (сейчас не помню) вошли в приемную президента. Там было полно народу и нельзя было поговорить с глазу на глаз. Мы поднялись на второй этаж, в раздевалку, но и там были незнакомые лица. Поднялись на третий этаж — то же самое. Мы, наконец, устроились в зале заседаний Верховного Совета и начали беседу о генерале Рахмонове, но не прошло и минуты, как вошел Мирзо Самиев. Мне было известно, что он состоит в бригаде особого назначения отдельного президентского полка. Ничего не объясняя, Мирзо Самиев приказал по русски: «Генерал-майор Мамаджанов! Руки вверх! Прошу без сопротивления сдать оружие!» Удивленный этим приказом, я смотрел на Самиева, которого хорошо знал, и ничего не мог сказать. «Разве сейчас время для шуток, когда кругом льется кровь»,— подумал я. Но похоже, Самиев и не собирался шутить. Но чей приказ он выполняет тогда? Ведь перед ним стоит генерал, народный депутат, наделенный большой властью и полномочиями. Так за что же его арестовывают?

Генерал улыбнулся: «Идите и занимайтесь своим делом. Сейчас не время шутить». В ответ прозвучало гневное: «Я с вами не шучу. Время шуток давно прошло. Вы предали нас. Из-за вас погибли невиновные люди. Немедленно сдайте оружие».

Наступила гнетущая тишина.

Генерал Мамаджанов резко сказал: «Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?! Идите и не мешайте нам беседовать!»

В зал вошло еще несколько человек. Они слышали резкий разговор между Мамаджановым и Самиевым. Последний задрожал от гнева и направил пистолет на Мамаджанова: «Генерал Мамаджанов! Со мной шутки плохи. Президент назначил вас комендантом города. Прошли сутки, но вы еще не сделали ничего. Вы изменили государству. Боевики с площади Шахидон убивают невинных людей. Почему вы обманом обезоружили 180 воинов-афганцев и в четыре часа отправили их по домам? Почему вы не установили комендантский час в Душанбе, не закрыли город? Если вы шевельнетесь, я буду стрелять!».

Только теперь М. Мамаджанов понял, что с ним не шутят и всерьез собираются арестовать Сцепив пальцы рук, он с удивлением посмотрел на меня. Я обратился к М. Самиеву: «У вас есть приказ?» «Да, есть!» — резко ответил он. «От кого? — спро-

сил М. Мамаджанов. «От президента Республики Таджикистан Набиева!» — прозвучало в ответ.

«Вы уверены, что этот приказ дал Набиев» — не унимался генерал Мамаджанов. «Да, это приказ Набиева»,— твердо ответил М. Самиев и посмотрел на вошедших в зал Н. Дустова и генерального прокурора Н. Хувайдуллоева. Те молча кивнули в знак согласия...

Я был поражен...

Почему Р. Набиев и Н. Дустов скрыли от меня правду? Почему использовали меня для того, чтобы я отвел генерала Мамаджанова в безлюдное место? Почему они захотели, чтобы между двумя вооруженными людьми в столь критическую минуту стоял я?

— Вы не знаете, за что меня арестовывают? — обратился ко мне Мамаджанов.

Я, действительно, не знал.

— Спросите у президента,— сказал я в сердцах.— Наверное, за то, что вы целые сутки пропадали где-то и не выходили с ним на связь.

Забрав у Мамаджанова оружие, М. Самиев вывел его из зала. Генеральный прокурор Н. Хувайдуллоев и вице-президент Н. Дустов заговорили о том, что необходимо вызвать военного прокурора из Душанбинского гарнизона и возбудить дело в отношении генерал-майора Мамаджанова. Из их слов я понял, что против Мамаджанова что-то замышляется. Но я был не рад и встревожен той незавидной ролью, которую мне отвели в этой игре. Задержание или чей-то арест не входили в мою компетенцию. Так почему же я стал невольным соучастником и свидетелем этого дела? Что подумал обо мне Мамаджанов?! А если бы между ними завязалась перестрелка и, не дай Бог, пуля попала бы в кого-нибудь, как бы я выглядел потом?

Словом, генерала Мамаджанова куда-то увели, и вскоре прибыл военный прокурор, чтобы начать дело против военкома республики. Забегая вперед, скажу, что следственные органы не нашли в действиях генерала состава преступления, и он был полностью оправдан.

Я еще не успокоился после инцидента с Мамаджановым, как услышал шум у входа в здание Верховного Совета. Оказывается, несколько разгневанных людей с площади Озоди доставили туда бывшего заместителя председателя КНБ полковника Белоусова. Через несколько минут они, все так же не выпуская его, привели к дверям кабинета, где сидел президент Р. Набиев. Окружившим их людям они объяснили: «Белоусов за рулем «Жигулей» и с двумя пассажирами проезжал через площадь

Озоди. Из машины вылетела граната и разорвалась. Несколько человек оказались ранеными. Нужно наказать предателей!»

Кое-как успокоив возбужденных людей, мы провели Белоусова в зал заседаний. Чтобы выяснить истину, я подсел к нему и стал расспрашивать. Белоусов был пьян. Он весь дрожал от страха и, с трудом выговаривая слова, то и дело повторял: «Сафарали Кенджаевич! Поверьте мне, я ни в чем не виноват. Вы же знаете меня. Я же работал заместителем председателя КНБ республики, имею звание полковника. Долгое время жил и работал в Таджикистане. Я не мог сделать что-то плохое против своего народа. Поверьте мне, я не виноват...»

Я, как мог, успокоил его, сказал, что ни за что не допущу самосуда и попросил рассказать все, как есть. Белоусов продолжал: «Я ехал по улице Чапаева в сторону аэропорта. Несколько вооруженных автоматами парней таджикской национальности преградили мне путь и остановили машину. Двое из них уселись на заднее сиденье и, приставив дуло автомата к моему затылку, велели ехать на площадь Озоди. Сказали, что в случае отказа будут стрелять. Я был безоружный, мне ничего не оставалось делать, как подчиниться. О том, что у них есть граната, я не знал. Когда мы проезжали через площадь, они что-то бросили в толпу. Я услышал взрыв, стоны и крики людей. Меня задержали ребята с площади Озоди. Куда девались те двое, я не знаю. Кажется, их тоже задержали...»

Полковник Белоусов продолжал: «Я столько лет проработал в Комитете безопасности, от рядового сотрудника дошел до полковника, работал заместителем председателя КНБ. Но таких подлецов, чтобы бросали гранату в толпу безоружных людей, никогда не встречал.

Мы, работники КНБ и МВД, тоже виноваты. События последнего времени показывают, что подготовка к захвату власти шла не один год, специально обучали людей, делали из них фанатиков, а мы все это упустили...»

Слушая слова полковника Белоусова, я с горечью подумал, что если бы органы власти, спецслужб по-настоящему выполняли свой долг, возможно, ядовитая поросль, взращенная оппозицией не разрослась бы так буйно и не сковала бы все важнейшие органы государственной власти.

В первый же день моего назначения на пост председателя КНБ я пригласил на беседу первого заместителя председателя Алиджона Солибоева и попросил ответить на несколько вопросов: на каком уровне находится дело государственной безопасности? Есть ли конкретные сообщения о покушении на государственный строй? Каковы планы оппозиции? Каким образом

они собираются прийти к власти — демократическими методами или силой? Получает ли оппозиция, партия исламского возрождения помощь от зарубежных стран? Каким оружием располагают боевики на площади Шахидон?

На эти вопросы А. Солибоев не смог дать ясного и четкого ответа.

Он только сказал:

— Сейчас мы не располагаем подробной информацией по интересующим вас вопросам.

А. Солибоев неоднократно почеркивал, что сотрудники КНБ решили не вмешиваться в ситуацию на площадях. Но как это организация, предназначенная для защиты конституционного строя, в столь решающий момент, когда темные силы с оружием в руках собираются совершить государственный переворот и отстранить законное правительство, может занять позицию невмешательства?

Я твердо высказал свое мнение А. Солибоеву и другим ответработникам КНБ: «Защита конституционного строя — это наша главная задача. Так написано в законе, к этому нас обязывают устав и положение КНБ».

К сожалению, КНБ с самого начала занял неправильную позицию. Это дало возможность антиправительственным группировкам вести себя агрессивно и в своих замыслах зайти слишком далеко. Об этом на 15-ой сессии говорил и сам Р. Набиев: «КНБ — это военная организация, она должна беспрекословно подчиняться высшему руководству... При нынешней организации своего дела Комитет существовать не может. Видимо, надо еще раз пересмотреть структуру, задачи и функции КНБ».

Странное дело, содержание нашей беседы с А. Солибоевым уже на другой день было передано через микрофон на площади Шахидон, а потом опубликовано на страницах газеты «Чароги руз». С самого начала я заметил, что А. Солибоев, О. Поянд-шоев и еще несколько ответработников ведут себя неискренне по отношению к президенту и его окружению, и их слова не соответствуют делам. Когда меня назначили председателем КНБ, на площади Шахидон тут же стали раздаваться голоса, требующие моей отставки. Об этом мне докладывал сам Солибоев и ждал моей реакции. Я чувствовал, что каждое мое слово тут же будет передано лидерам оппозиции, а потом и собравшимся на площади Шахидон.

Не случайно лидеры оппозиции приложили столько усилий, чтобы пост председателя КНБ занял А. Солибоев. За свои «заслуги» перед оппозицией он получил и звание генерал-майора.

Но лучше все по порядку. Однажды ко мне зашел полков-

ник КНБ Д. Аминов и попросил подыскать ему подходящую должность. Во время беседы с ним в кабинет вошел А. Солибоев. Как только мы остались одни, Солибоев сказал: «Считаю своим долгом проинформировать вас, что Джурабек Аминов — очень грязный и очень опасный человек. Он находится в близких отношениях с Акбаром Тураджонзода, Отахоном Латифи, Давлатом Худоназаровым. Он внес большой вклад в февральские события. Прошу Вас, не доверяйте ему. О каждом вашем шаге он будет информировать своих друзей».

Слушая его, я думал, как можно иметь сразу столько масок на одном лице. Каким лицемером надо быть, чтобы говорить одно, делать другое, а думать третье. Уже через неделю А. Солибоев, сев в кресло председателя КНБ, своим первым заместителем назначил Д. Аминова.

За короткое время, что я возглавлял Комитет национальной безопасности, убедился, что там работает немало честных, порядочных, умных и компетентных людей. Они переживали за свой народ и всячески хотели ему помочь. Но, как говорится, в семье не без урода. В КНБ было немало и таких, которые вели двойную игру и помогали оппозиции осуществить свои темные дела. Обо всем этом я докладывал тогда президенту и вице-президенту. Мы вместе думали над тем, как исправить положение и сделать КНБ органом, который бы действительно служил интересам государства и народа. Но тогда мы не смогли взяться за это дело вплотную, потому что кровавые события стали разворачиваться стремительно и мы оказались в их эпицентре.

Вот о чем я думал тогда, слушая попавшего в нелепую историю полковника Белоусова.

После разговора с ним был приглашен прокурор города Саломиддин Шарипов с тем, чтобы он возбудил дело по факту, связанному с Белоусовым. Я же пошел в свой кабинет, и глядя в окно на чистое небо, думал о превратностях жизни, о том, как странно устроен мир и какое противоречивое существо — человек. Думал, как эти двое молодых парней, в жизни, может быть, не совершившие ни одного доброго поступка, отважились на такое: бросить гранату в толпу ничего не подозревающих людей. Кто дал им в руки гранату? Разве они не понимали, сколько страданий причинят людям ,используя это смертоносное оружие?

Ислам, как и другие религии, считает великим грехом проливать кровь безвинного человека. Как же безнравственно, воистину греховно, прикрываясь именем Бога, направлять оружие на своего брата.

Кто же это домогался власти и ради этого был готов на все, даже на святотатство и осквернение святынь — разбить и без того маленький народ на северян и южан, на ходжентцев и кулябцев, на бадахшанцев и каратегинцев, на зарафшанцев и гиссарцев? Моя нация поражена болезнью, имя которой — местничество. Такая болезнь истощает, губит силы всей нации, имеющей глубокую историю и неповторимую культуру. Люди, чьими предками были Авиценна, Рудаки, Хафиз и Саади, сегодня покрыли себя недоброй славой братоубийц.

Я хорошо понимал, что́ скрывалось за красноречием и трогательными отступлениями ораторов на площади Шахидон, этих непревзойденных мастеров демагогии. Власть, слава, деньги — вот что было нужно им прежде всего. Но зачарованные их красноречием, которое подкреплялось стихами из Корана и афористичными высказываниями пророка Мухаммада и других святых и праведников, этого не понимали бедные, забитые люди. Не понимали, что они лишь подставные лица, что им отведена роль статистов в массовках на политической арене. Не понимали, что лидеры оппозиции никогда честным, демократическим путем не смогут прийти к власти и поэтому шантажируют и сталкивают народ с теми, кто победил их на выборах. Они не один год готовились к государственному перевороту. Об этом свидетельствует признание одного из лидеров оппозиции, профессора Рахима Мусулмониена в газете «Таджикистан» (№ 21 от 04.08.1992 г.): «... вхождение представителей оппозиции в правительство было отнюдь не случайным, этому предшествовала длительная и бурная борьба, в которой погибло немало наших братьев».

Вдумайтесь в эти слова. Они лишний раз доказывают, как упорно и целенаправленно шли к своей заветной цели, к власти и славе лидеры оппозиции. И ради этого готовы были на все, на кровопролитие, попрание законов.

Вдумайтесь в эти слова одного из лидеров оппозиции, заведующего кафедрой современной литературы Таджикского госуниверситета, профессора Р. Мусулмониена! Чтобы в состав правительства вошли несколько представителей оппозиции, их сторонники взяли в руки оружие, в результате чего пролилась кровь невинных людей. Благодаря грязной пропаганде этих горе-ученых число жертв достигло несколько десятков тысяч. Сотни тысяч лишились крова и были вынуждены покинуть родину и стать беженцами. Таджикистан превратился в несчастный край, а гордый его народ поник головой.

Разве эта боль и трагедия целого народа стоят того, чтобы

в состав правительства вошло несколько представителей оппозиции?

Разве таким образом «демократические силы», партия исламского возрождения не нанесли огромный ущерб авторитету мусульманской религии и демократии?

Мысленно я снова и снова обращался к ним:

«На вашей совести кровь невинных людей, слезы матерей, жен, дочерей и сестер. Ни на этом, ни на том свете вам не будет пощады. Не забывайте этого!

Вы считаете себя демократами, борцами за демократию и справедливость. Так почему же вы не дождались, чтобы в декабре была принята новая Конституция и на демократической основе прошли выборы нового парламента? Ведь именно по настоянию оппозиции Верховный Совет принял решение провести выборы 6 декабря 1992 года. Если бы представители оппозиции сумели завоевать доверие народа, предложили достойную программу, то наверняка получили бы депутатские мандаты и взяли власть в свои руки. Тогда и нам бы ничего не оставалось делать, как смириться и подчиниться воле большинства».

Кстати, об этом хорошо сказал Бури Каримов, не понаслышке знающий, каким сложным и темным лабиринтом бывают зачастую коридоры власти, обращаясь к лидерам оппозиции и исламской партии возрождения: «Все должности, которых вы добились путем грубого нарушения законов, через определенное время вы спокойно могли бы получить в результате выборов, без жертв и кравопролития» («Чароги руз», №31 (52), 1992 г.).

Эту мысль разделяли многие. Если бы выдававшие себя за цвет нации Д. Худоназаров, А. Сохибназаров, О. Латифи, Ш. Юсуф, А. Тураджонзода, М. Химматзода и Д. Исмон и другие после своего поражения на президентских выборах нашли в себе мужество смириться, выждали время, трудились бы на благо Отечества, то непременно добились бы успеха на последующих выборах. Но нет. Смертельно уязвленные, затаив месть, они возбудили простой народ и с оружием пошли на законное правительство. И показали свое истинное лицо. Лицо карьеристов, властолюбцев и лжедемократов. Длительное время можно обманывать только отдельных людей, народ обманывать долго невозможно. Народ сам определит, кто есть кто, за кем можно идти, а за кем нельзя.

С этими мыслями я вновь вернулся в кабинет президента. Там, как всегда, сидели Н. Дустов, Н. Хувайдуллоев, генерал-майор Ф. Ниязов и еще несколько человек.

Все взоры были устремлены на президента, все ждали, ка-

кой указ издаст Рахмон Набиев и что предпримет против государственных преступников. Но, как всегда, президент был невозмутим и по выражению его лица трудно было определить, о чем он думает. Его благодушие и беспечность никак не способствовали стабилизации обстановки в республике. Многие члены правительства давно разуверились в президенте, отошли от него и сблизились с оппозицией.

Президент хорошо сознавал, что два основных государственных органа — МВД и КНБ — давно вышли из-под его контроля и, хотя они объявили о своем невмешательстве, на деле же служили оппозиции. Национальная армия по вине руководителей республики все еще не была создана. Так что, можно сказать, никакой власти у президента фактически не было.

Положение усугублялось тем, что непонятное равнодушие и беспомощность показал сам президент. По Конституции он обладал всей полнотой власти, на него была возложена народом ответственность за свою республику, но он так и ни разу не предпринял решительного и дальновидного шага для пресечения правового беспредела. Его многократные попытки решить все вопросы путем переговоров лишь создавали реальную возможность укрепления оппозиции. Сторонники президента пребывали в томительном ожидании, в некоем вакууме, ибо в республике было введено президентское правление и кроме него никто не имел права принимать кардинальные решения.

Пользуясь безвластием, в городе хозяйничала оппозиция. По улицам на большой скорости проносились БТРы, на них сидели вооруженные люди. По приказу изменника Родины Б. Рахмонова БТРы окружали то Дом радио, то здание Верховного Совета и открывали стрельбу. Под контролем оппозиции находились и все основные пути — на Гиссар, Кофарнихон, Курган-Тюбе. Они всюду хватали подозрительных людей и держали их в своих тюрьмах, которых в городе было несколько.

Даже расписание движения в аэропорту и на вокзалах составлялось под строгим наблюдением людей оппозиции. Ни один самолет или вертолет не мог взлететь без их ведома, аэропорт также принимал самолеты только с их согласия. Не раз бывали случаи, когда представители оппозиции снимали пассажиров прямо с борта самолета и, посадив в крытые машины, увозили в неизвестном направлении. Вина этих людей заключалась в том, что они были из Ленинабадской или Кулябской областей, или в паспорте было указано, что они по национальности узбеки. Попав в тюрьмы, эти несчастные подвергались страшным пыткам и издевательствам. Свидетели потом рассказывали о пытках и издевательствах в застенках над беззащитными людьми.

Людей били и с угрозами приказывали, чтобы они поскорее уезжали из Душанбе. В один из тех страшных дней в подвалы театра имени Лахути были заключены 65 человек, жителей и выходцев из Канибадама; дело дошло до того, что казиат образовал свои административные органы — прокуратуру, КНБ, армию, суд и т. д. По существу, казиат создал государство в государстве. Неугодные люди, попавшие в их руки, исчезали бесследно. С ними, как хотели, так и расправлялись. Именем Аллаха совершали тягчайшие преступления.

В таких невыносимых условиях, под дулом пушек и автоматов, направленных оппозицией, изо дня в день распадалось законное правительство, которое до того признали 111 государств мира и чье знамя было поднято у здания ООН. Гибли люди, грабилось народное добро, а органы правопорядка и борьбы с преступностью не могли защитить республику и ее законное правительство. В те тревожные дни, кроме Ф. Ниёзова, рядом с президентом больше не было никого. Куда подевались всегда напыщенные и самодовольные генералы?

Но что мог сделать один Ниёзов? Под его командованием находилось лишь небольшое подразделение гражданской обороны. О национальной гвардии говорить не приходилось, потому что ее как не бывало. И это несмотря на то, что указ президента о ее создании вышел еще 22 декабря 1991 года, а правительство выделило громадную сумму — 298606 тысяч рублей. Но на этом дело закончилось, и никто не думал о выполнении этого важнейшего президентского указа. На грустное размышление наводит и тот факт, что сразу после подписания этого документа государственным советником по делам обороны был назначен генерал-майор Б. Рахмонов, вскоре перешедший на сторону оппозиции. Он не только ничего не сделал, а стал на путь обмана и очковтирательства. Я уже упоминал, как 11 января 1992 года он в присутствии вице-президента принимал парад якобы вновь образованного гвардейского полка. Эту торжественную церемонию принятия присяги молодыми воинами показали по республиканскому телевидению. А потом выяснилось, что это ложь, мыльный пузырь. Никакой гвардии не было, а в маскараде приняли участие бойцы 201-й российской дивизии и полка особого назначения МВД.

В результате 4 мая 1992 года бойцы под руководством Б. Рахмонова сдали оппозиции Президентский дворец со всем боевым снаряжением!

Кого обманывал тогда Б. Рахмонов?! Кому втирал очки?

И случайно ли он потом со своими бойцами перешел на сторону оппозиции?

Меня не оставлял в покое и такой вопрос: чем руководствуется президент республики, окружая себя подобными людьми? Казалось, у него и опыта достаточно, и политическая интуиция есть, чтобы не ошибаться при подборе и расстановке кадров. Но, увы!

Со слов Ф. Ниязова и Н. Дустова я понял, что в Каратаге, в воинской части имеется 37 БТРов. Вопрос встал о том, чтобы перегнать эту боевую технику в Душанбе. С большими трудностями Ф. Ниязов собрал группу из 13 человек, умеющих управлять БТРами. Все 13 водителей с помощью распросов были найдены на площади Озоди. Правда, они не прошли предварительной подготовки, но группу все же отправили в Каратаг. Это было прямой обязанностью работников МВД, КНБ и других органов, призванных защищать государственный строй. Но они все так же придерживались позиции невмешательства и проявляли полное равнодушие к тому, что на их глазах совершается антиправительственный переворот. Думаю, что и сам президент находился в шоковом состоянии и не в силах был что-либо предпринять. Ни о какой ответственности, ни о какой дисциплине и субординации в высшем эшелоне власти и говорить уже не приходилось.

Руководство республики даже не помышляло о том, что нужно объединить все имеющиеся правительственные силы. Не были определены люди, кто отвечал бы за деятельность правозащитных органов. Парадокасльно, но факт. Генерал Б. Рахмонов, изменивший публично своей присяге и демонстративно перешедший со своими бойцами на сторону оппозиции, все еще формально числился государственным советником президента по делам обороны.

4 мая обстановка обострилась еще больше. Оппозиции удалось задержать автомашину «Камаз», нагруженную оружием и боеприпасами. Машина накануне выехала из расположения 201-й российской дивизии. По распоряжению народных генералов кори Киёмиддина, кори Мухаммади ,а также М. Химматзода, Д. Исмона и Ш. Юсуфа все это оружие, в том числе более 500 стволов автоматов Калашникова, были розданы боевикам с площади Шахидон. Дело приняло очень опасный оборот.

Утром 6 мая президент освободил генерала М. Мамаджанова от обязанностей коменданта города, на его место пока никто назначен не был. Душанбе в столь тревожное время фактически остался без хозяина. Видя такое положение, Н. Дустов подготовил проект указа о назначении комендантом города Р. Зоирова. Но президент тянул с его подписанием и говорил: «Если комендантом назначить Зоирова, могут обидеться Раджабов и Каххоров. Возникнет нежелательная реакция».

Таким образом, Душанбе остался вне контроля военных организаций, органов правопорядка и борьбы с преступностью. Это послужило основной причиной свержения законного правительства и совершения государственного переворота. Что дело идет к этому, в те тревожные майские дни было совершенно очевидно. К тому времени большинство работников МВД уверовали в победу оппозиции и нисколько не препятствовали их планам. Больше того, руководство МВД, оставив на произвол судьбы площадь Озоди, где огромное количество безоружных людей, отдало приказ о сдаче оружия работникам милиции города Душанбе.

Я далек от мысли, что президент Р. Набиев был настолько наивен, что не знал, чем занимаются и какие цели преследуют лидеры оппозиции. У меня не раз и не два возникали догадки, которые я всякий раз пытался отогнать от себя, веря в честность и порядочность Р. Набиева, что у него с лидерами оппозиции какая-то тайная связь, какие-то общие интересы. Вполне возможно, что президент не в меньшей степени, чем оппозиция, хотел, чтобы я сошел с политической арены. Теперь я еще лучше понимал, какую опасность я, поднявшись на самую верхушку пирамиды власти, представлял тогда и для внутредворцовой мафии, и для всех темных сил в республике. Своим отношением к происходящему, искренним желанием выправить положение я вызывал раздражение у кое-кого из окружения Р. Набиева. С другой стороны, ему, видимо, не давало покоя отношение простого народа ко мне, как к своему заступнику и другу.

У меня были все основания к таким оценкам. Однажды мы вместе с представителями противоборствующих площадей, а также с руководителями правоохранительных органов собрались в кабинете вице-президента Н. Дустова для того, чтобы провести переговоры и найти способы предотвращения кровопролитных столкновений.

Втот день, как я уже писал выше, между Р. Набиевым и казикалоном А. Тураджонзода возник неприятный инцидент. Казикалон тогда прямо сказал:

— Зачем вы втягиваете в свою игру Сафарали Кенджаева? Ведь вы сами говорили мне, что собираетесь избавиться от него, назначив послом и отправив куда-нибудь подальше, и еще предупредили меня, чтобы я не передавал ваших слов Кенджаеву.

И хотя президент заявил тогда, что это неправда, казикалон настаивал на своем. Чтобы вывести Р. Набиева из неловкого положения, мы перевели разговор на другую тему. Но неприятный осадок в душе у меня остался. Если казикалон сказал правду, то значит президент ведет двойную игру. Но

разве к лицу президенту республики вести так себя, быть лицемером и лгуном? Не лучше ли ему вызвать меня на откровенный разговор и заявить, что наши мнения расходятся и пусть каждый идет по своему пути. Я всегда предпочитаю иметь дело с честными людьми, но, увы, в жизни случается по-другому.

На размышления наводит и другой факт. Во время продолжительного митинга на площади Шахидон, где главным требованием была моя отставка, президент несколько раз встречался с народным генералом Киёмиддином, М. Шарифзода и другими лидерами оппозиции. Место встречи определяла оппозиция и разговоры велись наедине. О чем договаривался президент с лидерами оппозиции — было тайной за семью печатями.

Об этом не знал даже вице-президент Н. Дустов, потому что о результатах встречи Р. Набиев не информировал даже его. Это было явным нарушением этикета, ибо речь шла об отставке председателя Верховного Совета и Президиум Верховного Совета должен был знать истинное положение дел и условия, которые выдвигала оппозиция. Именно двойная игра, тайное рукокожатие с оппозицией, измена тем, кто помогал ему на выборах, трусость и нерешительность Р. Набиева привели к тому, что власть этого политического призрака оказалась недолговечной, а путь, избранный им, привел к развалу государства и разарушению всего народного хозяйства. В конце концов оппозиция «сломала хребет» и ему самому.

Я и многие другие, безуспешно пытавшиеся остановить ход трагических событий, тяжело переживали в душе, видя, как постепенно бразды правления в государстве переходят в руки преступников.

Такова горькая правда.

К этому следует еще добавить, что по Конституции Президент одновременно является и Верховным Главнокомандующим всех родов войск. На сессии Верховного Совета Р. Набиеву было присвоено звание генерал-полковника. Но президент так и не взял на себя всей полноты власти, у него не хватило мужества ею воспользоваться даже в самую критическую минуту, в критической ситуации. Тем самым он подставил народ под жестокий удар, который не замедлила нанести оппозиция.

Президент даже не знал, где премьер-министр, его заместители, где их искать. До сих пор у меня в ушах звучат выстрелы, доносившиеся в те майские дни со стороны улицы Свириденко, Дома радио и кинотеатра имени Джами. Бронированные машины не раз и не два подъезжали к площади Озоди и открывали огонь по безоружным людям. Паника и ужас охватили митингующих, оказавшихся в западне.

Как уже говорилось выше, тогда президент Р. Набиев решил перебраться в Комитет национальной безопасности. Я вместе с депутатами из Кулябской области К. Мирзоалиевым, А. Шариповым, А. Сафаровым, Х. Шариповым из Курган-Тюбинской области, И. Аслоновым, М. Мирзоалиевой, С. Раджабовым, а также генералом Ф. Ниёзовым остались в здании Верховного Совета. Туда же приехал и вице-президент Н. Дустов. Согласно установленному порядку здание Верховного Совета всегда охраняли работники милиции. Но в ту ночь в здании Верховного Совета не было ни одного работника МВД. Мне передали, что по приказу руководителей Министерства внутренних дел все работники милиции были выведены из здания Верховного Совета и сдали оружие. Также был угнан стоящий во дворе БТР. Чтобы узнать причину такого предательского поступка, я позвонил в МВД, но ни Навджувонова, ни Раджабова, ни Каххорова не было на месте. Я понял, что они просто не отвечают на телефонные звонки.

Тогда по поручению вице-президента председатель Комитета обороны генерал Ф. Ниёзов и еще несколько депутатов поехали в МВД, чтобы выяснить, где находятся милицейские отряды, вызванные для подмоги из Ленинабадской и Кулябской областей. Вместе с генералом Ф. Ниёзовым поехали также заместитель штаба начальника гражданской обороны С. Шарофиддинов, начальник ГО города Душанбе Н. Кодиркулов, работник Комитета обороны А. Ермолов, Сангак Сафаров и Мирзо Самиев.

Прибыв туда, наши посланцы застали министра внутренних дел М. Навджувонова в окружении О. Латифи, Д. Худоназарова с телохранителями, А. Мирзоева, М. Мамаджанова и А. Каххорова. Они горячо обсуждали какой-то вопрос. Видимо, разговор шел о том, как быстрее совершить государственный переворот и захватить власть в свои руки. Прибывший вместе с Ф. Ниёзовым полковник С. Шарофиддинов доложил, что президент вызывает к себе А. Мирозева, М. Мамаджанова и А. Каххорова, чтобы они обеспечили силами ОМОНа охрану Верховного Совета. Но на его слова никто не обратил внимание.

Я уверен, что руководители МВД были заодно с оппозицией и теперь открыто перешли на ее сторону. Иначе, почему они так тепло и любезно принимали в стенах МВД организаторов мятежа и государственного переворота? В городе были объявлены чрезвычайное положение и комендатский час, а лидеры оппозиции свободно разъезжали со своими телохранителями.

Затем Ф. Ниёзов, узнав о том, что отряд милиционеров из

Куляба находится на стадионе «Динамо», поехал туда и привез его для защиты Верховного Совета.

Как передал со слов кулябских милиционеров генерал Ниёзов, руководство МВД не разрешило им покинуть пределы стадиона под предлогом того, чтобы якобы обстановка в Душанбе нормализовалась и нет необходимости в их помощи. Вдобавок ко всему, им велели сдать оружие. Но кулябские командиры отказались выполнять этот приказ до особого распоряжения руководства Кулябской области. Милиционеры из Ленинабадской области оказались в изолированном здании горисполкома и гражданской обороны.

Все это говорит о том ,что руководство МВД хорошо знало о готовившемся перевороте и всячески способствовало этому, преграждая путь возможному вмешательству. Плюнув на свой служебный долг, забыв о честности, они самым жалким образом выслуживались перед оппозицией.

Своим поступком они напоминали продажных проституток и действовали по принципу: «Если в мои руки не попал твой локон, я буду ласкать другой». Их предательство принесло неимоверное страдание народу.

МОГИЛЬЩИКИ ЗАКОННОГО ГОСУДАРСТВА

Вместе с Н. Дустовым я поехал в КНБ для встречи с президентом. Нужно было узнать его мнение по некоторым вопросам.

Мы застали его и председателя КНБ Р. Турсунова в ожидании протокола соглашения, который якобы председатель Кабинета Министров А. Мирзоев заключил на правительственной даче вместе с руководителями оппозиции. Мы переглянулись с Н. Дустовым, потому что ни он, ни я ничего не слышали о каком-то соглашении. И никому не отдавали свои полномочия. Кроме того, почему на переговорах с оппозицией не участвовал президент республики Р. Набиев? Возможно, подписать соглашение председателя Кабинета Министров уполномочил президент. Но все равно он должен был поставить нас в известность. К тому же Верховный Совет и его председатель не подчиняются президенту. И почему при заключении договора не присутствовали представители площади Озоди.

Что скрывается за всем этим?

Я хотел получить ответ на эти вопросы, которые жгли все мое существо. Но Р. Набиев сделал знак Р. Турсунову, и они прошли в комнату для отдыха. Нас туда не пригласили, будто мы были посторонние люди. Я понял, что они уже давно все

решили без нас. Но меня в ту минуту больше всего волновало другое, как живым и здоровым вывести народ с площади Озоди?

7 мая 1992 года было уже за полночь, когда привезли протокол соглашения между президентом, политическими партиями и народными движениями Республики Таджикистан. В этом соглашении не приняли участия ни я как председатель Верховного Совета, ни вице-президент Н. Дустов. Не сочли нужным поставить нас в известность, хотя речь шла о судьбах народа и государства. Но при заключении договора присутствовали заместители премьер-министра Х. Саидмуродов, С. Хайруллоев и член Кабинета Министров И. Давлатов.

Ознакомившись с документами, с условиями, которые ставела оппозиция, я понял, что они мало чем отличаются от санкционирования государственного переворота. Но в надежде, что соглашение поможет нормализовать обстановку в городе и республике и будет предотвращено кровопролитие, я и Н. Дустов поставили свои подписи. А вообще-то по закону премьер-министр не имел права решать вопросы отставки председателя Верховного Совета, вице-президента и Генерального прокурора республики. Это входит в полномочия только президиума Верховного Совета. При заключении договора нужно было пригласить президента или вице-президента, председателя Верховного Совета или членов Президиума, выслушать их мнение и только после этого подписать протокол. Ведь даже на суде, прежде чем вынести приговор, подсудимому предоставляют слово.

К тому же соглашение было подписано между президентом и руководителями политических партий и народных движений. Стало быть, они тем более не имели права рассматривать вопрос об отставке Председателя Верховного Совета или Генерального прокурора. Это право принадлежало исключительно высшему законодательному органу республики. Разве это логично, когда председатель Кабинета Министров, который сам подотчетен Верховному Совету и которого вместе с заместителями Верховный Совет утверждает в должности и освобождает от обязанностей, решает вопрос об отставке председателя Верховного Совета или Генерального прокурора республики. И в завершение всего не считают нужным оповестить их об этом хотя бы по телефону. Согласно пункту 9 статьи 99 Конституции Республики Прокуратура является органом Верховного Совета. Генерального прокурора назначает сессия Верховного Совета. Таких полномочий никто не давал премьеру и его заместителям.

То же можно сказать и о должности вице-президента. Во-время президентских выборов фамилия Н. Дустова в бюллетенях для тайного голосования значилась наряду с фамилией

Р. Набиева. Значит, порядок ухода вице-президента с должности должен быть точно таким же, как порядок ухода президента. Кто дал право премьер-министру включать в протокол соглашения вопрос об отставке вице-президента?

Роль, отведенная А. Мирзоеву, меня нисколько не удивила. С самого начала было видно, «под чью дудку он танцует» и «на чью мельницу льет воду». Да и сам он был заинтересован в сокрейшей победе оппозиции. Но меня удивило, что президент и его советники согласились подписать документ, подготовленный с такими отклонениями от закона. Неужели президент надеялся, что, жертвуя нами ,он сумеет продлить свое пробывание у руля власти. Президента нисколько не оскорбило, что он не присутствовал при заключении договора и «подмахнул» документ уже задним числом. Почему президент, за которого отдали свои голоса 58% избирателей, во время подписания соглашения не высказал свое мнение, не встал на защиту своих соратников?

Прошу простить меня за такое сравнение ,но президент тогда был подобен чабану, который отдал на растерзание волкам доверенное ему стадо овец.

Неужели судьба законного государства, народа, доверившегося ему, была ему безразлична? Нет, конечно. Но почему такая безответственность, такая скованность, когда от него требовались воля, решительность, сила духа? Видеть, как корабль, капитаном которого он является, дал опасную течь и ничего не делать для его спасения? Неужели он наивно полагал, что останется на плаву, когда тонет его команда? Потом мне не раз приходилось задумываться о том, как получилось, что я, как и многие другие, доверился этому человеку, оказался в его кругу? Правильным ли был наш выбор? Прежде всего, я исходил из того, что у Р. Набиева большой жизненный опыт, что он хорошо знает республику и ее проблемы. Думал, что, сплотившись вокруг него, мы научимся многому, научимся управлять государством.

К сожалению, все вышло по-другому. Безусловно, у Р. Набиева были добрые намерения, хорошие задумки. Но он, привыкший руководить в условиях централизованной, тоталитарной системы, проявил полную несостоятельность в новых условиях и оказался застигнутым врасплох.

Но вернемся, однако ,к протоколу.

Приведу его полностью.

ПРОТОКОЛ

Соглашения между президентом, Кабинетом Министров, политическими партиями, организациями и народными движениями Таджикистана.

Со стороны правительства протокол подписали:

1. НАБИЕВ Р.	президент
2. КЕНДЖАЕВ С.	председатель Верховного Совета
3. ДУСТОВ Н.	вице-президент
4. МИРЗОЕВ А.	премьер-министр
5. САИДМУРОДОВ Х.	заместитель премьер-министра
6. ХАЙРУЛЛОЕВ С.	заместитель премьер-министра
7. ДАВЛАТОВ И.	заместитель премьер-министра, член президиума Кабинета Министров
8. ХАЙРУЛЛОВ Ш.	заместитель министра внутренних дел
9. НАЗИРОВ Д.	помощник премьер-министра

Со стороны митингующих с площади Шохидон:

1. ХИММАТЗОДА ШАРИФ	председатель партии исламского возрождения
2. ЮСУПОВ ШОДМОН	председатель демократической партии
3. АБДУДЖАББОРОВ ТОХИР	председатель народного движения «Растохез»
4. ХУДОНАЗАРОВ ДАВЛАТ	председатель Союза кинематографистов Таджикистана
5. АМИРБЕК АТОБЕК	председатель общества «Лаъли Бадахшон»

Посредники:

1. АКБАР ТУРСУН	член-корреспондент АН Таджикистана
2. ОТАХОН ЛАТИФИ	журналист
3. ЛОИК ШЕРАЛИ	поэт
4. РАШИД РАХИМОВ	академик

В протоколе, подписанном 7 мая 1992 года в городе Душанбе, говорится:

«Президент республики как гарант единства и целостности Республики Таджикистан с целью выхода из политического и экономического кризиса и для обеспечения мира и спокойствия по предложению политических партий, организаций и народных движений.

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Создать Правительство национального примирения, которое будет обладать большими правами и полномочиями. Упомянутое правительство будет осуществлять свою деятельность на следующих принципах:

1. Отказ от насильственных мер. То есть, во-первых, при освобождении площадей от митингующих, правительство не будет применять оружие, а в дальнейшем будет воздерживаться от всякого наказания (уголовного, дисциплинарного) участников митинга.

Оперативные меры для осуществления этой задачи:

а) немедленно объявить примирение между враждующими сторонами,

б) отменить Указ президента о создании специального батальона,

в) прекратить осаду аэропорта и железнодорожного вокзала,

г) освободить от пикетчиков Дворец президента, здание Кабинета Министров, а также студию телевидения.

2. Создание предпосылок для появления национального правового и демократического государства таджиков, невмешательство государства в деятельность казиата и невмешательство казиата в деятельность государства.

3. Обеспечение юридического и политического равноправия всех партий, организаций и народных движений, в частности, невозможность запрещения в случае их длительной деятельности в рамках закона.

4. Обеспечение братского сосуществования всех народов, независимо от национальных и религиозных признаков; приоритет интересов всех граждан республики, всех народностей, национальных меньшинств и социальных сословий.

5. Обеспечение свободы слова, свободной и объективной деятельности всех средств массовой информации, в частности, объявление радио и телевидение свободной трибуной.

II. Ввиду того, что состав и полномочия Верховного Совета не устраивают ни одну из противоположных сторон, упразднить данный аппарат и образовать из числа авторитетных и компетентных представителей государства, духовенства, культуры Высший совещательный орган, который будет действовать при президенте и Правительстве национального примирения.

III. Комитеты национальной безопасности, Комитет обороны и Комитет по телевидению и радиовещанию передать в ведение Правительства национального примирения.

IV. Учитывая сложную политическую обстановку в республике, и во имя обеспечения мира и согласия в обществе, Н. Дустову, Ф. Ниёзову и А. Сайфуллоеву немедленно подать в отставку. Вопрос об отставке председателя Верховного Совета С. Кенджаева, Н. Хувайдуллоева возложить на чрезвычайную сессию Верховного Совета.

V. С момента подписания протокола соглашения, выполнение которого будет проходить под наблюдением сторон, руководству политических партий, организаций и народных движений надлежит:

а) принять срочные меры по освобождению от митингующих площадей Шахидон и Озоди:

б) до конца 1992 года не возобновлять никаких митингов и шествий.

Пояснение: статьи 1а, б, в, г, д, подлежат немедленному выполнению с момента подписания протокола».

Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы сразу заметить политические и юридические изъяны этого документа. Соглашение давало возможность оппозиции не только расправиться с неугодными им деятелями, членами правительства, но и открывало ей «зеленую» дорогу к заветной цели — захвату власти. Тем не менее президеент и премьер-министр смотрели на все это сквозь пальцы. На что они рассчитывали? Неужели они надеялись, что пламя, охватившее все и всех, не обожжет их?

Было отчетливо видно, чего хотят и чего добиваются представители оппозиции. Но что можно было сказать о роли тех, чья миссия обязывала к объективности и честности. Я имею в виду посредников — Отахона Латифи, Лоика Шерали, Рашида Рахимова и Акбара Турсунова. Почему они, видя политическую, правовую, этическую несостоятельность протокола соглашения, поставили свои подписи? В особенности О. Латифи, который мнил себя пастырем и политическим учителем, учил других уму-разуму. Ведь они не были скованы, как привыкли говорить о других, «узами тоталитарного коммунистического мышления». Они всюду представляют себя «демократами», «борцами за права человека». Так почему же они пожертвовали правдой, своими принципами, чтобы оправдать амбиции и притязания горсточки авантюристов и преступников? Какой интерес им был выслуживаться перед оппозицией? Неужели О. Латифи и Л. Шерали после того, как на президентских выборах, несмотря на все старания, их «кумир» Д. Худоназаров потерпел поражение, думали взять реванш и поквитаться со своими вчерашними соперниками?

Особенно много суетился бывший собкор «Правды» и вкусивший власть на посту заместителя Председателя Совмина О. Латифи. Ведь ему лидеры оппозиции обещали пост министра иностранных дел в новом правительстве. Точно так же на пост министра просвещения метил и другой из предводителей «демократов» Абдунаби Сатторзода.

Со всей ответственностью могу сказать, что во всех событиях, связанных с оппозицией, очень неприглядную роль сыграл хитрый и тщеславный О. Латифи. Это и на его совести кровь тысячи невинных людей. Добровольно взявший на себя роль посредника, он не только не пытался внести вклад в нормализацию ситуации в республике, а наоборот, придумывал все новые интриги и комбинации, еще больше обострял обстановку. И в то трагическое время, когда втянутый в гражданскую войну таджикский народ проливал кровь, О. Латифи бесстыдно рвался на пост руководителя внешнеполитического ведомства. А ведь тогдашний министр иностранных дел Л. Каюмов превосходил его хотя бы потому, что имел большой опыт дипломатической работы и знал иностранные языки.

Несмотря на то, что протокол соглашения был составлен с грубыми отклонениями от закона, безграмотно с политической и юридической точек зрения, я, как уже писал выше, ради достижения гражданского согласия поставил свою подпись. Еще была надежда, что оппозиция сдержит свое обещание и перестанет проливать кровь невинных людей, что народ на площадях Шахидон и Озоди благополучно разойдется по своим домам, разъедется по своим кишлакам.

Повторись сейчас все сначала, я поступил бы точто так же. Потому что ни одна должность, даже самая высокая, не стоит материнских слез, не стоит капли человеческой крови. Я никогда не домогался власти. На пост председателя Верховного Совета меня избрали депутаты, и я, насколько позволяли мои знания и силы, старался честно исполнять возложенные на меня обязанности. Но если это необходимо для благополучия моего народа, не задумываясь сложу все свои полномочия.

Подписывая протокол соглашения, я верил и надеялся, что оппозиция будет придерживаться договора и честно выполнять взятые на себя обязательства.

Трудно было предложить, что уже на другой день лидеры оппозиции нарушат свое слово и поставят новые условия, что президент, не выдержав давления, подпишет ряд незаконных указов. Будут освобождены от занимаемых должностей несколько членов правительства, в том числе и народных депутатов, без согласия на то Верховного Совета. Не предполагал

я и то, что Президиум Верховного Совета самым грубым образом проигнорирует Конституцию и, сосредоточив в своих руках все полномочия Верховного Совета ,и после подписания протокола под давлением оппозиции примет ряд незаконных решений. Каковы были мотивы всего этого — чувство страха или неукротимое желание остаться, как говориться, в стремени?

Согласно договору, сразу после подписания протокола, в ночь на 7 мая, стороны должны были приступить к выполнению первого пункта соглашения, то есть прекратить митинги на площади Шахидон и Озоди, выключить микрофоны, собрать палатки и главное — приступить к сдаче оружия и открыть движение. В надежде на это и только поэтому я поставил свою подпись.

В ту же ночь я пришел на площадь Озоди, встретился с организаторами митинга, с депутатами из Кулябской области, объяснил им ситуацию и попросил начать подготовку к отъезду. По правде говоря, это должен был сделать не я, а те, кто стал инициаторами заключения соглашения — президент или премьер-министр, но они и не думали выходить к народу.

Представители площади Озоди сразу же выразили свое недовольство тем, что соглашение заключено без их участия и без учета их мнения. Я и другие депутаты, как могли, долго убеждали их в том, что главное — это сохранение мира и спокойствия, что все вопросы надо решить путем переговоров, демократическими методами.

В конце концов, руководители митинга на площади Озоди согласились с нами и начали готовиться к возвращению домой. В 7 часов утра все палатки и другие принадлежности были загружены на машины, все были готовы к отъезду. Рустам Абдурахимов, Бурихон Джобиров, Ботур Исхоков, Сангак Сафаров, Саид Салимов, Абдугани Абдуллоджанов, Джума Бадалов, Шариф Ниёзов, Абдусалом Курбанов, Хайдар Шарифзода, Исомиддин Аслонов, Фозил Абдуллоев, Мавджуда Бобоева, Оликул Бободжонов, Шавкат Каххоров, народный депутат, председатель Кулябского облисполкома К. Мирзоалиев, депутаты Верховного Совета Н. Назаров, Х. Шарипов, А Шифоев, А. Сафаров, А. Кодиров и многие другие провели большую разъяснительную работу среди членов «национальной гвардии» президента, с тем чтобы без всяких осложнений было сдано огнестрельное оружие, данное им для защиты конституционного строя.

Было решено все оружие сдать и при себе оставить лишь 10—12 автоматов, чтобы по пути следования домой можно было защищаться от возможных нападений оппозиции, которая

уже не раз нарушала данное ею слово. По прибытии на места это оружие предполагалось сдать в управление внутренних дел.

К сожалению, именно в этот час, когда народ уже собирался к отъезду, молодчики с площади Шахидон совершили еще одно преступление. Выстрелом из окна одного из кабинетов Министерства связи, напротив площади Озоди, был убит еще один человек. Что и говорить, народ на площади пришел в ярость и двинулся в сторону площади Шахидон. И вновь оргонизаторы митинга — депутаты Ходжи Хайдар Шарифзода, Сангак Сафаров, Рустам Абдурахимов, Исломиддин Аслонов, Абдусалом Курбанов, Джума Бадалов, Миршариф Шарифов, Саидмир Назриев, Бурихон Джобиров, Мухаррама Мирзоалиева, Шавкат Каххоров, Мирзоюсуф Одинаев, председатель Кулябского облисполкома К. Мирзоалиев и другие — стали на пути и уговорами оставили это опасное шествие, потому что именно на это рассчитывали молодчики на площади Шахидон. Благодаря генералу Б. Рахмонову они получили 7 бронированных машин, большое количество огнестрельного оружия и боеприпасов. Столкновение неминуемо привело бы к гибели тысяч людей.

В то время, когда площадь Шахидон была вооружена, что называется до зубов, площадь Озоди охраняла лишь небольшая группа бойцов из «национальной гвардии» президента. Это хорошо было известно лидерам оппозиции. Тем не менее с их подачи телевидение и ряд газет усиленно распускали слухи о том, что правительство вооружило площадь Озоди, бесстыдно клеветали на кулябцев. Мне было известно истинное положение дел и, слушая бессовестные выступления оппозиции, я все более убеждался, что для них все способы борьбы приемлемы. Они не гнушаются ничем, ни ложью, ни клеветой.

Казалось, что после подписания соглашения премьер-министр А. Мирзоев, его заместители Х. Саидмуродов и С. Хайруллоев, член Президиума Кабинета Министров И. Давлатов, заместитель министра внутренних дел Ш. Хайруллоев, принимавшие самое деятельное участие в заключении договора и разработке его положений и ради этого взявшие на себя полномочия, не входившие в их компетенцию, разделятся на группы и вместе с посредниками явятся на бурлящие площади, где митингующие готовы были ринуться друг на друга, сделают все, чтобы убедить людей в правильности своих решений, помогут благополучно разъехаться изможденным и озлобленным людям. Они бы тогда своими глазами увидели, как депутаты из Кулябской области во главе с председателем облисполкома К. Мирзоалиевым, совместно с организаторами митинга в защиту конституционного строя прилагают много усилий, чтобы народ не

поддавался провокациям со стороны оппозиции и не был втянут в братоубийственную войну. Но премьер-министр и его окружение палец о палец не ударили, чтобы претворить в жизнь хотя бы один пункт из протокола о соглашении. Нет, они предпочли в обществе Д. Худоназарова и О. Латифи отсидеться в уютном кабинете министра внутренних дел. Ясное дело, для них было достаточно того, что от своих должностей освобождены те, кто стояли на их пути, кто мог помешать им в их противоправных действиях.

Что и говорить, с премьер-министра и его заместителей взятки были гладки, ведь после подписания протокола в их руки переходила необъятная власть. Именно этого они и добивались. Но ради чего? Их еще можно было бы как-то оправдать, если бы все свои усилия они направили на то, чтобы предотвратить столкновения противоборствующих сторон. Но, как видно, их мысли были заняты другим. Те же, кто согласно протоколу соглашения были освобождены от своих должностей, вышли на площадь и всячески содействовали реализации всех пунктов протокола. Для них главным было не руководящее кресло, они думали прежде всего о народе, собравшемся на площади.

После неожиданного выстрела из окон Министерства связи и убийства еще одного из участников митинга на площади Озоди члены национальной гвардии президента больше никого не хотели слушать. «Пока народ с площади Озоди живым и невредимым не доберется до своих домов, мы не имеем морального права сдать имеющееся у нас оружие. Оно нужно нам для самообороны»,— говорили они. И были правы.

Несмотря на заключенное соглашение, в сторону площади Озоди не прекращались выстрелы, по-прежнему БТРы, пугая людей, на большой скорости разъезжали по улицам города. На площади Шахидон через микрофон страстными речами все еще выступали генералы «народной армии» Киемиддин, кори Мухаммади, Мухаммадшариф Химмatзода, Давлат Исмон, Шодмон Юсуф и другие. Они поздравляли площадь Шахидон с победой и призывали продолжать борьбу. Росло число «борцов» за веру, чьи головы были повязаны белыми платками, на которых арабскими буквами было написано: «Нет бога кроме Аллаха» и «Победа или смерть!» Никто из них и не думал сдавать оружия.

В основе любой религии лежит милосердие и призыв любить собрата по вере. Ислам не исключение. Мусульманин брат мусульманина — эта мысль пронизывает все святые книги ислама. Так из чего исходили «новоявленные» защитники веры, именем Бога призывая площадь Шахидон к братоубийственной вой-

не?! Так, Кори Киемиддин, Ходжи Саид Абдулло Нури, называя сторонников площади Озоди кафирами, коммунистами, врагами ислама, убеждали в том, что кто погибнет в борьбе с ними, попадет в рай, пули, вылетавшие из их оружий, всевышний направит прямо в сердца противников. Действуя в нарушение предписаний ислама, наставляющих мусульман на сплочение, они сеяли рознь между единоверцами. Злонамеренно искажали заповеди своей религии. Спросится ли с них за это?! Бесспорно, да.

Но тогда на площади никто не попытался остановить этих жаждущих крови святош и паломников, напротив, были те, которые восхваляли и возвеличивали их преступные деяния. К примеру, поэт Бозор Собир, захлебываясь от восторга, вещал в микрофон: «Столетия назад в Древнем Риме жил непревзойденный оратор по имени Цицерон. Площадь Шахидон открыла оратора, равного ему, Цицерону, имя которого Ходжи Саид Киемиддин. Он всегда и везде следует предписаниям Мухаммада, который сказал: «Пусть твоими устами глаголет истина, как бы она не была горька».

Тем временем выстрелы вокруг площади Озоди продолжали раздаваться, опасность столкновений возросла еще больше. Почему лидеры оппозиции не пытались сдержать своих людей от опрометчивых действий, не пытались снять напряжение в городе? Ведь то, к чему стремились, они получили. Добившись подписания протокола о соглашении, где были приняты все их условия, они фактически сосредоточили в своих руках основную власть.

По существу этот протокол был юридическим обоснованием государственного переворота, могильщиком законной власти. Мне кажется, что лидеры оппозиции, председатель партии исламского возрождения М. Химматзода и его заместитель Д. Исмон, председатель демократической партии Ш. Юсуф, председатель народного движения «Растохез» Т. Абдуджаббор, председатель общества «Лаъли Бадахшон» А. Амирбек и председатель Союза кинематографистов республики Д. Худоназаров с помощью посредников — журналсита О. Латифи и поэта Л. Шерали, члена-корреспондента Академии наук Таджикистана А. Турсунова и академика Р. Рахимова, одержавшие победу над законом и законным правительством, на какое-то время потеряли голову. Точно так же, в феврале 1990 года они днем произносили напыщенные речи во время оплакивания погибших, а вечером, когда еще не просохли слезы матерей и отцов, жен и детей жертв кровавых событий, за счет бюджета горисполкома устроили пышный банкет в ресторане «Таджикистан»

и поздравляли друг друга с началом «революции». Поистине «пир во время чумы».

Конечно, это не могло ускользнуть от взора тех, кто зорко следил за ходом событий и за главными их участниками. О банкете в дни траура и лицемерии «друзей народа» с большим сарказмом написала тогда газета «Садои Мардум».

Нечто похожее происходило и теперь. Лидеры оппозиции, одержав победу над законным правительством, гадали и спорили, как распределить между собой кресла, как освободить то или иное должностное лицо родом из Ленинабадской области.

Если бы они были дальновидными политиками, истинными доброжелателями народа, за кого так рьяно пытались себя выдавать, вместо распределения кресел сначала подумали бы о том, как выполнить хотя бы основные пункты протокола 1а, б, в, д и пятой части стати 1, где были поставлены их подписи. Напомню: согласно договору после подписания протокола немедленно нужно было прекратить всякую стрельбу, полностью разоружить противоборствующие стороны, освободить Президентский дворец, здание Кабинета Министров, аэропорт, железнодорожный вокзал и студию телевидения ,организовать выезд митингующих с площадей Шахидон и Озоди. Но все эти благие намерения так и остались на бумаге. Более того, оппозиция продолжала совершать свои преступные действия. Вскоре молодчики с площади Шахидон захватили и здание Верховного Совета, продержав его в своих руках до 18 мая. Тем самым оппозиция еще больше обострила отношения, что привело к новым кровопролитным столкновениям в республике.

Даже после подписания протокола о перемирии оппозиция не упускала ни одного случая, чтобы не пополнить запас оружия. Вооруженные люди оппозиции 7 мая захватили штаб самообороны военизированной охраны Министерства охраны природы в Кафарнихоне и увезли с собой 6 ракетных установок с боеприпасами. Это оружие потом применялось против безоружного населения.

Все это говорит о том, что у лидеров оппозиции и в мыслях не было идти на перемирие и, подписав протокол, они лишь тянули время, чтобы вооружиться основательно и приступить к крупномасштабным действиям. Их слова никак не соответствовали их поступкам. Именно поэтому бойцы бригады специального назначения и отдельного батальона при президенте решили повременить со сдачей оружия и быть готовыми к самозащите. Думаю, в тот момент это было оправданным шагом.

В таких условиях люди на площади Озоди готовились к отъезду. Многие из них, в том числе Сангак Сафаров, Рустам

Абдурахимов, Мулохайдар Шарифзода, Касым и другие, просили меня уехать вместе с ними в Кулябскую область, говоря о том, что это нужно во имя моей безопасности, так как оппозиция вместе с мафией и наемными убийцами не оставят меня в покое и будут добиваться моего ухода с политической арены, вплоть до физического уничтожения. Я был очень благодарен моим кулябским друзьям, но не мог принять их предложения и пытался отшутиться: «Когда у меня есть такие защитники, как вы, разве кто-нибудь посмеет посягнуть на мою жизнь?!» Кроме того, жизнь дана Богом и только Бог может отнять ее... Но тогда я еще не предполагал, что на площади Шахидон есть люди, по жестокости во сто крат превосходившие фашистов, что уже образован карательный отряд для расправы надо мной и моей семьей.

Тогда в Кулябскую область поехал Н. Дустов. Он рассказывал потом, что по пути на колонну не раз нападали вооруженные бандиты. В перестрелке был ранен еще один человек.

Все, кто после проводов кулябцев и кургантюбинцев находился в Верховном Совете, также оказались в очень опасном положении. Работники милиции, охранявшие здание, все до единого исчезли куда-то. Я трижды звонил заместителю министра внутренних дел А. Каххорову и просил срочно принять меры по обеспечению охраны Верховного Совета. Он обещал немедленно выслать группу, но своего слова не сдержал. По моему распоряжению телохранитель Самеджон Орипов позвонил управляющему делами Н. Наботову и от моего имени просил немедленно явиться в Верховный Совет, чтобы организовать уборку и подготовить здание к работе. Но вопреки моим ожиданиям управделами не пришел. Я задумался. Абдурахим Каххоров был моим давним приятелем, а Назрихуджа Наботов находился у меня в подчинении. Так почему же они не выполняют моих указаний? В чем причина их поступков? Если что-то затевается против меня и им это известно, они должны что-то предпринять или хотя бы предупредить меня об этом. Мои верные телохранители С. Орипов и М. Убайдуллоев просили меня как можно скорее покинуть здание Верховного Совета, потому что дальнейшее пребывание там было опасно для жизни. В любую минуту могла случиться трагедия.

Действительно вскоре я услышал шум, доносящийся с улицы. Выглянув в окно со второго этажа, я увидел, как со стороны площади Шахидон к зданию Верховного Совета подъехали два БТРа, из них выскочили вооруженные люди и, оглашая улицу нецензурной бранью, открыли огонь. Я понял, что если я попаду в руки этих молодчиков, мне несдобровать. Не теряя

времени, пока люди оппозиции не оцепили здание Верховного Совета, через задний выход я пробрался на улицу и, незаметно сев в машину, быстро направился в КНБ.

Мой мозг сверлила одна и та же мысль: почему в здании Верховного Совета не оказалось никого из охраны? Почему А. Каххоров так и не выслал обещанную группу для обеспечения безопасности людей, находившихся в Верховном Совете? Ведь если бы я промедлил еще несколько минут, то был бы убит бандитами, ворвавшимися в здание Ворховного Совета. Почему так происходит? Кому я желал зла? Разве все, что я ни делал до сих пор, не было направлено на благо народа, на восстановление справедливости? Нет, честные и порядочные люди никогда не станут моими врагами.

Хочется верить, что мой друг А. Каххоров не знал тогда, что затевают молодчики на площади Шахидон, не знал, что они собираются захватить Верховный Совет, повсюду разыскивают меня. Если бы знал, сделал бы все, чтобы предупредить.

Когда я приехал в КНБ, там застал Р. Набиева. Вместе с председателем КНБ Р. Турсуновым они обсуждали какой-то вопрос. Увидев меня, они замолчали и через минуту перешли в комнату отдыха председателя КНБ. Видимо, мое присутствие для них было нежелательно, и они не хотели, чтобы я узнал о предмете их разговора. Минут через тридцать Р. Турсунов вышел и, ничего не говоря, прошел в соседний кабинет, где находились наши с президентом телохранители. Что он им сказал, какие дал указания, я не знал. Через несколько минут он опять молча прошел мимо меня и заперся вместе с Р. Набиевым.

Все это оставило неприятный осадок в моей душе. Только, что я вырвался из окружения врагов, пытавшихся расправиться со мной. Но и здесь, среди своих, казалось бы, соратников, я чувствовал себя чужим. Не мог понять, что это за вопрос, который президент и председатель КНБ скрывают от председателя Верховного Совета? Ведь меня еще никто не освобождал от этой должности. С другой стороны, мы, как говорится, находились на одном корабле. Еще не так давно в нелегкой борьбе за депутатский мандат и во время президентских выборов я был руководителем штаба по поддержке Р. Набиева. Неужели у него такая короткая память, что он все успел забыть?

В это время ко мне подошел один из моих верных телохранителей Самеджон Орипов и сказал, что мы должны покинуть КНБ. Я с усмешкой ответил ему что в этот час КНБ для нас самое безопасное место.

— Разве ты не слышишь выстрелы на улице? — продолжал

я.— К тому же они перекрыли все пути. Если мы выйдем отсюда, нас ждет верная гибель.

Неожиданно меня осенила догадка и я спросил его:

— В чем дело? Неужто хозяева прогоняют нас.

Пряча глаза, Самеджон дрогнувшим голосом сказал:

— Муаллим, давайте лучше уйдем отсюда. Вы честный человек и доверяете всем. Но вокруг вас много предателей и лицемеров.

Я внимательно посмотрел на Самеджона и попросил его рассказать все, что он знает.

— Только что председатель КНБ Турсунов велел мне увезти вас куда-нибудь в другое место, объясняя тем, что работники КНБ будто бы не хотят, чтобы президент и председатель Верховного Совета скрывались в одном месте.

Я понял, что это исходит не от работников КНБ, а от самого президента. Значит, я ему больше не нужен? Значит, он без меня уже все решил? С какими же людьми, однако, свела меня судьба?..

Позже, давая интервью газете «Чароги руз» (№ 25 (46), 1992 год), бывший председатель КНБ А. Солибоев так прокомментировал это:

«Да, такой факт имел место. Дело в том, что охрана президента — одна из наших прямых задач, но безопасность председателя Верховного Совета мы гарантировать не можем. Чтобы не обострять политическую ситуацию и избавить КНБ от очернительства, мы попросили С. Кенджаева покинуть помещение».

После разговора со своим телохранителем я направился в комнату отдыха председателя КНБ, где сидели Р. Набиев и Р. Турсунов. Они пили чай. Я взял из сейфа свои личные вещи, несколько других важных документов, доставшихся мне от моего предшественника А. Стройкина, и сказал Р. Турсунову, чтобы он через секретариат перевел их на себя. Кстати, среди этих документов было и двухтомное дело агента Акбара Турраджонзода.

Только после этого я передал ключи Р. Турсунову, потому что до сих пор они, как и печать хранились у меня и пока не представлялось возможность передать их новому руководителю КНБ, назначенному на этот пост вместо меня несколько дней назад.

Я сказал, что собираюсь покинуть здание КНБ. Честно говоря, до последней минуты надеялся, что Р. Набиев или Р. Турсунов поинтересуются, куда я ухожу в столь тревожный час,

когда кругом идет стрельба и все дороги перекрыты оппозицией. Думал, что они попросят остаться с ними. Но они поспешно попрощались со мной...

СУДЬБЕ НАВСТРЕЧУ

Доверясь судьбе, опираясь на волю всевышнего, я с тяжелым чувством в душе вышел из кабинета председателя КНБ.

От судьбы не уйдёшь.

И все же...

Почему они не попытались остановить меня, зная, что на улице меня ждет верная гибель?

Уж им-то хорошо было известно, что оппозиция давно охотиться за мной и что за мою голову обещано большое вознаграждение. Специальная группа занималась моим поиском и ходила по моим следам. Неужели они не слышали шума перестрелки, доносившейся с улицы? Не понимали, как опасно в это время мне появляться в городе? Ведь незадолго до этого люди оппозиции захватили и забрали служебную машину президента.

Неужели нельзя было дать возможность мне и двум моим телохранителям переждать хотя бы до утра в стенах КНБ? Я вспомнил настоятельные просьбы Сангака Сафарова, Рустама Абдурахимова и Мулло Хайдара Шарифзода уехать с ними в Куляб и сильно пожалел, что не принял их предложения. С другой стороны, я не знал, в каком положении находится моя семья, где мои сестры и братья?..

Невольно напрашивался вывод, что Р. Набиев и Р. Турсунов специально выставили меня с двумя телохранителями за дверь именно в тот час, когда на улицах орудовали бандиты, чтобы мы попали в их лапы и они учинили расправу над нами.

Мне не хотелось верить в это.

С Турсуновым я познакомился всего несколько дней назад и мне трудно было судить, что это за человек. Но все равно я не верил, что он мог поступить столь жестоко и подло.

А что же Набиев?

С ним я близко сошелся во время депутатских и президентских выборов, для его карьеры сделал все.

Видит Бог, я всегда был верен ему, желал ему только добра. Не раз и не два оппозиция пыталась рассорить нас, уговаривая меня выступить с критикой в адрес президента, суля мне за это все почести и блага. Но я никогда не поддавался таким искушениям и не сворачивал с избранного пути. Навер-

ное, во мне президенту не нравилось то, что я не льстил ему, как многие другие, и всегда говорил ему правду в лицо, какой бы горькой она ни была. Но тут уже ничего не поделаешь: таков я от природы и вряд ли буду другим...

Размышляя об этом, я подошел к своим телохранителям. Вместе с ними стояли еще несколько работников аппарата КНБ. За короткое время моего пребывания на посту руководителя этого ведомства я уже многих знал в лицо.

— Едем домой! — сказал я своим телохранителям.

Но они ответили, что все дороги перекрыты и на машине проехать никак нельзя.

— Всю жизнь я живу в Душанбе и хорошо знаю все его улицы,— ответил я, подумав немного.— Если нельзя проехать на машине, пойдем пешком. Нужно торопиться, а то потом будет поздно.

Видя, что мои телохранители стоят в раздумье, я им пояснил, какой маршрут я выбрал.

— Отсюда мы пойдем на Хлопкозаводскую улицу, а там выйдем на железнодорожное полотно. По железной дороге доберемся до 103-го микрорайона, а до 101-го оттуда уже рукой подать.

В 101-м микрорайоне я жил.

Мы обговорили этот план в присутствии работников КНБ, ничего не подозревая и не думая плохо о них. Оставив служебную машину в КНБ, мы отправились по намеченному маршруту. Когда мы, благополучно пройдя Хлопкозаводскую улицу и минуя ипподром, дошли до моста на улице Саади Шерози, М. Убайдуллоев, шедший впереди, неожиданно остановился. Оглянувшись, я увидел как в метрах пятнадцати-двадцати от моста остановился БТР, на котором был плакат с надписью «Нет бога, кроме Аллаха!» На машине сидели до полутора десятка вооруженных людей.

Заметив нас, они попрыгали с машины и, открыв огонь из автоматов, побежали в нашу сторону. Мы со всех ног кинулись обратно и забежали в кишлак, расположенный рядом с ипподромом. Улицы кишлака нам были незнакомы, мы не знали, куда бежать и где спрятаться. У нас было всего два автомата и один пистолет. Мы решили отстреливаться до конца, а последние пули оставить для себя, чтобы нас не взяли живыми. В это время мы столкнулись с одним жителем кишлака. Он узнал меня и какими-то закоулками, через какие-то дворы повел нас за кишлак, к ипподрому. Вскоре мы перелезли через невысокую ограду и оказались на территории какой-то воинской части. Там мы и укрылись временно.

Наши преследователи, потеряв след, еще часа два рыскали по кишлаку и непрерывными выстрелами пугалаи мирных жителей. Отчаявшись, они сели в машину и уехали.

Потом я узнал, что в тот день они приехали в дом моего шофера Акрама Исхокова, который жил на улице Ломоносова, рядом с домом отца, обстреляли и ограбили их. Даже застрелили дойную корову и привезли на площадь Шахидон поживиться. Личную машину пригнали в мечеть Ходжи Якуба, куда она девалась потом, до сих пор неизвестно.

Та же группа разбойников на БТРах направилась в кишлак Чоряккорон, в колхоз «Победа» Ленинского района, где живут четверо моих братьев и учинила разбой в их домах. Все, что было можно разграбить, бандиты увели с собой. Увезли на машине, впереди которой красовался плакат с главной заповедью ислама: «Нет бога, кроме Аллаха!»

Боже праведный! Где это видано, чтобы именем Аллаха проливали кровь, грабили и разоряли дома? Разве истинный мусульманин пойдет на это? Как не вспомнить здесь Хафиза, который когда-то изрек:

Если то, что делает Хафиз, является мусульманством,
Упаси боже, если после сегодня наступит завтра[1].

Грабители и убийцы не вправе называть себя ни мусульманами, ни демократами. Разве истинный мусульманин может поступать так преступно?! Нет, никогда!

Придет время, и они за свои злодеяния ответят перед народом и перед Богом. И те, кто доверились сладкоречивым выступлениям лидеров оппозиции, поймут, кто они есть на самом деле, что для них важнее — благо народа или личные корыстолюбивые интересы.

Короче, в тот памятный день, когда мы чуть не угодили в лапы бандитам и спаслись только благоря счастливой случайности, нас приютили офицеры воинской части, куда мы забрели, спасаясь от погони. Оттуда я позвонил в КНБ президенту и сообщил о случившемся. «Я тоже в трудном положении»,— ответил он. Стало ясно, ждать какой-то помощи от него бессмысленно. Тогда я позвонил начальнику погрануправления и попросил помочь мне выбраться из Душанбе.

Таким образом, 8 мая 1992 года нас вывезли за предлы Душанбе, в Каршинскую область, откуда мы добрались до Ленинабадской области.

---

[1] Примечание: «Сегодня — т. е. жизнь в этом, бренном мире, «Завтра»— т. е. день воскрешения, где человек будет отвечать за свои поступки.

За день до этого, 7 мая, премьер-министр А. Мирзоев вместе с лидерами оппозиции создали комиссию и разработали мероприятия по претворению пунктов Протокола соглашения.

Хочу несколько подробнее остановиться на этом, потому что в этом документе наиболее четко и полно проявились истинные устремления оппозиции, и на том, как шаг за шагом, несмотря на всю очевидность отступлений от закона со стороны псевдодемократов и исламистов, сдавал позиции всенародно избранный президент. Не стану утруждать читателя перечислением всех пунктов протокола ,а лишь приведу некоторые из них.

Вот кто, например, входил в комиссию по контролю за осуществлением этого антизаконного документа:

А. МИРЗОЕВ —	премьер-министр Республики Таджикистан
М. ХИММАТЗОДА —	председатель Партии Исламского Возрождения
Ш. ЮСУПОВ —	председатель Демократической партии Таджикистана
Т. АБДУЖАББОРОВ —	председатель народного движения «Растохез»
А. АМИРБЕК —	председатель общества «Лаъли Бадахшон»

Ревизионная комиссия

Приложение к статье 7. *Способы осуществления Протокола соглашения*

1. А. ФАЙЗУЛЛОЕВ —	председатель
2. В. И. АБДУСАМАТОВА —	заместитель председателя
3. СОДЖИДА МИРЗОЕВА —	журналист
4. ОЛЕГ ПАНФИЛОВ —	журналист
5. К. НИКОЛАЕВ —	юрист
6. О. БОБОНАЗАРОВА —	декан юридического факультета ТГУ
7. О. ЯКУБОВ —	народный депутат республики
8. С. Б. МИРЗОЕВ —	юрист
9. М. МУРОДАЛИЕВ —	прокурор
10. ДАВЛАТ ИСМОН —	заместитель председателя ПИВ
11. С. КАМОЛОВ —	юрист, сотрудник таможни
12. Д. СЕРЕБРЯКОВ —	заведующий отделом аппарата Президента Республики

13. А. МУЗАФФАРОВ — народный депутат республики
14. Р. НУРОВ — заведующий юридическим отделом Верховного Совета

1. Текст подписанного Протокола оглашается по радио и телевидению, публикуется в печати, доводится до сведения участников митингов на площадях Озоди и Шахидон.

2. Аппарату Президента Республики подготовить проект Указа об отмене принятого ранее Указа о создании специального батальона.

3. Министру обороны, Комитету национальной безопасности, Министерству внутренних дел, Республиканскому штабу защиты населения незаемдлительно объявить о перемирии между противоборствующими сторонами.

4. Министерству обороны, Комитету национальной безопасности, Министерству внутренних дел, Республиканскому штабу защиты населения немедленно приступить к разоружению вооруженных группировок. Процесс разоружения находится под контролем совместной парламентской, правительственной комиссии, в которую также входят председатели всех партий и народных движений.

5. На площадях немедленно собрать все палатки. На горисполком и руководство площадей возлагается ответственность за уборку этих территорий.

6. Аппарату Президента республики подготовить проект Указа об упразднении Президентского Совета и создания Высшего совещательного органа при президенте и правительстве национального примирения.

7. Президиум Верховного Совета образует комиссию по выявлению причин и виновников возникновения чрезвычайной политической напряженности в Республике и ее тяжелых последствий.

Состав комиссии представляет рабочая группа, подготовившая Протокол соглашения.

8. С момента подписания Протокола обеспечение безопасности при возвращении на места жительства участников минитгов возложить на Министерство внутренних дел и Министерство дорожного транспорта.

9. Руководство оппозиции (партия исламского возрождения, демократическая партия, организация «Растохез» и организация «Лаъли Бадахшон») после подписания Протокола освобождают Президентский дворец, здание Кабинета Министров и студию телевидения.

10. Аппарату Президента республики подготовить указ о

подчинении правительству национального примирения Комитета национальной безопасности, Комитета обороны и Комитета по телевидению и радиовещанию.

11. После освобождения площадей от митингующих теряет силу указ Президента о введении чрезвычайного положения.

12. Со стабилизацией политической обстановки в республике отпадает необходимость в президентском правлении. Ввиду этого согласно Основному Закону Республики Таджикистан восстанавливаются функции Президента Республики Верховного Совета и правительства.

13. На основании подписанного Протокола Президент Республики принимает отставку Н. Дустова, Ф. Ниязова, и А. Сайфуллоева.

14. Рассмотрение вопроса о председателе Верховного Совета С. Кенджаеве и генеральном прокуроре Н. Хувайдуллоеве возложить на XVI сессию Верховного Совета.

15. Президент республики своим Указом до регистрации Компартии объявляет ее имущество национальным.

16. 8 мая по всей республике объявить траур.

Пояснение: лица, упомянутые в статьях 13 и 14, впредь не назначаются на высшие государственные должности.

Когда знакомишься с упомянутым документом, то начинаешь понимать, насколько он несостоятелен с юридической точки зрения, насколько противоречит действующему законодательству Республики Таджикистан и международным актам. Чтобы это понять, не обязательно быть юристом.

Способы и методы осуществления требований протокола соглашения, так же как и сам протокол, направлены на то, чтобы как можно раньше и как можно скрытнее, путем дезинформации и пропагандистского давления на граждан республики и демократическую общественность мира осуществить государственный переворот.

Во всех документах, определяющих способы и методы осуществления Протокола соглашения, стоит подпись премьер-министра А. Мирзоева, хотя согласно статье 125 Основного Закона Республики Таджикистан он представляет лишь исполнительный орган.

Иными словами, он использовал права и полномочия, которые не предусмотрены в Основном Законе республики. Кабинет Министров и премьер-министр должны функционировать под контролем Президента Верховного Совета и его Президиума.

Согласно статьям 99, 108 Основного Закона Верховный Совет Республики Таджикистан является высшим законодатель-

ным органом и контролируат выполнение закона со стороны всех государственных и общественных органов республики, в том числе и Кабинета Министров Республики Таджикистан и премьер-министра. Президиум и комитеты Верховного Совета Республики Таджикистан это постоянно действующий орган Верховного Совета и от имени Верховного Совета контролирует ввполнение законов.

Согласно статье 117 Основного Закона главой государства является президент. Незадолго до этого сессия Верховного Совета ввела в республике президентское правление и все полномочия передала президенту.

Именно поэтому все документы за подписью премьер-министра А. Мирзоева, в которых содержатся указания Верховному Совету, его Президиуму, аппарату президента, не имеют юридической силы. И хотя способы претворения в жизнь пунктов Протокола соглашения между президентом, Кабинетом Министров, политическими партиями и народными движениями от имени Республики Таджикистан подписал премьер-министр, в частях 2, 6, 11, 12, 13, 14, 16 этого документа в самой категорической форме даны указания президенту по поводу подписания ряда указов, причем большинство из которых противоречит закону.

Также в частях 3, 4 данного документа КНБ даны ряд категорических приказов, в частности: «немедленно разоружить вооруженные формирования» и другие. Все эти приказы и поручения входят в компетенцию президента.

Или другой пример.

А. Мирзоев хорошо знал, что до 7 мая 1992 года КНБ не входил в состав Кабинета Министров и находился в прямом подчинении президента. Поэтому указания и установки этому органу со стороны премьер-министра свидетельствуют о его некомпетентности. Почти в каждом пункте Протокола содержатся подобные отклонения от закона, наблюдаются противоречия и отсутствие логики.

Тем не менее премьер-министр не замедлил закрепить столь несостоятельный документ своей подписью.

Спрашивается, почему и на каком основании А. Мирзоев перешел границы своих полномочий и присвоил себе права и обязанности президента и председателя Верховного Совета? Какой смысл ему уподобляться бабочке, задумавшей взлететь высоко? Почему он не дал подписаться под этим документом президенту или председателю Верховного Совета? Или тем самым он хотел доказать свою верность оппозиции и закрепить свое положение?

Хочется обратить внимание читателей и на такой момент. В указанном документе за подписью премьер-министра изложен ряд указаний и Министерству обороны республики, хотя во время составления документа Министерства обороны фактически не существовало. Если бы в республике существовало такое министерство, разве возможны были подобные беспредел и хаос, царившие тогда в Таджикистане? И разве это не было известно премьер-министру? Конечно, было. Просто он действовал по указке лидеров оппозиции и в очередной раз вводил и без того запутавшийся народ в заблуждение.

Комитет обороны подчинялся президенту, и тут руки премьера были коротки.

Какое бы требование ни выдвигала оппозиция, какой бы указ ни был подготовлен, президент, не задумываясь, «добросовестно» подписывал их. Он верил, что именно таким образом сможет предотвратить кровопролитие и сохранить себя. Оппозиция жестоко обманула его...

Медвежью услугу оказал ему и А. Мирзоев. Конечно, это было не случайно. Поговаривали, будто бы между президентом и премьер-министром пробежала черная кошка. Дело в том, что в какое-то время Р. Набиеву кресло президента показалось тесным. Может быть, ему вспомнились старые добрые времена, когда он, как говорится, сам был падишахом, а настроение — его визирем. И он без согласования с Верховным Советом и Кабинетом Министров присвоил себе некоторые права и полномочия высшего исполнительного органа. В частности, подчинил себе КНБ, Комитет по радиовещанию и телевидению, Комитет обороны, Государственную налоговую инспекцию. Конечно, это не могло не сказаться на настроении премьер-министра и его заместителей. Создавалось впечатление, что президент им не доверяет. А. Мирзоев и его заместители на различных совещаниях сначала лишь намеками, а потом и открыто стали выражать свое недовольство по этому поводу.

Конечно, нет никого плохого в том, что некоторые ведомства и организации находятся в подчинении президента, но если для этого есть основания и это не противоречит закону.

В последнее время Р. Набиев неоднократно говорил, что надо расширить его права и полномочия. Он предлагал упразднить должность председателя Кабинета Министров и перевести Кабинет Министров под начало президента. XIV сессия Верховного Совета поддержала Р. Набиева и ввела в республике президентское правление. Тем самым в руках президента сосредоточилась неограниченная власть.

Конечно, все это не могло не задеть самолюбия А. Мирзоева.

Он понимал, что в скором времени ему придется расстаться с креслом премьер-министра. Тем более, что он так и не завоевал авторитета среди министров и работников аппарата. Во время поездок и встреч все более очевидными были его некомпетентность, отсутствие глубоких знаний как в области экономики, так и в политике. Недовольство Мирзоевым росло, особенно после сделанного им на XII сессии доклада «Основные направления аграрной политики Республики Таджикистан в условиях перехода на рыночную экономику и структуры агропромышленного комплекса», в котором был высказан ряд необоснованных предложений. Президенту Р. Набиеву неоднократно было указано на то, что он допустил ошибку при назначении Мирзоева на столь важный пост.

Действительно при назначении на этот пост для президента главным мерилом было то, что Мирзоев является представителем Кулябской области. И без сомнения, в этом Р. Набиев был прав, потому что для соблюдения «протокола» нужно было назначить премьер-министра из Кулябской области. Но не было никакой необходимости на этот высший пост назначать именно Мирзоева.

Будучи руководителем Кулябского облисполкома, А. Мирзоев не только не проявил себя ,а наоборот, развалил дело, в то время как в той же Кулябской области были кадры, превосходившие А. Мирзоева на целую голову. Если бы в свое время им не перекрывали дорогу и эти энергичные компетентные люди заняли руководящие должности ,быть может, республика не оказалась в столь плачевном положении.

Так или иначе полная бездеятельность А. Мирзоева, его частые отлучки «по болезни» способствовали полному атрофированию важнейших государственных органов.

Экономика стаал приходить в упадок, беззаконие и произвол достигли небывалых размеров. Мафия своей паутиной затягивала многие сферы и отрасли народного хозяйства.

Дело зашло слишком далеко.

В ряде случаев с мафией рука об руку действовали и работнили правоохранительных органов. Мафию всячески прикрывали. Как грибы после дождя росло количество кооперативов и ассоциаций, которые открыто занимались спекуляцией, наживались за счет народа. Не согласовывая ни с кем, они за бесценок скупали у колхозов и совхозов выращенный и собранный дехканами хлопок и перепродавали по баснословным ценам, за валюту. А премьер-министр и его заместители вместо того, чтобы хоть как-то остановить махинации и расхитетельст-

во народного добра, освобождали спекулянтов и перекупщиков от государственных налогов.

Депутаты Верховного Совета сознавали, что постепенно вся власть переходит под конроль мафии. Некоторые из них начали бить тревогу, а на XIII и XIV сессиях Верховного Совета подвергли резкой критике А. Мирзоева и потребовали его отставки. Они считали, что безвластие в республике во многом происходит по вине премьер-министра.

Помнится, впервые во всеуслышанье об этом заговорил народный депутат А. Ситников. На его выступление зал ответил гулом одобрения. Все это побудило предприимчивого А. Мирзоева искать защитников на стороне. И таким защитником для него оказалась набирающая силу оппозиция.

Чтобы не быть голословным, хочу привести такой факт. Я уже рассказывал о том, как 5 мая 1992 года группа вооруженных людей оппозиции силой, прямо на борту самолета ТУ-154, вылетающего в Худжанд, захватила 12 народных депутатов. Среди них был А. Ситников. Затолкав их в «Тойоту», через улицу Дружбы народов повезли в мечеть Ходжи Якуба.

По дороге их остановили постовые оппозиции. Заметив в машине депутатов, их главарь сказал захватчикам:

— О, этих солидных «гостей» мы ждем давно! Которые сутки уже не спим...

Когда депутатов привезли в мечеть Ходжи Якуба, один из предводителей шайки узнал А. Ситникова.

— Какая приятная встреча, господин Ситников,— улыбаясь, он подошел к нему.

В следующий миг жестокий удар свалил депутата на землю. Его били еще и еще, всякий раз спрашивая, зачем на сессии он требовал отставки премьер-министра А. Мирзоева...

Все это еще раз подтверждает, что А. Мирзоев был тесно связан с оппозицией и находился у нее под покровительством. Нетрудно догадаться, почему на площади Шахидон столько говорили о нехватке муки, сахара, масла и других товаров, ставя это в вину Верховному Совету, но ни разу не требовали отставки премьер-министра А. Мирзоева. А ведь эти проблемы напрямую касались прежде всего его.

Вот почему А. Мирзоев так был заинтересован, чтобы победу одержала оппозиция, и всячески прислуживал ей. Его нисколько не интересовали вопросы, которые были отражены в Протоколе соглашения и были направлены на стабилизацию обстановки в республике. Еще раз напомню, что Протокол соглашения обязывал:

— организовать совместную комиссию парламента, прави-

тельства, партий и народных движений и взять под контроль процесс разоружения;

— с момента подписания Протокола на МВД и Министерство транспорта возлагается ответственность за безопасность отправки людей на места;

— руководство оппозиции (ПИВ, демократическая партия движения «Растохез» и «Лаъли Бадахшон») после подписания Протокола немедленно освобождают аэропорт, железнодорожный вокзал, Президентский дворец, Кабинет Министров и студию телевидения.

Ни одно из этих условий не было выполнено. В то же время А. Мирзоев и его рабочая группа издали ряд незаконных документов и заставили президента подписаться под ними.

Как говорится, под чашей были скрыта еще одна чаша. Но это было до поры до времени невдомек большинству граждан республики.

* * *

Несмотря на то, что президент издал ряд незаконных указов, на свет появились документы, противоречащие Конституции. Например, Протокол соглашения. А комитет конституционного надзора занял позицию невмешательства и смотрел на все безобразия сквозь пальцы. Главным мотивом при этом было пресловутое: «...так нужно для стабилизации обстановки».

Знакомство с неправильными, однобокими заключениями Комитета конституционного надзора, под которым стоит подпись заместителя Председателя Комитета, известного правоведа, кандидата юридических наук А. Имомова, наводит на грустные размышления. Ведь он и другие члены Комитета конституционного надзора клятвенно заверяли народных депутатов, что всегда и во всем будут руководствоваться Основным Законом, а не переменчивой политической погодой. Где же верность слову, где чувство подлинной ответственности перед буквой закона?! Разве допустимо, чтобы заключения Комитета конституционного надзора зависели от изменений политической ситуации и каждый раз принимали новую окраску?! Разве можно вводить в заблуждение население республики?! Разве можно доверять таким людям, которые ради сиюминитно-корыстного изменяют своему долгу и грубо нарушают Основной Закон, охранять который они обязаны?!

Пусть сам читатель судит об этом, я же вновь хочу обратиться к фактам, сыгравшим столь неблаговидную роль в той сложной и запутанной обстановке. Итак, на проектах указов, подписанных президентом 7 мая 1992 года, несмотря на их про-

тивоправную сущность, было заключение членов Комитета конституционного надзора во главе с А. Имомовым о том, что указы не противоречат Конституции Республики Таджикистан.

Как могло произойти, что члены Комитета, призванные бдительно охранять закон, стали на путь обмана и очковтирательства? По существующим правилам Комитет должен был подвергнуть тщательной юридической экспертизе каждый из указов президента, скрупулезно изучить все доводы «за» и «против», подобно тому, как Конституционный Суд Российской Федерации в течение нескольких месяцев исследовал Указ Президента Б. Ельцина о запрещении деятельности Коммунистической партии. Если бы на заседании Комитета самым серьезным образом были проанализированы объяснения заинтересованных сторон, в том числе и мнения Н. Дустова, А. Сайфуллоева, Ф. Ниезова, Л. Каюмова, В. Вохидова и других, не осталось бы сомнений в том, что принятые тогда под давлением оппозиции указы президента не отвечают требованиям Конституции, противоречат действующему законодательству.

Чтобы читатель убедился в незаконности впопыхах подписанных тогда указов президента, рассмотрим хотя бы один из них.

Например, вот этот.

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

«Об освобождении от должности вице-президента Республики Таджикистан Н. Дустова».

Принять к сведению заявление Н. Дустова об освобождении его от обязанностей вице-президента Республики Таджикистан. Данный Указ внести для утверждения в повестку очередной сессии Верховного Совета Респяублики Таджикистан.

Президент
Республики Таджикистан
Р. НАБИЕВ

7 мая 1992 года
г. Душанбе

В этом Указе ряд несоответствий закону.

Во-первых, вице-президент одновременно с президентом тайным голосованием был избран на всенародных выборах.

Тогда Р. Набиев и Н. Дустов, чьи имена были вписаны в в один бюллетень, получили 58 процентов голосов. Другими словами, Н. Дустов на пост вице-президента был избран всеобщим тайным голосованием во время выборов.

Во-вторых, несмотря на то, что президент и вице-президент приступили к своим обязанностям ещё 2 декабря 1992 года, Верховный Совет все еще не принял «Закона о вице-президенте Республики», из-за чего были споры — может ли вице-президент являться депутатом Верховного Совета или нет.

Что же касается Конституции, то и там в отношении вице-президента существует лишь такая формулировка: «Во время отсутствия президента или в случаях, когда он по объективным причинам не в состоянии исполнять обязанности президента, обязанности президента республики выполняет вице-президент республики». Других правовых норм в отношении вице-президента нет.

Стало быть, до принятия «Закона о вице-президенте республики», регулирующего права и обязанности вице-президента, а также механизм его отзыва, никто: ни президент, ни сессия Верховного Совета — не вправе освобождать вице-президента от должности.

Тут есть еще один нюанс.

Если к Н. Дустову отнеслись как к рядовому гражданину, то и тогда, в соответствии с «Законом о труде», ни один руководитель без основания и согласия профсоюзной организации не вправе принять такое решение. К тому же Н. Дустов был еще и депутатом Верховного Совета, и, чтобы его освободить, нужно было согласие сессии Верховного Совета.

Указ президента находится в полном противоречии с Законом и является несостоятельным с юридической точки зрения, не говоря уже о моральной и этической стороне дела. Все это еще раз свидетельствует о том, как под давлением оппозиции происходили беззакония, попиралась Конституция республики.

Но я уверен, что настанет время и виновники предстанут перед судом. И тогда им придется ответить и на следующие вопросы: в чем была вина Нарзулло Дустова? Какой проступок он совершил? Кто с оружием в руках разграбил его дом и его братьев? Кто разнес в щепки колыбель его внука? Кто неоднократно покушался на его жизнь? Кто: люди казията, предводители исламской партии возрождения, псевдодемократы, активисты общества «Лаъли Бадахшон», сторонники движения «Растохез»?

Я обращаюсь к вам, лидеры оппозиции, предводители третьей силы и посредники!

Пока не поздно, сознайтесь в своих грехах. Скажите перед всем честным народом, кто, какая партия, какое движение затеяло это грязное дело? Сознайтесь, чтобы снять тень подозрений с других... Наступит день ,и простые люди, которых вы правдами и неправдами привели на площадь Шахидон, поймут, кто вы есть на самом деле. И хотя вы отрицаете публично, что не было никакого государственного переворота, что все ваши действия основывались на законе, правду скрыть невозможно. На основании какого закона вы требовали отставки Н. Дустова? По каким законам и какой страны президент подвергался сильнейшему прессингу и был вынужден подписывать антиконституционные указы, в том числе и об освобождении вице-президента?

Что скрывается под этими вопросами, пусть догадывается сам читатель...

И я вновь и вновь мысленно обращаюсь к своим коллегам-юристам, членам Комитета конституционного надзора, проявивших беспринципность, забывших о своем долге и трусливо шедших на поводу у разнузданной оппозиции. Очень сожалею, что среди них оказался такой опытный и грамотный правовед, как Имомов А.

Прав великий Джами, сказавший когда-то:

Достоинству нас не научит тот,
Кто недостойно сам себя ведет.

* * *

От внимания читателя, наверное, не ускользнул странный и совершенно неуместный в официальном документе, каким, надо полагать, должен быть Протокол соглашения между президентом и оппозицией, комментарий. Я позволю привести его еще раз: «Лица, упомянутые в статье 14 и в статье 15, впредь не назначаются на высшие государственные должности».

Напомню, что речь идет о Н. Дустове, Ф. Ниязове, А. Сайфуллоеве, Н. Хувайдуллоеве и обо мне. Напомню также, что авторы документа неустанно убеждают со всех трибун, что они — борцы за «демократию» и «права человека».

Судите сами, о какой демократии, о каких правах человека можно говорить, когда ради того, чтобы быстрее занять нужные им должности, ради того, чтобы распределить кресла между своими родственниками и земляками, лидеры оппозиции игнорировали не только закон, но и элементарные человеческие нормы.

Разве такое указание, какое дают они — «впредь не назначаются на государственные должности»,— не есть грубое и самое прямое посягательство на честь и достоинство своих сограждан? Насколько нужно быть ослепленным в своей злобе и стремлении к власти, насколько нужно быть политически и юридически безграмотным, чтобы не знать: только суд во время судебного разбирательства может на определенное время приостановить назначение того или иного лица на государственные должности. Тут даже не стоит упоминать о международной декларации прав человека. Ведь против нас не было возбуждено уголовное дело, никто не доказал нашу вину. Где решение суда, согласно которого мы признаны виновными и оказались в тюрьме?

Грубое попрание законов и элементарных человеческих прав, которое мы испытали на себе лично, лишний раз говорит о том, что оппозиция не выбирала средств и ради достижения своей цели была готова на все, вплоть до преступлений. Но какую оценку заслуживают премьер-министр и посредники, принимавшие активное участие в подготовке протокола. Разве это не говорит о том, что они целиком и полностью были заодно с оппозицией и помогали им готовить насильственный переворот?

Другим Указом президента республики Р. Набиева был Указ «Об учреждении правительства национального примирения». Чтобы подготовить Указ и потом занять места в этом правительстве, различные оппозиционные группировки два дня и две ночи в коридорах Кабинета Министров в присутствии президента и третьей силы ссорились и грызлись между собой подобно своре голодных волков, набросившихся на падаль. Каждая из сторон стремилась, чтобы ее люди заняли руководящие кресла и при этом нисколько не учитывали такие важные и общепризнанные факторы при подборе кадров, как специальность, компетентность, организаторские способности.

Вчерашние друзья пытались обхитрить друг друга, протолкнуть своего человека. Опять возобладало местничество. Лидеры оппозиции стали вспоминать, кто откуда родом, хотя всегда утверждали, что они против местничества. Они разделились на бадахшанцев, зерафшанцев и гармцев. Убрав достойных людей с политической арены, оклеветав их честные имена перед общественностью, они не испытывали угрызений совести. Или они думали подобным антидемократическим путем завоевать симпатии народа и занять руководящие должности? Но, как говорится, «тот кто роет яму, сам в нее попадет».

Я думал о мужестве ,отваге, несгибаемой воле жителей Куляба, Вахшской земли, Гиссарской долины, Гозималика, Шах-

рituза, Джиликуля, Кубодиёна, узбекоязычного населения, и вновь и вновь повторял: «Горе известному юристу Ашурбою Имомову! Горе премьер-министру А. Мирзоеву! Горе руководителям, которые встали на скользкий путь и не гнушаются ничем!»

Чувствуя близость победы, к оппозиции стали примазываться многие, в том числе и те, что еще не так давно высказывал свое отрицательное отношение к ее методам борьбы. Оказывая услуги, теперь эти люди надеялись получить кусок пожирнее от пирога. Особенно усердствовал Д. Худоназаров.

Местнические интересы брали верх и многие из тех, кто уже давно примерял себя к тому или иному креслу, остались «с носом». Например, когда на пост министра иностранных дел был выдвинут О. Латифи, а Министерство народного образования предложили возглавить члену Президиума демократической партии, профессору А. Сатторзода, вчерашние соратники М. Химматзода, Ш. Юсуфа, Д. Исмона, Д. Худоназарова не поддержали их кандидатуры. Мотив при этом был один: нельзя сразу два таких важных поста передать в руки зерафшанцев.

— Главную роль в борьбе за власть сыграли мы, члены партии исламского возрождения,— не уступали руководители исламистов.— Поэтому главные должности должны быть распределены между нами.

В конце концов пришли к выводу, что в высшем эшелоне власти достаточно одного зерафшанца. На пост министра народного образования был назначен малоизвестный и ничем не примечательный работник З. Вазиров. Его преимущество перед профессором А. Сатторзода заключалось лишь в том, что он приходился земляком Химматзода и некоторых других лидеров оппозиции.

— Должность заведующего кафедрой университета достаточна для Сатторзодғ,— заметил кто-то.

О. Латифи курил одну сигарету за другой и подобострастно поглядывал то на казикалона А. Тураджонзода, то на Д. Худоназарова. Неужели они забыли о его верности, его заслугах перед оппозицией? Вздох облегчения вырвался из его груди, когда после долгих сомнений и колебаний его все-таки выдвинули на пост руководителя внешнеполитического ведомства. Хотя все понимали, что столь одиозная личность, как журналист О. Латифи, ни один день не бывший на дипломатической работе и не знающий не одного иностранного языка, не совсем подходящая кандидатура для этого кресла.

В трудном положении при раздаче портфелей и кресел оказались лидеры оппозиции. С одной стороны, они ни в коем слу-

чае не хотели уступить важные государственные посты «чужим людям», то есть выходцам из северного региона, зерафшанской долины, районов Кулябской области. Переворот по существу и был осуществлен во имя того, чтобы отстранить северян от власти, чему неожиданно так стали препятствовать кулябцы. С другой стороны, лидеры оппозиции не могли сбросить со счетов вклад в их победу, который внесли и представители некоторых других районов.

Во время дележа кресел зарафшанские «братья», как их называли представители других регионов, Отахон Латифи, Сафар Абдулло, оппозиционеры из Матчи преданными глазами смотрели на своих друзей. Когда О. Латифи сообщили о его назначении на министерское кресло, он вытянул шею и благодарно кивал своим покровителям, забыв, что путь к заветному креслу окрашен кровью тысяч невинных людей, ставших жертвой братоубийственной войны. Он не посчитался и с тем, в каком положении оказался его друг и родственник А. Сатторзода, который, как говорится, остался у разбитого корыта. А ведь когда лидеры оппозиции решили пропустить на Олимп своей власти лишь одного зерафшанца, он, называющий себя бескорыстным борцом за демократию и справедливость, мог уступить дорогу А. Сатторзода. Но, когда дело касается таких щепетильных вещей, как распределение должностей, зачастую карьеризм и самолюбование берут верх над другими чувствами.

Друзья подходили к О. Латифи и ,обнимаясь с ним, радостно поздравляли его:

— Устод! Бог даст, утром 11 мая президент Рахмон Набиев с нашей и пророка Мухаммада (да будет с ним милость Аллаха!) помощью подпишет Указ о вашем назначении на пост министра иностранных дел. То, о чем Вы мечтали — сбылось! Но не забывайте и нас. Пошлите послом в какую-нибудь процветающую страну.

Такие деятельные «борцы» за власть, как Дустмухамад Дуст, Салим Аюбзод, Мусопахлавон и другие из Матчинского района, также претендовали на свою «долю». После некоторых раздумий было решено ответственного редактора газеты «Чароги руз» Салима Аюбзода, с первого дня выслуживающегося перед оппозицией, назначить на должность заместителя председателя Комитета по телевидению и радиовещанию. На этой должности тогда работал М. Султонов. Но что для оппозиции убрать человека? Группа получила спецзадание — найти его хоть из-под земли, а вскоре руководство республики тут же согласилось

с требованием оппозиции отстранить его от занимаемой должности.

Таким образом, довольные тем, что и они получат свою «долю», что оппозиция по достоинству оценила их заслуги, многие зерафшанцы разошлись по домам и с нетерпением стали ожидать указа президента о назначении на обещанные должности. Например, Мусо-пахлавон мечтал сесть в кресло руководителя Гостаможни или хотя бы его заместителя. Но не знали эти алчущие власти, что в оппозиции, которой они служили, существует своя оппозиция.

Невдомек им было, что в ночь накануне того, как президент должен был подписать Указ о назначении на руководящие должности, лидеры оппозиции Давлат Худоназаров, Шодмон Юсуф, Мухаммадшариф Химматзода и Давлат Исмон собрались еще раз и твердо решили не давать никаких должностей зерафшанцам. Смысл их решения сводился к следующему: «Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться». И хотя назначение Отахона Латифи на должность министра иностранных дел и международных экономических связей действительно было бы благо правительства национального примирения, Шодмон Юсуф, Давлат Худоназаров, Мухаммадшариф Химматзода, Давлат Исмон и Атобек Амирбек в угоду своих местнических амбиций постарались предоставить этот пост своему земляку Х. Холикназарову, человеку очень далекому от дипломатии.

Тогда же председателю Кабинета Министров А. Мирзоеву были предоставлены кандидатуры Х. Холикназарова на пост министра иностранных дел, М. Хаитова — на должность заместителя председателя Комитета по телевидению и радиовещанию. Это предложение было встречено благожелательно и со стороны президента.

А на другой день средства массовой информации объявили указ президента о создании правительства национального примирения. В этом правительстве из группы оппозиционеров — выходцев из Зерафшанской долины — не было никого. Вчерашние соратники и друзья, в том числе Д. Худоназаров, обманули их самым нечестным образом. А ведь его зерафшанские друзья писали тогда; «Таджикистан ждет своего Рустама (Читай Д. Худоназарова.— *С. К.*). Он был выше нас, а мы внизу не видели этого» (Газета «Чароги руз», № 22 (43), 1992 г.).

Да, со временем они увидели то, что не дано было увидеть раньше: когда дело дошло до разделения власти, для Д. Худоназарова, как впрочем и для других лидеров оппозиции, местнические, родственные интересы оказались превыше всех политических, философских, нравственных и прочих принципов.

Оппозиционерам-зерафшанцам было обидно вдвойне. Если бы выдвинутые оппозицией кандидатуры действительно выделялись своими личными качествами, то куда бы ни шло. Но ведь они и по знаниям, и по популярности и авторитету во многом уступали тем же О. Латифи, А. Сатторзода. Это касалось в особенности должности министра иностранных дел и международных экономических связей, заместителей председателя Комитета по телевидению и радиовещанию, которые являлись очень важными и определяющими. Кстати, Х. Холикназаров уже на посту министра иностранных дел доказал правильность народной поговорки: «Яблоко от яблони недалеко падает». Он, как и его покровители, был заражен бациллами местничества. Приглашенные им на работу в систему МИДа или рекомендованные на дипломатические курсы были, как правило, выходцами из Бадахшона и Каратегина.

Бог свидетель, что О. Латифи, Д. Атовуллоев, Бахманёр, А. Рабиев, Сафар Абдулло и другие «демократы» — выходцы из Пенджикента, действительно много сделали для Д. Худоназарова на президентских выборах, служили ему верой и правдой. Тогда О. Латифи даже возглавлял штаб в поддержку Д. Худоназарова. Все хорошо помнят, как самоотверженно, день и ночь работал штаб на своего кумира, как использовал все возможные и невозможные средства. Даже слагались стихи во славу претендующего на пост президента республики Д. Худоназарова, сравнивая его с легендарным Рустамом и пророком Мухаммадом, хотя известно, что Рустам всегда отрекался от почестей и званий, а всю свою силу и мощь направлял на благо народа, защиту Отечества. А уж о том, что никогда ни при каких обстоятельствах он не предавал своих друзей, и говорить не приходится. А Д. Худоназаров, когда, как говорится в поговорке, «его осел перешел через брод», тут же забыл о тех, кто в свое время оказал ему неоценимую услугу и готов был вознести его на уровень пророков. Лидер и кумир оппозиции оставил ни с чем своих друзей-зерафшанцев, лелеявших мечту с приходом его к власти получить должности, предал их только потому, что они не были с ним одного рода-племени.

С другой стороны, премьер-министр вместе с другими лидерами оппозиции так и не сумели подойти к выбору руководящих кадров со здравым смыслом, не сумели таким образом сформировать свое правительство, чтобы в него вошли компетентные и авторитетные люди, которые бы действительно проводили политику национального примирения. Люди, в которых бы поверил народ и по чьему бы призыву сложил оружие. К сожалению, этого не произошло. В состав нового правительства вошли.

в основном, люди, малоизвестные в республике, не проявившие себя ничем, не обладавшие организаторскими способностями.

Чтобы у читателей было более полное представление о том, кто есть кто, в чьи руки в то тревожное время попали бразды правления в республике, приведем Указ Президента Таджикистана об образовании правительства национального примирения.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА ТАДЖИКИСТАН

«Об образовании правительства национального примирения»

Согласно договоренности, достигнутой президентом, Кабинетом Министров и руководством политических партий, организаций и народных движений

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Образовать правительство национального примирения в следующем составе:

Премьер-министр Республики Таджикистан	*А. МИРЗОЕВ*
Первый заместитель премьер-министра Республики Таджикистан в Москве	*Д. КАРИМОВ*
Заместитель премьер-министра	*Х. САЙДМУРОДОВ*
Заместитель премьер-министра	*С. ХАЙРУЛЛОЕВ*
Министерство внутренних дел	*М. НАВДЖУВОНОВ*
Министерство иностранных дел	*Х. ХОЛИКНАЗАРОВ*
Министерство мелиорации и водного хозяйства	*А. НУРОВ*
Министерство здравоохранения	*Д. ИНОМОВ*
Министерство народного образования	*З. ВАЗИРОВ*
Министерство промышленности	*К. УМАРОВ*
Министерство связи	*И. УСМОНОВ*
Министерство сельского хозяйства	*Х. АКБАРОВ*
Министерство социального обеспечения	*М. АБДУРАХМОНОВА*
Министерство транспорта	*Б. САФАРОВ*
Министерство торговли и материальных ресурсов	*Х. СОЛИЕВ*
Министерство печати и информации	*Б. МАХМАДОВ*
Министерство экономики	*И. ДАВЛАТОВ*
Министерство охраны окружающей среды	*М. НАЗРИЕВ*

Министерство юстиции	*Ф. АБДУЛЛОЕВ*
Государственный комитет по статистике	*Х. АЗИМОВ*
Государственный комитет по строительству и архитектуре	*Т. АБДУЛЛОЕВ*
Государственный комитет по спорту и туризму	*З. РУСТАМОВА*
Государственный комитет по труду и подготовке рабочих кадров	*Ш. ЗУХУРОВ*
Государственный комитет по имуществу	*И. КАРИМОВ*
Комитет национальной безопасности	*А. СОЛИБОЕВ*
Комитет обороны	*Б. РАХМОНОВ*

Президент
Республики Таджикистан *Р. НАБИЕВ*

г. Душанбе, 11 мая 1992 года

В этот список необходимо включить и «господина» Давлата Исмона, потому что его уже после подписания данного указа под нажимом оппозиции ввели в состав правительства.

Известно ли, каким авторитетом среди населения пользуются упомянутые выше Давлат Исмон, Худойберды Холикназаров, Вазиров, Хайдаршо Акбаров, Бозорали Сафаров, Махмадаёз Навджувонов?

Могли ли они смело выйти к народу и призвать к миру, согласию, остановить отток населения, сплотить вокруг себя людей из разных регионов, представителей разных национальностей?

Я твердо заверяю: н е т.

Многие ответственные посты на всех уровнях были заняты ставленниками партии исламского возрождения, казната, демократической партии. Тем самых сил, которые все четыре месяца моей работы на посту председателя Верховного Совета всячески мешали работать, будоражили общественность через средства массовой информации, вводили в заблуждение народ и, заклиная Кораном, собирали его на площадях. Именно из-за продолжительных митингов от работы на фабриках, заводах, других предприятиях народного хозяйства были оторваны 10—15 тысяч человек, не работал транспорт, были сорваны важные международные соглашения. Что же дали митинги, демагогические выступления, крикливые лозунги? Повысили благосостояние народа? Больше стало продукции? Произошло снижение цен?

Конечно, нет.

Да и не это было главным для тех, кто организовывал ми

тинги. Вспомните, когда люди оппозиции пришли к власти и у здания Верховного Совета собралась небольшая толпа со своими извечными житейскими проблемами, один из самых ярых оппозиционеров А. Сохибназаров вышел к ней и умолял разойтись. «Дайте нам работать. А то подумают, что горцы не способны управлять государством»,— говорил он, забывая, что и я тоже горец и что каково было работать нам, когда площади сотрясались от митингов, а такие люди, как А. Сохибназаров, звали на новые «подвиги».

Лидеры оппозиции, взяв власть в свои руки, делая попытки установить мир и гражданское согласие, удивлялись, почему это им не удается. Сначала разожгли пожар, а потом, когда он разросся до устрашающих размеров, взялись тушить. Но, как они могли обеспечить успешную работу правительства национального примирения, если умудрились не ввести в это правительство ни одного представителя узбекского, ни одного представителя русскоязгчного населения. И это при том, что узбеки составляют 25% всего населения республики, не говоря уже о киргизах, казахах и туркменах, а численность русскоязычного населения достигла тогда более полумиллиона человек. Неужели среди них не нашлось хотя бы одного-двух достойных кандидатов, которые бы могли представлять в новом правительстве интересы своих народов? При такой «дальновидной политике» трудно говорить о целоности народа республики, как и нелегко остановить отток русскоязычного населения.

Уже по первым шагам незаконнорожденного и худосочного правительства национального примирения можно было судить о том, что у него нет будущего. Оно привело нацию не к примирению, а еще к большему раздору, властолюбивые же, но близорукие члены правительства попали в яму, которую они рыли для других.

И это было закономерным итогом их нечестной и грязной борьбы. Судите сами: только из выходцев Бадахшана в это правительство вошло пять человек в качестве министров республики.

Главное достоинство этих избранников оппозиции было в том, что они родились на Памире. Но простите, Таджикистан состоит только из «крыши мира?» Разве не вправе занять руководящие кресла в правительстве представители других регионов — Гиссара, Куляба, Зерафшана, Ура-Тюбе, Душанбе? Разве там мало достойных людей?

Неуемная жажда власти лидеров внесла раскол и в самые ряды союзников. Рэкетиры с квартала Шохмансур, способствующие захвату телецентра и других важных объектов, также

«обиделись» на руководителей оппозиции. Те обманули их так же, как и своих поклонников-зерафшанцев, и не предложили никаких постов и должностей. Когда совершается насильственный вооруженный переворот, когда сплошь и рядом происходят кровавые преступления, рэкетиры и уголовники также имеют право претендовать на власть.

Однако очень скоро после прихода оппозиции к власти все убедились, что на какие-то кардинальные изменения, продвижение вперед, укрепление экономики рассчитывать не приходится. Ставленники оппозиции в большинстве случаев не очень хорошо знали вверенные им отрасли, не пользовались авторитетом в народе. В этом плане они сильно отставали от своих предшественников.

Было совершенно очевидно, что в таком составе новоиспеченное правительство национального примирения не в состоянии установить мир и согласие в республике, в которой продолжается гражданская война. Никто из них не выехал в Кулябскую, Курган-Тюбинскую, Ленинабадскую области и Гиссарскую долину, не встречался с народом, не призывал сложить оружия и прекратить конфронтацию. Наоборот, люди эти, сами занимавшие столь ответственные посты, разжигали рознь и создавали условия для усиления напряженности. Или они думали таким способом внести свой «вклад», вывести свой многострадальный народ из пучины бед и несчастий?

Давайте сравним хотя бы бывшего министра сельского хозяйства республики В. Вахидова и пришедшего на его место Х. Акбарова, одного из активных сторонников оппозиции в депутатском корпусе. Я еще до этого был знаком с Хайдаршо Акбаровым, несколько раз беседовал с ним. Выпускник сельскохозяйственного института и Высшей партийной школы, он импонировал мне тем, что хорошо знал таджикскую поэзию, наизусть цитировал классиков. Но, оказывается, этого недостаточно, чтобы быть хорошим руководителем. Будучи председателем Калайхумского райисполкома, он развалил дело и пустил все на самотек. Депутаты районного Совета были вынуждены освободить его от работы. И вот, представьте, человеку, который не сумел завоевать авторитет в своем родном районе, не справился с обязанностями на посту районного руководителя, доверяют одну из важнейших отраслей в республике. Из каких соображений исходили лидеры оппозиции, выдвигая его на пост министра сельского хозяйства республики с пятимиллионным населением? Из соображений местничества, землячества? Несомненно. Двух мнений тут быть не может.

В свое время бывший председатель Верховного Совета К. Ас-

лонов назвал его интриганом и неумехой и не допустил его на должность главного специалиста Верховного Совета.

Помнится, однажды когда я еще работал госсоветником президента по надзору за исполнением указов президента и решений Кабинета Министров, Н. Дустов привел ко мне Х. Акбарова. В ходе беседы Х. Акбаров посетовал на депутатов Калайхумского района, оказавших ему недоверие и освободивших его от должности председателя райисполкома, и попросил устроить его на работу. Но тогда в нашем комитете не было вакантной должности, и я из уважения к моему другу Н. Дустову и из желания помочь оказавшемуся в таком незавидном положении человеку стал хлопотать за него перед председателем Комитета Верховного Совета по вопросам аграрной политики и занятости населения Х. Насреддиновым. Так Х. Акбаров был устроен на работу. Комментарии, как говорится, излишни.

Не мудрено, что и на посту министра Х. Акбаров не добился никаких мало-мальских успехов, почти не выходил из своего кабинета, чувствовал себя неуверенно и опять пустил все на самотек. Он не пользовался авторитетом среди специалистов, не показал себя и как организатор. Словом, в бытность Х. Акбарова министром не чувствовалось, что там есть сильный, знающий и опытный руководитель. И, конечно, он вряд ли мог внести вклад в дело национального примирения, о котором так много говорили лидеры оппозиции.

Другое дело Вахоб Вахидов. Его хорошо знали не только специалисты, но и простые дехкане. В. Вахидов часто выезжал на места, умел просто беседовать с людьми, ему были хорошо знакомы их проблемы и нужды. Он пользовался уважением, как знающий специалист, имел хорошие организаторские способности. Если бы лидеры оппозиции были мудрее и дальновиднее, они бы использовали таких руководителей, как В. Вахидов, которые благодаря своему авторитету и положению действительно могли сделать многое для установления понимания и добрых отношений среди людей. Но В. Вахидов был неугоден лидерам оппозиции уже потому, что он уроженец Ленинабадской области.

То же самое можно сказать и о Х. Холикназарове и смещенном министре иностранных дел Л. Каюмове. Разница между ними — земля и небо. Л. Каюмов известен как опытный дипломат, много сделавший для укрепления связей Таджикистана с другими странами. Кстати, он и сейчас является представителем нашей республики в ООН. А что же Х. Холикназаров? Бывший младший научный сотрудник Института востоковедения, затем преподаватель Педагогического института русского

языка, не имеющий опыта дипломатической работы, неизвестный в дипломатических кругах. Некоторое время, правда, работал переводчиком в Афганистане. Главным критерием при его выдвижении опять был фактор местничества, родственные связи.

Вовсе не хочу заниматься дискредитацией достойных людей. Среди выходцев из Памира, Дарваза, Каратегина очень много таких, кто много сделал для республики, по праву пользуется уважением. Ведь если, скажем, министр иностранных дел обязательно должен быть земляком лидеров оппозиции, то почему на эту должность нельзя было выдвинуть Нурмухаммада Холова? Он уже не один год находится на дипломатической службе, работает за рубежом и в настоящее время занимает должность консула. Востоковед по образованию, он также закончил высшую дипломатическую школу, знает несколько иностранных языков. Наверяка, он не только успешно справлялся бы с обязанностями руководителя внешнеполитического ведомства, но и приложил немало усилий для стабилизации обстановки в республике. Но почему-то Н. Холов «выпал» из поля зрения лидеров оппозиции.

Так же неизвестно, на каком основании, из каких соображений был освобожден от должности министра транспорта О. Оламов. Опытный специалист, хороший руководитель, он сидел, что называется, «на своем месте». Но лидеры оппозиции, выходит, думали не о благе народа, не об улучшении положения в республике, когда создавали свое правительство. Для них важнее было другое: в правительстве должны быть свои люди, земляки и родственники.

Когда знакомишься с Указом президента об образовании правительства национального примирения, сразу возникает сомнение: а соответствует ли название правительства его назначению? Сможет ли это правительство в таком составе установить мир и гражданское согласие в республике? Ведь в него вошли люди, чья вина в разжигании братоубийственной войны ни у кого не вызывает сомнений. Смогут ли эти люди потушить пожар войны, который сами и разожгли, смогут ли остановить поток беженцев, напуганных лозунгами и призывами оппозиции?

Одной из важнейших задач было поставить надежный заслон преступлениям, достигшим в республике устрашающих размеров. Убийства с применением огнестрельного оружия, грабежи совершались каждый день. Стоит ли говорить, как необходимо было в Кабинете Министров должностное лицо, которое бы контролировало и направляло деятельность правоохрани-

тельных органов: КНБ, МВД, прокуратуры, обеспечивало их взаимодействие и взаимосвязь. Но посмотрите, кого оппозиция сочла достойным занять этот пост? Давлата Исмона, бравшего в заложники народных депутатов и издевавшегося над ними. Остается добавить, что должности заместителя премьер-министра, курирующего правоохранительные органы, не существовало, её специально придумали для Д. Исмона и заставили согласиться с этим президента.

Во время переговоров по освобождению народных депутатов, захваченных оппозицией, Д. Исмон признался, что был моим студентом и слушал мои лекции в университете. Действительно, как выяснилось, Д. Исмон с большими трудностями, потратив почти десять лет, закончил заочное отделение юридического факультета. При этом он ни одного дня не работал по специальности, а точнее — вообще нигде не числился. Занимался перепродажей товаров на базарах города Душанбе. О деятельности правоохранительных органов вообще не имел представления, если не считать, что неоднократно задерживался милицией за спекуляцию и мелкие махинации. До того, как партия исламского возрождения открыто вступила в борьбу с законным правительством, занимался продажей семечек у входа на базар. Как можно было доверить руководство МВД, КНБ, прокуратурой человеку, еще недавно известного в милиции в качестве мелкого спекулянта? Это, наверное, в таких случаях говорят: «Пустили козла в огород...»

Почему выбор оппозиции пал именно на Д. Исмона? Разве нельзя было подобрать более достойного, скажем, из того же Каратегинского района? Ведь от этого выиграло бы дело и поднялся престиж правительства национального примирения?

Видимо, не зря ходили слухи, что руководитель партии исламского возрождения М. Химматзода, лидер так называемой демпартии Ш. Юсуф и Д. Исмон связаны тесными родственными узами и что они вынашивали мечту о том, чтобы прибрать все в республике в свои руки.

Родственно-клановые связи были для них важнее местнических, превыше всего другого. Крикливые идеи о единстве нации и возрождении духовных начал не идут дальше их собственных подворий. Интересно, куда бы они завели нацию, республику с таким узким мировосприятием?

О том, что Д. Исмон с его сомнительным прошлым мелкого спекулянта не стал бы авторитетом и компетентным руководителем для работников правоохранительных органов, говорить не приходится. Но и в том, что он вряд ли смог бы проводить в жизнь главную линию правительства — политику примирения,

тоже нет сомнений. Ведь он один из тех, кто подобно Шодмону Юсуфу, объявившему политическими заложниками русских в Таджикистане, сеял семена раздора между таджиками, узбеками, туркменами, киргизами. Ведь именно после призывов к братоубийственной войне, после расправы над мирным населением, убийства депутатов, захвата важнейших объектов усилился отток русских, узбеков, появились беженцы. Разве мог после этого Д. Исмон как заместитель премьер-министра выезжать в районы и города, разоренные войной, призывать народ к гражданскому согласию? Разве мог он остановить поток бегущих из опасной зоны людей? Конечно, нет. Уверен, что к его слову не стали бы прислушиваться и в Каратегине, откуда он родом, потому что трудовой народ устал от постоянного напряжения, междоусобиц, ночных выстрелов. И народ знает, кто затеял все это, кто посеял рознь между братьями — оппозиция, домогавшаяся власти.

Нет, не о мире и согласии думал прежде всего Д. Исмон, сев в кресло заместителя председателя Кабинета Министров. Это место оппозиции нужно было исключительно для того, чтобы еще больше укрепить свое положение, чтобы еще больше обеспечить свои воинские формирования оружием, боевой техникой, помочь своим соратникам. Именно благодаря его поддержке и стараниям уверенно и безнаказанно орудовали в своих «вотчинах» полевые оппозиционеры — Мулло Абдугаффор (квартал Южный в г. Душанбе), Ризвон (Кофарнихон), Кори Киемиддин (Газималикский район), Кори Саидшариф (Курган-Тюбе), Кори Мухаммади (Колхозобадский район) и другие. Под покровительством своих «духовных отцов», вооруженные до зубов, они грабили мирное население, сжигали дома, казнили неугодных.

Почитатели Корана, знатоки религии, паломники, бывавшие в Мекке и Медине, теперь разъезжали на БТРах, на которых были установлены зеленые знамена ислама, и наводили ужас на женщин, детей, стариков. «Защитники веры», вахоббисты не щадили никого. Особенно тяжело приходилось выходцам из Ленинабадской и Кулябской областей, узбекам, русским. Вахоббисты всюду искали тех, кто был против оппозиции, подвергали их казни варварскими методами: сдирали кожу, ломали суставы, выкалывали глаза...

А руководители МВД и КНБ в лице М. Навджуванова и А. Солибоева, вместо того, чтобы хоть как-то преградить путь неслыханным преступлениям, наоборот, продолжали раболепствовать перед лидерами оппозиции и делали все, чтобы власть в республике полностью перешла в их руки. М. Навджуванов,

А. Солибоев, Д. Аминов, Б. Рахмонов плясали под дудку Д. Исмона и были жалки в стремлении сохранить таким образом свои посты.

О, мой славный и многострадальный народ!

Какие ничтожные люди вершат твою судьбу, распоряжаются твоей страной. Помнишь, тысячу лет назад именно такие ничтожества ради власти и славы нанесли предательский удар в спину твоих доброй памяти предков — саманидов и стали причиной распада первого таджикского государства. Эта трагедия повторилась вновь на пороге XXI столетия, и снова над таджикским государством нависла угроза распада, опять таджикский народ обречен на распад, раскол, поражения и страдания.

Жители республики хорошо помнят, какое неуважение проявил Давлат Исмон на XIII сессии Верховного Совета. Когда депутаты тайным голосованием не приняли моей отставки и председатель счетной комиссии Б. Рахмонов огласил результаты голосования, Давлат Исмон, Мухаммадшариф Химматзода и Шодмон Юсуф в знак протеста демонстративно покинули зал. Именно в ту ночь заложниками стали 17 народных депутатов, которые были подвергнуты издевательствам. Прокуратура города Душанбе возбудила уголовное дело в отношении Д. Исмона, но из-за беспринципности и трусости некоторых ответработников правосудие не свершилось. Давлат Исмон является одним из организаторов кровавых майских событий.

Может ли такой человек завоевать авторитет и доверие жителей республики?

Если бы Д. Исмон на самом деле был истинным мусульманином, если бы действительно служил интересам нации, то, когда жители Кулябской области во имя мира и согласия в республике потребовали его отставки, он бы не стал сопротивляться и еще больше озлоблять людей. Уверен, если бы тогда он сразу подал в отставку, а заискивающий перед оппозицией А. Искандаров не стал его поддерживать, то ситуация в республике во многом бы изменилась к лучшему.

Но он этого не сделал, а продолжал руководить массовыми репрессиями, привлекая для этого из-за рубежа наемных убийц. Тем самым эти «покровители веры» нанесли непоправимый удар по священной религии ислам, исказили Коран и заповеди пророка Мухаммада (Да будет с ним милость Аллаха!), пошатнули веру народа в мусульманство. Муллы, ишаны, кори и другие служители культа стали ассоциироваться в сознании народа с ужасами братоубийственной войны. Стоит ли удивляться, что после всего этого число прихожан во всех мечетях рез-

ко упало ,а истинные верующие, свято чтившие Коран и заповеди пророка, попали в незавидное положение перед людьми. Своей жестокостью, властолюбием, фанатическим упорством, достойным лучшего применения, предводители партии исламского возрождения принесли больше вреда, чем пользы религии, под знаменем которой они объединились.

Вспомним, что сказал поэт:

В уединении делают обратное своим призывам.
Ханжи, красовавшиеся на трибунах,

Мне же хочется сказать:

«Эй, вы, кто не чтит законов своей страны и не уважает традиций своего народа! Неужели вы, называющие себя правоверными, не боитесь Господнего гнева? Ведь в Судный день придется отвечать перед Господом за свои грехи?!»

Совершенно очевидно, что правительство национального примирения было образовано лидерами оппозиции, как говорится, не выходя зи порог своего дома, и оно превратилось в правительство разобщения регионов и не могло не вызвать недовольство людей.

Однако час расплаты, как и следовало ожидать, наступил намного раньше. Охваченный праведным гневом, измученный народ сбросил с себя ярмо, которое на него пыталась надеть оппозиция. Но до XVI сессии Верховного Совета, где оппозиции был нанесен первый сильный удар, еще оставалось время и ей предшествовал ряд других незаконных указов президента. Как, например, Указ об образовании Национального Маджлиса Республики Таджикистан.

Вот как он выглядел:

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

«Об образовании Национального Маджлиса Республики Таджикистан».

С целью совершенствования структуры государственного управления Республики Таджикистан.

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. В переходный период до выборов нового парламента на основе многопартийности из числа народных депутатов, представителей политических партий и народных движений образовать Национальный Маджлис.

Принятие Основного Закона Республики Таджикистан, утверждение бюджета Республики возлагается на Верховный Совет нынешнего созыва, полномочия которого сохраняются до избрания нового парламента.

2. Президиум Верховного Совета Республики Таджикистан совместно с представителями политических партий и движений вносит предложения о составе Национального Маджлиса.

3. Национальный Маджлис совместно с Президиумом Верховного Совета в сжатые сроки составляет положение о Национальном Маджлисе.

4. Указ входит в силу с момента его подписания.

Президент
Республики Таджикистан *Р. НАБИЕВ*

г. Душанбе,
12 мая 1992 года

Когда знакомишься с этим документом и сверяешь его с Конституцией Республики Таджикистан и Международной декларацией прав человека, то еще раз начинаешь понимать, чего добивались лидеры оппозиции. Пустив пыль в глаза всему мировому сообществу, они пытались совершить государственный переворот руками президента. Вот почему, добившись свержения председателя Верховного Совета С. Кенджаева и вице-президента Н. Дустова, они, как репей, вцепились в Р. Набиева. Их старания были направлены на то, чтобы прибрать к своим рукам Верховный Совет, а народных депутатов отстранить от решения основных вопросов. Кажется, этого не понимал только Р. Набиев, подписавший указ, в котором один из пунктов гласил, что в Национальный Маджлис на равных правах войдут народные депутаты и представители политических партий и движений в республике.

Другими словами, они намеревались дать своим представителям в Национальном Маджлисе те же права и полномочия, что установлены Конституцией для депутатов, получивших свои мандаты на всенародных выборах. Таких принципов формирования Национального Маджлиса нет ни в одном государстве мира. Это не что иное, как обман народа и грубое нарушение всех законов и международных норм.

Люди, не раз и не два терпевшие поражение на выборах, получали права и полномочия народных депутатов и наравне с ними решали государственные вопросы на заседаниях Национального Маджлиса! Таким правом на определенный срок своего депутата могут наделить 10 тысяч избирателей путем

тайного голосования. И народный депутат только в этом случае получает право обсуждения вопросов и голосования в парламенте, а также защиты интересов своих избирателей. Таким образом, люди оппозиции, которых никто не избирал и не уполномачивал, кого и как собирались представлять на заседаниях Национального Маджлиса? Интересы жителей какого избирательного участка собирались защищать? Какие законы, какие решения собирались принимать?

Согласно Конституции, регламенту Верховного Совета для принятия каждого закона должны проголосовать как минимум 116 депутатов от имени 1160 тысяч избирателей. Как же могла горсточка авантюристов и самозванцев, никем не уполномоченная, принимать подобные решения?!

Словом, по существующим международным нормам Национальный Маджлис мог быть образован на сессии Верховного Совета только из числа народных депутатов и президент ни в коем случае не имел права подписывать подобный указ. К тому же вопрос о создании Национального Маджлиса не был поставлен на всеобщее обсуждение, не было о нем упоминания и в протоколе соглашения. Создается впечатление, что лидеры оппозиции, занятые распределением должностей, спохватились поздно и теперь шли напролом, грубо попирая все законы и правила.

Одним словом, Указ президента от 11 мая 1992 года о создании Национального Маджлиса полностью противоречил Конституции Республики Таджикистан. Чтобы в этом убедиться, достаточно сверить все пункты указа с положениями Основного Закона. В Конституции нашей республики вообще не дано определения структуры, полномочий и права как правительства национального примирения, так и Национального Маджлиса. Нет о них упоминания, как я уже говорил, и в протоколе, подписанном 7 мая 1992 года президентом и лидерами политических партий и движений.

В статьях 125, 125^1, 125^2, 125^3, 125^4, 125^5, 125^6, 125^7 Конституции Республики Таджикистан речь идет только о порядке учреждения, структуре, правах и полномочиях и принципах функционирования Кабинета Министров республики. Другими словами, такие понятия, как структура, права и полномочия, принципы деятельности правительства национального примирения и Национального Маджлиса не имели места в действующей Конституции Республики Таджикистан.

В первой части протокола соглашения между президентом, Кабинетом Министров, политическими партиями и народными движениями Таджикистана, подписанного 7 мая 1992 года, ска-

зано: «Учитывая наличие различных политических, национальных, религиозных сил, учредить правительство национального примирения». То есть в указанном протоколе предлагается на основании закона учредить правительство национального примирения с предоставлением ему прав и полномочий.

Но надо сказать, что в протоколе не указано, какой орган является учредителем ПНП, как и не указывается, что ПНП должно быть учреждено Указом Президента. А по поводу Национального Маджлиса в протоколе нет ни единого слова.

Действительно, на XIV сессии Верховного Совета Республики Таджикистан 30 апреля 1992 года был принят Закон «О порядке введения в Республике Таджикистан президентского правления». Тогда же в статью 99 Конституции Республики Таджикистан был включен пункт 32-й — о введении президентского правления на шесть месяцев. Согласно этому закону некоторые права Верховного Совета Республики Таджикистан, предусмотренные в пунктах 8, 9, 10, 13, 17, 19, 20, 21, 24, 25, 27 и 31, а также некоторые права Президиума Верховного Совета, предусмотренные в пунктах 9, 11 и 12 статьи 108 Конституции Республики Таджикистан, передаются президенту. Но право Верховного Совета по внесению дополнений и изменений в Конституцию Республики Таджикистан, предусмотренное в пункте 1 статьи 99 Конституции, не передается президенту. Только сессия Верховного Совета, а не президент, правомочна большинством голосов внести дополнения в Конституцию Республики Таджикистан по поводу учреждения правительства национального примирения и Национального Маджлиса с их правами и полномочиями.

Итак, внесение поправок в Конституцию Республики Таджикистан — исключительная прерогатива Верховного Совета. Даже президент не имеет на это право. Стало быть, только народные депутаты на сессии Верховного Совета путем тайного голосования имели право внести в Основной Закон Республики положения о Национальном Маджлисе и правительстве национального примирения. Но президент, сознательно или нет, не посчитался с этим основополагающим требованием и самолично издал указы о создании правительства национального примирения, а также Национального Маджлиса.

Тем самым он ограничил депутатский корпус в правах, посягнул на его полномочия. Ни в одном демократическом правовом государстве такое не допускается. Вольно или невольно президент открывал «широкую столбовую дорогу» оппозиции для переворота.

Почему наши ученые-правоведы, политики, по-настоящему

демократически настроенные люди не подняли тогда голос протеста?

Более того, почему Президиум Верховного Совета, спикер палаты поддержали решение оппозиции? Ведь нарушение Закона, посягательство на полномочия депутатов были налицо?

Ответ один: люди были охвачны страхом.

Сообщения о злодеяниях, зверских убийствах, насилии и грабежах, которые совершала оппозиция, наводили ужас на жителей. Уверен, многие незаконные указы президента были подписаны под дулом автомата, в результате угроз и шантажа.

Не выдержав, 10 мая 1992 года поздно вечером, из Худжанда по ВЧ я дозвонился до Р. Набиева и стал умолять его не идти на поводу у оппозиции, у «третьей силы» и не принимать незаконных решений. Всячески пытался объяснить, что создание Национального Маджлиса не входит в его полномочия, просил ни в коем случае не подписывать указ об освобождении Генерального прокурора Н. Хувайдуллоева. Президент в ответ устало сказал: «Вы поймите и мое положение. Они требуют, чтобы я назначил Давлата Исмона вице-президентом». Я настаивал на своем: «Разве мало того, что вы самым незаконным образом освободили Нарзулло Дустова? Если вам угрожают, если не гарантирована ваша безопасность, немедленно выезжайте в Худжанд или Куляб и там продолжайте исполнение своих обязанностей».

Взяв трубку, Н. Хувайдуллоев поддержал меня и разъяснил президенту незаконность его действий и указов.

Затем телефонный разговор с президентом продолжил мэр города Худжанда Абдугани Абдуллоджанов. «Рахмон Набиевич,— твердо сказал он,— помните, за вами два миллиона людей. Не подписывайте незаконных указов. Если вам угрожают, выезжайте в Худжанд. Здесь вы сможете работать в нормальной обстановке».

Но несмотря ни на что, незаконные указы за подписью президента выходили один за другим и распространялись через средства массовой информации. Все это вызывало недовольство среди населения, честные люди открыто стали критиковать президента. Но он, видимо, слышал только лестные слова и гул одобрения со стороны оппозиции. И не мог разобрать, кто его истинные друзья, а кто — враги, кто желает ему добра, а кто ждет удобного случая, чтобы нанести смертельный удар.

Как сказал поэт:

Но ты различай скорлупу и ядро,—
Представиться другом не так уж хитро.

Руководители оппозиции продолжали праздновать победу, которую ждали столько лет.

Митинг на площади Шахидон разрастался все больше. Чувствуя полную безнаказанность, поощряемые толпой, особенно агрессивные ораторы призывали к войне. Они объявляли врагами и предателями достойных людей, призывали к публичной казни.

Мне кажется, что подобные экстремистские выступления провоцирующие кровопролитие, делались по указке лидеров оппозиции. Как правило, все выступления «защитников веры», фанатичных сторонников вахоббизма, таких как Саид Абдулло Нури, «народный генерал» Кори Мухаммади, Кори Садриддин, Эшон Саидашраф, Эшон Аллома и другие, сводились к одному зловещему призыву: к физическому устранению Н. Дустова, А. Абдуллоджанова, С. Кенджаева, А. Сайфуллоева, Н. Хувайдуллоева.

В их поддержку с площади доносились одобрительные голоса: «Отступников — к расстрелу!», «Предателей нации — казнить!»

Чтобы хоть как-то «остудить» свои карательные чувства, они повесили на площади портреты этих людей и протыкали их ножами и штыками. Если бы в те дни и ночи, кто-нибудь из нас, осужденных к смерти, попался им в руки, наверняка был бы растерзан.

И опять меня грызли сомнения: почему на площади Шахидон никто ни разу не потребовал отставки премьер-министра и членов правительства? А ведь то, в чем обвиняли нас (низкий уровень жизни, дефицит товаров, безудержный рост цен), больше касалось Кабинета Министров, чем Верховного Совета, прокуратуры, Комитета по телевидению и радиовещанию.

Честно говоря, мне было жаль доверчивый и простой народ, который правдами и неправдами оппозиция собрала на площади и в его уста вкладывала нужные ей лозунги и требования. Руками взбунтовавшегося народа лидеры оппозиции хотели убрать тех, кто стоял на их пути к полной власти.

Уверен, что если бы кто-нибудь тогда пришел на площадь и стал бы спрашивать у каждого, в чем вина Н. Дустова, С. Кенджаева, Н. Хувайдуллоева, А. Сайфуллоева, А. Абдуллоджанова, за что их следует казнить, то большинство не смогло бы дать ответа. А 8 мая 1992 года от имени Ислама, Партии исламского возрождения, Демократической партии, народных движений «Растохез» и «Лаъли Бадахшон» нам был вынесен смертный приговор.

Призывы к расправе быстро распространялись по городам

и районам. Слухи, один страшней другого, сеяли панику среди населения. Закрыв дома, бросив нажитое добро, люди стали уезжать: кто в Ленинабдскую область, кто — в соседнюю Республику Узбекистан.

После того, как возле ипподрома мы с моими телохранителями чудом спаслись от преследователей и прибыли в город Карши (Узбекистан), мы выехали в Худжанд. Там я встретился с Абдумаликом Абдуллоджановым, который вместе с бывшим председателем Ленинабадского облисполкома Д. Шокировым едва выбрались из оппозиционного окружения в Душанбе. Оппозиционеры приехали за ними в аэропорт всего через несколько минут, как самолет взлетел в воздух. В отместку за это молодчики из оппозиции приехали к нему домой, потом на работу и перевернули все вверх дном.

На другой день газета «Чароги руз» под броским названием «За совершение государственных преступлений их разыскивает милиция» напечатала шесть портретов — мой, Абдумалика Абдуллоджанова, Нарзулло Дустова, Нурулло Хувайдуллоева, Атахона Сайфуллоева и Вахоба Вахидова. К сему был следующий комментарий: «В числе беглецов также находятся Рашид Олимов, Шоди Шабдолов, Амиркул Азимов, Абдусаттор Джаббаров, Абдулло Очилов и многие другие. Некоторые из них во время бегства из Душанбе инсценировали, что они мертвы, а сопровождавшие их лица так оплакивали своих «покойников», что стражники поверили им. Остальные скрылись, наклеив на лица искусственные усы и бороду».

Это была неслыханная клевета, никто из тех, чьи портреты были напечатаны, никогда не совершал преступлений. За подобное оскорбление в любом правовом демократическом государстве редакцию газеты привлекли бы к судебной ответственности, подвергли бы штрафам. Но в Душанбе никто из руководителей на это не отреагировал. Они действовали по принципу: «Моя хата с краю», а может, втихомолку и ухмылялись. Чтобы остаться в живых и не потерять должности, многие из них готовы были пойти на поклон и пресмыкаться перед Акбаром Тураджонзода, «народным генералом» Кори Саид Киемиддином, Мухаммадшарифом Химматзода, Шодмоном Юсуфом и Давлатом Худоназаровым.

Я не перестаю удивляться, как можно ради какой-то должности, какого-то вознаграждения запятнать свою честь и совесть и со спокойной душой ходить по земле?

По сценарию оппозиции был злодейски убит достойный сын народа Генеральный прокурор Республики Таджикистан Хувайдуллоев. Не раз совершались покушения на мою жизнь. Под-

вергались преследованию Нарзулло Дустов и Атахон Сайфуллоев. А враги народа, изменники нации все еще жаждут крови.

Я до сих пор не могу разгадать загадку. По сравнению с другими я был намного ближе к Ходжи Тураджонзода. Наши семьи давно поддерживали дружественные связи, и мы с детства бывали друг у друга. Ко мне всегда хорошо относился его отец. Да и сам Ходжи Акбар не раз говорил при людях: «Мы с Сафарали как мясо и ноготь» (то есть неотделимы). Но когда оппозиция пришла к власти, а моя жизнь висела на волоске, казикалон ни разу не вспомнил обо мне.

Оппозиционные средства массовой информации по-прежнему чернили меня, навешивали всевозможные ярлыки. В то же время оппозиционные газеты «реабилитировали» некоторых из моих товарищей, перешедших на сторону оппозиции, стали расхваливать и превозносить, хотя еще вчера смешивали их имена с грязью. Я диву давался, как быстро меняют окраску и те, и другие.

Аппетит, как говорится, приходит во время еды. Оппозиции мало было того, что она захватила Президентский Дворец и Кабинет Министров, разграбила все кабинеты. Теперь она намеревалась таким же образом захватить КНБ, МВД, прокуратуру. На одном из своих выступлений Шодмон Юсуф так и сказал: «Необходимо довести дело до конца. Не надо дать возможность коммунистам-безбожникам прийти в себя. Мы их добьем!»

И вновь загремели орудия, вновь по улицам города Душанбе стали проноситься бронемашины, на которых были установлены плакаты с грозной надписью: «Победа или смерть!»

* * *

Утром 10 мая 1992 года лидеры оппозиции собрались в кабинете президента республики. Председатель демократической партии Шодмон Юсуф проинформировал присутствующих о политической ситуации в республике и определил дальнейшие планы «демократических сил». «Народный генерал» Кори Киемиддин и генерал-майор Б. Рахмонов рассказали, как идет пополнение рядов «национальной гвардии», подготовка новобранцев и их вооружение. После обмена мнениями лидеры «демократических сил» и религиозные течение «Вахоббия» составили следующий план:

— продолжить митинг на площади Шахидон;

— продолжить привлечение людей из районов республиканского подчинения, Курган-Тюбинской области и других мест для участия в митинге на площади Шахидон;

— осуществить захват зданий КНБ и МВД;

— взять под контроль деятельность Верховного Совета и решением президента и членов Президиума Верховного Совета освободить С. Кенджаева от должности председателя Верховного Совета и назначить на его место Акбаршо Искандарова.

В тот же день часам к 16 большая группа вооруженных людей с площади Шахидон двинулась в сторону площади Озоди и оттуда направилась к зданию Комитета национальной безопасности. Впереди колонны ехали две бронированные машины, отовсюду раздавались знакомые лозунги: «Аллах Акбар!», «Победа или смерть!» Операция по захвату здания КНБ осуществлялась под руководством «народных генералов» Кори Қиемиддина и Кори Мухаммади ,а также генерал-майора Б. Рахмонова, который все еще числился советником президента по вопросам обороны.

Толпа, направлявшаяся к зданию КНБ, готова была все уничтожить на своем пути. Непонятно было другое: почему террористический акт, разработанный бывшим коммунистом Ш. Юсуфом и представлявший очередное звено на пути к власти, осуществлялся именем Аллаха.

Мня всегда возмущает до глубины души то, что обыкновенные бандиты, творящие зло и насилие, прикрываются именем Бога. В своих эгоистических целях использовали ислам, готовность народа защитить свою веру и лидеры оппозиции, направляя возбужденный народ в нужное им русло. Я готов вступить в спор с любым из этих приверженцев ислама по основным вопросам религии, разъяснить суры Корана, высказывания пророка Мухаммада. Уверен, что на деле многие из этих людей сами не знают предписаний своей религии.

Я не раз говорил Акбару Тураджонзода: «Вы являетесь казикалоном — главным духовным лицом, имеете прекрасное религиозное образование. Скажите, что может быть у вас общего с Шодмоном Юсуфом, Отахоном Латифи, Тохиром Абдуджаббором, Давлатом Худоназаровым, Дододжоном Атоуллоевым, Мирбобо Миррахимовым, Мамадаезом Навджувановым? Ведь ислам чужд для этих людей. А некоторые из них еще не так давно были рьяными атеистами и выступали против духовенства. Разве вы верите в их искренность?» Казикалон обычно соглашался со мной, но потом снова поступал по своему. Иногда мне кажется, что была еще какая-то сила, которая руководила им.

Однажды его отец, Эшон Тураджон, при людях сказал ему: «Сын мой Ходжи Акбар! Дорога, которую вы избрали, недостойна истинного мусульманина. Сверните с нее, пока не позд-

но!» Казикалон ответил: «Я перед вами виноват, но свернуть уже не могу. Я нахожусь меж двух огней. Теперь все зависит от Бога».

Задумывались ли те, кто в тот день с именем Аллаха шел на штурм здания КНБ, кому они служат, угодны ли их дела Господу Богу?... Таджикистан горел в огне, гибли невинные люди. И это происходило уже после того, как был подписан протокол соглашения. В этом документе, закрепленном подписями президента, и всеми руководителями политических сил и движений республики, было однозначно сказано, что они обязуются освободить аэропорт, прекратить митинг, стрельбу, освободить телецентр и другие захваченные объекты.

Как и следовало ожидать, оппозиция не сдержала своего слова, и не один из пунктов протокола не был выполнен. И никто не возмутился, не повысил голоса, хотя в протоколе стояли и подписи премьер-министра А. Мирзоева, а также посредников О. Латифи, Лоика, А. Турсунова, Р. Рахимова. Протокол соглашения получил юридическую силу сразу после подписания сторонами. Это было 7 мая 1992 года, а 10 мая оппозиционеры с именем Аллаха на устах шли штурмовать здание КНБ. Обступив его, они открыли огонь. Оппозиционеры думали, что захватить очередной объект им удастся так же легко и просто, как это было с Президентским дворцом или телецентром.

Когда со стороны КНБ был открыт ответный огонь, оппозиционеры расстерялись: они не ожидали такой встречи. Это был первый серьезный удар, нанесенный зарвавшейся оппозиции. До того, видя полную бездеятельность правоохранительных органов и капитуляцию властей, оппозиционеры полностью уверовали в свою безнаказанность и чувствовали себя всюду полноправными хозяевами.

Встретив мощное сопротивление, они в панике, бросая раненых, побежали врассыпную. Узнав о случившемся, с площади Шахидон, забыв о женщинах и детях, которых они привели с собой, побежали и остальные оппозиционеры. Но напрасно они думали, что за ними последует погоня. Работники КНБ открыли огонь исключительно в целях самообороны, когда положение стало критическим. Они не только не стали преследовать оппозиционеров, но стали подбирать раненых и препровождать их в больницу.

В результате террористического акта лидеров оппозиции в тот день на площади Шахидон погибло 9 человек, 24 человека получили ранения, две машины полностью вышли из строя.

Во время моего пребывания на посту председателя Верховного Совета Республики Таджикистан руководители партии ис-

ламского возрождения, казията, «демократических сил» через средства массовой информации, сбивая с толку народ, собирали его на площадь Шахидон для участия в митингах. Порядка 5—10 тысяч человек не трудились на своих рабочих местах, выражали недовольство по поводу нехватки товаров и роста цен, требовали отставки руководителей республики. Весь этот период в республике не работали заводы, фабрики, организации. Из-за политической нестабильности не был подписан ряд межгосударственных важных договоров. Какую пользу и кому принесли эти митинги? Цены понизились? В магазинах стало больше товаров? Люди стали жить лучше?

Наоборот. Цены подскочили, прилавки магазинов вконец опустели. Республика ежегодно закупала 1500 миллионов тонн зерна. С какой страной мы теперь будем вести торговлю, что дадим взамен? Лозунги? Пустословие? А может, митинги? Интересно, есть ли где спрос на подобный товар?

Единственная «польза» от этих митингов — несколько жаждущих власти деятелей с помощью оружия получили должности и стали «факирами на час».

Лидеры оппозиции, отправившие людей на верную гибель, чтобы обелить себя в глазах народа, на другой день, 11 мая 1992 года, устроили на площади Шахидон пышную панихиду по погибшим. Их объявили шахидами-праведниками, павшими за веру, правду и свободу. И не нашлось никого, кто спросил бы тогда:

«Разве великой религии, какой является ислам, нужны подобные жертвы?

За какую свободу, за какую правду сложили головы эти молодые люди, которых правдами и неправдами собрали на площади?»

МОЛИТВА БЕЗ ОМОВЕНИЯ

11 мая 1992 года все муллы и ишаны, большие и малые, именитые и безызвестные, но одинаково причастные к кровавым событиям, облаченные в синие одеяния, белые чалмы, с заграничными четками в руках, но вместо Божьего слова с криками: «Победа или смерть!» на устах, в десятки, сотни рядов выстроились на площади Шахидон. Они собрались сюда, чтобы прочитать заупокойную молитву по погибшим во время вооруженного штурма КНБ. Без сопротивления захватившие Президентский дворец, телестудию и еще несколько других важных объек-

тов, они думали также легко овладеть и зданием КНБ. Но не тут-то было. Они получили ответный огонь из мощных орудий. Захватчики отступили, оставляя на асфальте убитых.

Но почему-то для джанозы — заупокойной молитвы, муллы и ишаны выбрали грязную, захламленную площадь, хотя буквально в пяти минутах ходьбы находилась мечеть Ходжи Якуба, чуть поодаль мечеть Сари Осие. Ведь, по предписаниям исламской веры, джаноза читается в чистом и пристойном месте.

В один ряд с муллами и ишанами встали бывшие атеисты, рьяные поборники материализма — Шодмон Юсуф, Тохир Абдуджаббор, Бозор Собир, Мирбобо Миррахимов, Давлат Худоназаров, Гулрухсор Сафиева. Они прикладывали руки к мочкам ушей и делали вид, что молятся, хотя и не совершали перед этим обязательного ритуала очищения — омовения.

Муллы и ишаны, успокаивая родных и близких погибших, говорили в тот день: «Тем, кто отдал свои жизни во имя укрепления устоев ислама, уготовлена широкая и прямая дорога в рай. Их ждут райские гурии и души их возрадуются во веки веков. Таково обещание Всевышнего. Только лучшие из рабов божьих попадают в число погибших праведной смертью».

Говоря так, они надеялись не только утешить людей, потерявших близких, но и отвести от себя гнев народа.

Ведь по вине вот этих «предводителей» погибли многие молодые ребята. Толкая молодых и неопытных парней в самое пекло кровавых событий, сами они предусмотрительно оказывались в стороне. Поэтому ни один из лидеров оппозиции и предводителей исламской партии возрождения не попал «в число лучших рабов божьих, погибших праведной смертью».

Митинг на площади Шахидон вновь достиг своего апогея. Все кругом бурлило и кипело. Выступавшие обрушили свой гнев на руководителей КНБ и Р. Набиева. В числе выступавших был и поэт Бозор Собир. Он говорил: «С самого начала я был против Махкамова и Набиева, а также против всяких переговоров. Рахмон Набиев ни на что не способен. Он никогда не был другом ни горцев, ни южан, и никогда им не станет. Надо было путем революции свергнуть эту власть... Вот уже 15 лет я жду этого дня. И вместе со мной мои сыновья».

Заканчивая свое выступление, Бозор Собир призвал: «Пусть сгинут Кенджаев, Дустов, Набиев! Да здравствует революция!»

Толпа подхватила его полные ненависти слова.

Как жаль, когда поэт призывает не к добру и милосердию, а к жестокости и раздору. Но лучше, если бы он хоть раз вспомнил предостережение великого Хайяма:

Увидав черепки — не топчи черепки,
Берегись! Это бывших людей черепа.
Чаши лепят из них, а потом разбивают,
Помни, смертный: придет и твоя череда.

В тот день Давлат Исмон и Мухаммадшариф Химматзода выразили соболезнование родным погибших и затем обратились к собравшимся на площади: «Пока не будет свергнут Рахмон Набиев, мы не будем говорить ни о каком примирении! Мы призываем вас, борцов за веру, к совершению революции! У нас путь один: «Победа или смерть!»

Вопреки всем соглашениям и договорам, лидеры оппозиции продолжили митинг до 15 мая 1992 года. И все это время бойцы их гвардии держали в страхе весь город, рззъезжали на БТРах, занимались убийствами и грабежом. Все это время не работал общественный транспорт, не работали предприятия, организации, учреждения.

Министерство внутренних дел, как и прежде, не принимало никаких стабилизирующих мер, а наоборот, охраняло митингующих и их руководителей.

Выступления на площади Шахидон становились все агрессивнее. Слово взял все еще лелеявший в душе мечту стать президентом республики Давлат Худоназаров: «Сейчас не время заключать договор с Рахмоном Набиевым,— сказал он.— Наш путь, это: «Победа или смерть!»

К микрофону также подходили Шодмон Юсуф, генерал Б. Рахмонов, Тохир Абдуджаббор. Смысл их выступлений сводился к следующему: результатом борьбы стало появление правительства национального примирения и Национального Маджлиса, а также несколько мест в правительстве.

«Эти победы не дались без жертв,— говорили они.— Погибли наши люди. Но их души сейчас блаженствуют в раю и помогают нам в нашей борьбе за укрепление ислама. Вы не видите их, но их видят и беседуют с ними ишаны, чтецы Корана с помощью божественного провидения».

Генерал Б. Рахмонов, изменивший присяге и своему долгу, вновь и вновь повторял: «Я тоже потомок ишанов, которые пострадали от Советской власти. Я клянусь памятью отца и деда, что буду всеми силами бороться за установление Исламской Республики в Таджикистане».

Возможно, тогда на площади было немало и таких, кто сомневался в искренности слов генерала. Потому что предавший однажды, в трудную минуту может сделать это еще раз.

БЕССТЫДНЫЕ ОБВИНЕНИЯ

15 мая 1992 года площадь Шахидон была заполнена людьми. Кори Киёмиддин призывал через микрофон взять оружие для защиты исламской веры. Толпа бодрыми возгласами выражала солидарность с оратором. И невдомек было многим стоящим на площади, молодым и убеленным сединой, как их одурманивают своими сладкоречивыми выступлениями такие коварные и лицемерные деятели, как Кори Киёмиддин и Мулло Абдугафор, Тураджонзода и Саид Абдулло Нури, Шодмон Юсуф и Тохир Абдуджаббор, Саид Ашраф и Бозор Собир. Оаи думали о том, чтобы скорее осуществить свою заветную мечту — государственный переворот и захват власти в республике, а не о том, чтобы решить проблемы простого трудового народа.

Шодмон Юсуф выступил не только на площади, но и через средства массовой информации. Он обвинил работников КНБ и 201-ю дивизию российской армии в том, что они якобы расстреляли невинный и безоружный народ, и не постыдился в знак протеста послать Президенту России Б. Ельцину телеграмму, в которой пригрозил, чтобы тот не забывал, что в Душанбе и других районах республики проживает немало русских, которых оппозиция в любое время может взять в заложники.

Этот поступок был очень недальновидным, наивным и глупым, отдавал националистическим душком. Таджикский народ не уполномачивал его делать такие оскорбительные заявления. После такого выступления резко усилился отток из республики русскоязычного населения, потому что у людей не осталось веры в свое будущее. Мало того, что уехало много хороших, нужных специалистов, заявление Ш. Юсуфа негативно сказалось и на взаимоотношениях Таджикистана с Россией и другими республиками, странами СНГ.

Многие общественные организации выступили с осуждением заявления Шодмона Юсуфа. Они подчеркнули, что русскоязычное населние равноправно в республике и никогда не станет заложником. Заявление Шодмона Юсуфа, по их мнению, было политической ошибкой, провокацией, направленной на обострение отношений в обществе... Но, что удивительно, никто из руководителей республики и правоохранительных органов не дал оценку заявлению Ш. Юсуфа, сделанного им также и по республиканскому телевидению. Никто не попытался привлечь этого лжедемократа к ответственности за разжигание розни между народами и государствами. Хотя, по неоднократным заверениям А. Искандарова, в Таджикистане действовали демократические правовые нормы. Забегая вперед, скажу, что имен-

но А. Искандаров потом будет настаивать на том, чтобы Ш. Юсуфа назначили послом Таджикистана в России. Но руководство России уже знало достаточно основательно этого лжедемократа и отпетого националиста и вовремя объявило его персоной нон грата.

А на площади Шахидон по-прежнему бесстыдно обвиняли КНБ и 201-ю дивизию в убийстве шахидонцев. Но разве не оппозиция окружила здание КНБ и пыталась захватить его, как она уже раньше захватывала Президентский дворец, телестудию и другие важные объекты?! Разве не лидеры оппозиции, подписавшие Протокол соглашения, призывали митингующих к вооруженному перевороту?

На площади Озоди, как и было оговорено в Протоколе соглашения, уже 7 мая 1992 года, в день подписания документа, митинг был прекращен и его участники стали разъезжаться. Почему же так не поступили организаторы митинга на площади Шахидон? Вместо того чтобы распустить усталых и озлобленных людей, лидеры оппозиции направили их на захват Комитета национальной безопасности.

О чем это говорит?

О том, что лидерам оппозиции был нужен мир и согласие? Нет, они прежде всего домогались власти.

Все требования, предъявленные оппозицией, можно сказать, в полной мере были выполнены президентом республики. Чего же лидеры оппозиции хотели еще?

На эти и многие другие вопросы еще никто не ответил. А ведь придется. Отвечать придется и перед законом и перед судом, перед памятью тех, кто 10 мая 1992 года погиб на подступах к КНБ и МВД. Придется назвать истинных виновников этой трагедии. Тех, кто направил людей на вооруженное столкновение, тех, кто, подписав Протокол соглашения, действовал вопреки данному слову.

Чтобы получить достоверные и объективные ответы на эти и многие другие вопросы, обратимся к фактам:

— Как известно, Протокол соглашения между президентом, Кабинетом Министров, политическими партиями и народными движениями был подписан ночью 7 мая 1992 года. От имени оппозиции этот документ подписали председатель партии исламского возрождения М. Химмат-зода, председатель демократической партии Шодмон Юсуф, председатели народных движений «Растохез» и «Лаъли Бадахшон» Т. Абдужаббор и А. Амирбек. При подписании протокола в качестве посредников присутствовали Отахон Латифи, Лоик Шерали, А. Турсунов и Р. Рахимов.

В тот же день глава правительства А. Мирзоев вместе с руководителями оппозиции разработали официальный документ по реализации Протокола соглашения.

В пунктах 5, 9, 10 данного документа было подчеркнуто:

— Руководство оппозиции (партия исламского возрождения, демократическая партия, народные движения «Растохез» и «Лаъли Бадахшон») обязаны после подписания Протокола соглашения немедленно освободить аэропорт, железнодорожный вокзал, Президентский дворец, здание правительства, студию телевидения. На площадях должны были приступить к сдаче оружия и свертыванию палаток. Однако требования, содержащиеся в официальном документе, не были выполнены руководством оппозиции вплоть до 18 мая 1992 года. В то время как площадь Озоди была полностью освобождена еще 7 мая.

Закономерен вопрос: почему руководители оппозиции проигнорировали условия Протокола соглашения, которое они сами же подписали, и спровоцировали вооруженных людей на захват зданий КНБ и МВД? Ведь Протокол соглашения был к тому времени подписан и площадь Озоди освобождена, а со стороны правительства и президента были приняты все условия оппозиции.

Все указы, которые были подготовлены оппозицией, президент подписал 7 мая 1992 года. В частности, указы:

1. «Об отмене комендантского часа и чрезвычайного положения на территории города Душанбе».

2. «О ликвидации бригады особого назначения и отдельного батальона в его составе».

3. «О переводе Комитета национальной безопасности и Комитета обороны республики в подчинение Кабинета Министров».

4. «Об освобождении от занимаемых должностей председателя Комитета обороны Ф. Н. Ниёзова, вице-президента Н. Дустова, председателя Телерадиовещательной компании А. Сайфуллоева».

5. «Об отмене Указа президента «О составе Президентского Совета».

6. «О государственной теле- и радиовещательной компании».

7. «О создании правительства национального примирения».

8. «О создании Национального Маджлиса Республики Таджикистан» и т. д.

Итак, отменены ряд важных указов, хотя их принятие было продиктовано самой жизнью и для отмены не было достаточных оснований. Также определился круг выдвиженцев оппозиции,

которые должны были занять руководящие должности в правительстве.

Так чего ещё добивались лидеры оппозиции? Почему они мешали реализации Протокола соглашения, под которым стояли их же подписи?

Я воздержусь от категоричных заявлений и не стану называть виновных. Хотя, по правде говоря, они давно всем известны. Пусть этим делом занимаются следственные органы. Я же хочу дать пищу для размышлений читателям, которые смогут объективно и правдиво оценить случившееся. Посудите сами: кто повинен в том, что погибли и получили тяжелые ранения более трех десятков людей, вышли из строя две бронированные машины, стоимость которых десятки миллионов? Ведь сотрудники КНБ республики в это время находились на своих рабочих местах и были заняты выполнением служебных обязанностей. А может, виноваты руководители оппозиции, которые клятвопреступно, после подписания Протокола соглашения, продолжили митинг и под началом «народных генералов» толкнули людей на захват здания КНБ?

А разве в этом нет вины посредников и главы правительства А. Мирзоева, которые принимали самое активное участие в разработке документов и перемирии и взяли на себя ответственность за их выполнение? Почему они палец о палец не ударили, чтобы претворить в жизнь хотя бы основные пункты Протокола соглашения?

Можно понять, в каком затруднительном положении оказался президент республики Р. Набиев. На нем лежала громадная ответственность, он всячески стремился преградить путь гражданской войне и кровопролитию. И в этом своем благородном стремлении пошел на поводу у оппозиции. Под ее нажимом он отменил ряд своих прежних указов и стал подписывать все, что требовали лидеры оппозиции. Тем самым он сильно расшатал свою власть и ускорил государственный переворот. Газета «Садои Мардум», после смерти М. Шерализода выходившая за подписью и. о. редактора М. Мирбобоева, и которая не раз подвергалась ожесточенной критике за свою лояльность со стороны оппозиции, в одночасье изменила свои убеждения и под праздничным заголовком «Да здравствует торжество справедливости!» напечатала незаконные указы президента. Таким образом, орган Верховного Совета оказал поддержку оппозиции, толкающей президента на незаконные действия.

Несмотря на заключенный договор, оппозиция продолжала усиленно готовиться к войне. По существу, она уже началась. Обстановка еще больше обострилась, когда бойцы «националь-

ной гвардии» с площади Шахидон захватили в ряде районов большое количество ракетных установок и другого оружия, принадлежащего органам внутренних дел.

Так, 10 мая 1992 года в 19 часов 15 минут в Кофарнихонском районе были захвачены три артиллерийские установки, находящиеся в ведении Министерства охраны окружающей среды, 11 мая в 18 часов 30 минут из Турсунзадевского района — две ракетные установки, 14 июня в 24 часа из Колхозобадского района — две ракетные установки, 20 июня в 19 часов 30 минут — две ракетные установки, 21 июня в 8 часов — две ракетные установки, 26 июня в 20 часов — одну ракетную установку, 29 июня в 12 часов — четыре ракетные установки. Все это оружие было использовано против собственного народа. Дым пожаров окутал Таджикистан.

Сколько людей стали жертвами этой кровопролитной войны! Где теперь «отцы» нации, по чьей вине тысячи матерей потеряли сыновей, жены стали вдовами, дети лишились отцов? Найдутся ли ещё наивные люди, которые поверят их высокопарным речам, ложным обещаниям и заявлениям? Вряд ли.

Примеру растерявшегося президента последовал и Президиум Верховного Совета. Под давлением он тоже стал принимать решения ,противоречащие закону. Одним из таких решений было мое освобождение (в который раз!) от должности председателя Верховного Совета.

Вот этот документ, появившийся 11 мая 1992 года:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Верховного Совета Республики Таджикистан.

«Об освобождении Кенджаева С. от обязанностей Председателя Верховного Совета Республики Таджикистан».

Президиум Верховного Совета Республики Таджикистан.

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

В связи с невозможностью созыва сессии Верховного Совета в сложившейся обстановке и согласно Протоколу Соглашения, а также в связи с невыполнением своих обязанностей освободить Кенджаева С. от должности председателя Верховного Совета Республики Таджикистан.

Данный вопрос согласно соглашению передать на рассмотрение сессии Верховного Совета.

Заместитель председателя
Верхоного Совета
Республики Таджикистан *В. ПРИПИСНОВ*

Президиум Верховного Совета назначает исполняющим обязанности председателя Верховного Совета Республики Таджикистан Акбаршо Искандарова.

Заместель председателя
Верховного Соевта
Республики Таджикистан *В. ПРИПИСНОВ*

Президиум пошел на этот шаг, потому что так было обговорено во время соглашения между президентом, председателем Кабинета Министров и руководителями политических партий и движений. Мое освобождение объяснялось тем, что в сложившихся обстоятельствах невозможно созвать очередную сессию и что я фактически не выполняю обязанностей председателя Верховного Совета. 12—13 мая 1992 года решения, противоречащие Конституции, были обнародованы в прессе, по радио и телевидению.

Почему эти решения являются противозаконными?

Во-первых, председателя Верховного Совета, избранного тайным голосованием, не вправе освобождать от занимаемой должности его заместитель.

Такие доводы, как невозможность созыва депутатов или невыполнение депутатом своих обязанностей, не выдерживают никакой критики. Это абсурд. Решение данного вопроса входит исключительно в компетенцию Верховного Совета.

Во-вторых, согласно Конституции не только заместитель председателя Верховного Совета, но даже его Президиум не был наделен полномочиями для освобождения председателя ВС от должности. Это было грубейшим нарушением Основного Закона.

В-третьих, после подписания Протокола соглашения 7 мая 1992 года Президиум Верховного Совета не сделал ни малейшей попытки для созыва сессии.

Незаконным также является подписанный В. Приписновым Указ о назначении А. Искандарова и.о. председателя Верховного Совета Республики Таджикистан.

Я понимаю, что эти явно незаконные решения были приняты не от хорошей жизни. Нисколько не сомневаюсь, что принимались они под дулом автоматов, после угроз и шантажа. Но я до этого неоднократно звонил в Президиум Верховного Совета, отослал пять телеграмм президенту Рахмону Набиеву и убедительно просил, чтобы они поддержали мое предложение о созыве XIV сессии Верховного Совета Республики Таджикистан в одном из городов Ленинабадской области. К сожалению,

мои звонки и телеграммы не возымели действия, и моя просьба осталась гласом вопиющего в пустыне.

Убежден, что если бы президент Р. Набиев, председатель Кабинета Министров А. Мирзоев и члены Президиума Верховного Совета видели дальше своего носа, были бы заняты не только мыслью о том, как удержаться в своих креслах, а хоть немного переживали за судьбу народа и молодого таджикского государства, тогда в республике можно было еще выправить катастрофическое положение.

Особенно, если бы на сессию были приглашены депутаты районных и городских советов, наблюдатели из бывших союзных республик и зарубежных стран, а депутатам Верховного Совета были бы созданы условия для нормальной работы. Без всяких сомнений, много важных вопросов нашли бы свое законное решение. Увы, этого не случилось...

Видимо, президент и его окружение думали, что устранив со своего пути Н. Дустова, А. Сайфуллоева, С. Кенджаева, В. Вахобова, оппозиция на этом остановится, а они, наконец, смогут свободно вздохнуть. На это, кстати, во время переговоров с президентом постоянно намекали Шодмон Юсуф, Мухаммадшариф Химматзода, Давлат Исмон и другие лидеры оппозиции. К сожалению, президент и его окружение поверили этим лицемерным заявлениям и попались на удочку.

Оппозиция перешла в открытое наступление и больше не скрывала своих целей. Еще утром 8 мая 1992 года на площади Шахидон прозвучало по громкоговорителю: «Первая победа — это еще не всё. Главное — довести наше дело до конца!»

Лидеры оппозиции всячески стремились к тому, чтобы затянуть начало XIV сессии. Они знали, что народные депутаты отклонят все требования оппозиции об отставке Н. Дустова, Н. Хувайдуллоева, С. Кенджаева. Мне кажется, что в скорейшем проведении сессии не был заинтересован и сам президент. Хотя бы потому, что депутаты могли задать ему вопросы, а именно:

1. Почему президент так и не подписал приказ об освобождении министра внутренних дел М. Навджуванова?

2. Почему в течение нескольких месяцев не образована Национальная гвардия, на что из бюджета республики было выделено 30 миллионов рублей?

3. Почему не взяли под свой контроль ситуацию в республике КНБ и Комитет обороны, не обеспечили безопасность населения?

4. Почему не были задействованы 37 единиц боевой техники, находящиеся в распоряжении президента, когда оппозиция

захватила важнейшие объекты, в том числе и Президентский дворец?

И таких «почему» накопилось к тому времени очень много. Вряд ли президент сумел бы дать ответ на эти вопросы.

И, наконец, как объяснить мотив моего освобождения и, в частности, формулировку «фактически не исполняет своих обязанностей», когда я 7 мая 1992 года был вынужден под обстрелом, рискуя жизнью, покинуть город Душанбе. Ни президент, ни правительство не позаботилось о том, чтобы обеспечить мою безопасность. Тем более что я из Худжанда дал телеграмму и решение Президиума Верховного Совета от 11 мая 1992 года расценил как антиконституционное? Наверное, следовало бы пояснить в решении и то, по каким причинам председатель Верховного Совета не мог в те дни выполнять своих обязанностей. Не лишне было бы напомнить, что здание Верховного Совета вплоть до 18 мая 1992 года находилось в руках вооруженных захватчиков с площади Шахидон.

Обо всем этом руководство республики знало хорошо, как, впрочем, и то, что мне вынесен смертный приговор и за мной охотятся наемные убийцы. Как я мог в таких условиях выполнять возложенные на меня обязанности, особенно когда по указанию министра внутренних дел охрана здания Верховного Совета была снята? Таким образом, власть перешла в руки лжедемократов и ваххобистов, под дудку которых плясал А. Искандаров.

ЗАКОН И КУЛАК

Надо отдать должное, у оппозиции были свои идеологи, хорошо подготовленные советники. Они без устали работали по 24 часа в сутки. Каждый знал, что от него требуется. А главное — они были хорошо обеспечены материально, не стесняли себя в расходах. Представители оппозиции могли при необходимости вылететь в Москву и даже за рубеж, чтобы у своих далеко вперед смотрящих друзей получить инструктаж в зависимости от развития событий.

Лидеры оппозиции постоянно сверяли свои действия и поступки с событиями, происшедшими в аналогичной ситуации в других странах — Иране, Грузии, и во многом копировали их. Они всячески старались прикрыть за демократическими лозунгами свои антиконституционные действия, вооруженный государственный переворот. Под дулом автомата вынуждали президента подписывать незаконные указы и всему миру представляли это как торжество демократии.

Кто из чувства страха, кто из желания сохранить свое теплое место, члены Комитета конституционного надзора, призванные стоять на страже закона, изменили своему священному долгу и даже не попытались опровергнуть гнусные притязания фундаменталистов. Тем самым они дали ход незаконным, антиконституционным указам, обеспечившим государственный переворот в Таджикистане. Прояви они малейшую принципиальность, твердость духа, то, наверное, не произошел бы беспрецедентный в истории законодательства факт, когда спикера палаты освобождает от обязанностей его заместитель.

Комитет конституционного надзора не только не попытался предостеречь президента от подписания явно незаконных указов, но и дал заключение, что «они не противоречат Конституции Республики Таджикистана» (газета «Садои Мардум», 30 мая 1992 года).

Мне хочется подробнее остановиться на ряде моментов в заключении Комитета Конституционного надзора Республики Таджикистан, принятых с 7 по 12 мая 1992 года.

Первое. Комитет Конституционного надзора при рассмотрении документов, в которых речь шла о правах и интересах Н. Дустова, А. Сайфуллоева, В. Вахидова, Ф. Ниёзова, С. Кенджаева и подписанных президентом Р. Набиевым, премьер-министром А. Мирзоевым и членами Президиума Верховного Совета, обязан был пригласить нас.

Второе. Заключение Комитета конституционного надзора в части этих документов основывалось не на законе, а исходило из «напряженной политической ситуации в республике и мирового конституционного опыта». Это в корне неверно. Они должны были исходить, прежде всего, из Основного Закона Республики Таджикистан и действующего в республике законодательства.

Третье. Члены Комитета конституционного надзора не приняли во внимание, что ни один пункт Протокола соглашения от 7 мая 1992 года не был выполнен оппозицией. Без этого протокол теряет свою юридическую силу. К тому же, в Протоколе соглашения ясно сказано, что вопрос отставки председателя Верховного Совета рассматривается на сессии Верховного Совета. Так почему же эти полномочия взял на себя Президиум Верховного Совета?

Четвертое. Ни в одной из статей Конституции Республики Таджикистан нет ни слова о вопросах учреждения и принципах деятельности Правительства национального примирения, а также о механизме освобождения от должности вице-президента республики. Решение этих вопросов входит в компетенцию Вер-

ховного Совета Республики Таджикистан, а часть из них (о вице-президенте) решается волеизъявлением народа.

Пятое. Согласно действующему законодательству Таджикистана (статья 42 Закона о труде и статья 153 Уголовного Кодекса) рабочий или служащий отстраняется от своих служебных обязанностей при предъявлении обоснованного решения следственных органов с санкции прокурора. В отношении Н. Дустова и меня никто такого обвинения не предъявлял.

Говорят, что самое тягчайшее преступление, это когда слепого, вместо того, чтобы указать ему правильный путь, подводят к пропасти. Именно так можно расценить беспринципный и малодушный поступок членов Комитета Конституционного надзора. Они не только совершили должностное преступление, но и ввели в заблуждение общественность, обманули народ.

Когда б от лгунов и блюдолизов освободился мир,
То реже бы совершали ошибки цари.

Таким образом, работники Комитета конституционного надзора Республики Таджикистан, скрыв от народа правду и пытаясь узаконить преступные действия оппозиции, тем самым способствовали совершению государственного переворота в Таджикистане.

История свидетельствует, что зло никогда не остается безнаказанным. И наступит день, когда тот, кто во имя своих корыстных целей нарушил мир и покой и хотел затоптать правду, получит своё. Дай-то Бог!

Как сказал пророк нашей поэзии Хафиз:

Плох ли я, хорош, ты иди, займись своим делом,
В конце концов каждый пожнет то, что посеял.

Народ велик и пусть простые люди несведущи в политике, но они сердцем и умом все равно поймут, кто есть кто, где черное и где белое.

И горе тому, кого проклянет народ.

* * *

Среди тех, кого 7 мая 1992 года незаконным указом президент освободил от занимаемой должности, был и председатель Комитета по телевидению и радиовещанию, известный таджикский ученый — литературовед Атахон Сайфуллоев. Это было одним из условий оппозиции при подписании Протокола соглашения между президентом и лидерами политических партий и движений. Такое требование было отнюдь не случайным. А. Сайфуллоев в своей деятельности всегда исходил из инте-

ресов народа и государства и не хотел плясать под дудку оппозиции.

Следом за этим вышел другой указ. В нем говорилось: «Государственная компания по телевидению и радиовещанию находится в ведении Кабинета Министров Республики Таджикистан и президент этой компании назначается Кабинетом Министров Республики Таджикистан». Другими словами, председатель Кабинета Министров А. Мирзоев получил право самолично назначать и освобождать руководителей такого важного органа, как компания по телевидению и радиовещанию.

Лидеры оппозиции тут же приступили к поиску подходящей кандидатуры на этот пост. Главным критерием было одно: верность оппозиции. Перст пал на Мирбобо Миррахимова, заместителя председателя народного движения «Растохез».

Напутствуя его, лидеры оппозиции говорили: «Указ о вашем назначении на этот пост выйдет завтра же. Нисколько не сомневайтесь и с утра выходите на работу. Впереди столько дел!» Мирбобо Миррахимов, низко поклонившись, торжественно заверил их, что будет бороться до тех пор, пока не победят демократические силы.

Кто такой М. Миррахимов, мне было достаточно хорошо известно. Находясь на посту председателя КНБ, я познакомился с рядом документов, в частности, с личным делом М. Миррахимова. В течение ряда лет, будучи сотрудником отделения философии Академии наук, Миррахимов был также информатором КГБ. Кто знает, сколько людей по милости этого тайного агента попали в зону контроля КГБ. Листая его досье, я убеждался, что он «натравлял» КГБ на честных и порядочных людей.

Сам факт выдвижения М. Миррахимова на столь важный и ответственный пост говорит о том, каких скользких и нечистоплотных людей собирали вокруг себя лидеры оппозиции и на кого они опирались.

О бесспорных преимуществах А. Сайфуллоева, который не склонил головы перед оппозицией, по сравнению с раболепствующим М. Миррахимовым знали все. За время своей работы А. Сайфуллоев сумел сплотить коллектив радио и телевидения, создал творческую атмосферу. Многие сотрудники были его студентами, учились по его книгам.

Мирбобо Миррахимов был известен как демагог и авантюрист. Когда-то написал диссертацию на атеистическую тему, а в период движения исламского возрождения тут же «переквалифицировался» и стал набожным мусульманином.

Мирбобо Миррахимов имел самое прямое отношение к кро-

вавым событиям февраля 1990 года. Благодаря своим «заслугам» он тогда стал членом Комитета 17-ти. Позже, во время митингов оппозиции в сентябре 1991 года, на площади Озоди буквально «дорвался» до микрофона и несколько дней и ночей по многу часов подряд нес всякий бред, чернил всех и вся, бросал тень на имена честных и достойных людей.

Оказавшись в кресле руководителя компании по телевидению и радиовещанию, он начал с того, что тут же освободил от должности заместителей председателя М. Султонова, Б. Икромова, Махмудова. Это были опытные работники, знающие свое дело .На их место Миррахимов привел соратников по митингам, имеющих опыт, как и он, в разжигании страстей: А. Камилова и Махмадали Хаитова.

Лучшие журналисты, дикторы, инженерно-технические работники, такие как С. Курбонов, А. Хасанов, С. Негматова, Д. Султонов, Дж. Расулов, Х. Сулаймонов и другие, были также уволены без всяких законных оснований. Часть работников ушла сама ,не желая сотрудничать с Мирбобо Миррахимовым и его командой.

Как говорится, каждая метла метет по-своему. Новый руководитель комитета стал наводить свои порядки. Вопреки КЗОТу и общепринятым правилам, он объявил «конкурс», с помощью которого решил избавиться от всех неугодных. Как непрошедшие по конкурсу были уволены почти все дикторы, имеющие большой опыт. В их числе оказались С. Караева, М. Максудова, А. Саломов, З. Ахмадова, К. Икромова, М. Саидова, Л. Юсупова, А. Леонова, Г. Макарова, М. Мухторова, С. Рахимзода.

Все они достаточно известны таджикскому слушателю и зрителю. Почти все работали по многу лет, имели почетные звания и категории. Александра Леонова, например, за большие заслуги была удостоена звания «Заслуженный деятель культуры». Но все эти люди не устраивали Мирбобо Миррахимова, потому что не разделяли его политических убеждений, не хотели быть слепым орудием в его руках.

Свою кадровую политику позже М. Миррахимов так объяснил в одном из интервью: «Успех дела во многом зависит от кадров, но не все работники на радио и телевидении отвечают требованиям современной журналистики». («Таджикистан», № 9, 1992). Что подразумевает под требованием «современной журналистики» человек, ни одного дня до того не проработавший в этой сфере, можно только догадываться.

Брешь, образованная с уходом лучших работников, заполняется «своими» людьми. Здесь подход такой же, что и у ли-

деров оппозиции: главный критерий при подборе кадров — преданность оппозиции.

Во время конкурса, о котором мы уже упомянули выше, еще раз проявился весь цинизм и жестокость, с которыми оппозиция относилась к людям. Приведу лишь один пример. Мухтарам Максудова, юрист по образованию и диктор по призванию, отдала своему любимому делу 23 года. Читала она все это время только на русском языке. А вот на конкурсе, отлично сознавая, в какое положение ее ставят, русскому диктору дали текст на таджикском языке.

И еще один штрих к портрету демагога и лжедемократа М. Миррахимова.

Он дал список неугодных ему работников постовым милиционерам у главного входа и приказал не впускать их в здание комитета. В этом списке оказались люди, долгие годы проработавшие на радио и телевидении.

Одним словом, беззаконие и вандализм, охватившие всю республику, в полной мере проявились и в Комитете по телевидению и радиовещанию. М. Миррахимов и два его заместителя М. Хаитов и А. Комилов действовали по принципу: «Своя рука — владыка». К сожалению, зарвавшихся «реформаторов» ни разу не остановил премьер-министр А. Мирзоев.

Не мудрено, что радио и телевидение, объявившие себя «народными», освещали события однобоко, комментарии были необъективными, обозреватели всю вину сваливали на кулябцев, гиссарцев и других, кто не хотел смириться с незаконной властью оппозиции. Бесчинства и кровопролитные бои, которые в Курган-Тюбе и его окрестностях устраивали Ш. Юсуф, М. Химматзода, Д. Исмон, Д. Худоназаров, преподносились как героическая борьба за освобождение Родины. Ни больше, ни меньше.

При этом ни разу не упоминалось о том, как «воины ислама», всякого рода ваххобисты, фундаменталисты и экстремисты сдирают кожу с живых людей, отрубают головы, сжигают на костре. Что они даже не жалеют грудных младенцев, насилуют женщин, крадут девочек и передают их в руки афганским моджахедам в обмен на орудие. Но обо всем этом «народное» телевидение и радио или предпочитало умалчивать, или во всем этом обвиняло тех, кто с оружием в руках восстал против них. Едва затихали бои, едва дело шло к перемирию, как радио и телевидение вновь разжигало страсти, вновь подливало масло в огонь.

Чтобы держать народ в полном неведении, чтобы скрыть правдивую информацию, лидеры оппозиции приказывали отключить московский канал на телевидении. Но народ все ви-

дел и понимал, передачи радио и телевидения лишь усиливали волну протеста, вскипавшую среди населения республики.

Люди метко окрестили ТМТ (то есть народное телевидение Таджикистана), как телевидение Миррахимова и Тураджонзода.

Севершенно очевидно, телевидение и радио под руководством М. Миррахимова и контролем лидеров оппозиции в те тревожные дни сыграли роль подстрекателей и сделали очень много, чтобы еще сильнее разгорелось пламя братоубийственной войны.

И все это происходило с молчаливого согласия президента и премьер-министра.

ПРИЛЕЖНЫЕ УЧЕНИКИ И ЗАГРАНИЧНЫЕ УЧИТЕЛЯ

История свидетельствует, что на земле таджиков по их вине никогда не происходили тревожные волнения и кровопролитные войны, ибо любое начинание таджикский народ совершал в рамках гуманной морали Великого Имама Аъзама, был богобоязненным и преданным вере своей, в основе которой нет сепаратизма и групповщины. История не помнит, чтобы таджикский народ с оружием в руках пошел на другие народы. Если таджики брали в руки оружие, то только для того, чтобы защитить себя от агрессора.

Как же случилось, что Таджикистан оказался в огне, таджикская земля обагрилась кровью, по ней прошла война, которую окрестили «таджикско-таджикской?»

Как же сыны одного народа, братья по крови, могли поднять оружие один на другого, мусульманин стал убивать мусульманина?

С тех пор не просыхают слезы матерей, жен, осиротевших детей, а таджикский народ ,известный своим миролюбием и добрососедским характером, стал притчей во языцех.

Где корни этого зла?! Кто автор сценария этих кровавых событий? Чья рука умело и последовательно проводила в жизнь этот дьявольский план?! Случайно ли это все произошло в Таджикистане?! Кто вдохновлял здесь исламских фундаменталистов?!

У войны, говорят, длинное эхо. Последствия гражданской войны в Таджикистане будут сказываться еще много-много лет. И чтобы такое не повторилось, нам нужно докопаться до первопричины, ответить на все вопросы.

Я все больше склонен думать, что к кровавым событиям в Таджикистане приложили свои руки и зарубежные агентуры и

спецслужбы. Пользуясь безответственностью и благодушием, которые царили последние годы в нашей стране, они внедрились в республике и незаметно делали свое дело. Используя все возможности — деньги, шантаж, обман,— они сумели перетянуть на свою сторону значительное число людей. Особенно активизировались эти силы после распада СССР, во время «горбачёвщины», когда стали создаваться различные политические партии, группировки и на поверхность всплыли демагоги, авантюристы ,мошенники, мафиози.

Суверенитет для Таджикистана принес не только блага. Мы остались без армии, без военной поддержки. Этого как раз и ждали те, кто из-за кордона внимательно следили за нашей республикой. И тут же, подобно спруту, протянули свои щупальца к нам.

Однажды президент Рахмон Набиев сказал: «Суверенитет свалился на нас, как камень с неба. Никто к этому не был готов».

С одной стороны, президент был прав. Мы, действительно, не были готовы к суверенитету. Нам досталось скудное наследство, мы остались без армии, без военной мощи. С другой стороны, все это можно было бы предвидеть раньше и предпринять какие-то меры. Во всяком случае в соседних республиках смогли выйти из этого положения менее болезненно. Для этого у них основа была заложена раньше.

Одно несомненно: после распада Союза Таджикистан стал во многом доступен для тех, кто давно зарился на этот лакомый кусок. Зарубежные агентуры и спецслужбы стали чаще приглашать к себе, за рубеж, видных деятелей, давали им авансом гонорар, а заодно и инструктировали. Наверное, не случайно, что среди тех, кто по инициативе и при поддержке казиата и партии исламского возрождения бесплатно ездил совершать хадж — паломничество и получал дорогие подарки, было немало и таких, кто мало понимал в религии: рэкетиры, хулиганы. Вполне возможно, получив хорошую обработку, они выполняли определенные задания зарубежной разведки.

Такого хаоса, такой анархии, явившихся следствием абсолютного паралича властных структур, полного бездействия правоохранительных органов, не наблюдалось ни в одной другой бывшей союзной республике. Именно это и послужило хорошей почвой для секретных разведслужб различных стран в деле осуществления своих замыслов. В Таджикистан усиленно экспортировались идеи таких известных своими фундаменталистскими устремлениями религиозных течений и организаций, как «Ваххобия» и «Ихвон-ул-муслимин».

Их внедрению в республике способствовали и многие представители местного духовенства. Чтобы не быть голословным, приведу такой факт.

В одной газете незадолго до начала гражданской войны было опубликовано интервью казикалона Ходжи Акбара Тураджензода,в котором он сказал: «На мое мировоззрение оказали большое влияние организация «Ихвон-ул-муслимин», которую на Западе газеты часто представляют как экстремистскую. Я считаю, что деятели этой организации являются хорошими философами». («Джавонони Точикистон», 9 ноября, 1991. Перепечатка из газеты «Экспресс»).

Примерно то же самое говорит и лидер исламского возрождения — Мухаммадшариф Химматзода: «Наша деятельность в основном была построена на книгах и рекомендациях, которые поступали к нам от зарубежных господ для выполнения задач. В тот период слушатели из заграничных стран (читай — иностранные шпионы С. К.), оказывали нам хорошую помощь. Труды и монографии предводителей исламских государств и движений Шайха Хасана Банно, братьев Саида Кутба и Мухаммада Кутба, Саида Хавво, Абдуллы Мавдуди стали причиной того, что мы нашли дорогу для себя, обучались способам и методам борьбы. Ислам не состоит из одних только богослужений. Ислам — это и государство, и политика, и мир, и «загробная жизнь» («Чароги руз», № 24, 1992).

В подтверждение своей версии я могу привести еще много других примеров. Впервые ваххобизм дал о себе знать, появившись в 1978 году под названием «Союз молодежи» в Курган-Тюбинской области. Тогда под руководством Саида Абдуллы Нури члены этого «союза» организовали митинг перед зданием обкома партии, а затем пикетировали его. В результате — неизбежные беспорядки, выбитые окна в служебных кабинетах. К сожалению, тогда руководство не придало этому серьезного внимания и злоумышленникам все сошло с рук. Они тогда отделались легким испугом.

Еще один пример. Осенью 1989 года КНБ республики дал информацию в печать об усилении деятельности группы инженера Башира (руководитель разведслужбы Гулбуддина Хикматиёра). Эта группа регулярно переправляла в нашу республику наркотики, оружие и религиозную литературу. Это дает основание предполагать, что афганские моджахеды имели своих сподручных и единомышленников на нашей территории.

Однажды, когда я еще был советником президента по контролю за выполнением законов, указов президента и постановлений Кабинета Министров, мне по поручению президента

К. Махкамова и приглашению казикалона А. Тураджонзода довелось побывать на расширенном собрании казиата. Помнится, от Верховного Совета там присутствовал Д. Ашуров. Вел собрание казикалон. Вскоре я понял, что цель собрания — установить мир между религиозными течениями «ханафи» и «ваххобия», а также религиозной организацией «Ихвон-ул-муслимин». Однако идейные споры и разногласия между ними зашли так далеко, что неизбежны были столкновения на местах.

Сторонниками религиозного течения «ханафи» на том собрании были Хикматулло из Таджикабада, Эшон Саидашраф, Эшон Халилжон из Кумсангира, Эшон Аллома из города Турсунзода, Эшон Абдукудус и другие. «Ваххобистов» представляли Мухаммадшариф Химматзода, Саид Абдулло Нури, Давлат Исмон, Саид Киёмиддин, Ходжи Абдугаффор, Кори Мухаммаджон и др.

Между ними возник ожесточенный спор. Каждая сторона, ссылаясь на стихи из Корана и высказывания пророка Мухаммада (Да будет с ним милость Аллаха!), пыталась доказать свою правоту и ошибочность утверждений другой стороны. Особенно агрессивными были «ваххобисты». Я понял тогда, что если они придут к власти, то камня на камне не оставят от «ханафи».

Аллома Хикматулло, которого я видел впервые, оказался человеком весьма образованным, говорил мало, но всегда взвешенно и обдуманно. Он неопровержимыми доводами доказал, что слова ваххобистов и программа организации «Ихвон-ул-муслимин» совершенно противоречат указаниям Господа Бога, положениям Корана и высказываниям пророка. Ваххобисты известны своим чрезвычайным стремлением к власти и ради этого используют любые методы, вплоть до террористических актов. Именно поэтому всюду, где они не появляются, вселяют смуту и волнения, наводят страх на людей.

Помнится тогда Аллома Хикматулло сказал: «С божьей помощью мы не допустим, чтобы ваххобисты внедрились у нас и принесли несчастье народу. Ваххобисты покушаются на основы великой религии ислам...»

Затем Аллома Хикматулло так подытожил свое выступление: «Для течения «ханафи» не нужна партия исламского возрождения. Наша партия — это пресвятой Коран, ниспосланный Богом на Землю».

Сторонники Аллома Хикматулло также заявили, что на том свете будет спрашиваться по отношению к Корану, а не по членским билетам новоявленной партии исламского возрождения.

Тогда же, на том собрании я понял, что чуждые мусульма-

нам Средней Азии, в том числе Таджикистана, которые в большинстве своем приверженцы религиозного течения «ханафи», идеи «ваххобизма» и «Ихвон-ул-муслимин» все же нашли своих сторонников и смогут внести раскол в мусульманскую среду. Такой процесс всегда чреват опасностями. Уже были случаи, когда даже на похоронных процессиях сторонники этих течений жестко сталкивались на почве разногласий.

Чувствуя поддержку и внимание из мусульманских зарубежных стран, ваххобисты становились все уверенней. Они постоянно получали существенную денежную помощь, их посланцы обучались за рубежом. Иностранные агентуры и спецслужбы прикладывали все усилия для того, чтобы втянуть Таджикистан в орбиту своих интересов.

К сожалению, это упустили из виду КНБ, другие организации, на которых были возложены функции государственной безопасности. Наша идеология «не сработала», обнаружив серьезные изъяны и недостатки, и оказалась, мягко говоря, не на высоте. А беспечность и недальновидность руководителей стала причиной того, что фундаменталисты и лжедемократы, дружно взявшись за руки, самым грубым образом стали расшатывать устои государства.

Пока руководство и спецслужбы находились в полном неведении, ваххобизм сумел пустить корни и в других регионах Средней Азии.

Ваххобстов во всем мире можно узнать по их почерку. Почти всегда они объявляют законное правительство антиисламским, призывают народ к свержению власти, устраивают митинги и демонстрации, совершают террористические акты и убивают своих идейных противников. Не случайно, во многих мусульманских странах течение «Ваххобия» и организацию «Ихвон-ул-муслимин» — «Братья-мусульмане» называют не иначе, как «Ихвон-л-шаетин» — «Братья-дьяволы». В Алжире они получили прозвище «Ручные пулеметы».

Девизом членов организации «Ихвон-ул-муслимин»—«Братья-мусульмане» служит формула: «Бог — наш идеал, пророк — наш вождь, джихад — средство достижения цели, смерть во имя Бога — наша заветная мечта». Их эмблемы — изображение Корана с двумя скрещенными саблями. Девиз и символ в духе известного изречения Хасана аль-Банно о тактике «Братьев-мусульман»: «Метод наш — наставление и совет, а если не помогает, искоренение силой, устранение». Здесь — признание как необходимости пропаганды, так и возможности применения силы.

Берущая начало в религиозно-философских трудах Мухам-

мада Газоли, Мухаммада Абдуфарида Ризо и других, течение «Ваххобия» стало всюду встречаться в штыки. Именно поэтому в 1928 году в Египте шейх Хасан-аль-Банно создал организацию «Ихвон-ул-муслимин» («братья-мусульмане»). Изменилось название, но по сути, содержанию эта организация основывалась на течении «Ваххобия».

Другими видными сторонниками «Ихвон-ул-муслимин» были пакистанский идеолог Абдулло Маъдуни, египетские и сирийские философы Саид Кутб («Фи залол-ил-Куръон», «Маъолимфит-тарик», «Кутуб ва шахсият»), его брат Мухаммад Кутб, («Ал-фариза, Ал-гоиба»), Абдусалом Фарадж («Чухаймон-ал-атсиби», «Саъба расоил», «Даъват-ул-ихвон»), Мустафо-ас-Сибъи («Иштирокият-ул-ислом»), С. Хавво («Чундуллох сакофатан ва ахлокатан») и др.

Вокруг деятельности «Ваххобия» и «Ихвон-ул-муслимин» во всем мире идут ожесточенные споры и дискуссии, их акции вызывают возмущение и недовольство.

Всюду, где бы ни действовали ваххобисты, они оставляли о себе недобрую память. Взять хотя бы Египет. В октябре 1954 года — попытка совершить там государственный переворот и покушение на жизнь президента Гамаля Абдель Насера; в апреле 1974 года — вооруженное нападение на военный колледж в Египте; в 1977 году — провоцирование массовых беспорядков в стране и убийство министра Аз-Захоби. Начиная с 1981 года деятельность ваххобистов особенно усилилась в Алжире, в том же году был совершен кровавый мятеж с целью государственноог переворота в Дамаске, в результате которого было убито 300 человек. Террористические группы «ихвона» покушаются на жизнь видных деятелей исламского мира, от их рук в мае 1990 года погиб председатель парламента в Египте Р. Махджуб. В июне 1992 года совершено покушение на жизнь видного алжирского деятеля, главу правительства Мухаммада Будияфа («Таджикистан, № 1, 29 января 1993 года). Куда бы ни ступала нога исламских экстремистов, происходят беспорядки, совершаются террористические акты.

Те же методы — политический террор и зверские убийства— ваххобисты использовали в Таджикистане. От их рук погибли замечательные люди, славные сыны нации: Муродулло Шерализода, Нурулло Хувайдуллоев, Рустам Абдурахимов, Сайфиддин Сангов, Курбонали Имомов, Лангари Лангариев, Ботур Исхоков вместе с двумя сыновьями — Акрамом и Икромом, Мавлон Олимов, Кароматулло Курбонов, Шерали Файзалиев, Махсум Олими и многие, многие другие.

Ради достижения своих целей, ваххобисты, члены организа-

ции «Ихвон-ул-муслимин» не гнушаются ничем, используют любые возможности. Они вступают в различные партии и движения и исподволь распространяют свои идеи. Им удалось сплести вокруг казиата сеть паутины и перетянуть казиат на свою сторону. Они вербовали и подкупали неустойчивых мусульман, не жалея для этого ни денег, ни средств.

Таким образом, за несколько лет они сумели пустить корни на таджикской земле и стали осуществлять профундаменталистские замыслы. Позже М. Химмат зода об этом скажет: «Еще 15 лет назад мы начали свою борьбу против коммунистического режима. Наша организация, созданная тайно и действовавшая поначалу в домашних условиях, ныне превратилась в мощную политическую партию. Сейчас эта партия насчитывает в своих рядах более 60 тысяч человек и в скором времени придет к власти. И в Таджикистане будет построено исламское государство» («Джавони Точикистон», № 82, 01.08.1992).

Теперь совершенно очевидно, что появлению партии исламского возрождения в Таджикистане всячески способствовали неофициальные организации «Ихвон-ул-муслимин» в Афганистане, в некоторых арабских странах. При активной поддержке казиата и содействии бывшего спикера палаты К. Аслонова, под влиянием исламских государств партия исламского возрождения, от которой всюду в исламском мире пытаются отмежеваться, была зарегистрирована в Министерстве юстиции Республики Таджикистан. Вслед за этим первичные организации этой партии, чьей главной программной установкой было создание исламского государства, стали появляться в городах и районах. Вокруг нее стали собираться так называемая демократическая партия, движения «Растохез», «Лаъли Бадахшон», «Носири Хисрав». Все вместе они сумели внести раскол в общество, разожгли гражданскую войну.

Хорошо помню, как на сессии Верховного Совета в 1990 году казикалон Акбар Тураджонзода выступал против учреждения партии исламского возрождения, ее регистрации. Но никто не подозревал тогда, что за всем этим кроется коварство и ложь. Вскоре после официального ее признания А. Тураджонзода заявил: «Теперь нет необходимости скрывать имена тех, кто организовал партию исламского возрождения. Пришло время открыто назвать их. Это мои ближайшие друзья и соратники. Когда еще не было закона о политических партиях, я просил не торопить события и быть очень осторожным, потому, что один опрометчивый шаг с нашей стороны мог послужить сигналом для объединения всех антиисламских сил» («Джавони Точикистон», 9 ноября, 1991).

Исламская партия Афганистана, зарубежные ваххобисты охотно передавали таджикским собратьям свой богатый опыт по подготовке вооруженных формирований, контрабандным путем снабжали их оружием, религиозной литературой. Об этом свидетельствует послание, перехваченное на границе. Вот его содержание: «Мы, мусульмане Афганистана, возносим хвалу Богу, что в Таджикистане победил джихад (борьба за веру) и установлено знамя ислама и шариата. Преследуйте и убивайте всюду кафиров и отступников-коммунистов и их приспешников. С Божьей помощью, вы не будете знать, что такое усталость в борьбе с безбожниками. Мы со своей стороны ничего не будем жалеть для вашей полной победы».

С первых дней своего появления руководители партии исламского возрождения стали нарушать закон и вмешиваться в политику и государственные дела, в том числе и кадровые вопросы. Путем давления и шантажа, они всюду, куда было возможно, в различные комиссии и комитеты вводили своих людей и тем самым оказывали влияние на решение различных вопросов. Но на все их незаконные действия, можно сказать, не было никакой реакции со стороны административных органов, в том числе и Минюста. Наоборот, в ряде случаев они даже оказывали поддержку незаконным актам руководителей партии исламского возрождения.

О сильном влиянии зарубежных исламистких организаций, о тесной связи с ними таджикских ваххобистов и лжедемократов можно судить и потому, как на площади Шахидон через усилители и громкоговорители раздавались хорошо знакомые со времен исламской революции в Иране песни и мелодии. А чего стоят такие возгласы, как «Гулбиддин с нами», «Да здравствует Гулбуддин!».

Известно, что лидер исламской партии Афганистана Гулбиддин Хикматияр является одним из ярых сторонников ваххобизма и всячески поддерживает организацию «Ихвон-ул-муслимин».

Напомним еще раз, что в свое время президент Египта Гамаль Абдель Носер объявил деятельность этой террористический организации, направленной против республиканского режима, вне закона.

При Анваре Садате «Братья-мусульмане» активизировали свою борьбу. Президент Анвар Садат, идущий на компромисс с ними и пытающийся использовать их в своих политических целях, позже, в 1981 году, сам погибнет от рук участников движения «Ал-джид-ал-ислом». После этого деятельность «Ихвон-

ул-муслимин» была запрещена, но «братья» продолжали вести непрерывную работу.

Правильно сказано:

Куда бы ни пришло войско катагана,
Там живой лишается крова, мертвый савана.

Согласно информации, которой располагают политики, группировки «Ихвон-ул-муслимин» под различными названиями действуют в 30 странах мира. Один из штабов исламских фундаменталистов был обнаружен и своевременно ликвидирован в Минске (!).

Вернемся, однако, к событиям на площади Шахидон, подумаем над заявлением, которое сделал в те дни «народный генерал» Кори Саид Киёмиддин: «...Мы имеем вооруженные группировки. До сих пор записалось 27 тысяч человек. Надо сказать, основа для этого была заложена давно. К этому мы приступили 15 лет назад, с учреждением партии исламского возрождения... Мы имеем возможность вооружать всех наших людей. Мы поддерживаем самые тесные связи с братьями-моджахедами Ахмадшо Масудом, Бурхониддином Раббани и Гулбиддином Хикматияром («Садои мардум», 25 апреля, 1992).

Известно, что Бурхониддин Раббани и Ахмадшо Масуд являются сторонниками исламского государства суннитского толка и не имеют никакого отношения к ваххобистам. Лжедемократы, карьеристы и лицемеры спекулируют их именами, чтобы сбить с праведного пути простой народ в Таджикистане и укрепить свое положение.

Я до сих пор ломаю голову: как же случилось, что в государстве, где действовала сеть правоохранительных органов, в течение 15 лет тайно действовала партия исламского возрождения и вооружила 27 тысяч человек? Откуда взялось это оружие? Куда смотрели бывшие руководители Курган-тюбинской области, господин Паллаев?! Когда он и ему подобные были у власти, эту заразу можно было ликвидировать в ее зародыше и не дать вырасти в опасного зверя.

Увы, тогдашние руководители, как мне кажется, находились в беспечной полудреме...

Спрашивается, как же случилось, что народ оказался в заблуждении и пошел на поводу у исламских фундаменталистов и лжедемократов? Почему представители трудовой интеллигенции, здравомыслящие политики не подняли свой голос, не забили тревогу и не сказали во всеуслышанье: «Опомнитесь, люди! Не дайте себя обмануть! Призывы лидеров оппозиции отдают кровью и дымом пожарищ!»

Наоборот, широкую пропагандистскую сеть образовали оппозиционные газеты: «Сухан», «Чароги руз», «Сомон», «Адолат», «Дунё», «Джавонон Точикистон», а также объявившие себя «народными» радио и телевидение. Давая ложную информацию, однобоко комментируя происходящие события, печатая подстрекательские статьи, они делали «национальных героев» из лидеров оппозиции и бесстыдно клеветали на честных людей, оказавшихся по ту сторону баррикады. И, конечно, за свои «заслуги» получали солидный «гонорар», которым их регулярно «баловали» казиат, партия исламского возрождения, мафия. Об этом можно было догадаться и потому, что когда настал час возмездия, сторонники оппозиции, забыв о народе, которому так часто клялись в верности, предусмотрительно сбежали за кордон, обосновались в Москве и других больших городах, где заранее купили себе квартиры. Они напоминают мне летучих мышей, которые с приближением рассвета прячутся в щелях.

Когда я писал эти заметки, на память то и дело приходили полные горечи стихи, которые написал и прислал мне мой друг Ш. Камол:

Я горюю о собрате, от которого отрекся родитель,
И о том, кто неразумно поступил, я горюю.
О таджике, поднявшем меч на свою плоть,
Горюю и плачу, как водопад, день и ночь.

Каратели своего народа, ваххобисты, не только получали оружие из-за границы, большей частью из Афганистана, но также приглашали опытных инструкторов, которые учили убивать, насиловать, грабить.

Могут ли после этого они именоваться таджиками и любить таджикскую землю?! Где бы они не находились, к ним должно прийти возмездие.

* * *

Надо отдать должное: у оппозиции была хорошая социологическая служба. Прежде чем что-либо начать, они заблаговременно «брали пробу», нащупывали слабые места. И все-таки, несмотря на это, сильно просчитались. Их попытки организовать массовые митинги в Кулябе, Худжанде, Пенджикенте, Ура-Тюбе не увенчались успехом. Народ не дал разгореться искре и выдворил непрошенных «гостей»-миссионеров ваххобизма, носителей извращенной демократии.

И все-таки оппозиции удалось сосредоточить свои силы в городе Душанбе. Столица Республики Таджикистан стала местом затяжных митингов. Паралич власти, бездеятельность правоохранительных органов дали возможность лидерам оппозиции

чувствовать себя более уверенно, безнаказанно совершать незаконные акты. Все это, как ржавчина, разъедало тело государства. Укреплению позиций антиправительственных сил способствовала специфичность состава населения города Душанбе. Дело в том, что столица Таджикистана выросла на месте небольшого кишлака.

Еще в 1676 году о нем упоминает правитель Балха Субхонкул Баходур в своем послании русскому царю Федору Алексеевичу.

В 1924 году Душанбе был объявлен столицей Таджикской АССР. С этого времени город начинает расти и развиваться. Коренные его жители проживали в квартале Сари Осиё, Шохмансур. Но потом сюда стали стекаться люди из различных регионов — Каратегина, Худжанда, Самарканда, Бухары, Зеравшана, Бадахшана, Гиссара, Хатлона, Гозималика, Ура-Тюбе, Сарои Камара. Урбанизация привела к тому, что за 70 лет небольшое коренное население растворилось в общей массе, но в городе не сложились традиции и общность населения, присущие древним городам — Бухаре, Самарканду, Худжанду, Кулябу.

Таким образом, сюда съезжались люди различных национальностей со многих регионов. Они, как правило, не были связаны тесными узами родства и землячества, не отличались мобильностью. Не чувствуя особого противодействия жителей, оппозиция правдами и неправдами перетягивала людей на свою сторону. Натравляя население против руководства республики, оппозиционеры умело использовали сложившуюся в республике трудную экономическую ситуацию.

Мне припоминается такой случай.

Во время выборов президента, которые проходили в очень напряженной обстановке, один из лидеров оппозиции Аслиддин Сохибназаров, с которым у нас вначале были, можно сказать, дружественные отношения, признался мне: «Ваша команда, несомненно, победит на выборах, и Набиев станет президентом. Но не пройдет и трех месяцев, как демократические силы в союзе с исламистами сметут вас. Запомни это, Сафарали, и, пока не поздно, сверни с этой дороги. Ты еще многого не знаешь».

Я ответил тогда, что никогда не менял своих убеждений и что отступать не в моих правилах. Аслиддин Сохибназаров с сожалением посмотрел на меня и еще раз предупредил:

— Да оставьте вы этого старика. Южане никогда больше не дадут править северянам. Переходи к нам, Сафарали. Ленинабадцы никогда не станут твоими друзьями.

Немного подумав, он добавил.

— Приведу еще один аргумент, МВД и КНБ больше симпатизируют оппозиции, чем вам. 201-я дивизия без указания президента Ельцина не станет вмешиваться во внутренние дела Таджикистана ,а лидеры оппозиции делают все, чтобы такого указания не было. Если в Душанбе начнутся волнения, то вам не на кого будет опереться. Многие разъедутся, русскоязычное население займет позицию невмешательства. Тогда оппозиция полностью возьмет власть в свои руки.

Теперь, спустя некоторое время, припоминая тот разговор с А. Сохибназаровым, понимаю, что тогда я действительно многое не знал, не предполагал, что оппозиция готовится к самой настоящей войне.

С самого начала оппозиция стремилась втянуть в орбиту своего влияния как можно больше людей. Даже во время своего первого митинга, который в сентябре 1991 года продолжался в течение 17 дней, им удалось собрать на площади Озоди много людей, в том числе женщин, детей, стариков.

Особенно активным на площади было духовенство, которое уверяло мусульман, что исламу грозит большая опасность. Площадь волновалась, внимая страстным словам ораторов, но никто не задумывался, сколько же за последние годы в республике появилось мечетей и медрессе и какие условия были созданы для деятельности духовенства. Тщательно скрывали свои цели — взять реванш за проигрыш на выборах и лжедемократы.

Разглагольствуя о тяжелом экономическом положении народа в Таджикистане, Д. Худоназаров, Ш. Юсуф, А. Сохибназаров, М. Икромов, А. Тураджонзода во все концы света разослали телеграммы, в которых просили руководителей, правительство различных государст не сотрудничать с руководством Таджикистана и создать экономическую блокаду вокруг своей республики. Они готовы были обречь свой народ на голодную смерть, лишь бы задушить ненавистное им правительство, уничтожить своих политических противников.

На площади тогда стали собираться люди с темным прошлым, уголовники и рецидивисты. Пользуясь волнением и паникой, царившими в городе, они занимались сомнительными делами. Днем стояли на площади, скандируя лозунги и призывы, с которыми обращались штатные ораторы оппозиции, а по ночам совершали преступления: грабили квартиры, угоняли машины.

Оппозиция использовала все средства для привлечения общественного внимания и воздействия на эмоции людей. Тогда на площади для каждого известного представителя духовенства, для старейшин было поставлено до 80 удобных палаток, где

по указанию председателя Душанбинского горисполкома М. Икромова было проведено электричество, установлены электроплиты, полы устланы коврами. Сюда обманом или уговорами (будто бы их вере и религии грозит опасность) были поселены 70—80-летние старики. У входа в палатки висели плакаты с надписью: «Здесь находятся борцы за веру, объявившие голодовку». На самом же деле в палатках было все, кроме, как говорится, птичьего молока.

На площади в те дни у всех на устах были имена почтенных Эшона Саидашрафа, Эшона Олимджона, Эшона Тураджона, Эшона Халилджона и других. Это уважаемые люди, каждый из них имел по 10—15 тысяч муридов — последователей, готовых выполнить любой их наказ. Предводители веры призывали своих муридов сплотиться и материально поддержать оппозицию. Заклиная Кораном ,они не давали уйти с митинга своим муридам, хотя понимали ,что у них всех семьи, подворья, что нужно собирать урожай и готовиться к зиме. Оппозиция таким образом закладывала почву для осуществления своего главного плана — государственного переворота.

Рядом с палатками известных представителей духовенства находилась еще одна с надписью: «Палатка поэтессы Гулрухсор».

Еще не так давно она объявила себя «матерью нации», хотя все знали, что эта «благодетельница» народа печется лишь об интересах своих земляков (жителей кишлака Яхч), составляющих костях митингующих.

Падкие на сенсацию журналисты, в том числе иностранные, буквально осаждали в те дни палатки «борцов за веру и свободу», фотографиями которых пестрели страницы оппозиционных газет. Броские заголовки требовали отставки руководства республики. Восхваляя «борцов за веру», оппозиционные газеты в то же время возводили напраслину на честных людей, обвиняя их во всех смертных грехах.

«Озоди» — «Свобода!» Это дорогое каждому человеку слово в те дни звучало особенно часто. «Дайте нам свободу!» — кричали выступающие с трибуны ,и им громко вторила площадь. Но никто не задавался вопросом, какая свобода нужна им, кто и в чем их притесняет?

Какая свобода нужна была поэтессе Гулрухсор?

В чем она была ограничена?

Во имя чего она объявила голодовку, которая продолжалась всего полдня? Когда оппозиционные газеты объявили, что «мать нации» в знак солидарности с оппозицией морит себя голодом, что находится на переднем крае борьбе за свободу и демокра-

тию, один из моих товарищей принес мне старую газету, где было напечатано одно из выступлений Гулрухсор на праздновании Навруза несколько лет назад. Приведу лишь небольшую выдержку из этого выступления:

«...В наше время еще встречаются невежды, которые сеют не семена радости и счастья, а семена раздора и печали. Мы не должны забывать это и в дни праздника. Мы счастливы, что наша Великая Родина стала защитницей мира во всем мире, другом обездоленных. Мы счастливы, что наша Родина, наше государство, партия великого Ленина признаны всем прогрессивным человечеством как оплот мира, как авангард».

Трудно было поверить, что это сказала поэтесса, которая теперь с яростными противниками коммунистического строя митингует на площади и активно поддерживает исламско-демократический оппозиционный блок. Я понимаю, что все течет, все изменяется, что человеку свойственно развивать и обновлять свои взгляды. Но поступок Гулрухсор Сафиевой, с ее дилетантизмом в политике, заигрывание с религией, отречение от прошлого не что иное, как плевок в колодец, из которого она пила всю жизнь.

Задумалась ли она хоть раз в своей палатке во время спектакля с голодовкой о том, кто ее вознес на высоты славы и почета. Могла ли неизвестная девочка из маленького горного кишлака Яхч стать лауреатом премий ленинского комсомола республики и СССР, депутатом Верховного Совета СССР и т. д., если бы на земле ее предков восторжествовал ваххобизм с его фанатизмом и реакционной сущностью? Чем объяснить такую политическую близорукость «матери нации»?

В те осенние дни, когда вся республика была охвачена беспокойством и с тревогой следила за развитием событий в Душанбе, я, чтобы хоть как-то снять напряжение и пресечь незаконные действия митингующих, решил провести встречу с известными представителями духовенства, к слову которых прислушивались на раздираемой страстями площади — Эшоном Саидом из Курган-Тюбе, Эшоном Алломой из города Турсунзаде, Эшоном Тураджоном из Кофарнихона, Кори Киёмиддином из Газималика и другими. Тогда же я посетил мечети Ходжи Якуба, Сари Осиё, Хазрата Мавлоно Якуба Чархи и после пятничной молитвы ответил на многие вопросы, интересующие верующих. Рассказал им о шагах, которые предпринимает Верховный Совет для предотвращения братоубийственной войны в Таджикистане, для выхода из экономического кризиса, укрепления законности. Я выразил также надежду, что в этом нам

поможет духовенство, призывая народ к милосердию и соблюдению гуманных заповедей ислама.

Мои выступления перед верующими были восприняты с пониманием. И все-таки я с горечью убедился, что, кроме Эшона Хикматуллы из Таджикабада, почти все известные представители духовенства попали под влияние экстремистских идей ваххобиетов и склонились на их сторону. Вопреки прежним своим утверждениям они пытались найти оправдание вмешательству исламских фундаменталистов в государственные дела и стремлению захватить во что бы то ни стало политическую власть в республике. Они злоупотребляли своим положением и верой в них многочисленных муридов и уводили их за собой на скользкий и опасный путь, проторенный исламскими фундаменталистами.

В разжигании страстей оппозиционные газеты заняли крайне провокационную позицию. Хотя голодовка предводителей духовенства и поэтессы Гулрухсор была чисто символической, а точнее просто надувательством и обманом, газеты разнесли по всему миру весть о том, что «жестокое коммунистическое руководство» республики не проявляет милосердия и уважения к изможденным длительной голодовкой старейшинам и не выполняет их требований.

Помнится, обеспокоенный тем, что голодание может повредить здоровью пожилых людей, я решил навестить их и зашел в одну из палаток. Увидев в палатке дастархан, полный явств, я был поражен.

— Почтеннейший,— обратился я к хозяину палатки, седобородому старцу,— вы не объявили голодовку?

— Голодающие навлекают на себя гнев божий,— был ответ.— Мы не голодаем, а подвергаем себя очищению.

Как после этого я мог поверить депутатам, которые с трибуны сессии Верховного Совета лицемерно и бесстыдно заявляли: «Вот уже несколько дней почтенные умы — богословцы, а также известная поэтесса Гулрухсор держат политическую голодовку. Их здоровье ухудшается с каждым днем, но никому до этого дела нет. Как же мы, народные депутаты, можем взирать равнодушно на все это? Почему руководители, чьей отставки требуют эти уважаемые люди, вцепились в свои кресла? Они должны выполнить требования народа!»

За время моей работы в Верховном Совете я видел, как много лицемерия и фальши кругом, как депутаты, которые выполняя социальный заказ, проводили политику исламско-демократического блока, бесстыдно лгали на сессиях, делали заявления, подливающие масла в огонь. Такую шумиху подни-

мали, так бросались словами, что в пору было расстеряться. Вороньё — да и только!

На том 15-ти дневном митинге в основном участие принимали представители Кургантюбинской области, Бадахшана и некоторых районов республиканского подчинения. Представители Кулябской и Ленинабадской области встречались много реже. Если они и присутствовали, то большей частью это были муллы-гастролеры, сторонники исламских фундаменталистов, уголовники, неудачные карьеристы.

Чувствуя себя вольготно на площади, они поднимались на трибуны и говорили все, что им вздумается, ругали нецензурными словами тех, на кого таили злобу. То и дело раздавались песни на слова великого поэта нашего столетия Мухаммада Икбола. «Проснись, наконец, от тяжкого сна!» — подхватывала толпа слова песни, не вникая в их истинную суть, не задумываясь о том, когда и для чего сказал их поэт. Лидерам же оппозиции нужно было как можно сильнее разжечь страсти на площади, чтобы потом весь всплекс эмоций многотысячного потока людей направить в нужное им русло.

Оппозиционеры нанимали ораторов — проживающих в республике киргизов, казахов, узбеков, русскоязычных. И они, кто сознательно, а кто под «гипнозом» «демократических» лозунгов и призывов оппозиции, также нападали на законное правительство и требовали отставки первых лиц. Действуя по инструкции, полученной от лидеров оппозиции, они призывали другие народы поддержать «свободолюбивые демократические» силы Таджикистана.

Митингующие так загрязнили и испоганили площадь и ближайшие улицы, что Министерство здравоохранения было вынуждено сделать официальное заявление, предупреждая о вероятности вспышки инфекционных болезней. Руководство горисполкома на все это смотрело сквозь пальцы. И не случайно. У мэра столицы М. Икромова, мягко говоря, рыльце было в пушку. Он имел самое прямое отношение к событиям на площади, активно поддерживая оппозицию.

Ежедневно в больших котлах на площади варились плов и шурпа, систематически митингующим доставлялись продукты и питание. Разумеется, все это за счет мафии, кровно заинтересованной в победе оппозиции, а также за счет пожертвований, которые делали введенные в заблуждение граждане. На запах плова и шурпы собирались люди, большей частью студенты. Не утруждая себя мыслью о том, что творится на площади, какие силы и куда направляют ход событий, они после дармового обе-

да присоединялись к толпе и подхватывали ее призывы и лозунги: «Свобода!», «Демократия!», «Отставка руководства!» и т. п.

То же самое, но более организованно на протяжении 45 дней затем проходило на площади Шахидон. Там был создан пресс-центр, который возглавили бывший партработник и редактор коммунистического издания Теша Раджаб и сотрудник институту востоковедения Дустмухаммад Дуст. Проводя пресс-конференцию, они необъективно информировали иностранных корреспонтонтов о ходе событий, готовили злопыхательские, полные оскорблений тексты, по которым выступали «штатные» ораторы оппозиции. Главный мотив всех этих выступлений был один — отставка руководителей республики.

Положение в городе было очень тяжелым. Жители Душанбе чувствовали себя как на пороховой бочке. По-прежнему, не работал транспорт, многие предприятия и организации были закрыты. Чтобы достать буханку хлеба, люди были вынуждены из одного конца города идти в другой и по пять шесть часов выстаивать в очереди у хлебзавода. Заметно возросло число пораженных инфекционными заболеваниями.

Многие люди на площади находились в состоянии транса после выступлений так называемых «народных генералов» Кори Киемиддина, Кори Мухаммади, преподавателей медресе Ходжи Садриддина, Саида Абдулло Нури. При виде исламских фанатиков многие душанбинцы, особенно европейская часть населения города, испытывала страх. Люди не выходили на улицу, оставаясь в своих квартирах. Созерцательная позиция многих жителей Душанбе была на руку оппозиции. Чувствуя вседозволенность, организаторы митингов поступали так, как им вздумается.

Придет время и некоторые из ученых-богословов, бывших тогда на площади Шахидон, испытают раскаяние, будут молить Бога о прощении за содеянные грехи. Так, выступая 8 апреля 1993 года, мударрис — преподаватель медресе в городе Душанбе Ходжи Садриддин скажет по телевидению: «Мы, ученые-богословы, выполняли волю казикалона. Он четко обозначил нашу цель — государственный переворот. Мы ходили из мечети в мечеть и, заклиная Кораном, собирали правоверных и приводили их на площадь для участия в митинге. Большинство этих людей не понимали, для чеог их собрали на площади, не понимали, что даст им отставка Кенджаева или Набиева. Тем не менее они, как того хотели лидеры оппозиции, требовали отставки Кенджаева, а затем и Набиева. Это мы вбили им в темные головы, что с уходом с политической арены Кенджаева и Набиева они станут жить лучше, что исламу грозит опасность. За все

это я приношу свои извинения Рахмону Набиеву и Сафарали Кенджаеву».

Я слушал исповедь мударриса и не испытывал ничего, кроме горечи. Слишком поздно пришло раскаяние. Как говорится, острие ножа дошло до кости. Слишком много крови было пролито, слишком много было жертв.

Я часто задаю себе и такой вопрос: «Почему Душанбе с более чем 600-тысячным населением оказался беззащитным перед лицом зарвавшейся оппозиции? Почему многие, очень многие заняли нейтральную позицию, пассивно ожидая, чем все это кончится? Неужели Душанбе не был для них дорогим городом, Родиной? Разве им было не больно, когда они видели, как молодчики оппозиции бесчинствуют в прекрасном и всегда радушном городе, построенном руками их отцов и дедов? Ведь если бы они сплотились и проявили стойкость и мужество, то бесспорно сумели бы себя защитить, не дали бы в обиду своих матерей, жен и сестер. Не дали разгореться пожару в общем доме. Тогда бы кучка исламистов, подстрекаемая всякого рода авантюристами, демагогами и карьеристами, не чувствовала бы себя так безнаказанно, не вела себя хамски, не творила бы беззаконий. Ведь, как я уже говорил, оппозиция, ваххобисты, исламские экстремисты пытались пустить корни и проповедовали свои идеи в Кулябе и Худжанде, в Гиссаре и Исфаре, Ура-Тюбе и Пенджикенте, Айнинском районе и во многих других городах и кишлаках, но здоровые силы дали им от ворот поворот. Это было по плечу и жителям столицы. Но именно разобщенность, нерешительность во многом способствовали активизации оппозиционных сил, вселили в них уверенность.

Мне часто вспоминается одна мудрая восточная поговорка: «Кошка с мышью, кошка — тигр. Кошка с тигром, кошка — мышь». Как уверенно, словно они настоящие герои, вели себя лидеры оппозиции и их ставленники у руля власти, когда перевес сил был на их стороне. Но как они заюлили, стали прикидываться невинными овечками, когда на передний край борьбы вышел Народный фронт Таджикистана (НФТ), и их, словно в тисках, стали зажимать честные и мужественные люди с разных концов республики, жители Гиссарской долины, Турсунзаде, Шахринава, Гиссара, Варзоба. Какой ужас и страх охватил преступных командиров так называемой «народной демократии» и исламской гвардии. Представители оппозиции, чьи руки были по локоть в крови — Салим Мухаббатов, Джума Буйдоков, Исматулло Хабибуллоев, Али Шохмансури, Абдулназар Чалликов, Давлатбек Махмудов — чувствуя, что час возмездия близок, стали по телевидению и радио обращаться к отважным

командирам Народного фронта Таджикистана — Маннону Пахлавону, Амиркулу Азимову, Ибодулло Бойматову, Абдумалику Салихову, Сайфиддину Мирзоеву, Рахматджону Холматову, Хабибулло Насруллоеву, Давлату Муродову, Субхону Мирзоеву, моля их сложить оружие и заключить с ними мир, стать братьями.

Вероятно, они не задумывались над тем, кто ответит за гибель тысяч невинных жертв, за пролитую кровь, страдания, испытанные народом? Кто ответит за злодейское убийство 15 сотрудников ассоциации «Восток-Меркурий» во время исполнения ими своих служебных обязанностей? Кто скажет, где находятся десятки, сотни государственных и собственных машин граждан, угнанных в Бадахшан? Почему же они с самого начала не были сторонниками мира и согласия?

А ведь еще в сентябре и октябре 1992 года Народный фронт Гиссарской долины не раз и не два принимал обращения к командирам оппозиционных группировок, боевикам из Бадахшана и Каратегина, лидерам исламской партии, других политических организаций, а также к руководителям республики, решительно требуя, чтобы они пресекли разбой и грабительство, преследования выходцев из Куляба, Гиссара, Ленинабада, в том числе узбеков, представителей других национальностей. Также со всей серьезностью ставился вопрос о проведении очередной сессии Верховного Совета в одном из городов Ленинабадской области. Но эти вопросы, как и многие другие, остались без ответа. Оппозиционные группировки недооценивали силу и мощь НФТ. Не учли того, какой гнев назревает в народе против оппозиции, столько людей объединились против темных сил в Гиссаре, Ленинском районе, Шахринаве, Турсун-заде, Варзобе, Душанбе.

Оппозиционные группировки развязали братоубийственную войну и не думали ее прекращать. Во времена работы правительства национального примирения, когда государственная власть была сосредоточена в руках А. Искандарова, даже «Скорая помощь» не функционировала. Всего было угнано 64 автомашины «Скорой помощи», в том числе и оснащенные медицинской аппаратурой. По свидетельству достоверных источников 50 из них были переправлены в отдаленные кишлаки Дарваза, Каратегина и Памира. Грабежи происходили даже в больницах, не говоря уже о магазинах, складах, автобазах.

Правительство национального примирения делало вид, что сильно обеспокоено существующим положением и намерено его исправить. Так, оно проводило «антивоенную» акцию, в которой приняли участие, по сообщениям телевидения, 10 тысяч женщин,

жительниц Душанбе. Эти женщины организовали шествие в сторону Гиссара в знак протеста Народному фронту, который восстал против оппозиционных сил. Если А. Искандаров и его окружение, если лидеры оппозиции действительно были заинтересованы в том, чтобы в республике скорее установился мир, почему они раньше, когда площадь Шахидон сотрясали продолжительные митинги, не провели подобную акцию, не призвали матерей и жен восстать против воинствующей оппозиции, против призывов к насилию и кровопролитию? Почему, когда цветущая Вахшская долина превратилась в поле брани и жизнь там стала адом, они не пытались остановить эту неслыханную и невиданную бойню, не преградили путь убийственному огню?!

Подобные вопросы можно ставить бесконечно, но на них есть один ответ: все кровавые события, происходившие тогда на земле Таджикистана, протекали по заранее обдуманному сценарию, и их ход направляла мощная и опытная рука из-за границы. Всему этому способствовал и полный паралич государственных органов, позиция невмешательства, которую предпочла большая часть населения города Душанбе. Причиной последнего, как я уже говорил, видимо, явилось то, что почти все жители столицы родом из других мест. Отсюда разобщенность, слабая связь между кварталами, улицами, домами. И, наоборот, в древних городах, где костяк составляют местные жители, где абсолютное большинство семейств связаны родовыми узами, люди быстро сплотились и не дали превратить их родные города в полигоны. И совсем противоположная картина в Душанбе. Оппозиционные группировки стекались отовсюду в город, создавая хаос и беспорядок, нарушая нормальную жизнь, а жители взирали на все это равнодушно, будто все это происходило не в их общем доме, а где-то далеко...

Я далек от мысли, что в бедах, свалившихся на нас, нужно винить весь народ. Народ-то как раз и не виноват. Помните Фирдоуси: «У войны всегда свой счет, воюют цари — страдает народ». Откуда было знать простым людям, трудящимся, какие игры затевают на политической сцене и за ее кулисами продажные министры и депутаты, для которых власть, богатство, руководящее кресло превыше всего?! Откуда было знать, какие планы на протяжении многих лет вынашивают исламские фундаменталисты? Простые люди из Каратегина, Бадахшана, пришедшие на площадь Шахидон, как правило, не знали подводных течений, истинных целей организаторов митинга, а были поглощены своими житейскими проблемами. Эти люди не виноваты, их втянули в эти кровавые события «демократы» и лидеры исламской партии. И это удалось им потому, что народ

всегда с почтением относился к ученым, чтецам Корана, праведникам. Простые люди стали жертвой своей слепой веры.

Их можно понять, этих простых и доверчивых моих соотечественников. Как же они могли сомневаться, если на площади Шахидон находился сам казикалон — глава всех верующих мусульман в республике Акбар Тураджон-зода? Если с трибуны на площади то и дело раздавались голоса известных среди верующих Мухаммадшарифа Химматзода, Давлата Исмона, Ходжи Мулло Абдугафора, призывающих толпу следовать за ними? Когда об интересах нации, о будущем республики разглагольствовали Давлат Худоназаров, Отахон Латифи, Аслиддин Сохибназаров, Шодмон Юсуф, Рахим Мусулмониён, Тохир Абдуджаббор, А. Сатторзода, выдававшие себя за благодетелей народа?

Тогда не нашлось никого, кто бы объявил обманутым людям на площади, каковы истинные цели лидеров исламско-демократического оппозиционного блока, чего они хотят на самом деле. Власти, богатства, славы — вот чего домогались они. А интересы нации, нужды и проблемы народа — всего лишь фасад, за которым они разрабатывали и осуществляли свои планы по захвату власти.

Ни у кого не было мужества выйти к народу и объяснить истинное положение дел. Да и кто бы вышел? Большинство руководителей правительства, Верховного Совета республики, МВД, КНБ, «народного» телерадиокомитета, частных и так называемых свободных газет мечтали о том, чтобы как можно быстрее произошел переворот и укрепилось оппозиционное правительство.

Конечно, было немало и таких, кто понимал, какие силы заправляют на площади, чего добивается оппозиция. Но эти люди действовали по принципу: «Молчание — золото». Да и трудно было кому-то возражать в тех условиях, когда всюду орудовали боевики оппозиционных группировок, а МВД и КНБ упорно занимали позицию сторонних наблюдателей.

С другой стороны, радио и телевидение, оппозиционные газеты день и ночь «вещали» о «победных» шагах оппозиции, предрекали скорое падение Народного фронта — по-прежнему чернили честных людей. Если в той или иной газете выходила даже незначительная заметка против оппозиции, в редакцию незамедлительно заявлялись вооруженные боевики, угрожая расправой. Боевики «навещали», к примеру, редакцию еженедельника «Адабиёт ва Санъат», которая, как считала оппозиция, не проявляет симпатии к ней.

Из боязни попасть в немилость оппозиции многие деятели,

в том числе министры и депутаты, готовы были пресмыкаться перед ней, заигрывали, шли на поводу. Я вспоминаю те дни и тех людей, и в душе остается неприятный осадок. Ведь они, эти неустойчивые люди, своим положением, благополучием были прежде всего обязаны народу. Но когда тот самый народ оказался в опасности, они забыли о своем долге и больше пеклись о собственной шкуре.

Я знаю людей, которые днем составляли компанию Р. Набиеву, угодничали перед ним, а ночью ходили в мечеть и кланялись предводителям ваххобистов. А потом отсиживались в своих квартирах и ждали, кто кого одолеет, кто возьмет верх. Я знаю людей, которые по требованию Народного фронта подписывали заявление об отставке, но когда председателем Верховного Совета был избран Эмомали Рахмонов, они тут же сменили свои маски и стали искать покровителей среди влиятельных кулябских лиц, доказывая, что они участвовали в боях против ваххобистов. Короче, готовы были на любую хитрость и подлость, чтобы вновь получить власть.

Как сказал Хафиз:

Долго ль пиршества нам править в коловратности
годин,
Мы вступили в круг веселый. Что ж?
Исход у всех один.
Глину чаш с почетом трогай, знай — крупинки
черепков
И Джамшеда, и Кубада в древней смеси этих глин.

Я часто думаю и о другом. Почему такими пассивными и немощными оказались компартия, профсоюзы, молодежные организации? Ведь их ряды насчитывали десятки, сотни тысяч людей! Почему же они заняли нейтральную позицию? Почему не вели пропагандистскую работу среди народа? Почему не разъясняли антизаконный ,антиконституционный характер действий оппозиции?

Поэтому народ и оказался на перепутье, не зная, кого слушать, за кем идти. Именно идеологический вакуум позволил лидерам оппозиции повсеместно внедрить свои идеи, ввести в заблуждение простых людей. Приверженцы исламско-демократического оппозиционного блока устраивали «хождение в народ», в одной руке держа Коран, в другой — автомат Калашникова. Где сладкоречивыми словами, а где угрозой и шантажом находили сторонников. Они использовали все средства, действовали смело и твердо.

Уверен, что если бы активисты компартии, профсоюзной и

молодежной организаций не стояли в стороне, а с самого начала стали в ответ на действия ваххобистов и лжедемократов вырабатывать «противоядие», разъяснять им, кто есть кто и что представляет собой «рай», который рисуется оппозиционерами, дело не зашло бы так далеко. Ведь у компартии был огромный опыт, она имела влияние на массы. Народ бы пошел за ней, если бы она заняла активную и твердую позицию и объявила бой идейным противникам — исламским фундаменталистам и «демократам». Возможно, тогда число жертв в братоубийственной войне не достигло таких страшных размеров, меньше был бы и экономический ущерб. К сожалению, этого не произошло. Кровавые события застигли компартию и другие общественные организации врасплох. Они не были готовы дать отпор противникам, которые предали коммунистов, призывали даже к физическому уничтожению членов компартии. Чего же можно было ожидать еще, когда некоторые ее члены подобно А. Сохибназарову переметнулись в противоположную сторону, хотя еще не так давно с пеной у рта клялись в верности ей.

В те дни, когда я, гонимый оппозицией, оказался в Айнинском районе и работал на Анзобском ГОКе, мне довелось встретиться с руководителями районного аппарата партийной организации. Помню, на встрече той был и председатель колхоза имени Орджоникидзе Рахим Аслиддинов, не один год избиравшийся в состав ЦК КП Таджикистана. Там, в горах, трудно было поверить, что всего в десятках километрах отсюда разворачиваются боевые действия, что против оппозиционных сил для восстановления конституционного строя в республике поднялся народ и под руководством отважных сынов своих — Сангака Сафарова, Файзали Саидова, Лангари Лангариева, Екубджона Салимова, Файзулло Кувватова, Махкамбоя Шарифова, Шерали Мирзоева, Тагойхона Шукурова, Абдуваххоба Холикова, Бурихона Джобирова и других ведет священную войну.

Тогда я спросил своих собеседников, почему в столь ответственное время компартия до сих пор не определила своей позиции, не сказала своего слова?

Позиция невмешательства, которую заняли руководители ЦК, очень удручает рядовых коммунистов, ответили они. Положение усугубилось еще и тем, что свое членство в компартии прекратили Рахмон Набиев и ряд других видных деятелей.

Мы долго говорили тогда. Я понимал, что если оппозиция придет к власти, первым делом, как неоднократно об этом заявлялось на площади Шахидон, она станет расправляться с членами компартии, особенно с теми, кто не разделял ее точку зрения.

Я видел тогда, что мои собеседники были в растерянности и не знали, как быть дальше. Нужно отметить, что в то смутное и тревожное время не только руководители компартии, профсоюзов и молодежной организации, составляющие политическую систему социалистического общества, но и многие руководители различных сфер, министерств, ведомств, в том числе и в областях, городах, районах, дрогнули перед натиском оппозиции и держались, как говорится, подальше от греха. Пользуясь слабоволием и мягкотелостью таких руководителей, сторонники оппозиции все больше расширяли поле своей деятельности, укрепляли положение правительства национального примирения.

К счастью, ряд руководителей сумели организовать мощное сопротивление действиям оппозиции. Так, Кулябской облисполком полностью, Ленинабадский облисполкомом частично осудили незаконные акции антиконституционных сил и не признали правительство национального примирения.

В ответ на это исламские фундаменталисты при поддержке правительства и тогдашнего главы республики А. Искандарова Кулябскую область, где проживает 850 тысяч человек, подвергли жестокой экономической блокаде. В течение шести месяцев действовал строжайший запрет на поставки в эту область любых видов товаров, в том числе и продуктов первой необходимости. Было время, когда в результате таких антигуманных репрессивных мер на каждого жителя Кулябской области в сутки приходилось по 50 граммов хлеба. Голод, отсутствие лекарственных препаратов и послужили причиной вспышки тяжелых заболеваний в Фархорском, Московском и Восейском районах.

Даже в такой напряженной обстановке руководители многих городов и районов республики Горно-Бадахшанской автономной области, не сделали соответствующих выводов, не определили своего четкого отношения к оппозиции. Они не пытались разъяснить народу истинных целей оппозиции, не поддерживали предложения Кулябского облисполкома, а порою даже проявляли двурушничество. Больше того, руководители некоторых районов бывшей Кургантюбинской области, Горно-Бадахшанской автономной области и республиканского подчинения (в основном из Каратегинской зоны) будто и вовсе забыли, что находятся на государственной службе, что в республике действует Конституция. Они полностью перешли на сторону оппозиции, а введенный в заблуждение народ ввергли в пучину несчастий и бед. Эти руководители, изменившие своему долгу, всецело поддерживали оппозицию и надеялись, что не сегодня-завтра обреченные на голод кулябцы склонят перед ней голову.

Но они жестоко обманулись в своих надеждах, потерпели

полный крах. Народ не захотел идти за кучкой исламских фундаменталистов и лжедемократов, не дал себя подчинить воле темных сил.

Руководители, депутаты из Ленинабадской области, большинство из которых, оказавшись заложниками в руках оппозиции, на себе испытали все «прелести» так называемой «демократии» и «свободы», ясно осознали опасность, которая грозила республике, всему народу. Председатель Ленинабадского облисполкома, народный депутат Д. Шакиров вместе с А. Абдуллоджановым в те дни, когда парламент находился в осаде, едва спаслись, уходя от преследования на машинах через перевал Китоб.

14 мая 1992 года в городе Ленинабаде состоялась внеочередная сессия депутатов областного Совета с участием народных депутатов Верховного Совета Республики Таджикистан из Ленинабадской области. На повестке дня был один вопрос: «О политической ситуации в республике».

На сессии выступили депутаты, представители городов и районов, руководители предприятий и организаций. Все они самым решительным образом осудили незаконные действия оппозиции, а также признали недействительными указы президента о создании правительства национального примирения, Национального Маджлиса, об освобождении некоторых руководителей. Решение этих вопросов, подчеркнули они, всецело относится к компетенции Верховного Совета.

В частности, генеральный прокурор республики Нурулло Хувайдуллоев сказал: «В республике произошел государственный переворот, а люди, которые должны были ответить перед законом, пришли к власти. Правительство национального примирения и Национального Маджлиса создано вопреки требованиям конституционного строя Республики Таджикистан. Поэтому я призываю народных депутатов из Ленинабадской области не принимать участия в работе Национального Маджлиса...»

Внеочередная сессия областного Совета приняла решение, в котором, в частности, говорилось: «Учитывая сложную политическую обстановку в республике и прекращение деятельности высшего органа власти, до нормализации положения руководство всеми организациями, предприятиями, административными органами возложить на областной исполнительный комитет.

В случае дальнейшего обострения политического, социального и экономического кризиса, областной Совет и его исполнительный комитет оставляют за собой право принятия надлежащих мер».

Конечно, сам факт проведения сессии, участники которой

полностью осудили незаконные действия оппозиции, говорит о многом. Но если вдуматься в пункты решения, принятого на сессии, дать ему правовой анализ, то можно легко убедиться, что они носят слишком общий характер и в них нет прямого и резкого осуждения антиконституционных акций оппозиции и указов президента. Стоит ли говорить, что это решение так и осталось на бумаге.

Оппозиция по-прежнему набирала силу. События разворачивались под ее контролем. Отсутствие четкой политической ориентации у руководителей такой большой области, как Ленинабадская, обеспечивающей 60 процентов бюджета республики, было весьма кстати для лидеров оппозиции. Фактически было признано незаконно рождение правительства национального примирения, а перечисленные в бюджет республики средства укрепляли его позицию. Именно за счет этого постоянно повышалась зарплата работников МВД и КНБ, увеличивалось число сотрудников, которые фактически бездействовали.

При МВД был образован специальный батальон из тысячи человек для изъятия огнестрельного оружия у населения. Командование батальона было возложено на полковника внутренней службы Ш. Мирбосхонова. Но поскольку он не стал выполнять требований руководства МВД, его вскоре отстранили от должности. На его место пришел З. Ахмедов, который, как и его благодетели Навджуванов и Иброншоев, набирал работников только из своих земляков-бадахшанцев. Был найден и способ, как «узаконить» часть оппозиционной «национальной» гвардии.

Вооруженные до зубов и обеспеченные повышенной зарплатой бойцы посылались против жителей города Курган-Тюбе и районов области, которые на площади Озоди выступали в поддержку конституционного строя. Вместе с оппозиционной «национальной гвардией», а также со «штабом спасения Родины» под руководством Шодмона Юсуфа и командованием ваххобистов — Саидом Абдуллой Нури, Кори Мухаммади, Эшоном Саидшарафом они воевали против тех, кто встал на защиту народа, кто был за конституцию — против отрядов Файзали Саидова, Лангари Лангариева, Абдувахоба Холикова, А. Кавракова, Тагойхона Шукурова, Бурихоан Джобирова, Махкамбоя Шарифова, Амиркула Азимова, Ибодулло Бойматоева, Имомуддина Умарова и других.

Экстремисты, исламские фундаменталисты, наемные каратели использовали против народного ополчения все виды оружия и боевую технику, сжигали дома ,убивали людей. Тысячи и ты-

сячи людей были вынуждены, спасая свои семьи, покинуть родные места.

Сессия Ленинабадского областного Совета, о которой речь шла выше, проходила именно тогда, когда между силами оппозиции и народными ополченцами шла борьба не на жизнь, а на смерть, когда пламя войны охватило всю Вахшскую долину.

В конце мая 1992 года, когда Хатлонскую область сотрясала братоубийственная война, когда перевес сил был на стороне боевиков оппозиции, по просьбе журналистов Ленинабадской области я провел пресс-конференцию в редакции газеты «Хакикати Ленинобод». Там было немало журналистов, чьи симпатии оказались на стороне исламско-демократического оппозиционного блока.

В течение полутора часов отвечая на самые различные, зачастую неожиданные вопросы, я призвал журналистов писать правду ,чтобы не дать жителям Ленинабадской области сбить себя с толку, чтобы люди знали правду о псевдодемократах и ваххобистах. Участники конференции приняли меня очень тепло, проявляя большой интерес ко всем событиям, происходящим в столице и на юге республики. Они заявили о своей решимости приложить все усилия для того, чтобы скорее восторжествовала правда, чтобы сплотить народ вокруг здоровых сил.

К сожалению, совсем по-иному восприняли встречу с журналистами некоторые тогдашние руководители области. Они запретили редакторам газет, радио, телевидения давать информацию о пресс-конференции, полагая, что это может вызвать обострение политической ситуации.

В тот же день после завершения пресс-конференции я был приглашен руководителем областного комитета по радиовещанию и телевидению Мухаббат Мирсаидовой. Она оказалась обаятельной и умной собеседницей. А главное, в ходе беседы у нас обнаружилась единая точка зрения по многим вопросам. Я понял, что эта хрупкая на вид женщина полна решимости сделать все, чтобы в республике воцарились мир и согласие.

Мухаббат Мирсаидова предложила мне тогда выступить по телевидению и приоткрыть тайны закулисных политических игр, которые вели в то время руководители республики.

Я охотно согласился, но очень скоро выяснилось, что какое-то ответственное лицо наложило табу на эту передачу. Узнав об этом, я подумал, как жаль, что у многих мужчин нет такого мужества и твердости духа, как у Мухаббат Мирсаидовой и подобных ей женщин.

Поэт по этому поводу сказал:

Бывают женщины с сердцем львиным,
Но немало и мужчин с заячьей душой!

Мне было непонятно решение руководителей области, ведь в то время я еще официально числился в должности председателя Верховного Совета, депутаты тогда еще не приняли моей отставки. А большинство депутатов из Ленинабадской области были на моей стороне и поддерживали мою позицию. Ко всему я был полноправным, законно избранным депутатом Верховного Совета и имел право на обнародование своей точки зрения.

В душе я испытывал горечь. С какой целью руководители области пытаются скрыть правду от почти двухмиллионного населения области? Разве они не сознают, что под флагом ислама собрались экстремисты, готовые потопить в море крови всех, кто не желает подчиниться их злой воле? Можно ли подолом закрыть солнце?

Разве можно было жить со спокойной душой в Ленинабадской области, когда неспокойно на юге республики? Разве в числе тех, кто пал от руки бандитов и наемных убийц, было мало людей родом из городов и районов Ленинабадской области? Разве не были возмущены канибадамцы, когда из Бохтарского района пришла весть о жестокой расправе над их земляком, талантливым и мужественным журналистом Т. Кобиловым? Разве смерть народного депутата, земляка великого Рудаки Муродулло Шерализода не была серьезным сигналом для жителей Ленинабадской области? Разве можно было после всего этого занимать позицию равнодушного наблюдателя? Или руководители области надеялись, что если власть полностью захватит оппозиция, они сохранят свое спокойствие и благополучие? Жители северных районов республики не могли пребывать в спокойствии, когда до них доносился стон и плач с Хатлонской земли, из Вахшской долины. Великий поэт Саади сказал:

Все люди на планете, все народы
Едины, человеческой породы.
Одних из них заденешь за живое —
Другие не останутся в покое.

В те дни, пока я находился в Худжанде, некоторые люди сторонились меня ,избегали встреч со мной. Но, слава Богу, меня не оставили мои друзья и ученики. Свою готовность помочь во всем выражали Искандар Тураходжаев, Джамшед Ибрагимов, Мирзосангин Кутфиддинов, Абдуманон Гозиев, Темурджон Рахимбоев, Рахимджон Юсуфов, Хабибулло Орифов, Курбон Азизов, Хотам Азамкулов, Абдугани Абдуллоджанов,

Асадулло Урунов и другие. Я благодарен судьбе, что у меня такие искренние и преданные друзья.

Руководство области избегало контактов со мной, потому что они не хотели портить отношений с лидерами оппозиции, тогда занимавшими довольно прочное положение в столице республики. Однако какой парадокс: когда в Худжанд прилетел лидер оппозиции Давлат Исмон, по которому, как говорится, плакала тюремная камера, его встретили с огромными почестями. У руководителей области словно отшибло память и они забыли, что этот самый Давлат Исмон возглавлял операцию по захвату 17 народных депутатов в апреле 1992 года, что на его глазах террористы издевались над захваченными заложниками.

Как же тогда понять этот теплый прием и откровенное угодничество? Разве к этому обязывало решение областного Совета, призывавшее руководителей всех рангов не сотрудничать с оппозицией, незаконно захватившей власть? Разве депутаты на сессии не осудили единодушно антиконституционные шаги, предпринятые правительством национального примирения?

О превратный мир! Люди, которые лобызались с Давлатом Исмоном при встрече и проводах в аэропорту, которые оказывали ему такое гостеприимство, сегодня громче всех восклицают: «Давлат Исмон — преступник! Его место — в тюрьме!»

Говорят, человеку дано иметь два уха, два глаза и одно лицо. Но воистину некоторые люди имеют два, а то и три-четыре лица. Но неужели эти перевертыши думают, что от проницательного взора окружающих будет скрыто их недостойное поведение, что люди в конце концов не узнают о таком лицемерии и малодушии?

И все же ,к чести Ленинабадской области, большинство из них с первых же дней митинга, организованного оппозицией осуждали ее незаконные действия и не изменили своих убеждений.

Четкую и однозначную позицию по отношению к исламским фундаменталистам и лжедемократам занял и ряд исполкомов городов и районов Ленинабадской области. Незаконные действия оппозиции были предметом обсуждения депутатов на сессиях (11 мая и 31 июля 1992 года) Кайракумского горисполкома. Депутаты горсовета под руководством ее председателя М. Файзуллоева решительно выступили против исламско-демократического оппозиционного блока.

В частности, в принятых решениях говорилось:

— оппозиция от митингов перешла к вооруженным акциям и совершила государственный переворот;

— образование правительства национального примирения и

Национального Маджлиса противоречит Основному Закону республики, так как их учреждение — исключительная прерогатива Верховного Совета, а не президента;

— Президент Республики Таджикистан Рахмон Набиев обязан немедленно провести пресс-конференцию и довести до сведения мировой общественности свое мнение по поводу преступных действий оппозиции;

— необходимы неукоснительное соблюдение Конституции республики и международных норм, а также защита прав президента, Верховного Совета и правительства;

— обязать МВД и КНБ разработать меры по разоружению оппозиции;

— немедленно освободить Президентский дворец, здание Кабинета Министров, Верховного Совета, студию телевидения, аэропорт и железнодорожный вокзал;

— немедленно прекратить преследование вице-президента Н. Дустова, спикера парламента С. Кенджаева, генерального прокурора Н. Хувайдуллоева, председателя Комитета по телевидению и радиовещанию А. Сайфуллоева, председаетля общества «Ошкоро» Кулябской области Р. Абдурахимова;

— осудить разжигающее межнациональную рознь заявление председателя демократической партии Шодмона Юсуфа о взятии в заложники русскоязычного населения в Таджикистане;

— подчеркнуть, что исполнительный комитет Совета народных депутатов Ленинабадской области до сих пор не определил своего отношения к событиям 5—7 мая 1992 года, в результате которых был совершен государственный переворот в Таджикистане.

Сессия Кайракумского горсовета потребовала от руководителей Ленинабадской области дать политическую оценку государственному перевороту, совершенному в Таджикистане, а также определить свое отношение к оппозиции.

Когда жители Кулябской области оказались в длительной экономической блокаде, когда в Курган-Тюбинской области разворачивались боевые события, трудящиеся Ленинабадской области готовы были подставить плечо под общую ношу. Они первыми протянули им руку помощи.

Тысячи беженцев из кулябской и Курган-Тюбинской областей нашли приют и убежище в городах и селениях Ленинабадской области, спасли свои семьи от верной гибели. Из Ходжента в Куляб и Курган-Тюбе регулярно (в общей сложности более 200 раз) вылетали самолеты с продуктами, медикаментами и одеждой.

* * *

В середине мая 1992 года я вместе со своим другом Искандаром Тураходжаевым находился в Худжанском кардиологическом центре — уступил настоянию своих друзей, которые хотели, чтобы я отдохнул после испытаний, выпавших на мою долю во время работы председателем Верховного Совета республики. Однажды дежурная по этажу сообщила, что меня вызывает междугородная. Поскольку я находился в положении беженца, к телефону подошел И. Тураходжаев. Это был заместитель председателя КНБ Джурабек Аминов. Как он сумел узнать номер телефона, который мы тщательно скрывали, для меня было загадкой.

Когда я взял трубку, Аминов очень вежливо справился о моем здоровье, о семье. Затем перешел к делу. Мы посоветовались с Давлатом Исмоном, Ходжи Акбаром Тураджонзодой и Шодмоном Юсуфом и пришли к выводу, что нам всем необходимо собраться и обсудить некоторые вопросы, сказал Джурабек Аминов.

В целях безопасности я отклонил предложение Д. Аминова и отказался ехать в Душанбе. Тогда Джурабек спросил:

— Брат мой Сафарали! Если я завтра прилечу в Худжанд, обещайте, что мы с вами встретимся и потолкуем по душам.

Я молчал.

В трубке вновь послышался голос Д. Аминова:

— Так лететь мне завтра или нет?

— Воля ваша,— сказал я и положил трубку.

Ничего хорошего от этой встречи я не ожидал. Но, как было установлено, в назначенный час я приехал в аэропорт. Меня сопровождал мой верный друг Искандар Тураходжаев. Когда Д. Аминов прибыл самолетом из Душанбе, мы сели в машину и отъехали в безлюдное место. Искандар вместе с шофером вышли и мы с Джурабеком остались одни. Я догадался, что Джурабек был вооружен, у меня аз поясом также был пистолет. Мы оба не доверяли друг другу.

За окном машины моросил мелкий дождь. Редкие прохожие торопливо проходили мимо. Я попросил Джурабека изложить суть его просьбы.

— Брат мой Сафарали!—как всегда обратился он ко мне.— Поверьте, нам жаль вас. Вы должны присоединиться к нам. Так будет лучше. Вы нужны нам. Руководители оппозиции — Давлат Исмон, Акбар Тураджонзода, Шодмон Юсуф, да что там говорить, все мы намерены вернуть вас в Душанбе. Сейчас, кроме поста председателя Верховного Совета, вы можете занять любой пост, который пожелаете. Но вы должны выступить

по телевидению и радио с заявлением, в котором всю ответственность за кровопролитную войну возложете на президента, потребуете его отставки, а народ призовете признать правительство национального примирения.

Я слушал его и чувствовал, как в душе у меня поднимается волна протеста и гнева.

— За кого вы меня принимаете, Джурабек? — возмутился я.— Курицу, которую вы зарезали, я уже общипал давно. Неужели вы думаете, что предложив мне высокий пост, вам удастся купить меня? Неужели вы думаете, что я пойду против своей совести и запятнаю самое дорогое, что есть у человека,—честь?! Как могу я обвинять не вас, а Рахмона Набиева?! Ведь это не он, а вы, с оружием в руках, совершили государственный переворот, пролили кровь невинных людей?! Передайте это своим друзьям, что они зря стараются. Мне с преступниками не по пути и я никогда не предам народ, который встал на мою защиту.

Джурабек Аминов побледнел, лицо его перекосилось от злобы. Он сорвался на крик, говорил о том, что я еще пожалею, но будет поздно.

Заметив, что в машине творится что-то неладное, к нам поспешили Искандар и водитель. Не знаю, чем бы это закончилось, ведь мы оба были вооружены.

Я успокоился лишь поздно вечером.

* * *

С болью я узнал, что мои друзья — народный артист СССР, народный депутат Д. Муродов и незаконно смещенный с поста вице-президента Н. Дустов вынуждены скрываться в различных городах Узбекистана. Жизнь этих людей и благополучие их родственников по-прежнему находились в опасности. Я разыскал их через своих товарищей и при встрече старался, как мог, приободрить. «Боже милостивый! — думал я тогда,— Разве кроме добра они причинили кому-то зло? Разве Джурабек Муродов не приумножал славу таджикского искусства, разве не ему аплодировали благодарные слушатели во многих странах мира? Как же посмели главари оппозиции поднять руку на замечательного певца и музыканта, славного сына своего народа?».

Действительно, во все времена враждующие стороны, как правило, остерегались причинить зло людям искусства, можно сказать, лекарям душевных ран. Ибо люди искусства, художники, если они по-настоящему талантливы и своим искусством затрагивают человеческие чувства, одинаково принадлежат всему миру.

Не случайно великий Саади сказал:

Что толку наставлять ослепленного злобой,
Железный гвоздь в камень забить невозможно.

Своим отношением к людям творческого, интеллектуального труда оппозиция еще раз обнажила свою сущность, продемонстрировала жестокость и цинизм.

Все это меня очень волновало. Оказавшись в кабинете генерального директора завода «Заря Востока» в городе Чкаловске, с любезного разрешения А. И. Нестерова я воспользовался его ВЧ и вышел на президента, рассказал ему, в каком положении находятся такие уважаемые люди как Д. Муродов и Н. Дустов. Со своей стороны я попросил, чтобы президент сделал все возможное, чтобы Н. Дустов и Д. Муродов были ограждены от преследований оппозиции, смогли вернуться домой и работать в нормальных условиях. Но, как я понял, мои предложения пришлись не по душе Р. Набиеву.

Этот случай еще больше укрепил меня во мнении, что в политике не бывает истинных друзей. В политике бывают только союзники, любой из которых может предать другого или отвернуться от него, если это будет необходимо для достижения цели или собственного благополучия. Не раз и не два у меня опускались руки, когда я видел, что люди, еще вчера клявшиеся в преданности, из личных интересов переходят на противоположную сторону и становятся заклятыми врагами. От таких «друзей» предостерегал великий Ибн Сино.

Мой друг с моим врагом сегодня рядом
был.
Не нужен сахар мне, что смешен с
ядом был!
С подобным другом впредь не должен
я дружить:
Беги от мотылька, когда он с гадом был!

С ВЕРОЙ В СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Листая на досуге такие замечательные творения великих государственных мужей, как «Книга о политике», «Ахлоки Мухсини» Мулло Хусайна («Нравственность») и «Таджики» Б. Гафурова, в которых приведены поучительные примеры из жизни правителей и окружающих их людей, я думал о том, как превратен и изменчив мир, в котором мы живем.

Жизнь продолжалась, и я решил устроиться простым рабо-

чим на Анзобском горнообогатительном комбинате. Вместе со своим верным и отважным товарищем Амиркулом Азимовым мы приехали в Айнинский район и зашли к первому секретарю райкома партии, народному депутату республики Мирзобеку Мирзобадалову. Я попросил его помочь мне устроиться на Анзобский ГОК, потому что тогда с директором этого предприятия Иваном Федоровичем Глазуновым я был знаком лишь заочно.

На другой день мы поехали в поселок Сарводу. Мирзобек Мирзоевич направился к директору прямо домой, потому что день был выходной, а мы с Амиркулом остались ждать на улице. Пока они говорили, я признаться, передумал о многом. Поймет ли меня правильно Иван Федорович? Даст ли согласеи, чтобы я работал на его предприятии? Может, он, как и многие другие, не станет рисковать и не захочет со мной иметь дело? Ведь тогда Президиум Верховного Совета во главе с А. Искандаровым, так же как и правительство национального примирения, был покорным исполнителем воли оппозиции. А президент был так напуган, что не хотел общаться со мной или Н. Дустовым даже по телефону.

Тут подоспел и Мирзобадалов. По улыбке на его лице я понял, что меня ждет приятное сообщение. «Я нисколько не сомневался, что Иван Федорович пойдет вам навстречу,— сказал Мирзобек Мирзоевич.— Это человек фронтовой закалки. Знает, почем фунт лиха. Когда он узнал, что вы хотите устроиться проходчиком на шахту и что ждете его ответа, он решил тут же встретиться с вами. Но прежде скрылся в ванной комнате, чтобы побриться. Глазунов сказал: «Для меня Сафарали Кенджаев — председатель Верховного Совета».

А через несколько минут эти же слова я услышал и от самого Ивана Федоровича. Он обнял меня, поцеловал и твердо сказал: «Сафарали Кенджаевич! Я очень уважаю вас и впредь мое отношение не изменится к вам. Я с радостью уступлю вам место директора, а сам буду вашим заместителем. С самого начала мы все были на вашей стороне. У нас еще до сих пор висят лозунги: «Мы с Вами, Сафарали Кенджаевич!»

Честно говоря, я не ожидал такого искреннего и теплого приема. Здесь, в горах, я бывал всегда только проездом. На глазах у меня появились слезы и я поспешно отвернулся, чтобы никто их не заметил. Иван Федорович продолжал радушно: «Пока решится вопрос с жильем, будете бесплатно жить в нашей гостинице. Если нужно, создадим график дежурства и наши рабочие будут обеспечивать вашу безопасность. А сейчас прошу всех в столовую — время обедать».

Я не знал, какими словами выразить мою благодарность этому замечательному человеку, крупному руководителю. Меня особенно волновал вопрос жилья, потому что в результате прошедших событий моя семья оказалась разбросанной и дети скрывались у разных людей. Сколько бы я ни жил, куда бы меня не забросила судьба, где бы я ни работал, я никогда не забуду той поддержки, которую в трудный час оказал мне И. Ф. Глазунов.

Его имя широко известно в нашей республике. Я его раньше знал по смелым и умным выступлениям на различных совещаниях, по тому, как он по-государственному, широко ставил вопросы. Когда много лет назад Иван Федорович приехал на Анзобский ГОК, это было отстающее предприятие. За 20 лет его руководства комбинатом там произошли большие изменения. Особенно много сделал И. Ф. Глазунов для развития социальной сферы, подготовки специалистов местной национальности. Все это снискало опытному директору, умеющему работать с заглядом вперед, большое уважение в народе.

Мы пришли к такому решению, что я займу вакантное тогда место заместителя директора по строительству. По правде говоря, я немного оробел, когда мне была предложена эта должность. Ведь я — юрист, мое дело — улучшать законодательство, а тут — замдиректора по строительству. Но Иван Федорович меня подбодрил: «Ничего, не боги горшки обжигают. Вы всегда можете рассчитывать на нашу помощь».

Так я приступил к своим новым обязанностям. Очень скоро убедился, что попал в очень хороший коллектив и был восхищен четкой организацией производства, дисциплиной. Меня окружали опытные специалисты, общительные и сердечные люди — Мухаммади Сафаров, Наврузбой Зохидов, Екубджон Арбобов, Шукрулло Сафаров и другие. Они ни на минуту не оставляли меня одного. Когда стало известно, что я устроился на работу на Анзобском ГОКе, мне отовсюду выражали поддержку. Из Куляба приезжали Рустам Абдурахимов, Сангак Сафаров, Мулло Хайдар Шарифов и другие.

Моими делами и жизнью постоянно интересовались руководители Айнинского района—председатель райисполкома У. Джунайдов, его заместители Г. Садуллаева, Ф. Мерганов, Д. Холиков, секретари райкома М. Мирзобадалов, М. Бобоева, председатели колхоза им. С. Орджоникидзе Р. Аслиддинов, колхоза им. Энгельса С. Шокиров, колхоза «Россия» М. Пиров, редактор районной газеты С. Туйгунов, уважаемые в районе люди— Хасан Карамов, Барот Султонов, Махсум Одинаев, Кори Каримов. Они всегда были рядом со мной.

В Сарводе, где проходит трасса, связывающая через Анзобский перевал столицу и юг республики с Ленинабадской областью и Узбекистаном, я с болью в сердце наблюдал, как ежедневно сотни машин, нагруженные домашним скарбом, уходили на север. То были беженцы, вынужденные покинуть свои дома в районах, где шла гражданская война и бесчинствовала оппозиция, и ехать неизвестно куда. Что было делать? Как говорится, земля тверда, а небо высоко. И все же, я несколько раз посылал телеграммы президенту Р. Набиеву и председателю Верховного Совета А. Искандарову, настойчиво просил созвать сессию в одном из городов Ленинабадской области, пригласить представителей всех районов и областей, наблюдателей из соседних республик и экспертов ООН, а также лидеров оппозиции. Только таким образом можно было дать объективную оценку тому, что происходило в республике, предпринять какие-то шаги. Но А. Искандаров под разными предлогами отклонял это предложение и все больше обнаруживал свою связь с оппозицией. Он и его приспешники хорошо понимали, что на сессии большинство депутатов выступят против них.

Мне было также тяжело сознавать, что созыв сессии всячески оттягивал президент Р. Набиев, он почему-то тоже был заинтересован в этом. Это было ясно, как день. Иначе своим указом он мог бы созвать сессию, собрать депутатов и решить наболевшие вопросы. Президентское правление давало ему на это полное право.

Именно по причине нерешительности президента, его пассивности затянулась братоубийственная война, перекинулась на многие города и селения. В результате погибло много людей, тысячи семей лишились крова и стали беженцами.

Дважды я давал президенту телеграмму такого содержания: «Для прекращения братоубийственной войны необходимо созвать сессию Верховного Совета республики под вашим руководством с участием руководителей областей, членов правительства и Президиума Верховного Совета, органов правопорядка, представителей бывших союзных республик, а также оппозиции. Пусть каждая сторона изложит свои требования, а вы определите свою позицию. Затем, приняв соответствующее решение, направите правительственные силы на его выполнение».

Мы, депутаты из Ленинабадской области, собрались в Ганчинском районе и, обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что лучше всего созвать сессию в Пенджикенте. Руководители области высказали опасение, что проведение сессии в Худжанде может привести к дестабилизации обстановки в областном центре.

Мы собрали 92 подписи под своим заявлением и отправили председателю Верховного Совета А. Искандарову, но он опять проигнорировал законное требование народных депутатов и тем самым нарушил конституцию. А война тем временем разгоралась все сильнее, приводя к новым жертвам.

КУЛЯБСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

7 мая 1992 года, сразу после подписания соглашения между президентом и председателем Кабинета Министров, с одной стороны, и лидерами исламско-демократического оппозиционного блока — с другой, собравшиеся на площади Озоди, как и было согласовано, стали разъезжаться. Но по пути домой на кулябцев, составляющих большинство на площади Озоди, напали вооруженные шахидонцы, открыли огонь, в результате которого погибли несколько человек и вышел из строя ряд машин.

Недалеко от кинотеатра имени Джами, что рядом с площадью Озоди, вооруженными лицами были задержаны руководители кулябского ополчения Рустам Абрурахимов, Сангак Сафаров и Давлат Сафаров. Над ними издевались, оскорбляли, как могли. Затем заперли в подвале Президентского дворца, который оппозиционеры превратили в тюрьму и место пыток. Там их продержали пять суток. Позже С. Сафаров скажет: «Я многое повидал в жизни. Но жестокость, с которой террористы именем ислама пытали пленных, не может сравниться ни с чем».

Когда Р. Абдурахимов, С. Сафаров и Д. Сафаров, обессиленные от страшных побоев, голода и жажды, лежали на полу, ночью к ним ворвалась очередная толпа головорезов, каратегинская группа. И каждый из них жаждал крови, у молодчиков головы были повязаны платками, на которых было написано: «Победа или смерть!» Они набросились на свои жертвы с полным ненависти возгласами: «Эй, вы, отступники от веры, защитники коммунистов! Вставайте! Сейчас вы расплатитесь за все!»

Первым поднялся Сангак Сафаров. Затем, поддерживая друг друга, встали на ослабевшие ноги Р. Абдурахимов и Д. Сафаров. Под дулом автомата их стали спрашивать: «По чьему приказу вы пришли на площадь Озоди? Что связывает вас с Сафарали Кенджаевым? Кто придумал лозунг: «Долой казикалона!»?

— Отвечайте, или мы вас прикончим на месте!» — требовали бандиты.

Пленные молчали.

— Мы пришли без оружия, пришли, чтобы восстановить справедливость,— заговорил Р. Абдурахимов.— Сафарали Кенджаев никому из нас не приходится родственником. А лозунги выражают волю сотен тысяч людей, чьи посланцы и собрались на площади Озоди.

Услышав такие слова, один из бандитов взревел и приставил дуло автомата к груди Рустама.

— Убью, как собаку!

Рустам гордо поднял голову:

— Вы нас можете убить. Но за нами стоят тысячи людей. Вам никогда не удастся обмануть народ. Правда все равно восторжествует. И тогда вам не уйти от возмездия.

Воцарилась гнетущая тишина. Было слышно, как тяжело дышит тот, кто приставил автомат к груди Рустама. В эту минуту один из бандитов сказал:

— Оставь его. Эти негодяи нам пока нужны живыми. Велено показать их по телевидению.

Действительно, на другой день Рустама Абдурахимова и Сангака Сафарова повели в телестудию, чтобы лидеры кулябцев выступили по телевидению и признались в том, что их обманом привели на площадь, чтобы они раскаялись и попросили прощения. Но как ни угрожали этим мужественным и честным людям, как ни издевались над ними, они говорили одно: «Нет, от нас вы этого не дождетесь. Если мы и выступим по телевидению, то будем говорить правду и только правду».

Спустя пять дней, только после того, как народ в Кулябе провел митинг и решительно потребовал освободить Сангака Сафарова, Рустама Абдурахимова и Давлата Сафарова, пленников выпустили на свободу. Когда они вернулись домой, народ встречал их как героев.

Узнав о том, как над ними измывались, люди пришли в ярость и готовы были растерзать бандитов, если бы в это время они попали им в руки.

Ведь, как сказал поэт:

Народ, как море, и кто идет против него,
Очень скоро сгинет, как пучина.

Но все это было только началом испытаний. В течение нескольких дней в Куляб привозили обезображенные тела людей, погибших от рук ваххобистов и боевиков оппозиции в Кофарнихоне, в селении Олий Совет Ленинского района и окрестностях Душанбе. Люди, оплакивая своих родных, клялись отомстить убийцам и освободить Таджикистан от бандитов и террористов.

Опьяненные победой, лидеры оппозиции упивались властью, по-прежнему деля между собой руководящие кресла и доходные места. Они были похожи на свору голодных волков, терзавших свою жертву.

Полностью оказавшись под влиянием оппозиции, президент Рахмон Набиев совершал одну ошибку за другой. По указке оппозиции он отстранил от должности достойных и преданных ему людей. Фактически президент стал «игрушкой» в руках оппозиционеров и покорно выполнял все, что они требовали.

«Народное» телевидение и радио были всецело заняты восхвалением «демократических преобразований», называя спасителями нации партию исламского возрождения, демократическую партию и народные движения «Растохез» и «Лаъли Бадахшон». В то же время радио и телевидение обвиняли собравшихся на площади Озоди во всех смертных грехах, предоставляли слово реакционно настроенным представителям духовенства, которые объявляли их кафирами-нечестивцами и призывали не читать джанозу-заупокойную молитву по усопшим коммунистам.

В их руках была мощная пропагандитская машина. И они не переставая убеждали людей в том, что те поступают правильно и что молоко черного цвета. И никто из руководителей республики, ни Р. Набиев, ни А. Искандаров, ни само правительство национального примирения не делали никаких попыток остановить все это, хотя было ясно, что каждая очередная передача — дестабилизирующий фактор и активно натравливает друг на друга людей одной веры.

Наоборот, правительство республики создало комиссию, чтобы выявить и привлечь к ответственности организаторов митинга на площади Озоди. Как будто они не знали, что люди на площади Озоди собрались для восстановления справедливости, для защиты конституционного строя. Разве это было разумно? Почему же правительство не предприняло ничего в отношении тех, кто 45 дней митинговал на площади Шахидон и в то же время совершал преступления?

Все это до предела накалило обстановку. Жители Куляба чувствовали себя оскорбленными, не могли смириться с участью, которую уготовили им руководители республики. К сожалению, лидеры исламско-демократического оппозиционного блока забыли историю, которая гласит, что гордые и свободные кулябцы никогда не склоняли головы перед своими врагами. Арабские завоеватели ушли из Хутталона, как раньше называлась кулябская земля, ни с чем.

Об этом историческом событии свидетельствуют сложенные народом и сохранившиеся через многие века стихи:

Из Хутталона ты ушел
С краской стыда на лице.
Зря потратив столько сил,
С пустыми руками ты ушел...

Монголы сожгли здесь все до тла, но кулябцы так и не покорились им. Доведенные до отчаяния поборами эмирских чиновников, кулябцы сплотились вокруг отважного Восе и подняли мощное восстание, которое потрясло весь Бухарский эмират. Разве такой народ сломается, пойдет на попятную перед горсточкой демагогов и лжедемократов? Разве испугается угроз фундаменталистов?!

Обо всем этом забыли лидеры оппозиции и их советники, уверенные в том, что в недалеком будущем им подчинится весь Таджикистан и они будут безраздельно править в нем.

Конечно, события ,расколовшие Таджикистан на две противоборствующие стороны, не могли не сказаться на положении и в Кулябской области. Там народ тоже разбился на две группы по своим политическим убеждениям, и они заняли противоположные позиции. Одни были за восстановление законного правительства, действовавшего до 7 мая 1992 года, а также за роспуск правительства национального примирения и Национального Маджлиса, образованных вопреки требованиям конституции. Другие поддерживали исламско-демократический оппозиционный блок.

Обстановка в городах и районах Кулябской области обострялась с каждым днем. Сторонники ваххобистов оскорбляли и преследовали тех, кто участвовал в митингах на площади Озоди. Кулябских ваххобистов возглавлял имам-хатиб одной из мечетей Кори Абдурахим Каримов.

Какую опасность представляет ваххобизм для таджикского народа очень хорошо понимали члены истинно демократического общества «Ошкоро», которым руководил известный музыкант Рустам Абкурахимов. Вокруг «Ошкоро» собрались честные и мужественные люди из Куляба — Сангак Сафаров, Лангари Лангариев, Мулло Хайдар Шарифов, Саид Салимов, Зардакшо Курбонов, Бурихон Джобиров, Абдуназар Саидов, Киммат Рустамова, Мамадшариф Шарифов, Абдусалом Курбонов и др.

Они предвидели, что если власть в республике захватят ваххобисты, то они, как это бывало в некоторых странах, первым делом начнут истреблять инакомыслящих, приверженцев исламского течения «ханафия», к которому относится подавляющее большинство населения Средней Азии и которое здесь существует уже 1400 лет. Затем исламские фундаменталисты

возьмутся за своих союзников, так называемых «демократов», которые надеялись с помощью ваххобистов захватить власть. От них ваххобисты избавятся с привычной для них беспощадностью, а о коммунистах и говорить не приходится. Не раз на площади Шахидон раздавались призывы расправиться со всеми членами коммунистической партии и их сторонниками. Не пожалеют ваххобисты и свободно мыслящую интеллигенцию, которая вместо активного противостояния злым силам, пряталась по углам, предпочитала отсиживаться в окопах.

Вот почему отважные и дальновидные сыны земли Кулябской для борьбы с ваххобистами и жаждущими власти «демократами», которые и разожгли братоубийственную войну, в областном центре и во многих районах создали штабы кулябской национальной гвардии. Командиром гвардии был избран 51-летний Саид Салимов, учитель по образованию, заместитель председателя областного комитета профессиональных союзов, отец 10 детей. Он принимал самое активное участие в митинге на площади Озоди, был горячим сторонником восстановления законного правительства. Его знали и уважали как пламенного оратора и трибуна. Он говорил во время переговоров с лидерами оппозиции в Хороге, всегда утверждал, что пока не подаст в отставку правительство национального примирения, и не будет восстановлено правительство, все заявления об установлении мира и спокойствия в Таджикистане стоят не больше написанного на льду в солнечную погоду. Он также резко осуждал все попытки религии вмешиваться в политику и государственные дела.

Штаб национальной гвардии возглавил 35-летний Лангари Лангариев, бывший до этого командиром отряда в исправительно-трудовой колонии № 7 МВД города Душанбе. В свое время он закончил специальное училище МВД в г. Чимкенте, отличался отвагой, мужеством и хорошей физической подготовкой.

Когда в Душанбе узнали о том, что Лангари Лангариев возглавил национальную гвардию в Кулябе, оппозиционеры решили взять в заложники его жену с малолетними детьми. К скастью, нашлись добрые люди, которые помогли им бежать из Душанбе и благополучно добраться до Куляба.

Р. Абдурахимов, С. Сафаров, Мулло Хайдар Шарифзода, были заняты формированием боевых отрядов, готовили бойцов, разъясняли среди населения цели и задачи гвардии.

Люди знали, что национальная гвардия создана для защиты населения от любых посягательств ваххобистов и лжедемократов. Руководство области также всецело поддерживало отряды

самообороны. Штаб был расположен на первом этаже обкома КП Таджикистана.

Оппозиционные газеты, радио и телевидение подняли невиданную шумиху вокруг кулябских боевых формирований, а лидеры оппозиции под руководством Давлата Исмона и Джурабека Аминова стали разрабатывать план по их уничтожению. Они были испуганы мощным сопротивлением кулябцев, но были уверены в своих силах: в их руках было сосредоточено все военное снаряжение МВД, КНБ, Министерства обороны. К тому же оппозиция готовилась к таким событиям в течение 15 лет, было накоплено много оружия и боеприпасов.

Но не так просто было одолеть кулябское сопротивление. Куляб стал мощной и недоступной крепостью, камнем преткновения на пути оппозиции к полной и окончательной победе на территории всего Таджикистана. Руководители Кулябской области и, в первую очередь, председатель облисполкома Курбонали Мирзоалиев, члены компартии, просто честные и гордые люди, патриоты оказывали большую поддержку национальной гвардии, сами были активными ее членами. В отряды самообороны записывались даже девушки. Разве можно сломить боевой дух гордых и мужественных жителей земли Кулябской, поставить их на колени?! Никогда!

Штабы работали день и ночь, там тщательно анализировалась информация о действиях оппозиции и оперативно предпринимались меры по обеспечению безопасности населения области.

Ряды бойцов отрядов самообороны росли с каждым днем, добровольцами становились даже старики. Все были уверены, что власть террористов и экстремистов, собравшихся под знаменем ислама, не продержится долго.

Правильно сказано: несправедливых власть недолговечна.

По инициативе председателя Кулябского облисполкома Курбонали Мирзоалиева 12 мая 1992 года была созвана внеочередная сессия областного Совета народных депутатов, в работе которой приняли участие и депутаты Верховного Совета, проживающие в Кулябской области. Конечно же, главной темой на сессии была политическая обстановка в республике.

Депутаты горячо обсуждали создавшееся положение, признали незаконными многие указы президента и твердо придерживались мнения, что смещенное правительство должно быть вновь восстановленно.

Областной Совет постановил, что решения правительства на территории Кулябской области не будут выполняться, поскольку само правительство незаконно. Депутаты также единодушно

проголосовали за то, чтобы все предприятия, организации и учреждения, находящиеся на территории Кулябской области, перешли в прямое и полное подчинение облсовету. Другим решительным требованием депутатов было то, чтобы в самое ближайшее время в безопасном месте была созвана сессия Верховного Совета республики, с обсуждением политической обстановли и оценкой происходящих событий.

На сессии облсовета также было подчеркнуто, что все шаги, предпринятые кулябскими депутатами, направлены только на нормализацию обстановки в республике и восстановление законного правительства.

Как и следовало ожидать, правительство национального примирения проигнорировало решения сессии Кулябского облисполкома. Но все равно позиция кулябских депутатов получила широкую огласку и была воспринята с большим воодушевлением во многих уголках республики.

Еще раз хочу подчеркнуть большую роль, которую играл в усилении кулябского сопротивления председатель Кулябского облисполкома Курбонали Мирзоалиев. Он сумел собрать вокруг себя здоровые силы области, поднять и сплотить народ. Несмотря на давление, которое на него оказывали явные и тайные враги, как в самой области, так и за ее пределами, несмотря на то, что едва ли не самые видные лидеры оппозиции А. Сохибназаров и А. Тураджонзода объявили ему войну, он был тверд и ни разу не свернул с избранного пути.

Как тут не вспомнить слова поэта:

Когда к нему приходит испытание.
Мужество по-новому встает

В ответ на решения Кулябского областного Совета народных депутатов правительство национального примирения, Президиум Верховного Совета и лидеры исламской демпартии незамедлительно предприняли контрдействия — ввоз любого груза, в том числе и товаров первой необходимости, в Кулябскую область был строго оспрещен. В течение полугода население находилось в жесточайшей экономической блокаде. Но гордые и отважные кулябцы — Саид Салимов, Джами Ибрагимов, Файзали Саидов, потомки славного Восе, каждый раз на призыв руководителей исламско-демократического оппозиционного блока неизменно отвечали: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Даже, если мы все погибнем с голоду, и тогда не склоним головы перед врагами народа».

День и ночь в штабах кулябских отрядов самообороны ца-

рило оживление. Люди, сплотившись вокруг своих руководителей — Р. Абдурахимова, Л. Лангариева, С. Сафарова, Талабшо, Бурихона Джаббарова, Кимат Рустамовой, М. Шарифзода — готовы были в любую минуту дать отпор своим недругам. Бойцы отрядов самообороны вооружались чем могли, потому что оружия было очень мало. Население области готово было отдать последний кусок хлеба, лишь бы пополнить сундук для пожертвований, установленный в штабе национальной гвардии. В результате было собрано несколько миллионов рублей, которые расходовались на содержание гвардии, а также оказание помощи семьям погибших.

Лидеры оппозиции также не сидели сложа руки. Они создавали в городах и районах области штабы сторонников «Ваххобия» и «исламской демократии», вооружали их и сталкивали со своими братьями. Этим движением в области руководил имам-хатиб мечети в Кулябе Ходжи Мулло Абдурахим.

Сторонников ваххобистов в области не так уж много, потому что народ уже понял, кто они и чего добиваются. Но вооруженные до зубов, они своими угрозами будоражили общество, напоминали о нависшей опасности. Их вооружение, крикливые лозунги и бесстыдные заверения свидетельствовали о том, что оппозиция готовилась к этим событиям давно, что ваххобисты вместо очищений грехов и общения с Богом в мечетях учили своих приверженцев методам войны и вселяли в их души ненависть ко всем, кто не разделяет их мнений.

Противостояние сторон в области стало нарастать, обстановка менялась с каждым часом, в любую минуту могли произойти столкновения. Кулябские ваххобисты, действуя по указке сверху, делали все возможное для того, чтобы область перешла в руки оппозиции. Все попытки командиров национальной гвардии, работников органов внутренних дел, руководителей области по предотвращению нарушений правопорядка оказались безуспешными.

Ваххобисты провоцировали на улицах столкновения, брали в заложники инакомыслящих, наводили страх на мирных людей. Они оказывали сопротивление работникам милиции, не подчинялись властям. Все их попытки были направлены на одно — совершить государственный переворот в городе Кулябе и захватить власть.

Они словно забыли предупреждение, которое когда-то изложил в своих стихах поэт:

Бразды правления удержать едва ли можно силой,
Незрячему зачем подводить глаза сурьмой?

Исламские фундаменталисты с оружием в руках разгуливали по улицам, объявляли изменниками и отступниками от веры тех, кто был против них, угрожали им расправой.

Видя, что работники правоохранительных органов не в силах навести порядок и обеспечить безопасность граждан, на помощь им пришли командиры национальной гвардии. Надо было защитить людей от террористов, действующих под знаменем ислама, не дать разгореться гражданской войне. Но несмотря на все стремления установить мир и спокойствие в области, после очередной хулиганской выходки зарвавшихся ваххобистов произошло столкновение между ними и бойцами самообороны.

В результате был захвачен очаг ваххобизма в Кулябе-мечеть, в которой имам-хатибом состоял ярый сторонник исламских фундаменталистов Мулло Абдурахим. То, что открылось глазам бойцов самообороны, переполнило чашу терпения. В подвалах мечети находились люди, закованные в цепи, над ними издевались, подвергали пыткам, изуверствовали. В мечети также были обнаружены в большом количестве оружие, боеприпасы, 200 компьютеров, швейные машины, 6 тысяч утюгов и многое другое.

Тот, кто читал романы «Палачи Бухары» С. Айни и «Дочь огня» Д. Икроми, наверняка обратил внимание, что почерк ваххобистов во многом схож с жестокими действиями реакционных, ослепленных злобой мулл в 1918 году. Тогда они под предлогом уничтожения «джадидизма» вот так же расправлялись со свободомыслящими людьми. Но почему же в таком случае те, кто с трибуны площади Шахидон называл себя демократами и сторонниками процветания страны, пошли за террористами и убийцами? Неужели уроки истории не пошли впрок? Или эти политиканы не были способны к анализу и прогнозу событий?

В течение двух месяцев в городах и районах области продолжались столкновения между отрядами самообороны и ваххобистами. Оппозиция в Душанбе с помощью правительства национального примирения оказывали всяческую поддержку своим сторонникам-кулябцам, снабжала их оружием, провизией, давала указания и вдохновляла на захват власти в областном центре. Для осуществления своих целей Давлат Исмон, Шодмон Юсуф, Акбар Тураджонзода, Мухаммадшариф Химматзода, Аслиддин Сохибназаров и другие под руководством прошедшего большую школу в КГБ бывшего СССР первого заместителя председателя Комитета национальной безопасности Республики Таджикистан, полковника Д. Аминова строили

тактические планы и согласно испытанным методам организации исламских фундаменталистов «Ихвон-ул-муслимин» направляли террористические группы в Куляб для устранения патриотов нации, тех, кто представлял для них наибольшую опасность.

Одну из таких террористических группировок возглавил известный в уголовном мире Исматча, родом из Куляба. Его группа, вооруженная современным оружием, на семи легковых автомобилях, двух грузовых и машинах «Скорой помощи» 3 июня 1992 года отправились в Кулябскую область для совершения террористических актов и диверсий. По пути, заехав в штаб национальной гвардии в Дангаре, они захватили все имеющееся там оружие. Затем прибыли в Восейский район и напали на отряд самообороны. В результате этого внезапного нападения погибли пять отважных бойцов, пытавшихся преградить путь террористам. Среди них были Рустам Абдуллоев, Рустам Сабзаев, так много сделавшие для создания штаба национальной гвардии.

В тот день в Восейском районе был траур. В похоронной процессии на центральном кладбище принимало участие много людей. Во время джанозы — заупокойной молитвы на кладбище вновь ворвалась террористическая группа Исматчи. Она насчитывала где-то 50 человек, все были вооружены до зубов. Некоторые из них имели в руках видеокамеры. Растолкав людей, они стали снимать погибших на телепленку. Делалось это для того, чтобы потом показать по «народному» телевидению и все свалить на бойцов отряда самообороны.

К полудню на место этого неслыханного и кощунственного происшествия из Куляба прибыли бойцы национальной гвардии. Их было около 30 человек, командовал ими сам Лангари Лангариев. Из соседнего Московского района также прибыл отряд под руководством Бурихона Джобирова и Абдусалома Курбонова.

Между шайкой Исматчи и отрядами самообороны завязался бой, который длился несколько часов. Кончилось тем, что в банде Исматчи погиб 21 человек, а в отряде Лангари Лангариева был убит один боец, русский по национальности. Между боями, под визг пуль жители Восейского района предали земле тела пяти погибших бойцов отряда самообороны.

Тем временем Исматча с оставшимися бандитами скрылся в горах и двинулся в Советский район. Узнав о случившемся, лидеры оппозиции засуетились, думая о том, как спасти террористическую группу. Видимо, они боялись, что если террористов возьмут живьем, то разоблачение будет неминуемо. Злоупотреб-

ляя служебным положением, Давлат Исмон позвонил руководителю ХОЗУ Кабинета Министров Б. Сангинову и велел отправить вертолет в Советский район. Б Сангинов отказался выполнить требование Д. Исмона, ссылаясь на то, что такое распоряжение может дать только председатель Кабинета Министров. «Ты еще вспомнишь обо мне»,— пообещал Д. Исмон и бросил трубку.

Не прошло и получаса, как в ХОЗУ позвонил председатель Кабинета Министров А. Мирзоев и велел впредь беспрекословно выполнять все приказания Д. Исмона.

Таким образом, 8 июня 1992 года в 17.45 в сторону Советского района вылетел вертолет Ми-8, которым управлял экипаж в составе командира Т. Сардорова, пилота О. Таджибоева и бортмеханика Т. Кароматова, с инспектором управления гражданской авиации А. Б. Идрисовым. На борту вертолета находилось еще и четыре пассажира во главе с Салимовым. Для обеспечения их безопасности по заданию председателя КНБ А. Солибаева вылетел также работник КНБ А. Пиров.

Уже в воздухе летевшие на выручку Исматчи надели бронежилеты.

18.30 вертолет приземлился в Советском районе, недалеко от центра. А. Пиров и экипаж остались на борту вертолета, пассажиры уже спустились и быстро направились в близлежащий кишлак. Вскоре они вернулись. Но не одни. С ними было пять человек раненых из группы Исматчи. Один из них даже пытался шутить: «Если бы не бронежилет, проклятый Лангари превратил бы меня в решето».

Вертолет взял курс на Душанбе. Когда пролетали над каким-то кишлаком, пассажиры потребовали приземлиться, чтобы взять еще несколько раненых. Но командир отказался выполнить это требование, потому что и без того был перегруз и уже начало смеркаться.

Через несколько дней пришло сообщение, что шайка Исматчи была полностью разгромлена.

Случай, описанный выше, полностью подтверждают в своих показаниях члены экипажа вертолета и сотрудник КНБ А. Пиров.

Из показаний командира вертолета Ми-8 Сардорова Т. Т.:

«8 июня 1992 года после выполнения задания МВД республики мы возвратились из Пянджского района в город Душанбе. Поступил приказ Кабинета Министров немедленно вылететь в Советский район. Экипаж явился на взлетную площадку. Туда же с пятью пассажирами пришел инспектор ТУГА Идрисов.

Одним из пассажиров был ответственный работник КНБ А. Пиров.

Перед вылетом А. Пиров позвонил из Управления заместителю премьер-министра и сообщил, что один из пассажиров не явился по неизвестным причинам. Давлат Исмон разрешил вылет.

На другой день, то есть 9 июня 1992 года ,во время беседы начальник Кулябского аэропорта С. Табаров сообщил что 8 июня 1992 года они на вертолете из Советского района вывезли группу под командованием Исматчи в Душанбе».

Из показаний А. Пирова:

«8 июля 1992 года по приказу председателя КНБ А. Солибоева на вертолете Ми-2 мы вылетели в Советский район для доставки убитых и раненых из группы Исматчи, принявших участие в вооруженных столкновениях в Восейском районе. Вместе с нами вылетели еще четверо во главе с Салимовым».

Из показаний начальника ХОЗУ Кабинета Министров Бохирджона Сангинова:

«8 июня 1992 года заместитель председателя Кабинета Министров Давлат Исмон дал мне указание выделить вертолет для вылета в Советский район. Я объяснил ему, что по положению выделение вертолетов входит в полномочия председателя Кабинета Министров. В ответ он сказал: «Если я не могу решить даже такой вопрос, тогда зачем кровь проливал?» Через 30 минут премьер-министр республики Акбар Мирзоев позвонил и сказал: «Немедленно выполните приказ Давлата Исмона. Дайте указание руководству гражданского управления Таджикистана, чтобы послали вертолёт в Советский район».

Хочу рассказать еще об одном факте, свидетельствующем о террористических актах оппозиции и поддержке ее со стороны руководителей республики.

Группа диверсантов по заданию Давлата Исмона и Мулло Абдурахима перешла границу в Московском районе с целью приобретения оружия в Афганистане. Во время возвращения 3 июля 1992 года их обнаружили пограничники и на седьмой заставе завязалась перестрелка. Один из нарушителей бежал, другой погиб, остальные были схвачены пограничниками. И опять по заданию председателя Кабинета Министров А. Мирзоева и его заместителя Д. Исмона в Московский район для спасения диверсантов 4 июля 1992 года вылетел вертолет Ми-8 № 25427. Им управлял экипаж в составе командира А. Мелкозерова, второго летчика А. Каримова и бортмеханика Р. Хамидова. Но после приземления в аэропорту Московского района вертолет был захвачен отрядом самообороны Абдусалома Кур-

банова. Об этом в транспортной прокуратуре Таджикистана есть показания Д. Исмона, Дж. Иномова, А. Мелкозерова и других.

Тут следует добавить, что со временем Исматча понял, в какую игру его втянули лидеры оппозиции.

Чтобы искупить вину перед земляками, он включился в активную борьбу против оппозиции. Но во время одной из операций в октябре 1992 года он погиб в городе Душанбе.

Бои в Кулябской области продолжались еще долго. И та, и другая сторона несли большие потери. Но в конце концов отряды самообороны под руководством Л. Лангариева очистили область от ваххобистов ,активную поддержку Лангари и его бойцам оказывало население. Под ногами ваххобистов и их сторонников горела земля. Они были вынуждены бежать и искать приют у своих благодетелей, руководителей казиата, правительства национального примирения и Президиума Верховного Совета Республики Таджикистан. Требуя защиты у правительства, они даже организовали митинг. Умело пользуясь создавшимся положением, Д. Исмон и руководители «штаба спасения Родины», отправляли бежавших из Куляба своих сторонников в г. Курган-Тюбе, где вовсю полыхало пламя гражданской войны.

СТОНЫ ЗЕМЛИ ВАХШСКОЙ

Как уже говорилось выше, после того как было подписано соглашение между президентом республики, председателем Кабинета Министров и лидерами оппозиции, жители Курган-Тюбинской области, принимавшие участие в митингах на площади Озоди, верные своему слову, мирно разъезжались по домам. Но шахидонцы, вопреки соглашению, предательски напали на них по дороге.

Шахидонцы были хорошо вооружены, в их распоряжении находилась современная боевая техника. Всех, кто оказывал малейшее сопротивление, они расстреливали на месте. Многих захватили в заложники и заперли в темных подвалах. Председатель колхоза из Бохтарского района Муххарама Мирзоалиева также была схвачена и подвергалась издевательствам. Ее привезли в Душанбе, в казиат. Попавшие туда, как известно, редко выходили живыми. Но этой отважной женщине чудом удалось избежать смерти.

Несмотря на то, что было подписано соглашение о прекращении кровопролития и сдаче оружия, с первых дней после ухода с площадей, люди занимали места по разные стороны бар-

рикад. Деление было по прежнему принципу: шахидонцы и сторонники площади Озоди. Ожесточенному противостоянию способствовали и подстрекательские выступления по телевидению и радио оппозиционных комментаторов Хаитова и Ахмадшо Комилова.

На стороне тех, кто был за конституционный строй и законное правительство, можно было увидеть представителей всех национальностей, проживающих в Таджикистане, людей из самых разных районов республики. Среди них было много верующих, кто свято чтил законы ислама и следовал указаниям пророка. И это было знамением неминуемой победы народа.

Обстановка в Курган-Тюбе и окрестных районах становилась взрывоопасной, органы власти были полностью парализованы. Все вокруг находилось под контролем оппозиции. Управление внутренних дел под руководством полковника милиции Ш. Махрамова открыто поддерживало «исламскую демократию». Сторонники ваххобизма в совхозе «Туркменистан» Вахшского района создали штаб братьев-мусульман, который возглавил редактор газеты «Исламская трибуна» Ходжи Саид Абдулло Нури. Вскоре там же была образована национальная гвардия «Братья-мусульмане», главная задача которой состояла в уничтожении всех, кто поддерживал площадь Озоди.

По всей области прокатилась волна митингов, на которых ваххобисты требовали отставки председателя Курган-Тюбинского облисполкома Абдуло Ахмадова и двух его заемстителей — Усмонкуло Шокирова и Исмата Эшмирзоева. «Вина» последних заключалась в том, что один из них был родом из Ленинабадской области, а другой был узбеком.

Оппозиция кругом расставила посты, где обыску подвергались все, кроме выходцев из Каратегина, Дарваза и Памира. Ваххобисты угрозой или уговорами заставляли примкнуть к ним и тех своих земляков, каратегинцев, которые не разделяли их позицию или были совершенно далеки от политики. Тех, кто не желал присоединиться к ним ,объявляли кафирами, грозили расправой, страдания каждый день выпадали на долю сторонников конституционноог строя. Простые люди, всю жизнь имевшие дело с землей и не понимавшие, чего добиваются лидеры оппозиции, не знали, на чьей стороне правда, с кем идти и слепо следовали за такими же, как они.

Весьма успешно делали «свое» дело «народное» радио и телевидение. В теле- и радиопередачах оппозиционеры представлялись чуть ли не национальными героями, спасавшими Родину, а те, кто был сторонником законного правительства, объявлялись врагами и изгнанниками своего народа. На сто-

рону оппозиции становились некоторые представители интеллигенции, они выступали по телевидению, печатали статьи, пытаясь найти оправдание действиям лидеров оппозиции. В большинстве случаев сторонниками оппозиции владели местнические чувства и региональные интересы. Местничество заразило их всех.

Я всегда уважал и буду уважать трудолюбивый и гостеприимный народ высокогорных кишлаков Каратегина, Дарваза, Бадахшана. Наверное, нет такой сферы, где бы не преуспели представители этих краев, не внесли свой вклад. Еще до революции в Бухаре большинство мударрисов в медресе были выходцами из горных кишлаков. Их много и теперь среди таджикской интеллигенции: ученых, художников, поэтов.

Их знают в народе, к их мнению прислушиваются. Эти люди могут отличить черное от белого, тьму от света. Так почему же эти умные, образованные люди ни разу не выступили публично против оппозиции, не призвали своих земляков одуматься, проявить благоразумие. Почему пошли на поводу у кучки карьеристов и властолюбцев и не попытались остановить народ от кровопролитной войны?

Неужели местнические чувства одержали верх над их разумом, парализовали волю, застлали им глаза?

И в том, что на нашей земле произошла неслыханная и невиданная трагедия, которую очень метко окрестили «таджикско-таджикской» войной, в этом есть вина и интеллигенции — выходцев из Бадахшана, Каратегина, Дарваза. Если бы каждый из них попытался разъяснить правду своим землякам, родственникам, близким и друзьям, попытался унести их с митинга на площади, уверен, там бы остались только демагоги, уголовники и бездельники. Они были бы подобно щепкам, и волны народного движения бесследно унесли бы их. Позиция наблюдателей, которую заняла часть интеллигенции, во многом способствовала успешному осуществлению сценария, разработанного оппозицией.

Почему же свободу и свет они принесли в жертву насилию и мракобесию? Почему не воспользовались средствами массовой информации и не осудили преступные действия партии исламского возрождения, казиата, демократической партии, народных движений «Растохез» и «Лаъли Бадахшон»? Нет, они предпочли позицию невмешательства. И не попытались остановить своих земляков, тысячами прибывших на площадь Шахидон по призыву горсточки экстремистов. Но, помилуйте, во имя чего эти люди должны ставить под угрозу благополучие своих семей, подвергать себя риску? Во имя того, чтобы кучка домо-

гавшихся власти и славы людей заняли теплые места в правительстве? Но разумно ли это?!

Были и такие представители интеллигенции, которые выступали в качестве советников и консультантов лидеров оппозиции. При встрече с Шодмоном Юсуфом, Мухаммадшарифом Химматзода, Давлатом Исмоном, Давлатом Худоназаровым, Амирбеком Атобеком, Саидом Абдуллой Нури, Кори Киёмиддином, Акбаром Тураджонзода они подобострастно улыбались и бросались в их объятия. Своими дифирамбами в адрес организаторов и вдохновителей гражданской войны они напоминали придворных блюдолизов и подхалимов.

Испытывают ли они угрызения совести теперь, когда пламя огня братоубийственной войны обдало всю таджикскую землю, а на могилах жертв проросла трава горечи и сожаления, лидеры же оппозиции, как трусливые шакалы, поджав хвосты, ушли к своим благодетелям за кордон?

Иногда я вижу по телевидению или читаю в прессе выступления тех, кто еще вчера был горячим сторонником оппозиции. Теперь же они выдают себя за невинных голубей или заблудших овец, признаются в любви и верности новому правительству. Знаю, что есть случаи, когда люди, в свое время публично сжегшие свои партбилеты, теперь снова стучатся в двери райкомов и просят принять их в компартию. Конечно, человеку свойственно ошибаться. Но я почему-то с недоверием отношусь к людям, которые так часто меняют свои убеждения и политическую платформу. Кто знает, если бы оппозиция тогда бы одержала полную победу и захватила власть, как бы вели селя эти люди.

Я не собираюсь обвинять всех подряд. Но в те тревожные дни, когда приверженцы течения «Вахоббия» в союзе с демократическими силами» ввергли народ в пучину мук и страданий, где были вы, выохдцы из этих регионов, те кто занимали важные посты и пользовались влиянием среди своих заблудших земляков — Махсумов А. И., Паллаев Г. П., Мирзоев Х. Г., Искандаров А. И., Назаршоев М., Мумин Каноат, Сафиева Г., Аслонов К. А., десятки других ученых и писателей, деятелей культуры?

Наверняка они могли повлиять на ход событий и тем самым преградить путь насилию и разрушениям. Но они не сделали этого.

В феврале 1992 года мне довелось быть гостем в доме одного уважаемого человека и за дастарханом я оказался рядом с академиком Академии наук Таджикистана Акбаром Нусратуллоевичем Махсумовым. Я знал, что это крупный специалист в

области сельского хозяйства, плодотворный ученый ,известный государственный деятель, и всегда относился к нему с уважением. В ходе оживленной беседы уже порядком разгоряченный академик Махсумов стал всячески поносить тогдашних руководителей. В пылу гнева он неожиданно сказал по-русски: «Посмотрите, через два месяца в Таджикистане будет крупный взрыв, никто из вас не останется у власти. Вы все будете в ответе перед народом, и прежде всего те, кто был сторонником алкоголика Рахмона Набиева».

Это было сказано в присутствии множества людей, в том числе вице-президента Н. Дустова, ныне покойного Нурулло Хувайдуллоева.

Услышав такие слова, я поразился.

Я задавался многочисленными вопросами: почему академик позволил себе выразиться так в присутствии множества различных людей? Как расценят они слова человека, занимающего столько лет важные государственные посты? Разве тем самым не вбивает он клин недоверия между народом и руководством республики, не создает конфронтацию? Разве это не призыв к государственному перевороту? Разве это не подрыв авторитета руководства республики, которое делало первые шаги?!

Слова академика вырвались случайно или за ними скрывается четкий и продуманный план оппозиции?! Если такой план разработан, то как он стал известен уважаемому академику?!

Прогнозы академика Махсумова, к сожалению, в основном оправдались. Оппозиция действительно своими действиями совершила в Таджикистане переворот, следом за которым началась братоубийственная война. Случайно ли обронил он тогда свои зловещие слова? Или у него была какая-то связь с оппозицией?! Этого я не знаю до сих пор.

Тогда я, помнится, сказал ученому:

— Уважаемый Акбар Нусратуллоевич! Вы — умудренный жизненным опытом человек. Под вашим руководством находится Академия сельскохозяйственных наук. Скажите, что нам делать?! Как поступить, чтобы улучшить жизнь нашего народа?! Ведь его судьба не безразлична вам. Я всего два месяца как избран председателем Верховного Совета, нуждаюсь в советах и поддержке. Если у вас есть конкретные предложения, приходите завтра ко мне и мы с вами обстоятельно обо всем переговорим. Что же касается президента Рахмона Набиева, то я думаю, что не стоит поливать его грязью. Все знают, что на недавних выборах президента вы были одним из претендентов. Но разве Р. Набиев виноват в том, что получил 60 процентов,

а вы не набрали и трех?! Не надо личные отношения переносить на государственные дела!

Мне не удалось тогда вызвать академика на открытый и честный разговор. Каждый из нас остался при своем мнении. Но о его полных ненависти словах, я не раз вспоминал потом, когда Президентский дворец и здание Верховного Совета находились в жесточайшей осаде, когда сессия Верховного Совета проходила под давлением и народные депутаты оказались в заложниках.

Таких примеров, когда лидеры оппозиции и их приспешники случайно или с умыслом раскрывали свои карты, когда приподнималась завеса с их черных замыслов, можно привести немало. Вот один из них.

Известный «миротворец» Давлат Худоназаров, который видел себя в кресле президента республики, сделал по «народному» телевидению следующее заявление: «Я говорил и еще раз повторяю: быть гражданской войне. На этой войне будет убито порядка полутора миллиона людей, примерно столько же будет ранено и искалечено. Остальные будут влачить жалкое существование в нищете и бедности».

Через некоторое время он это подтвердил и в своем интервью, данном газете «Хакикати Ленинобод» (16 января 1992 года).

Заявления такого характера не раз и не два делал заместитель председателя демократической партии Таджикистана, литературовед, доктор филологических наук профессор Рахим Мусулмонкулов. В одном из своих интервью он прямо заявил: «Если наши условия не будут приняты, мы непременно возьмемся за оружие». (Еженедельник «Захматкашон», 13—20 мая 1992 года).

Разве в этих заявлениях есть намек на попытку стабилизировать обстановку, снять напряжение?! Разве люди, через кровь и страдания стремившихся к власти думали о благополучии народа в республике?! Нет, конечно. Они мутили воду, будоражили общество, разжигали страсти, толкали молодежь на преступления.

Разве после подобных заявлений псевдодемократов и карьеристов граждане республики могли рассчитывать на мир и спокойствие?! И как ту не вспомнить слова пророка Мухаммада, который в одной из своих сур сказал: «Если услышишь ты, как кто-то изрек: «Народ погиб», знай, этот человек сам хочет погубить народ».

Провокационные, демагогические заявления и высказывания лидеров оппозиции на страницах печати еще больше подливали

масла в огонь. Народный депутат республики, заместитель председателя демократической партии Таджикистана Аслиддин Сохибназаров публично говорил: «На протяжении 70 лет руководителей республики подбирали только на севере, которые топтали права других, властвовали как хотели. Теперь пришел наш черед, южных горцев».

В другой раз по телевидению он заявил: «Настало время, когда мы должны объявить войну жителям Куляба, депутату Верховного Совета республик Курбонали Мирзоалиеву. Все должны вооружаться...»

Как можно расценить такое заявление члена Президиума Верховного Совета республики А. Сохибназарова? Ведь он открыто и прямо призывал к расколу нашего государства, призывал людей к насилию, к убийству. Разве это было к лицу государственному деятелю и политику, каким мне представлялся заместитель министра сельского хозяйства, депутат Верховного Совета республики А. Сохибназаров? Разве дальновидный и мудрый человек может позволить себе такое заявление?

Слушая и анализируя выступления лидеров оппозиции, я то и дело вспоминал назидание, которое прочитал в книге Хакима Унсур ал маоли Кайковуса «Кобуснома». Это назидание можно выразить так: если тебе не дано сотворить благодеяние во имя народа, так будь благоразумен и сделай так ,чтобы не причинять ему зло.

Тем временем руководители некоторых районов Курган-Тюбинской области, Каратегинской долины, Дарваза и Бадахшана, пользуясь тем, что простые люди не знали истинного положения дел, составляли списки тех, кто должен был принимать участие в митингах на площади Шахидон, обманным путем привозили их в Душанбе. Через определенный срок их сменяла другая группа, собранная таким же образом. На площади Шахидон они получали палатки, одеяла и продовольствие.

Член исламской партии возрождения, участник митингов на площади Шахидон А. Рахимов во время одной беседы признался:

— По призыву лидеров оппозиции я 10 суток находился на площади Шахидон. Слушая ораторов, я постепенно стал убеждаться, что у тех, кто руководил митингами, свои интересы, а у простых людей, заполнивших площадь, свои. Первые домогались власти и высокого положения, а народ требовал другое: он хотел лучше жить, наивно полагая, что к этому стремятся и исламисты, и демократы. Ораторы с трибуны самым наглым образом утверждали, что сахар в Ленинабадской области продается по 88 копеек за 1 килограмм, а в Каратегине — по

100 рублей. А ведь опустошительный ветер экономического кризиса прошел по всей республике. Я это знал, и потому скоро покинул митинг. С тех пор я не стал ходить на собрания партии исламского возрождения, потому что его лидеры сбивали с толку народ. Они, к примеру, говорили, что каждому, кто примет участие в митингах против нынешней власти, на том свете будут отпущены грехи.

И обманутые люди колоннами на машинах спешили из районов в Душанбе, чтобы примкнуть к митингующим на площади Шахидон. Одну из таких колонн в количестве более 400 человек, следовавшую из колхоза имени 50-летия Октября Кабидиенского района в Кизил-Кале, безуспешно пытались остановить руководители Курган-Тюбинской области Абдулло Ахмедов, Усмонкул Шокиров, Исмат Эшмирзоев и другие. С транспорантами и лозунгами «Свобода!», «Победа или смерть!», «Революция!» вышли ярые сторонники оппозиции. И люди, следуя за ними, не задумывались: о какой свободе идет речь? Во имя чеог и кого они должны победить или умереть? С кем они должны сражаться?

С Кенджаевым, который волею судьбы, демократическим путем после Р. Набиева и К. Аслонова был избран на пост председателя Верховного Совета? Но ведь почти всегда этот пост занимали представители Каратегина и Бадахшана. И никогда не было такого, чтобы зерафшанцы или гиссарцы организовывали митинги и требовали их отставки. Почему же теперь надо было будоражить народ и нагнетать страсти?! Кому это было нужно? Уверен, не простым труженикам, которые не знали об истинных целях лидеров оппозиции. Их обманным путем собирали на площади и вкладывали в их уста лозунги типа — «Долой Сафарали Кенджаева!»

Шодмон Юсуф, Мухаммадшариф Химматзода, Ходжи Акбар Тураджонзода, Давлат Исмон, Давлат Худоназаров, Гулрухсор Сафиева, Тохир Абдуджаббор, Амирбек Атобек, Мамдаез Навджувонов, Мирбобо Миррахимов, Гоибназар Паллаев, Бозор Собир, Акбаршо Искандаров, словом, все те, кто породил и возглавил оппозицию, сеяли среди своего народа семена ненависти и раздора, стравливая между собой людей разных регионов и национальностей, своими лицемерными выступлениями сбивали с толку народ и толкали его в пропасть. Ради достижения своей цели они готовы были на все, даже клясться Кораном, чтобы через день забыть о клятве, преступить и попрать все общественные нормы.

Как, какими глазами эти люди, ставшие причиной смерти десятков тысяч людей, принесшие своему народу столько мук

и страданий, разорившие свою страну, могут теперь смотреть в лицо своих сограждан, ступать по родной земле?! Что они ответят, когда придет их час и они предстанут перед Господом Богом?!

Факты, как говорится, упрямая вещь. Они не оставляют сомнений, что группа заговорщиков длительное время тщательно готовилась к захвату власти путем государственного переворота. В течение ряда лет исламские фундаменталисты собирали оружие и прятали его в подвалах мечетей, в домах. Некоторые ваххобисты даже прокладывали подземные ходы от своих домов к соседям. По ночам обучали молодежь приемам каратэ, стрельбе из автомата и пистолета, воспитывали в них чувство ненависти и жестокости.

Чтобы не быть голословным, приведу выдержку из беседы с 12-летним Нурали Хомидовым: «Мы, 52 мальчика, стали первыми учениками религиозной школы «Скавтин», стали последователями религиозного течения «Ваххоббия». В школе нас, кроме основ исламской веры ,учили иностранным языкам. Большое значение придавалось физической подготовке, изучению приемов каратэ и самбо. За четыре года я уже неплохо говорил по-русски и английски, знал наизусть много стихов из Корана. Однажды наш учитель — мулла Абдурахим сказал, что завтра состоится торжественное принятие присяги. Мы должны присягнуть на верность исламской вере и своему учителю. Тот, кто изменит своей присяге, на том свете будет сурово наказан Аллахом.

На другой день мы поклялись Кораном, молоком матери, кровью своих братьев и сестер. Поклялись, что будем верны исламу и его служителям. В тот день я расстался со своим детством. На следующее утро, когда мы пришли в школу, мулло Абдурахим напомнил нам о клятве и сказал, что отныне слово учителя для нас закон.

После этого он всем разрешил идти, а мне велел остаться. Когда мы остались одни ,он велел мне раздеться. Я отказался. Но он сильным ударом сшиб меня с ног. Мне было поставлено клеймо. Позже я узнал, что Мулло Абдурахим таким образом поступил со многими моими соучениками. На левой руке ножом вырезали знак «плюс» (+). Учителя уверяли нас, что это символ мужества и терпения. Потом он повез меня на своей машине домой, а по дороге строго предупредил, чтобы я об этом никому не говорил».

Мечети в городах и районах области из Божьего Дома превратились в политические центры, где велась пропаганда против существующего государственного строя, формировалась

«национальная армия братьев-мусульман». Здесь одних таджиков готовили к войне с другими таджиками.

Ваххобисты вынашивали далеко идущие планы. Вот что, например, говорил руководитель партии исламского возрождения Мухаммадшариф Химматзода:

«...Я встречался с Президентом Республики Афганистан Бурхониддином Раббони и у нас была долгая беседа один на один. Тогда я, хотя это было дерзко с моей стороны, осудил разобщенность моджахедов. Именно из-за несогласованных действий моджахедов после позорного выдворения советской армии Наджиб сумел еще три года править страной...

, Мы уже 15 лет тайно и открыто ведем борьбу с существующим строем в Таджикистане, четыре года назад моего брата посадили в тюрьму. Он политический заключенный. Его обвинили в измене Родине, в связях с афганскими моджахедами. Разве это не смешно и не больно, когда ты хочешь переправиться через реку Пяндж, к своим ближним, а тебе преграждает путь российская армия?».

Нужно сказать, что органы ,призванные обеспечить государственную безопасность не всегда действовали оперативно, не придавали должного значения подобным заявлениям, не задумывались, куда они могут привести. Пользуясь беспечностью правоохранительных органов, видя безнаказанность и вседозволенность, враги конституционного строя в Таджикистане стали действовать все более открыто, не таясь.

Об этом свидетельствуют их публичные выступления, в том числе в газете «Чароги руз» (№ 24/45/1992 г.):

«История партии исламского возрождения насчитывает 15 лот». Первоначально она была образована в совхозе «Туркманистон» Бохтарского района и называлась «Союз молодых исламистов». Руководителем этой подпольной организации был избран ярый приверженец религиозного течения «Ваххоббия», чтец Корана Саид Абдулло Нури. Программой Союза была пропаганда идей ваххобизма ,а также захват политической власти. «Союз» не был зарегистрирован органами власти, но никто и не препятствовал его незаконной деятельности.

«Хотя мы действовали в тяжелых условиях, тайно, но все равно почти во всех регионах республики у нас были сторонники, которые поддерживали нас.

Впоследствии они стали активными членами партии исламского возрождения. Давлат Исмон в 21 год вступил в партию и стал активным ее лидером. Члены партии в основном действовали согласно посланиям и инструкциям, которые мы получали из-за границы.

Партия исламского возрождения в Таджикистане насчитывает в своих рядах 27 тысяч человек»,— так писал в одном из своих интервью в упомянутой газете Мухаммадшариф Химмматзода.

А вот что говорил Ходжи Саид Абдулло Нури: «Наши отношения с кэгэбистами советского государства особенно обострились в конце 70-х годов, после трагической смерти нашего руководителя и учителя, одного из первых учредителей исламской партии возрождения Алломы Рахматулло. Он погиб в автомобильной катастрофе, спровоцированной нашими недругами, когда ехал навстречу с нами в город Душанбе. Мы, молодые исламисты, с трудом сдерживали себя».

Эти заявления лидеров исламской партии не оставляют сомнений, что в течение ряда лет по указанию своих зарубежных покровителей (Ихвон-ул-муслимин) они активно готовились к государственному перевороту, к захвату политической власти в республике.

За свою антигосударственную деятельность Саид Абдулло Нури был привлечен к суду, но судебные органы отнеслись тогда к нему слишком мягко, недооценили всей тяжести его поступков. А ведь тогда еще можно было поставить заслон движению исламских фундаменталистов, призвать к соблюдению государственных законов.

Беспечность правоохранительных органов и служб госбезопасности дала возможность ваххобистам беспрепятственно поддерживать связи с террористическими организациями исламских фундаменталистов за рубежом и с их помощью расшатывать устои государства. К сожалению, тогдашние руководители, честные порядочные люди, хорошие хозяйственники, допустили политическую близорукость, недооценили той опасности, которую представляли для государства первые шаги ваххобистов в республике. Полностью занявшись решением неотложных вопросов ,они пустили на самотек идеологическую воспитательную работу ,не спрашивали строго с руководителей правоохранительных органов, не придавали должного значения вопросам государственной безопасности, укреплению границ. Полагались на центр, а там полагались на них.

Особенно положение осложнилось во времена «перестройки» и «гласности». Граница тогда оказалась без присмотра. Активизировалась подрывная деятельность против существующего строя. Казикалон республики Ходжи Акбар Тураджонзода вместе с руководителями партии исламского возрождения, «демократических сил» Таджикистана встречался в Москве, Афга-

нистане, Пакистане с предводителями афганских моджахедов, лично с Гулбиддином Хикматияром.

Но ни руководство республиик, ни те, кто отвечал за государственную безопасность, не имели ни малейшего представления о том, кто разрешил эти встречи, какие вопросы обсуждались на них.

Партия исламского возрождения постоянно получала моральную и материальную поддержку извне, ваххобисты все активнее расширяли поле своей деятельности. Но это не тревожило ни КНБ, ни МВД, хотя основная цель партии исламского возрождения была очевидной — всеми средствами, даже путем государственного переворота захватить политическую власть и провозгласить Таджикистан исламским государством.

Исламисты действовали все увереннее, потому что все более убеждались: органы государственной власти не способны им противостоять. Это стало особенно сильно ощущаться после того, как Таджикистан стал независимым государством. Руководители республики доказали, что они не способны управлять государством в таких условиях, не умеют принимать самостоятельных решений, когда на карту поставлены жизнь и судьба республики. Они по привычке ждали указаний сверху, наивно полагая: «Вот приедет барин, барин нас рассудит!»

Несостоятельность, отсутствие четкой политической организации, беспечность руководителей республики создали благоприятную почву для активной подрывной деятельности оппозиции и вконец расшатали устои государства. Вместо того, чтобы перейти к наступлению, они заняли позицию обороны, все больше теряя свое влияние в обществе.

Мне кажется, это происходило и потому, что в течение многих лет в высшей эшелон власти почти совсем не допускались опытные и сильные юристы, историки, политики. Всеми государственными делами в основном заправляли хозяйственники, которые, как говорится, «плавали» в идеологических вопросах, не всегда чувствовали политическую подоплеку в заявлениях исламистов, не могли разоблачить истинные цели псевдодемократов.

А ведь опыт большинства государств показывает, что при выработке политической линии всегда неоценимую роль играют юристы, историки, дипломаты. К сожалению, у нас этому не уделяли должного внимания. Кадровая политика строилась по принципам родства, землячества и кумовства. Компетентные, грамотные работники чаще всего оставались в тени.

Разве можно было рассчитывать на какой-либо успех, если такими важными сферами, как охрана правопорядка, нацио-

нальная безопасность, защита рубежей республики, руководили непрофессионалы и безответственные люди? Конечно, нет.

Противостоящие нам силы, действуя по наущению таких зарубежных организаций, как «Ихвон-ул-муслимин», прилагали все усилия, чтобы совершить государственный переворот и захватить политическую власть. Их идеологи занимались проповедями среди простых людей, сбивали с толку молодежь, всюду насаждали идеи ваххобизма.

В итоге — обманутый, далекий от политики народ в ряде районов уверовал в то, что жители Куляба, Гиссара, Зарафшана, Худжанда ,а также узбеки, казахи, туркмены, живущие в республике, являются их недругами, с которыми нужно бороться и выдворить за пределы страны. На местах стали появляться вооруженные люди ,обстановка крайне обострилась. Лидеры оппозиции призывали своих сторонников к расправе и возмездию, их выступления подводили людей к кровавой пропасти. Они стравливали людей между собой — одной нации, одной веры. Ишаны, муллы, чтецы Корана, паломники сменили свои халаты и чалму на форму боевиков, вместо святого писания и четок в их руках появились автоматы и гранаты. В один ряд с ними становились и наемные убийцы, приглашенные с разных концов бывшего СССР и из-за рубежа (латыши, чеченцы, эфиопы ,арабы и пуштуны). Они были вооружены до зубов, в их руках находилась карта с обозначением местонахождения городов и кишлаков с численностью населения и т. д.

С кем собирались воевать оппозиционеры?! Чьи дома они хотели сжечь?! Ведь большинство из этих людей жили на одной земле, были соседями, делили между собой радость и горе. По разные стороны баррикад оказались друзья детства, бывшие одноклассники. Проливая кровь друг друга, почему никто из них не задумался — во имя чего всё это?! Кому это нужно?! Кто подстрекатель?!

Оппозиция добилась своего: брат стал убивать брата. Пролилась кровь тысяч невинных людей. Сколько детей остались сиротами, сколько женщин потеряли мужей! Ненависть, страх, злобу — вот что посеяли оппозиционеры, исламские фундаменталисты, лжедемократы, разжигая огонь гражданской войны. И за ваши злодеяния гореть вам в огне ада! Аминь!

Многие жители Каратегина, Дарваза, Бадахшана, населявшие Вахшскую долину, поверили сатанинским лозунгам «демократов» и ваххобистов. Они безропотно следовали за предводителями и не заметили, как оказались у самой пропасти.

После того, как митингующие покинули площадь Шахидон, оппозиционеры, захватив с собой все имеющиеся у них оружие,

в том числе и боевую технику, отправились в Курган-Тюбинскую область. Их намерения не оставляли сомнений: они собирались продолжить противостояние и начать войну. В их распоряжении были четыре бронированных машины. Одна из них находилась в совхозе «Туркманистон» под командованием Саида Абдулло Нури, другая — в районе Курган-Тюбинского хлопзавода в руках Ходжи Саидашрафа. Две остальные машины были в распоряжении «народного генерала» Кори Мухаммаджона.

Эти машины на предельной скорости, словно порвавшие узду кони, мчались по улицам Курган-Тюбе и Калининабада, Вахшского и Бохтарского районов. Напуганные люди прятались по домам. Но оппозиционеры рыскали повсюду в поисках сторонников площади Озоди. Их истязали, над ними издевались.

Многие жители области, столько лет жившие в мире и согласии, пытались найти пути к примирению, но все их старания были безуспешны, ибо находились люди, которые полностью уверовали в правоту действий оппозиции и по ее указке готовы были уничтожить всех, кто хоть раз выступил против них. Всех, кто был не с нами, они называли кафирами — врагами веры.

Обстановка в городах Калининабада и Курган-Тюбе, в Вахшском и Бохтарском районах обострялась с каждым днем. По-прежнему оппозиционеры брали в заложники сторонников с площади Озоди, многие из которых потом пропадали без вести ,а спустя некоторое время их тела находили в каналах и рвах с обезображенными лицами, со следами насилия.

Не было возможности вести расследование по фактам преступлений, все попытки областного прокурора Кодирджона Джаббарова по восстановлению законности, защите прав человека оказались тщетными. Во время расследования тяжкого преступления был убит боевиками оппозиции следователь прокуратуры города Курган-Тюбе И. Гайбуллоев.

Несколько раз оппозиционеры пытались взять в заложники прокурора Кабодиенского района Курбонали Мухаббатова, помощника прокурора города Курган-Тюбе Мироджиддина Камолова. Оппозиционеры схватили сына сотрудника областной прокуратуры Ниеза Карокулова, грозясь убить его, если прокурор области Кодирджон Джаббаров не подаст в отставку.

Таким образом, при активном содействии «спасителя» жителей Курган-Тюбинской области Давлата Худоназарова и председателя облисполкома Нурали Курбанова был отстранен от должности народный депутат Джаббаров. Подобные террористические акты, сопровождающиеся вопиющим нарушением зако-

на, в отношении тех, кто не хотел подчиниться оппозиции, как заразная болезнь, стали распространяться и в других районах.

Все это вынуждало тех, кто не был заодно с оппозицией во имя безопасности своих семей и собственной жизни создавать на местах отряды самообороны. Первые такие отряды были сформированы по инициативе и при активном участии председателя горисполкома Шерали Мирзоева в Калининабаде.

Надо сказать, что Шерали Мирзоев с самого начала был ярым противвнивком исламских фундаменталистов, везде и всюду смело разоблачал их тайные замыслы. Он всегда был с народом, делился последним куском хлеба. Когда было нужно, становился в ряд с бойцами самообороны, самоотверженно защищал свой город и не дал оппозиции захватить его и бесчинствовать в нем. Об отваге и мужестве этого человека рассказывают легенды.

Позже отряды самообороны появились в других городах и районах области. Первое время бойцы отрядов имели всего по нескольку стволов охотничьих ружьев. И все равно они смело обороняли свои дома и улицы, не давали никого в обиду.

Обстановка накалялась все больше и больше. Все чаще раздавались выстрелы. Люди прятались в домах и боялись выходить Бойцы оппозиционной национальной гвардии маршировали по улицам городов и кишлаков. Почти все были вооружены автоматами пакистанского производства. Они были одурманены и жаждали крови, крови...

Как это ни странно, работники правоохранительных органов области под руководством полковника милиции Махрамова были глухи к мольбам тех, кто просил у них защиты. Более того, неслыханные преступления совершались с их молчаливого согласия. Стоит ли говорить, что многие люди стали уезжать, оставляя на произвол судьбы свои дома и имущество. Грабежи и мародерство стали обычным явлением. Но все это мало беспокоило руководство республики. Никакой реакции на бесчинства и беззакония, творимые оппозицией, не было.

Терпению народа пришел конец. Жители Вахшского района, уставшие от фашиствующей оппозиции, провели бурный митинг и приняли обращение к Президенту Республики Таджикистан Рахмону Набиеву. В обращении, в частности, говорилось:

1. Организовать по республиканскому телевидению прямое выступление президента Р. Набиева с разъяснением политической ситуации.

2. Отменить незаконное решение Президиума Верховного Совета Республики об освобождении от должности Сафарали Кенджаева.

3. Организовать по республиканскому ТВ выступление С. Кенджаева.

4. Созвать очередную сессию Верховного Совета в Ленинабадском областном или Яванском районном центре.

5. Рассмотреть вопрос о создании национальной гвардии с учетом интересов всего народа Таджикистана.

6. Взять под контроль деятельность радио и телевидения и пресечь одностороннее освещение событий.

Но все эти требования не были услышаны в верхах. Народ приходил в отчаяние, видя полный паралич власти, бездеятельность президента, с которым связывал столько надежд.

Председатель Вахшского райисполкома Файзулло Куввatов, под чьим руководством проходил митинг протеста в районе, остался верен себе. Он сделал все возможное, чтобы обезопасить жителей района от внезапного нападения боевиков оппозиции. Он собрал смелых и отважных, физически хорошо подготовленных ребят и создал национальную гвардию «Спасение Вахша».

Не раз и не два при прямом посредничестве Файзулло Куввatова и Шерали Мирзоева собирались за столом переговоров представители враждующих сторон, не раз и не два пытались решить конфликтные вопросы мирным путем. Но оппозиционеры постоянно нарушали свое слово, их поступки не соответствовали их заверениям. Они хотели одного — как можно скорее развязать войну.

Различные штабы были организованы оппозицией в совхозе «Туркманистон» Вахшского района, в окрестностях Калининабада, при областной мечети, которым руководил Эшон Саидашраф Абдулахадов. Подобные штабы активно действовали также в Колхозабадском, Кумсангирском и Джиликульском районах.

«Национальная гвардия» оппозиционеров, блокировав стадион «Пахтакор», регулярно проводила там боевые действия и занятия. Все подразделения «гвардии» были хорошо оснащены современным оружием. Бойцов обучали работники органов внутренних дел, а также наемные убийцы и зарубежные инструкторы. МВД республики выделило для «национальной гвардии» 5 бронированных машин. Все боевые операции проходили под контролем Ходжи Саида Аблдулло Нури, Эшона Саидашрафа, Мулло Асомиддина и Мулло Киёмиддина, которые из мулл превратились в «военных советников».

Было совершенно очевидно, что оппозиция в Курган-Тюбинской области действовала организованно, по плану, вела тщательную подготовку к карательным акциям, к братоубийствен-

ной войне. В руках оппозиции сконцентрировалась мощная боевая сила, накопление оружия продолжалось постоянно.

Чем больше думаешь об этом, тем больше убеждаешься: во многом было виновато тогдашнее руководство республики, попустительство органов правопорядка и национальной безопасности. Они в должной мере не прониклись той ответственностью, которая была возложена на них, и в столь решительный час, когда на карту была поставлена судьба таджикского государства, проявили беспринципность и по существу капитулировали перед антинародными силами.

Жизнь в Курган-Тюбинской области превратилась в сущий ад. Росло число убитых и пропавших без вести. В мечети ваххобистов устраивались суды над «кафирами», «отступниками» и «ренегатами», которым предводители фундаменталистов Саид Абдулло Нури и Эшон Саидашраф объявляли «приговор». Эти «приговоры» приводились в исполнение в бане совхоза «Туркманистон», ставшей местом пыток. Над людьми издевались, их подвергали адским мукам.

О сердце, чистилищем почему не стало ты,
Грехи совершив, сожалеть не стало ты.
Стать муллой, мударрисом не сложно,
Гораздо труднее стать мусульманином.

В один из июньских дней 1992 года ваххобисты на базаре города Курган-Тюбе схватили 65-летнего отца отважного командира, восставшего против оппозиции, Файзали Саидова — деда Курбона. Его привезли на место пыток, в совхозную баню. Оппозиционеры хотели отомстить Файзали за то, что он не принял их условий и не захотел склонить голову перед ними.

Файзали был командиром одного из отрядов самообороны, сформированного в совхозе-техникуме имени Куйбышева. Отряд был малочисленным и в своем распоряжении имел не более 10 стволов огнестрельного оружия. Главная задача, которую поставили перед собой Файзали и его друзья, была защита жителей совхоза, отцов и матерей, братьев и сестер, детей.

Узнав о том, что захвачен его отец, Файзали и его друзья ночью взяли в заложники 40 оппозиционеров. После переговоров отпустили пленников, поверив слову командиров оппозиции. Но вопреки договору, оппозиционеры не освободили старого Курбона. Файзали ждал день, два ,а от отца не было ни слуху ни духу. Спустя некоторое время нашли его обезображенный труп. На теле старика были выжжены звезды, были отрезаны уши и нос, вырваны ногти.

Сильное волнение охватило жителей Калининабада, Курган-

Тюбе, Вахшского и Бохтарского районов. Почти безоружные, они не могли оказать сопротивления вооруженной до зубов оппозиции. Но люди сплотились и были полны решимости бороться с убийцами и грабителями.

Ополченцы стали собирать деньги на покупку оружия, ибо другого пути не было. В Московском районе действовали отряды самообороны Бурихона Джобирова и Абдусалома Курбанова. Они помогли вооружиться Файзали и его бойцам. А потом примкнули к ним и действовали уже сообща под руководством этого смелого и отважного юноши.

В Вахшском районе был также создан штаб по оказанию сопротивления оппозиции. Большой вклад в организацию дела борьбы с ваххобистами внесли Куддус Муродов, Курбонали Давлатов, Уктам Куддусов, Алиджон Салимов, Шариф Сафаров, Имомиддин Умаров. Ими руководил председатель Вахшского райисполкома Файзулло Кувватов. Позже штаб возглавил другой мужественный человек — Мирзо Сатторов.

Много сделали для того, чтобы не дать разгореться кровопролитным боям на территории своих районов, такие умные руководители и самоотверженные люди, как председатели Калининабадского горисполкома, Вахшского и Бохтарского райисполкомов Шерали Мирзоев, Файзали Кувватов и Абдумаджид Достиев.

Рискуя жизнью, они встретились с руководителями оппозиции и склонили их к переговорам. Была организована встреча представителей противоборствующих сторон. На этой встрече 19 мая 1992 года была достигнута договоренность прекратить бесчинства и преступления и у въезда в районы поставить посты.

Еще одна встреча представителей враждующих сторон прошла 20 июля 1991 года в аэропорту в городе Курган-Тюбе. С одной стороны были руководители движения сопротивления оппозиции из Куляба и Курган-Тюбе Курбонали Мирзоалиев, Рустам Абдурахимов, Файзулло Кувватов, Шерали Мирзоев, Сангак Сафаров, Абдумаджид Достиев, а с другой — лидеры исламско-демократического оппозиционного блока Исмон Давлат, Саид Абдулло Нури, Шодмон Юсуф, Давлат Худоназаров. Посредниками на той встрече выступали премьер-министр правительства национального примирения А. Мирзоев и исполняющий обязанности председателя Верховного Совета республики А. Искандаров.

На переговорах руководители движения сопротивления поставили ряд условий. После ожесточенных споров большая часть из них была принята руководителями республики и делегатами

оппозиции. Главным из этих условий было прекращение войны и одновременное сложение оружия с обеих сторон. Другим условием был созыв сессии Верховного Совета, где должны были найти свое решение наболевшие вопросы.

Как и следовало ожидать, эти условия пришлись не по душе некоторым лидерам оппозиции, потому что в их планы не входило прекращение огня. И несмотря на то, что во время переговоров они дали слово не применять оружия, они нарушили его. 21 июня 1992 года вооруженные формирования оппозиции во главе с Саидом Абдулло Нури и «народного генерала» Кори Мухаммаджоном на боевых машинах с криками «Аллах Акбар!», «Победа или смерть!» напали на совхоз «Вахш». Его жители, предвидевшие такой исход переговоров, сумели дать достойный отпор бандитам. Им удалось захватить у оппозиционеров 28 автоматов и один самодельный танк. На помощь к вахшским ополченцам прибыли отряды самообороны Лангари Лангариева, Абдуназара Саидова и Сухроба Афгонова из Куляба.

На другой день стредства массовой информации и «народное» телевидение раструбили по всему свету, что кулябцы напали на каратегинцев, дарвазцев и бадахшанцев. Они бесстыдно вводили в заблуждение народ и ни разу не упомянули о том, что оппозиционеры нарушили слово, данное во время переговоров, и совершили бандитское нападение на жителей совхоза «Вахш».

В тот самый день, когда это произошло, оппозиционеры творили бесчинства в кишлаках «Озодии мехнат» и «Сабзавот» Бохтарского района и в ряде других мест. Они сжигали дома, угоняли скот. Были и человеческие жертвы.

Стоит ли говорить, что почти на всех предприятиях, в организациях и учреждениях работы были приостановлены. Люди боялись выходить на улицы. Но оппозиционеры врывались и в дома, грабили магазины и склады.

После своего поражения в совхозе «Вахш» лидеры оппозиции собрали большую силу в городе Курган-Тюбе. По их указанию туда прибыл большой отряд из штаба «Наджоти Ватан». Карательный отряд возглавил сам председатель демпартии Шодмон Юсуф. 27 июня 1992 года они перешли в широкомасштабное наступление и приступили к осаде колхоза «Ленинград» Вахшского района. В своем распоряжении ваххобисты имели три бронемашины, два танка, большое количество пулеметов, гранатометов, снайперских винтовок. Карателями, число которых превышало три тысячи человек, командовали Ходжи Саид Абдулло Нури, «народный генерал» Кори Мухаммаджон, а также Екуб Мирзоев и Мулло Амриддин.

Но оппозиция вопреки своим ожиданиям столкнулась с мощным сопротивлением гвардии «Наджоти Вахш» («Спасение Вахша»), которой руководили Абдуваххоб Холиков, Уктам Холиков, Имомиддин Умаров, Гуломхайдар Холиков. Отряды самообороны имели всего 48 стволов автоматов, но несмотря ни на что, они встали на защиту мирных жителей, своих домов и семей. Бойцам движения сопротивления приходилось очень трудно, потому что ваххобисты во много раз превосходили их по численности бойцов и боевой техники. Бой длился почти 10 часов. Бойцы движения сопротивления проявили большую стойкость и мужество. Оппозиционеры напали внезапно, нарушив свою клятву, но бойцам «Спасения Вахша» удалось вывести из района боев безоружных людей, стариков, женщин и детей.

Гвардейцы «Наджот» под руководством Абдуваххоба Холикова, Имомиддина Умарова, Уктама Холикова и других отважных командиров нанесли оппозиции серьезные удары. Но силы были далеко не равные. Оппозиционеры превратили в руины многие кишлаки в совхозах «Бахт», «Вахш», в третьем отделении колхоза «Ленинград». Они не щадили пленных и жестоко расправлялись с ними, будь то стар или млад. В том жестоком и продолжительном бою отряды самообороны потеряли 54 бойца, отважных и смелых ребят. Много было раненых и пропавших без вести.

В совхозах «Бахт» и «Вахш» земля обагрилась кровью погибших. И казалось, что в ручьях вместо воды течет человеческая кровь. Каждый день приносил новые жертвы, новые страдания.

Те, кто не успел вовремя покинуть осажденные кишлаки, вместе с семьями под свист пуль убегали в поисках безопасного места. Но такое место найти было очень трудно. Горели дома, на улицах шла стрельба. Беженцы прятались по углам, пытаясь как можно скорее выбраться из этого ада. Люди тянулись в Куляб, под защиту отрядов самообороны.

В центральной больнице района в те дни мне довелось встретиться с людьми, получившими ранения. Их оперировал хирург Табарали Баротов. «Сегодня уже дважды делал операцию, — сказал он мне, отведя в сторону.— Одного парня удалось спасти, но второй умер у нас на руках. Слишком много крови потерял».

Раненые продолжали поступать. Я разговорился с одним из них. Вот что рассказал Мурод Курбонов:

«Ваххобисты ночью напали на наш кишлак. Мы, несколько семей, скрылись в школе. Школу тоже обстреляли. Мы были

вынуждены бежать под градом пуль. В ту ночь четверо наших погибли, пятеро получили ранения. Ваххобисты не знают, что такое жалость, они убивают всех подряд, даже детей и женщин. Рвы и арыки были заполнены трупами. Мы даже не могли предать земле тела убитых».

К нашей беседе присоединился стоявший рядом старик.

«Мне 85 лет,— сказал он.— Я участник второй мировой войны, был на Финской, потом освобождал Италию, Германию. Мы тогда знали, кто наш враг, за что мы боремся. А против кого воюет оппозиция?! Ваххобисты подобно разбойникам нападают на кишлаки, грабят народ. Сколько людей погибло от их рук?! И все это ради того, чтобы захватить власть, сесть в высокие кресла».

Старик заплакал. Ему было больно видеть, как страдают люди, как измываются над мирным населением «вовчики» — исламские фундаменталисты. Тяжело смотреть на плачущего человека».

Руководство республики и области не придпринимало никаких мер, чтобы остановить кровопролитие, чтобы защитить народ от бесчинств, расправ и издевательств, которые с ужасающим цинизмом совершала оппозиция. Можно было подумать, что в республике ничего не происходит, что кругом царит мир и спокойствие. Вместо того чтобы приехать в Вахш, разобраться во всем, руководители предпочитали отсиживаться в столице. Боялись за свою жизнь?! Возможно. Но разве не дорожили своей жизнью Файзулло Кувватов, Шерали Мирзоев, Асомиддин Саидов и многие другие, мужественно вставшие на защиту конституционного строя? Разве они не боялись за жизнь своих ближних, вступая в борьбу с ваххобистами? Но это были настоящие лидеры, которые боль и трагедию народа считали своей.

Пользуясь равнодушием и беспечностью руководителей, оппозиция еще больше расширяла поле своей «деятельности», пламя гражданской войны охватывало все новые кишлаки и районы. В областном центре — городе Курган-Тюбе, жизнь, можно сказать, совсем остановилась. В густонаселенном и оживленном городе почти не осталось людей, многие дома были разрушены, дороги перекрыты.

В те дни в «Известиях» вышла обстоятельная статья о кровавых событиях в Таджикистане, которая привлекла внимание всего мира. Во всех странах люди с тревогой следили, как «демократы» и ваххобисты расправляются с людьми только потому, что они родом из Худжанда, Куляба и Гиссара, потому что

их национальность — узбек, русский. Оппозиция полностью блокировала Кулябскую область, куад в втечение полугода не поступало ни одного килограмма муки и других товаров первой необходимости. Тем самым лидеры оппозиции хотели поставить на колени почти миллионное население этой области, подчинить своей воле. Но они просчитались. Несмотря на неимоверные сложонсти, жители древней и свободолюбивой Хатлонской земли не капитулировали перед оппозицией, а продолжали упорно вести борьбу.

Пламя гражданской войны охватило всю Вахшскую долину, в жестоких сражениях гибли люди, народному хозяйству наносился огромный ущерб. Ваххобисты регулярно получали помощь из различных служб МВД и штаба «Наджоти Ватан» («Спасение Родины»), которым руководил неофашист Шодмон Юсуф. От кого собирался спасти Родину «Наджоти Ватан», превратившийся в центр террористических и карательных отрядов?! От своих же соотечественников?!

Беда заключалась еще и в том, что штаб «Наджоти Ватан» действовал как государственный орган и его начальник отдавал приказы, подобно президенту или премьер-министру. По распоряжению руководства штаб террористов был размещен в здании гражданской обороны. А Шодмону Юсуфу выделили роскошный кабинет в здании Совета Министров. Его слово много значило на всех важных собраниях и мероприятиях. Штабу были полностью подчинены радио и телевидение. Штаб вооружал приверженцев площади Шахидон автоматами и гранатометами для участия в боях против народных ополченцев в Курган-Тюбинской области. Эти молодчики чинили расправу и зверства в Душанбе, Курган-Тюбе, Калининабаде, в кишлаках и районах Вахшской долины

Подвалы здания, где находился республиканский штаб гражданской обороны, стали местом пыток политических противников оппозиции. Здесь были зверски убиты сотни людей, которые до сих пор числятся в списках без вести пропавших. Их трупы по ночам вывозились и выбрасывались в реку и водоемы.

Корреспондент Джумахон Хотами рассказывал потом, как его у редакции газеты схватили боевики оппозиции, как привезли его на допрос к Шодмону Юсуфу, как ему прострелили обе ноги.

Все эти преступления и самосуды происходили, как говорится, под носом правительства национального примирения, Президиума Верховного Совета, МВД, КНБ. Но все они будто сго-

ворившись, смотрели на эти «шалости» оппозиции сквозь пальцы и молчали, словно набрав в рот воды.

Курган-Тюбинская область почти полностью находилась под контролем оппозиции. На всех переездах и главных путях стояли ее посты. Количество танков и бронированных машин росло с каждым днем. Огонь войны охватил полностью Колхозабадский, Джиликульский и Кумсангирский районы. Число бойцов оппозиции постоянно увеличивалось за счет пополнения из штаба «Наджоти Ватан» и наемных убийц из-за границы.

Трупы были повсюду — на хлопковых полях, посреди кукурузника, вдоль арыков. Цветущая Вахшская долина превратилась в ад, где человеческая жизнь не стоила ломаного гроша. Были разрушены, как после бомбежки, целые жилые кварталы. По всей долине разносился человеческий плач. Плакали матери, жены, осиротевшие дети...

Но даже в это время руководители республики сидели сложа руки. Словно все это происходило не в их государстве, а на другой планете. Все они были заняты только одним — как бы не пострадало их собственное благополучие, как бы они не лишились своего теплого места. Чего греха таить, некоторые из них ждали, кто возьмет верх, чтобы стать на его сторону.

Обстановка в республике менялась с каждым днем, напряжение нарастало. Ваххобисты и их союзники укрепляли свои позиции, их действия получали «законный» характер. На всех собраниях, даже на правительственном уровне народное ополчение, восставшее против оппозиции, против фундаменталистов, борющееся за конституционный строй, бесстыдно называли «антигосударственными силами». И, наоборот, оппозиция, пришедшая, к власти в результате государственного переворота именовалась гвардией «Наджоти Ватан» — «Спасение Родины».

С позволения властей для штаба «Наджоти Ватан» был открыт банковский счет, чтобы предприятия и организации и отдельные граждане могли перечислять средства в его поддержку, хотя ни у кого не оставалось сомнений, что бойцы этого штаба занимались преступными, карательными актами.

Думаю что читателям будет интересно знать, кто же стремился не только морально, но и материально поддержать штаб убийц и террористов, преступно захвативших государственную власть в Таджикистане. В июле — ноябре 1992 года на счет штаба «Наджоти Ватан» поступили деньги от следующих организаций и предприятий:

— Таджикскомпрофа, за подписью председателя Муродали Солехова — 30 тысяч рублей;

— Универсальной коммерческой фирмы «Ниссо», за подписью Нозирджона Тохирова — 5 тысяч рублей;

— малого предприятия «Малыш», за подписью Мавлонова — 10 тысяч рублей;

— малого предприятия «Хатлон», за подписью Сайдали Раджабова 10 тысяч рублей;

Свой вклад внесли также:

ассоциация «Маяк» — 200 тысяч рублей,

малое предприятие «Даврон» — 200 тысяч рублей,

малое предприятие «Арена» — 20 тысяч рублей,

ассоциация «Виктория» — 1 миллион рублей и т. д.

На средства этих людей, заинтересованных в победе лжедемократов и ваххобистов, штаб «Наджоти Ватан» закупал оружие, боеприпасы, которые использовались против народного движения за восстановление конституционного строя.

Средства также регулярно поступали на счет казиата республики. Именно в те дни посольство Исламской республики Иран передало безвозмездно в казиат почти 1,5 миллиона рублей.

Это давало возможность лидерам оппозиции в большом количестве закупать смертоносное оружие, нанимать убийц за границей и расправляться с теми, кто не желал подчиниться их воле. Те, кто перечислял средства в те тревожные дни на счета штаба «Наджоти Ватан» и казиата, прекрасно сознавали, на что они будут потрачены — на поддержку карательных отрядов, на совершение террористических актов, на укрепление позиций исламских фундаменталистов в борьбе против собственного народа. Я бы назвал это изменой Родине, предательством по отношению к Основному Закону и своему народу. Они должны ответить за это по всей строгости Закона и из должностных кресел пересесть в кресла для подсудимых.

Народ, поднявшийся на защиту своего правительства, был им же предан. Опасаясь, что оппозиция может одержать победу над движением сопротивления, во имя сохранения собственного благополучия и положения, руководители республики отплатили за добро черной неблагодарностью и самым бессовестным образом оставили народ на полпути. Они пытались перехитрить и тех, и других. Но забыли об одной мудрости: «Можно быть хитрее другого, но нельзя быть хитрее всех».

Думаю, что каждый век повидал таких, как Саъд Ваккос и Амир Муборизиддин, Чингисхан, Гитлер, Муссолини и им подобных. В наши дни на таджикской земле палачи народа предстали в облике ваххобистов. Свои злодеяния они совершали именем Бога и обманывали народ.

Отчаянное сопротивление народных ополченцев против оппозиции не прекращалось ни на один день. Изрядно поредевшие отряды самообороны продолжали отбивать атаки ваххобистов. Не получая никакой помощи со стороны, отряд Файзали Саидова смело вступал в бой, проявляя при этом героизм и мужество. Одно имя Файзали приводило в трепет «вовчиков». Отважный командир знал, что, вступая в единоборство с сильным и коварным врагом, он идет на верную смерть. Но ничто не могло его остановить, так сильна была его воля к победе, желание защитить свой народ от страданий, на которые его обрекали вожди исламско «демократического» оппозиционного блока. Файзали Саидов любил свой народ, гордился его славной историей.

Прослышав о смелых действиях малочисленного отряда Файзали Саидова, к нему стали присоединяться люди самых различных национальностей. Они добывали себе оружие и становились в один ряд с его бойцами. С большим воодушевлением восприняли отряды самообороны Вахшской долины весть о том, что на помощь из столицы прибыл мужественный противник оппозиции Якуб Салимов. При его помощи, а также председателя Вахшского райисполкома Файзулло Кувватова сильно укрепила свои позиции гвардия «Наджоти Вахш». Получив кое-какое вооружение, гвардия встала на защиту мирного населения.

Отряд самообороны активно действовал в Ургут-махалле — квартале ургутцев в городе Курган-Тюбе. Отрядом руководили отважные и смелые люди — Махкамбой Шарифов, Азим Ганиев и Фарходжон Урунов. Их отряд взял под защиту жителей квартала, охранял дома, имущество и скот. С самого начала отряд ургутцев поддерживал тесную связь с отрядами Сангака Сафарова, Лангари Лангариева, Файзали Саидова, Шерали Мирзоева, Бурихона Джобирова, Алимардона Курбонова, Абдуваххоба Холикова, Имомиддина Умарова.

Большую подрывную работу в столице вели и лидеры оппозиции. Свои черные замыслы они осуществляли руками и. о. председателя Верховного Совета Республики А. Искандарова, который под любым предлогом откладывал проведение сессии. Действия оппозиции принимали все более агрессивный характер. Собрав народ у здания Верховного Совета, главное духовное лицо республики казикалон Акбар Тураджонзода и член Президиума Верховного Совета, заместитель министра сельского хозяйства Аслиддин Сохибназаров в присутствии А. Искандарова призывали своих сторонников подняться на борьбу против тех, кто встал на защиту конституционного строя. По су-

ществу, они призывали к продолжению братоубийственной войны.

В руках оппозиции А. Искандаров стал послушным орудием. Он беспрекословно выполнял все, что было необходимо его новым патронам. Этот недальновидный политик не понимал одного — оппозиции он был нужен до поры до времени. Достигнув своих целей, оппозиция быстро нашла способ избавиться от него.

Благодаря действиям А. Искандарова и правительства национального примирения все больше набирал силу штаб «Наджоти Ватан» под руководством Шодмона Юсуфа. Почти каждый день Шодмон Юсуф, первый заместитель председателя КНБ Джурабек Аминов, и министр внутренних дел Г. Иброншоев снаряжали отряды на помощь своим боевикам в Курган-Тюбинской области, которые вели ожесточенные бои против отрядов Файзали Саидова, Шерали Мирзоева, Махкамбоя Шарифова, Азима Ганиева, Бурихона Джобирова, Абдуваххоба Холикова, Имомиддина Умарова и других.

В одном из горячих боев получил ранение Екуб Салимов. Был госпитализирован, но едва поправившись, тут же вернулся в отряд, чтобы вести его в бой против оппозиции.

Екуб Салимов, сам выходец из Вахшского района, не мог оставаться в стороне, когда на его родную землю обрушилась беда. Он дал себе слово, что будет на переднем крае борьбы с оппозицией, и ни разу не изменил своему слову. Оставив жену с детьми в Душанбе, он прибыл в родные места и вскоре возглавил штаб «Наджот» в Вахшском районе. Вокруг него собирались смелые и отважные ребята, которые души не чаяли в своем командире. В дело разгрома исламско-«демократического» оппозиционного блока, освобождение Вахшской долины и других регионов от ига исламских фундаменталистов Екуб Салимов внес неоценимый вклад.

В то время, когда лидеры оппозиции были заняты разжиганием войны, командиры отрядов самообороны Файзали Саидова, Екуба Салимова, Махкамбоя Шарифова вместе сАбдумаджидом Достиевым, Файзулло Кувватовым, Шерали Мирзоевым прилагали много усилий для того, чтобы при помощи переговоров с противоборствующей стороной найти пути к мирному разрешению конфликтов, стремились к тому, чтобы остановить кровопролитие.

Они верили и надеялись на успех, ибо, как сказала наша замечательная поэтесса Зебуниссо еще много веков назад:

В круговерти жизни не надо терять надежду,
Следом за ночью приходит рассвет.

К сожалению, лидеры оппозиции отклоняли предложения встретиться и провоцировали новые конфликты. Даже если и удавалось наладить с ними слабый контакт, они всякий раз нарушали свои обещания и вновь развязывали бой. Их слову нельзя было верить, их заверения ничего не значили. Утром они клялись, что сложат оружие, но вечером того же дня поджигали какой-нибудь мирный кишлак.

К счастью, большинство жителей республики уже ясно понимало, кто есть кто, куда клонит та или иная партия или группировка. Именно благодаря этому пламя гражданской войны не перекинулось на другие регионы. Во многих районах, где доминировали здоровые силы, земля прямо горела под ногами врагов народа и государства.

С целью прекращения кровопролития и скорейшего установления спокойствия была образована группа миротворцев, в которую входили пользующиеся, несмотря на молодость, большим авторитетом в Курган-Тюбинской области Махмуд Бойматов, Мироджиддин Камолов, Сулаймон Назифов, Зиннатшо Рахматов и еще несколько человек. Они пришли в гостиницу города Курган-Тюбе, где находился штаб религиозного течения «Ваххобия» и встретились с руководителями штаба Ходжи Саидом Абдулло Нури, Мулло Абдугафором ,заявив им, что готовы выступить в качестве посредников в деле организации переговоров и мирного решения конфликтов. Тем самым, говорили они, можно остановить войну, избежать новых человеческих жертв. Но в ответ на это они слышали ругань и грубые слова. Тем самым предводители оппозиции еще раз демонстрировали свое полное отчуждение от основ ислама и заповедей пророка, которые учат любить ближнего и проявлять милосердие. И забыли о словах, которые когда-то изрек поэт:

Тех, кто, жизнь прожив, от жизни не научится уму,
Никакой учитель в мире не научит ничему.

«Национальная гвардия» оппозиционеров, вооруженная смертоносным оружием и боевой техникой, продолжала свои невиданные по жестокости карательные акции. Все труднее было преградить путь и остановить этот разорительный ураган, который причинял народу неимоверные страдания.

Мирное население, включая детей и женщин, подвергалось страшному террору. Особенно тяжело приходилось жителям

Колхозабада, Кумсангира, Джиликуля, Курган-Тюбе, оказавшихся в эпицентре кровавых событий. Кто был родом из Куляба, Худжанда или Гиссара, тех исламские фундаменталисты находили повсюду и подвергали изощренным пыткам, ваххобисты были подобны бесам, выползшим из щелей ада.

Еще великий Саади предупреждал:

Ручеек возможно лопатой преградить,
Но когда разольется вода, на слоне не пройти.

Чтобы положить конец всем этим бесчинствам и беспределу, штаб «Наджоти Вахш», который в то время уже возглавлял Екуб Салимов, принял обращение к жителям Дарваза, Каратегина и Бадахшана, убедительно просил их вмешаться в ход событий и сделать все возможное, чтобы остановить кровопролитную войну, прекратить преследование и террор сторонников площади Озоди, выходцев из Куляба, Худжанда, Гиссара, узбеков и русскоязычное население.

И разве те, кто именем Бога разжигали рознь, сеяли ненависть и страх, чьи деяния не соответствуют предписаниям Корана, не нанесли ни с чем не сравнимый ущерб своей вере? Это о них сказал поэт:

В основе своей непорочен ислам,
Всем изъянам обязаны мы невеждам.

Разоренная Курган-Тюбинская область оказалась еще и в экономической блокаде. Железнодорожные и автомобильные пути находились под жестоким контролем оппозиции. В город и районы в течение длительного времени не поступали продовольственные товары, не было связи со столицей. В иные дни в осажденных районах хлеба выдавали по 50 граммов на каждого человека.

И тем не менее уставшие от беспрерывной войны жители готовы были отдать последнее отрядам самообороны, борющимся с исламскими фундаменталистами. Несмотря на то, что оппозиция была вооружена до зубов, бойцы народного ополчения смело вступали в бой, используя против боевой техники ваххобистов охотничьи ружья и самодельные гранаты. Они готовы были ценою собственной жизни спасти честь и имя своих жен, сестер и матерей, защитить свои дома и семьи. Их самоотверженность, отвагу и мужество можно поставить в один ряд с подвигами героев войны 1941—1945 годов Ходи Кенджаева, Сафара Амиршоева, Саидкула Турдыева, Чутака Урозова, Негмата Каробоева и других.

В бессмысленной кровопролитной войне, которую разожгли в Таджикистане лидеры исламско-«демократического» оппозиционного блока, исламские фундаменталисты при активной поддержке и подстрекательстве извне, погибло много славных сынов народа. Сколько молодых людей, сраженных пулями ваххобистов, унесли свои несбывшиеся мечты в холодные могилы! В чем была их вина? Что это за напасть, свалившаяся на многострадальный народ?

Лидеры оппозиции, действовавшие в союзе с властями, создавали все новые отряды из «отважных ребят» Душанбе и окрестных районов и посылали их на подмогу своим боевикам в Курган-тюбинскую область. Они обязывали каждую семью своих сторонников выделить по одному-два человека, давали в руки оружие и посылали убивать своих же братьев.

С этой целью в Душанбе по инициативе руководителей демократической партии, исламской партии возрождения, народных движений «Растохез» и «Лаъли Бадахшон» и при полном молчаливом согласии правительства национального примирения была создана «резервная армия». Были разработаны ее положения и устав. Под документами, определяющими программные задачи этой узаконенной террористической организации, стояли подписи председателя демпартии Шодмона Юсуфа, партии исламского возрождения Мухаммадшарифа Химматзода, руководителя народного движения «Растохез» Тохира Абдуджаббора, руководителя общества «Лаъли Бадахшон» Атобека Амирбека. Они также входили в состав упомянутой организации.

В Душанбе, Курган-Тюбе, в Кофарнихонском, Комсомолабадском, Гармском районах, а также в тех местностях, где установила свою власть оппозиция, были созданы отделения штаба «Наджоти Ватан» — «Спасение Родины».

Согласно официальному заявлению Министерства внутренних дел Таджикистана от 14 сентября 1992 года за № 520, «Наджоти Ватан» имел боевые отряды. Другими словами, руководители республики, отлично сознавая, что действия этой организации направлены на свержение конституционного строя, дали санкцию на ее вооружение. Стоит ли после этого удивляться, что лжедемократы и ваххобисты открыто, не таясь проводили свою подрывную деятельность, совершали преступления и террористические акты.

Руководителями этой преступной организации, принесшей столько страданий народу, стали председатель демократической партии Шодмон Юсуф, заместителем председателя Тохир Аб-

дуджаббор, членами штаба — А. Сохибназаров, М. Файзиев и др...

Кто же есть Шодмон Юсуф на самом деле?

Это бывший член КПСС и бывший секретарь партийной организации отделения философии Академии наук Таджикистана. Дважды выдвигал свою кандидатуру на выборах в депутаты Верховного Совета и оба раза не нашел поддержки у избирателей. Много усилий приложил для того, чтобы занять пост секретаря парткома Академии наук, а затем заведующего идеологическим отделом ЦК КП Таджикистана, но, увы, мечтам тщеславного карьериста не дано было сбыться. Когда в политической жизни страны возобладали новые явления, он предал свою партию и выбросил партийный билет, которым раньше пытался расчистить себе путь на высокие должности.

Теперь, когда маска лицемерия снята с лица этого ренегата, жители республики убедились, кто есть на самом деле Шодмон Юсуф. При упоминании его имени холодеет внутри у представителей русскоязычного населения республики — такую славу снискал себе этот неофашист, упрожавший расправой над русскоязычными в Таджикистане.

Несмотря на то, что устав вооруженной организации — штаба «Наджоти Ватан» не был зарегистрирован в соответствии с Законом Республики Таджикистан «Об общественных объединениях», он начал функционировать при поддержке правительства и Президиума Верховного Совета Республики Таджикистан.

22 июня 1992 года, выступив на телевидении и радио, Шодмон Юсуф объявил, что задача возглавляемого им штаба «Наджоти Ватан» состоит прежде всего в том, чтобы обеспечить единство нации и защиту прав и интересов граждан. Но беззаконие и беспредел, который чинил этот штаб в республике, свидетельствовали о том, что заявления Ш. Юсуфа — не просто слова. Он сумел сплотить выходцев из Каратегина, Дарвоза, Бадахшона, всех, кто поддерживал исламских фундаменталистов. Им выдавали оружие и отправляли в Вахшскую зону убивать своих противников.

«Кто не будет выполнять моих приказов, будет расстрелян!» — предупреждал перед строем боевиков председатель демократической партии. Но демократией в его словах и поступках и не пахло. Даже ближайшее окружение боялось его жестокого нрава и вспышек гнева. Поговаривали, что он психически больной человек.

В штабе «Наджоти Ватан» были созданы инициативные группы, называвшие себя «Ихвон-ул-муслимин» («Братья-мусульма-

не»), по образу и подобию террористических организаций исламских фундаменталистов, наводившие ужас во всем мире. Эти группы действовали в районах и городах республики, вели подрывную работу. В числе их главных задач были вербовка людей в свои ряды и сбор средств для покупки оружия. Многие молодые люди, запуганные шантажом и угрозами ваххобистов, пополняли их ряды. Все это создавало нервозную и напряженную обстановку в республике.

Люди жили в страхе. Особенно неприятный осадок оставило провокационное заявление Ш. Юсуфа, в котором он пытался запугать Россию тем, что возьмет в заложники все русскоязычное население Таджикистана. Многие задавали вполне логичные вопросы: кто такой Шодмон Юсуф? Какое он имеет право делать такое заявление? Есть ли в республике руководство, способное поставить на место шодмонюсуфов и им подобных? От кого собирается защищать таджикский народ лидер демпартии? Кто дал ему такие полномочия? Откуда взялся этот неофашист?

Ни руководство республики, ни компетентные органы не посмели ни разу заявить, что штаб «Наджоти Ватан» появился незаконно и все его действия носят преступный характер. И хотя президент Р. Набиев, председатель Верховного Совета А. Искандаров и председатель правительства национального примирения хорошо сознавали, какую роль играет штаб Шодмона Юсуфа, ставший центром террористов и преступных групп, никто не смел даже косо взглянуть на него. Дело дошло до того, что штаб «Наджоти Ватан» стал действовать как государственный орган, а слово Шодмона Юсуфа было решающим на заседаниях Кабинета Министров и Верховного Совета.

Это говорило о том, что правительство национального примирения, Комитет конституционного надзора и даже сам президент потеряли всякое влияние и стали слепым оружием в руках оппозиции. Все это особенно усугубляло положение. А ведь народ все еще с надеждой смотрел на руководство республики, которое оказалось в тупике, абсолютно бездействующим, зависимым от оппозиции.

По указке лидеров оппозиции президент снимал с должностей неугодных им людей и назначал тех, кого они считали нужными.

19 июня 1992 года указом президента был освобожден от работы председатель Курган-тюбинской области А. Ахмедов. На его место был назначен ставленник оппозиции Нурали Курбанов. Через три дня со своего поста был смещен ярый противник

оппозиции председатель Файзабадского райисполкома Т. Назиров. Его место занял ставленник «демократических» сил Хамид Раджабов. И таких примеров становилось все больше и больше. Это свидетельствовало о том, что президент сам оказался «заложником» у оппозиции и беспрекословно подчинялся воле ее лидеров, которые всюду на ответственные посты расставляли своих людей.

И хотя главными при назначении на руководящие посты для лидеров оппозиции были два фактора — место рождения и преданность оппозиции, среди ставленников, надо отдать должное, были и грамотные, инициативные люди. Но драматизм их судеб состоит в том, что их безусловно, способных, знающих и опытных, использовали не для достижения мира и согласия, не для стабилизации обстановки. Наоборот, их выступления, поступки еще больше накаляли страсти, вызывали волнения и недовольство народа.

Мы хорошо помним, как перестройка в нашей республике не без помощи некоторых представителей интеллигенции началась с утверждения местнических амбиций, с усиления местнических настроений. Это особенно сильно проявилось во время выборов президента республики. Каждая область, каждый регион стремились выдвинуть своих кандидатов, не задумываясь, соответствуют ли их качества, знания и способности этому высокому посту, пользуются ли они авторитетом, признанием, уважением в обществе. На этой почве происходили разногласия, вспыхивали ссоры. Конфликты между сторонниками кандидатов из разных регионов продолжались и после избирательной компании. Сторонники Давлата Худоназарова среди которых было и немало представителей интеллигенции, в первый же день после выборов, как только стало известно, что Рахмон Набиев набрал самое большое количество голосов, собрались у здания филармонии и продемонстрировали свою враждебность к избранному народом президенту. Вскоре после этого, потерпевший свое поражение Д. Худоназаров заявил публично: «Теперь наши сторонники — кровные враги президенту Рахмону Набиеву и его правительству».

Такой была демократия, которой придерживалась оппозиция в Таджикистане.

К несчастью таджикского народа, на долю которого выпало столько тяжких испытаний — делить регионы, области, кишлаки, направлять их друг против друга,— все это в конечном итоге и стало причиной быстрого распространения пламени гражданской войны на территории республики.

Вот и задумаешься, мог ли Нурали Курбонов, которого оппозиция руками Рахмона Набиева усадила на пост председателя Курган-Тюбинского облисполкома, быть в этой ситуации равнодушным наблюдателем и не занять чью-либо сторону. Конечно, нет. К тому же он был молод, не имел достаточного опыта. А главное, с самого начала попал в зависимость от оппозиции, находился под ее контролем.

Почти все лидеры оппозиции, предводители ваххобистов, постоянно мутившие воду и будоражившие общество,— Саид Абдулло Нури, Шодмон Юсуф, Мухаммадшариф Химматзода, Давлат Исмон, были его земляками, имели сильное влияние на него. Они и стали главными советниками молодого и неопытного председателя облисполкома. Его везде и всюду сопровождали Ходжи Саид Абдулло Нури, Кори Мухаммаджон, Ходжи Саидашраф и другие предводители ваххобистов.

Некоторые люди, искренне желавшие покончить с братоубийственной войной, советовали Н. Курбанову держаться подальше от лидеров исламско-«демократического» оппозиционного блока, быть принципиальным и решительным. Вот пример. Сотрудник Кургантюбинской городской прокуратуры Мехроджиддин Камолов, тщательно изучив сложившуюся политическую обстановку, подготовил справку с довольно объективным, но нелицеприятным заключением. Чтобы поделиться своими соображениями и предупредить председателя облисполкома о грядущих кровавых событиях, Камолов вместе с поэтом и журналистом Зухуриддином Суяри пришел к нему. У. Н. Курбонова в это время находились министр труда и занятости населения Ш. Зухуров, главный редактор газеты «Минбари ислом» («Трибуна ислама») и один из главных предводителей ваххобистов в республике Саид Абдулло Нури. Когда они вышли, и председатель облисполкома остался наедине с М. Камоловым и З. Суяри, они без обиняков сказали ему:

— Вы сами видите, что обстановка в городах и районах области стала взрывоопасной. Ежедневно совершаются десятки тяжких преступлений. И вы хорошо понимаете, кто в этом виноват: ваххобисты и так называемые «демократы», домогающиеся власти. Область покидает русскоязычное население. Если так будет продолжаться, скоро на многих предприятиях не останется квалифицированных специалистов. С вашим приходом положение усугубилось еще больше.

На наш взгляд, первым делом вам нужно освободиться от влияния Саида Абдулло Нури и других лидеров ваххобистского движения, а также всяких лжедемократов. Все видят, как

они постоянно бывают в облисполкоме, все время находятся возле вас. Это вызывает много нареканий. Вам как можно быстрее нужно создать авторитетную комиссию, которая бы защищала интересы всего населения области, а не отдельных группировок, и приступить к примирению руководителей гвардий Куляба, Курган-Тюбе и оппозиции. Только так можно спасти область от полного разрушения.

Но Н. Курбонов не внял этим разумным доводам. Если бы он даже и захотел, то уже вряд ли смог исправить положение. Всеми делами заправляли Саид Абдулло Нури, Шодмон Юсуф, Эшон Саидашраф, Мухаммадшариф Химматзода и некоторые другие руководители так называемых «демократических» сил и ваххобистского движения. Они подавляли любую инициативу, с которой выступали те, кто всеми силами пытался остановить братоубийственную войну.

В такой обстановке назначение председателем облисполкома человека малоопытного, не имеющего большого авторитета, было грубой ошибкой руководства республики. Отсутствие мудрого и принципиального лидера в Кургантюбинской области, способного сконцентрировать вокруг себя все здоровые силы, еще больше усугубило положение, противостояние между группировками стало усиливаться.

Да и сам Н. Курбонов не должен был соглашаться на этот пост, зная свои способности и возможности. Не должен был поддаваться честолюбивым карьеристским чувствам. Ведь если бы тогда председателем облисполкома был назначен опытный и авторитетный человек, стремившийся к предотвращению кровопролитной войны, возможно, трагедия не приняла бы такой размах.

Оппозиция путем шантажа и давления на президента Рахмона Набиева делала все возможное, чтобы захватить власть во всех городах и районах и на руководящие посты назначала своих людей. А президент, мягко говоря, безответственно подписывал любую бумажку, которую подсовывали ему.

Неприглядную роль играл в те дни и Президиум Верховного Совета под руководством А. Искандарова. Действуя по сценарию оппозиции, он вынужден был принять Р. Набиева и подписывать незаконные указания, чем всячески способствовал скорейшему претворению в жизнь главной цели оппозиции — осуществлению государственного переворота.

Президиум Верховного Совета не предпринял ни одного серьезного шага для того, чтобы стабилизировать обстановку, снять напряжение. Я даже не побоюсь сказать, что Президиум

под руководством А. Искандарова предал народ и республику и грубо попрал конституцию.

Почему я так считаю?

Во-первых, в Президиум Верховного Совета поступило коллективное заявление (100 подписей) от народных депутатов республики о скорейшем созыве сессии Верховного Совета в одном из городов, районов Ленинабадской области, но требования депутатов были проигнорированы. Об этом и я лично пять раз телеграфировал президента. Почему А. Искандаров и его окружение таким образом оттягивали созыв сессии? Они понимали, что если сессия пройдет в городе или районе, которому не грозит давление оппозиции все вопросы будут рассмотрены объективно, то ставленникам оппозиции, пришедшим к власти с помощью оружия, придется расстаться с креслами.

Во-вторых, вопреки всем законам республики оппозиция во главе с Шодмоном Юсуфом организовала в Душанбе террористическую организацию «Наджоти Ватан», для успешной деятельности которой правительство национального примирения выделило кабинеты и помещение Республиканского штаба гражданской обороны. Здесь вооружали молодежь и направляли в Курган-Тюбинскую область для участия в карательных операциях. Разве Президиум Верховного Совета, Министерство юстиции не знали, что штаб «Наджоти Ватан» действует незаконно? Разве Шодмон Юсуф не посылал молодежь на кровопролитную войну, не совершал тягчайшие преступления перед своим народом? Так почему же члены Президиума молчали, словно в рот воды набрали?!

Почему же они не предприняли ничего, чтобы остановить все эти беззакония?! Ведь когда было нужно это было оппозиции, председатель Комитета по законодательству, правопорядку и борьбы с преступностью Верховного Совета А. Хабибов упорно доказывал, что телохранители незаконно охраняют генерального прокурора Н. Хувайдуллоева, которого через несколько дней после снятия охраны зверски убили наемные преступники.

Непонятно, какими моральными принципами руководствовались члены Конституционного надзора, оправдывая указы президента, хотя их незаконность была очевидна? Еще чернило не просохло на этих указах, они публично — по радио и телевидению — заверяли народ в правильности решений президента. Но ни разу они не обмолвились о том, что штаб «Наджоти Ватан» был создан вопреки Основному Закону и его действия направлены на свержение конституционного строя. Эти «блюс-

тители» закона вводили в заблуждение население республики, что стало одной из главных причин затяжной гражданской войны.

В-третьих, члены Президиума Верховного Совета хорошо знали, что образование правительства национального примирения, Национального Маджлиса и Госсовета никак не соответствует действующей конституции республики. Чтобы узаконить появление этих государственных документов, нужно было внести соответствующие поправки в Основной Закон, что является исключительно прерогативой депутатов Верховного Совета.

Такого права не дано даже президенту. Тем не менее оппозиция путем прессинга на него добивалась осуществления своих планов. К чести президента, он однажды проявил твердость и не подписал указов о создании Национального Маджлиса и Государственного Совета.

В-четвертых, Верховный Совет является конституционным органом, который принимает законы от имени народа республики и контролирует их выполнение.

А какими правами и полномочиями наделен Национальный Маджлис? Какая статья конституции санкционирует его деятельность? Может ли вообще появиться Национальный Маджлис если его членов не избирал народ? В таком случае они не имеют не только морального, но и законного права заседать от имени народа и принимать законы!

В то время, на самых разных уровнях раздавались голоса: «Мы будем строить демократическое светское государство». Для тех, кто мало-мальски был знаком с истинными целями оппозиции, не было секретом, почему оппозиция так домогается роспуска парламента и пытается создать на его месте Национальный Маджлис. Чтобы лишить Верховный Совет полномочий и утвердить свою власть.

Так и хочется задать вопрос: неужели члены Президиума Верховного Совета были настолько наивны, что не понимали этого? Так почему же они были заодно с оппозицией? Почему ввели народ в заблуждение?

Ответ может быть только один: в надежде сохранить свои кресла, свои теплые места они готовы были действовать рука об руку хоть с сатаной, готовы были обречь свой народ на страдания и муки.

В-пятых, в Протоколе соглашения, который 7 мая 1992 года подписали президент Р. Набиев и лидеры исламско-«демократического» оппозиционного блока, не было ни слова о создании Национального Маджлиса, Госсовета. Так почему буквально

тут же появилась идея создания этих органов? Почему для осуществления своих замыслов оппозиция стала оказывать сильнейшее давление на Р. Набиева? Почему под жестокий удар поставили всенародно избранного президента?

И все это при активном содействии и участии членов Президиума Верховного Совета. Что это? Незнание законов? Политическая недальновидность? Нет, члены Президиума действовали в собственных интересах, вполне сознательно, ориентируясь на общую ситуацию в республике, на нерешительность президента.

В-шестых, в своем обращении к народу Президиум Верховного Совета потребовал принять строгие меры к руководителям предприятий, организаций, хозяйств, поддержавших митинги на площади Озоди, тех, кто выступал за восстановление конституционного строя.

Но почему же члены Президиума не потребовали принять такие же меры по отношению к тем руководителям, которые были сторонниками площади Шахидон? оПчему же в том обращении не было ни единого слоав о том, что оппозиция в течение полугода держит в жесточайшей экономической блокаде полуторамиллионное население Кулябской и Кургантюбинской областей?

Ответы на все эти и другие поставленные мной вопросы не вызывают сомнений. Ибо приведенные факты красноречиво говорят о том, какую лицемерную позицию занимали члены Президиума Верховного Совета и на чьей стороне они были. Во всем этом уже нет никакого секрета.

Таджикский народ, все население республики дали оценку событиям, действиям оппозиции, исламским фундаменталистам, так называемым «демократам».

Граждане конституционного государства всегда на стороне подлинной демократии, подлинной свободы!

1993 г.